

THE HORUS HERESY

Graham McNeill

THE OUTCAST DEAD

The truth lies within

THE MILLION-SELLING NOVEL SERIES

Annotation

Галактика полыхает в огне гражданской войны. Верные Императору примархи готовятся к битве с Хорусом и предательскими легионами на черных песках Усстваана. Эти темные времена предвещают еще более страшные события. Астронавт Кай Зулан случайно становится хранителем, точнее -- хранилищем секрета, способного повлиять на ход войны и изменить будущее. Спрятанная в его мозгу информация предназначена только одному человеку во всей вселенной, но вытрясти ее из несчастного астронавта считают своим долгом многие. Зулан становится заложником своего дара и вынужден бежать вместе с компанией заключенных самой строгой тюрьмы Терры. Компания довольно примечательная -- Астартес, когда-то именуемые Воинством Крестоносцев, а ныне называющие себя Отверженными Мертвецами.

Кай Зулан должен решить, кому

вручить свою верность и невыносимое
знание. Или некоторым тайнам лучше
оставаться тайнами.

- Грэм Макнилл
 - THE HORUS HERESY™
 - Действующие лица
 - Пролог
 - Часть первая
 - Глава 1
 - Глава 2
 - Глава 3
 - Глава 4
 - Глава 5
 - Глава 6
 - Глава 7
 - Глава 8
 - Глава 9
 - Часть вторая
 -
 - Глава 10
 - Глава 11
 - Глава 12
 - Глава 13
 - Глава 14

- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Об авторе](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

- [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
-

Грэм Макнилл

ОТВЕРЖЕННЫЕ МЕРТВЕЦЫ

Истина лежит внутри

Посвящается Эмбер, нашей
маленькой дочке.

Много есть чудес на свете,
человек их всех чудесней. Он
зимою через море правит путь
под бурным ветром и плывет,
переправляясь по ревущим вкруг
волнам. [\[1\]](#)

Приписывается
трагикү Софоклү

Сны -- это зеркала, в
которых отражается истинный
характер спящего. Но что
произойдет, если лицо
отдельной спящей личности

отразится в коллективном
зеркале снов всего
человечества?

Аник Сарашина.
Онейрокритика
Сарашины, том
XXXV

Суть видения станет
ясной, только если ты
заглянешь в свое сердце.
Смотрящий наружу спит, а
смотрящий внутри
пробуждается.

Немо Зи-Менг,
хормейстер Агентус
Астра Теленатика

THE KORUS HERESY™

Это было легендарное время.

Герои сражались за власть над Галактикой. Неисчислимые армии Императора Терры вели грандиозный Крестовый поход, в результате которого триады чуждых рас были сломаны лучшими воинами Империи и память о них стерта. Начинался рассвет новой эры, эры правления человеческой расы. Огромные, сверкающие золотом цитадели венчали победы Императора. Миллионы миротворцев встречали триумфальные колонны его смертоносных воинов. Богоподобные примархи вели легионы Agentes Астартес, костических десантников, от победы к победе. Непокоримые и величественные, венец генетических экспериментов Императора, костические десантники были сильнейшими воинами человечества, и каждый в бою стоил сотни простых солдат. Неподержимые

многотысячные легионы, ведомые своими
притархами, завоевывали Галактику для
Империи.

Величайшим из притархов был
Хорус, прозванный Великолепным,
Воссиявшей Звездой. Любимый сын
Императора, он был Воителем,
магистром войны, главнокомандующим
всеми имперскими военными силами,
покорителем тысяч и тысяч миров,
завоевателем Галактики. Воин, равного
которому не было в мире, превосходный
дипломат с безграничным честолюбием. И
пока пламя войны распространяется по
Империи, всем лидерам человечества
предстоят суровые испытания.

Действующие лица

ГОРОД ЗРЕНИЯ

Немо Зи-Менг --- хормейстер Агентств
Астра Теленатика
Аник Сарашина --- глава Схоластики
Нсайкана
Эвангер Григора --- магистр
криптэстезианцев
Кай Зүлан --- астронавт, приписанный
к навигаторскому Дому Кастана
Афина Дийос --- астронавт Города
Зрения
Абир Убн Халган --- астронавт Города
Зрения

ОТВЕРЖЕННЫЕ МЕРТВЕЦЫ

Атхарва --- свободный агент легиона
Тысячи Сынов
Тагоре --- сержант Пятнадцатой
роты легиона Пожирателей Миров

Шубха и Ашубха --- воины
Пятнадцатой роты легиона Пожирателей
Миров
Северуан (Волк) --- воин Двадцать
пятой роты легиона Лунных Волков
Аргент Кирон --- воин Двадцать
восьмой роты легиона Детей Императора

ОХОТНИКИ

Ўасу Нагасена --- охотник-провидец
Черного Корабля
Картоно --- раб Ўасу Нагасена
Генерал-майор Максим Головно ---
командир Черных Часовых
Сатурналий --- воин Легио Кустодес

ЛОРДЫ ТЕРРЫ

Розал Дорн --- примарх легиона
Имперских Кулаков

ГОРОД ПРОСИТЕЛЕЙ

Паллагий Новангис --- жрец храма
Печали

Роксанна Кастана --- послушница
храма Печали

Бабү Дхакал --- глава клана Дхакал

Гхота Дхакал --- телохранитель

Доклад хирурга
Беллана Тортези (БТ),
дипломатированного оператора в
области нейронсихики,
патриарху Дома Кастана Навис
Нобилите Вергучине XXVJJ.

Период наблюдения: 15-18
циклы. Объект наблюдения:
Зулан, Кай (КЗ).

Предварительная оценка
состояния:

НЕФУНКЦИОНАЛЬНОЕ
(ПОТЕНЦИАЛЬНО
ВОССТАНОВИМОЕ)

Выписки из полной
истории болезни 4423-4553.

РАСШИФРОВКА

ВЫНУСОК

БТ: Вы можете рассказать мне о том, что произошло на «Арго»?

КЗ: Нет.

БТ: Нет?

КЗ: Нет.

БТ: Почему нет?

КЗ: Я не хочу.

БТ: Не хочу показаться грубым, но вы не в том положении, чтобы скрывать какую-либо информацию. Произшедший с «Арго» инцидент грозит значительными финансовыми потерями Дому Кастана, не говоря уж об ущербе для репутации уважаемого ХИИ легиона.

КЗ: Разбирайтесь с Немо. Я лишь временно связан с Домом Кастана, и меня не интересуют их потери.

БТ: А должны бы

интересовать. А еще вы должны знать, что мое заключение в значительной степени повлияет на решение, сможете ли вы продолжать работу на Дом Кастана. Или вообще продолжать работу.

КЗ: Я уже сказал, что мне все равно.

БТ: Вы добиваетесь ссылки в Пустую гору?

КЗ: Нет, конечно. Никто, находясь в здравом уме, не стал бы этого добиваться.

БТ: В таком случае, будь я на вашем месте, я старался бы сотрудничать.

КЗ: Вы не понимаете. Это не вопрос сотрудничества.

БТ: Тогда просветите меня. В чем же дело?

КЗ: Дело в том, что я слышал, как утирала десятки тысяч мужчин и женщин. Я слышал все до единой их последние мысли, когда их тела

разрывались на части. Ужас этих людей охватывает меня каждый раз, как только я закрываю глаза. И я не могу заново пережить этот кошмар. [\[2\]](#)

БТ: Вы закончили?

КЗ: На данный момент.

БТ: Теперь вы можете рассказать о том, что случилось?

КЗ: О Терра, нет! Возможно, позже я смогу это сделать, но только не в вашем присутствии.

БТ: Почему?

КЗ: Потому что вы не хотите мне помочь.

БТ: Но я здесь только ради этого, Кай.

КЗ: Нет, это не так, и перестаньте называть меня Каем, словно мы друзья. Ваша единственная цель — доказать ХИИ легиону, что Дом

Кастана способен навести порядок в своих рядах. Я просто раздражающая помеха для вашего драгоценного патриарха.

БТ: Нет, вы часть нашей семьи. И патриарх Вердучина очень хочет вам помочь.

КЗ: Тогда оставьте меня в покое. Я не хочу возвращаться к воспоминаниям об «Арго». По крайней мере, не сейчас, а может, и никогда.

БТ: Заглянуть в будущее можно лишь в том случае, когда оглядываешься на прошлое. Вы и сами должны понимать, что столь ужасные воспоминания вредят психическому здоровью. Надо очиститься от них, и тогда вы сможете вернуться к выполнению своих обязанностей.

КЗ: Только в том случае, если я хочу вернуться.

БТ: А разве это не так?

КЗ: [минутная пауза] Я не знаю.

РАСШИФРОВКА ОТРЫВКА ЗАКОНЧЕНА.

Сэр, как свидетельствует данная выписка, у Кая Зулана проявляются классические симптомы отвержения, паранойи и неспособности осознать произошедшее несчастье. Я склонен думать, что он считает себя ответственным за события, повлекшие потерю «Арго», хотя определить причину надлежит другим, более квалифицированным и разносторонне грамотным специалистом. И хотя я уверен, что столь трагическая ситуация не могла не оставить глубоких шрамов на психике, в эфирной ауре Кая Зулана не наблюдается никаких отклонений. Поэтому я придерживаюсь мнения, что

этот случай не безнадежен. На Кая Зулана было потрачено немало времени и усилий (как со стороны Дома Кастана, так и Агентус Астра Теленатика), так что списать его в неизбежные потери и сослать в Пустую гору было бы преждевременно.

В заключение я хотел бы рекомендовать безотлагательно вернуть Кая Зулана под покровительство Агентус Астра Теленатика для реабилитации. Такое решение подтвердило бы наши обязательства перед ХИИИ легионом и сняло тяжесть ответственности с Дома Кастана.

Остаюсь вашим покорным слугой и готов предоставить любые дальнейшие разъяснения относительно психической патологии Кая Зулана по первому вашему требованию.

Беллан Тортега

Дипломтированный
оператор в области
нейропсихики
343208543.

Антоний, сделай так, как
рекомендует этот слащавый
юнец-хирург-он. Отошли Зулана
обратно в Город Зрения. Пусть
они сами с ним разбираются.

V.

Охотники пришли за ними за час до
рассвета.

Нагасена проверяет свою винтовку,
хотя и не сомневается в ее исправности. В
такой день, как сегодня, он находит
утешение в определенном порядке вещей.
Вокруг и без того мечется слишком много
выскочек из Империи, которым некогда
обратить должное внимание на
собственную подготовку. Истина и порядок

--- Вот девиз Нагасены, вот центр, из которого происходит все остальное. Этому научил его один мудрый человек, родившийся и живший неподалеку, но в давню забытые времена.

Теперь это учение сохранилось только в разрозненных списках афоризмов и пословиц, записанных секретным шифром, известным лишь избранным. Списки переходили от учителя к ученику на протяжении тысяч поколений. Нагасена жил в соответствии с этим учением и чувствовал, что это отличное руководство. Он честно прожил свою жизнь, и поводов для сожалений у него было немного.

Но сегодняшняя охота станет одним из них.

Он распрямляет скрещенные ноги и вешает винтовку через плечо. Словно пробужденные его движениями, поднимаются и собравшиеся вокруг люди.

--- Уже пора? --- спрашивает Картоно, протягивая глинный меч с едва заметным изгибом лезвия.

Это удивительное оружие в ножнах

из лакированного дерева, украшенных
желчугом и нефритом. Искусный мастер-
кузнец создал клинок в соответствии с
инструкциями Нагасены, но он не легче и
не острее и ничем не превосходит
миллионы клинков, вышедших с оружейных
заводов Терры. Однако это оружие
отмечено любовью и вниманием к
деталям, на что не способна ни одна
машина.

Нагасена называет оружие
«Шүдзики», что означает — честность.

Он уважительным поклоном
благодарит Картоно, и в этот момент,
распространяя вокруг запах машинного
масла, пота и пороха, приближается
Головко. В давние времена предки
Нагасены сочли бы его варваром, но сегодня
он уважаемый человек. Громоздкие и
тяжелые доспехи Головко предназначены
не только для защиты, но и для
устрашения. У его лица ит вполне
соответствует.

Головко не утруждает себя
приветствиями, и его губы презрительно
изгибаются, демонстрируя неприязнь при

виге Картоно.

--- Нам надо было снять часовых еще ночью, --- говорит он, пока Нагасена засовывает меч под черный шарф, опоясывающий его. --- Мы бы застали их врасплох.

--- Время атаки не имеет значения, --- отвечает Нагасена. Он приглаживает прямые черные волосы и перебрасывает через плечо глинную прягу. --- Те люди, за которыми мы охотимся, никогда по-настоящему не отдыхают, и лучшего момента для нападения просто не существует. Раньше, чем будет убит первый из них, остальные уже будут настороже и чрезвычайно опасны.

--- У нас три тысячи солдат, --- вмешивается Головко, как будто в эти дни что-то зависит от численности. --- Черные Часовые, Янычары Аттамана, Уланы. Один отряд прислали даже могущественные Кустодес.

--- И даже этого может оказаться недостаточно, --- говорит Нагасена.

--- Против тридцати?! --- восклицает Головко, но Нагасена уже не обращает на

него внимания.

Он отворачивается от агрессивного генерала и идет вдоль строя солдат, молчаливо ожидающих его сигнала. Они встревожены и растеряны. Больше всего их пугает перспектива поднять оружие против тех, кто ради них сражался в далеких от Терры мирах.

Он поднимает взгляд на здание, давшее приют Воинству Крестоносцев. Среди местного населения оно известно как Община. Это величественное сооружение, украшенное оскалившими пасти золотыми львами, рифлеными колоннами и статуями воинов и увенчанное пробитым молнией куполом из черного гранита. Еще одним украшением служит фреска над портиком, изображающая воинов-героев. Широкий проход перед входом вытощен огромными каменными плитами, на которых высечены названия миров, приведенных к Согласию легионаты Астартес.

На этих камнях каждый день появляются новые надписи. Нагасена задумывается, что испытывают эти

солдаты при виде знаков побед, одержанных братьями, тогда как сами они оказываются все дальше и дальше от переднего края борьбы за господство Империи.

— Какие будут приказания, господин? — спрашивает Картоно.

Он не вооружен, но и без оружия опасен для врагов. Его бывшие хозяева воспитали и обучили его так, что он сам стал оружием. Многие люди недолюбливают Картоно, хотя почти никто из них не сможет объяснить причин своей неприязни. Однако Нагасена давно привык к его присутствию. Он смотрит на солдат, уверенных, что они надежно укрыты в лабиринте раззолоченных переходов и колонных залов, которые окружают эту часть Императорского Дворца, словно драгоценное ожерелье шею фаворитки.

Три тысячи солдат ждут его сигнала к атаке, а Нагасена сознает, что этот знак станет знамением гибели многих из них. Возможно, всех. Охота не доставляет ему никакого удовольствия, а сегодняшняя не нравится особенно. Он жалеет, что не

может вернуться в свою виллу в горах, где он смешивал краски и ухаживал за садиком. Но здесь его желания и склонности не имеют значения. Перед ним поставлена боевая задача, и его долг повиноваться. Приказ понятен, а нравится он или нет, это несущественно.

--- Картоно, иди за мной, --- приказывает он, ступая на дорогу великих побед.

Картоно, удивленный неожиданным решением своего господина, семенит следом. Из вокс-бүсины, вставленной в ухо, раздается голос Головки, но Нагасена вытаскивает ее, и возмущенные упреки сталкиваются.

--- Теперь ил уже наверняка известно о нашем приближении, --- говорит Картоно, и Нагасена кивает в ответ.

--- Одно лишь наше присутствие должно было встревожить хотя бы одного из них, --- говорит он. --- Неужели ты считаешь, что такой многочисленный отряд вооруженных людей может приблизиться к этому месту без ведома его обитателей?

--- Я думаю, это невозможно, ---
соглашается Картоно и оглядывается. ---
Генерал-майор будет недоволен. Он
оставит нам лишние неприятности.

--- Это не самая серьезная проблема, ---
говорит Нагасена. --- Я был бы очень рад,
если бы удалось пережить это утро.
Вероятность того, что все мы здесь
погибнем, очень высока.

Картоно качает головой.

--- Вы сегодня чересчур мрачно
настроены.

--- Возможно, --- говорит Нагасена,
когда они вступают на ступени, ведущие к
входу в Общину. --- Мне претит подъем до
рассвета. Это кажется мне невежливым.

Картоно хорошо изучил его
настроение. Нагасена устал от охоты, но
этот приказ поступил от человека,
облеченного высшей властью. Отказаться
было невозможно.

Сквозь шелковые одеяния проникает
внутренняя прохлада. Зная об особенностях
сегодняшнего противника, Нагасена не
стал требовать, чтобы Картоно
облачился в лакированные доспехи из

литого керамита и адамантина.

Кто-то вышел к колоннам портика наверху, и сердце Нагасены забилося чаще. Его глазам предстала фигура воина, высокого и широкоплечего и при этом неожиданно стройного и грациозного, — его физическое совершенство явно было обусловлено генной модификацией. Слишком длинные волосы собраны на затылке в тугой хвост, на широкоскулом лице врожденное непроницаемое выражение, обычное для его рода. Нагасена с удовлетворением отмечает, что на воине нет доспехов, по-видимому, он не собирается вступать в бой. Его пурпурное одеяние отделано кремовой каймой, на груди покоится нефритовый скарабей, оправленный в янтарь.

Воин следует за поднимающимися по лестнице Нагасеной и Картоно все так же бесстрастно, без малейших эмоций на лице. Нет, это не совсем так. Едва заметный изгиб кончиков губ и напряжение мелких мышц вокруг глаз выдают владеющую им печаль. Наконец Нагасена поднимается на последнюю ступень и

останавливается перед воином, который
возвышается над ним, словно легендарный
Они.^[3] В старинных легендах говорится,
что Они — опасные, угрожающие, рога-
тые и
зубастые — водятся в горах.

В этом воине нет никакого угрождения,
это безупречное существо.

— Они-ни-канабо, — шепчет Картоно.

Нагасена кивает, признавая
уместность его слов, но ничего не говорит.

Воин тоже кивает.

— Они с железной губинкой? —
спрашивает он.

— Эти существа известны своей
непобедимостью и неукротимостью, —
отвечает Нагасена, удивленный тем, что
воину знакомо древнее наречие Старой
Земли.

— Мне это известно, — говорит
воин. — Про них говорят «сильнее сильных»,
однако их внутренняя сила
поддерживается особыми манипуляциями
или средствами. Очень подходяще.

— Ты Атхарва? — спрашивает
Нагасена, догадываясь наконец, откуда

воину известно их тайное наречие.

--- Я свободный агент Пятнадцатого легиона Амхарва, --- подтверждает воин.

--- Тебе известно, зачем мы здесь?

--- Конечно, --- отвечает Амхарва. --- Я ждал, что вы появитесь раньше.

--- Я бы удивился, если бы ты нас не ждал.

--- Сколько солдат вы привели?

--- Чуть больше трех тысяч.

Амхарва ненадолго задумывается.

--- Столь малая численность оскорбит твоих братьев. Для пущей уверенности ты должен был собрать больше людей.

--- Многие считают, что и этого достаточно.

--- Посмотрим, --- произносит Амхарва, словно речь идет о каких-то абстрактных понятиях, а не о чудовищной растрате жизней имперцев.

--- Ты тоже будешь сражаться против нас, Амхарва? --- спрашивает Нагасена. --- Я надеюсь, что этого не случится.

--- Ты привел своего любимца в надежде, что он меня разубедит, --- отвечает Амхарва, указывая жестом на

Картоно. — Но неужели ты считаешь, что он способен меня остановить, если я решу вас убить?

— Нет, но я надеюсь, что его присутствие может заставить тебя задуматься.

— Я не буду сражаться против тебя, Уасу Нагасена, — говорит Атхарва, и печаль в его глазах становится тучительно откровенной. — Но Тагоре и его братья пройдут по Багряной Тропе раньше, чем позволят себя одолеть.

Нагасена кивает.

— Пусть случится, что должно.

Пролог

Абир Убн Халган выдохнул, и в образовавшемся облачке пара увидел миллиарды образов --- слишком многочисленные, чтобы принимать их всерьез, но тем не менее занимательные. Перевернутая дуга предвещала опасность, плотная двойная спираль указывала на легионы Астартес, а темное пятно --- на черную планету, чью цивилизацию катастрофическая война и прошедшие тысячелетия обратили в песок и пепел.

Холодный, отдающий металлом воздух зала мысли был неподвижен, но в нем чувствовалось напряжение.

Это вполне понятно, но и без того нелегкая задача общения становится еще труднее.

Присутствие хора из тысячи астронавтов отдавалось в мозгу Убн Халгана гулом далекого океана, каким он ему представлялся. Убн Халган никогда не видел количества воды большего, чем запасы в огромных цистернах, зарытых в

непроницаемых для света подземельях Урала и Альп, но жизнь любого астронаута окутана сплошными метафорами.

Сейчас присутствие астронавтов было неактивным и представлялось глубоким резервуаром энергии, в котором они очистят ожидаемое видение от хаотических образов, чтобы превратить в последовательное и легко читаемое сообщение.

— Общение еще не началось? — спросил хормейстер.

Он стоял рядом с Убн Халданом, но голос звучал так, словно доносился из невероятной дали.

— Не торопи его, Немо, — слышался женственный и умиротворяющий голос госпожи Сарашины. — Мы узнаем, когда установится связь. Астронавты Железных Рук не слишком искусны.

— Я лично тренировал большинство из них.

— Тогда ты и сам должен понимать, что спешить не стоит.

— Я все понимаю, но лорд Дорн с нетерпением ждет известий о флотилии

Ферруса Мануса. И он никогда не расстаётся с оружием.

— Ни одно оружие не в состоянии ускорить порядок вещей, — заметила Сарашина.

Ибн Халдан внутренне улыбнулся ее осторожному предостережению, но упоминание о повелителе Имперских Кулаков напомнило ему о том, насколько важным для Империи был сегодняшний сеанс связи.

Мятеж Хоруса Лунеркала всколыхнул всю Вселенную, и эриссары из дворца настойчиво требовали достоверной информации. Экспедиционные флотилии легионов Астартес, миллиардные армии смертных солдат и боевые флоты, способные уничтожить целые миры, были рассеяны по Галактике, и никто не мог с точностью сказать, где именно они находятся и на чью сторону встали. До Терры доходили сведения о многочисленных мирах, присягнувших на верность Боителю, но было ли это правдой или слухами, распускаемыми мятежниками, оставалось загадкой.

Старинная поговорка о том, что первой жертвой войны становится истина, как нельзя лучше соответствовала ситуации начинающейся гражданской войны.

— А не опасно ли устанавливать связь на таком огромном расстоянии? — спросил Максим Головко. В багровых сполохах его ауры Убн Халган распознал враждебность этого человека. — Не наго ли расставить Черных Часовых вокруг зала мысли?

Головко был убийцей псайкеров, их тюремщиком и палачом. Его присутствие в Башне Шепотов обуславливалось новыми ограничениями, введенными после Никейского собора, и Убн Халган с трудом подавил вспышку раздражения, вызванного лицемерием Головко. Недовольство может затуманить восприятие, а сегодня, как никогда раньше, ему необходима полная ясность мысли.

— Нет, Максим, — ответила Сарашина. — Я думаю, будет достаточно одного твоего присутствия.

Головко, явно не распознав завуалированной насмешки, что-то

пробурчал в знак согласия, и Убн Халган отсек от себя помехи его деструктивной психики.

Убн Халган ощутил, как все окружающие отдаляются от него, словно он погрузился в амниотический раствор, в котором плавали принцессы боевых машин Механикум. Он сознавал безотлагательную настойчивость вызова, но позаботился тщательно воспроизвести охраняющие мантры. Для установления связи с незнакомым астронавтом требовалась немалая смелость, тем более что его корреспондент находился на другом краю Галактики, да еще и в варпе.

Нагвизгалась недавно совершенно немыслимая битва между воинами, когда то стоявшими плечом к плечу, как подобает братьям.

И этого не мог предсказать даже самый проницательный оракул.

В герметично закрытом зале появилась еще одна личность, настолько яркая, что на нее было больно смотреть, отчего сердце Убн Халгана забилося еще чаще. Остальные тоже почувствовали

неожиданное вторжение, и все головы повернулись в сторону вошедшего. Внутренний свет этого существа был подобен вспышке сверхновой звезды в момент ее зарождения. Каждую бесконечность пронизывали блестящие, словно ртуть, сосуды, в которых вместе с кровью словно тек свет, а плоть под кожей и доспехами была соткана из множества слоев невообразимой энергии. Убн Халган не мог даже рассмотреть его лица, поскольку каждая молекула, его составлявшая, была подобна миниатюрной галактике, мерцающей раскаленными звездами.

Столь непостижимой красотой могло быть отмечено только одно существо.

--- Лорг Дорн? --- Удивление хормейстера проявилось в его голосе, и приветствие превратилось в вопрос. --- Как вы стогли?..

--- Для меня на Терре не существует закрытых дверей, хормейстер, --- произнес Дорн.

Его слова ослепительными потоками сорвались с губ, словно протуберанцы с

короны потревоженной звезды.
Воздействие его голоса продолжалось даже
после того, как Дорн умолк, так что Убн
Халдан ощутил, как оно отозвалось в
сознании астронавтического хора рабы
благословения.

--- Это секретный ритуал, ---
протестующим тоном произнес
хормейстер. --- Вы не должны при нем
присутствовать.

Дорн прошептал в центр зала
мысли, и от близости его мозгового и
непреклонного разума у Убн Халдана по
всему телу побежали мурашки. Мысли
большинства смертных терзали под самой
поверхностью личности, но разум Рогала
Дорна оставался неприступной крепостью,
надежно хранившей его секреты. Никто не
мог узнать у Дорна то, что он не желал
открыть.

--- Мои братья приближаются к
Усстваану-пять, --- сказал Дорн. --- Я
должен быть здесь.

--- Связь еще только предстоит
установить, лорд Дорн, --- пояснила
Сарашина, отчетливо сознавая

невозможность удалитъ примарха из зала мысли. -- Но если вы хотите остаться, вам придется довольствоваться ролью наблюдателя. Прошу вас ничего не произносить во время контакта.

-- Я не нуждаюсь в лекциях, -- ответил Дорн. -- Мне известно, как происходит общение астронатов.

-- Если бы это было так, вы бы с уважением отнеслись к охране этого зала, -- заметила Сарашина.

Убн Халган отметил мгновенную вспышку гнева из-за монолитных стен мысленной крепости Розала Дорна. Но она почти сразу сменилась мягким сиянием сдержанного уважения. Убн Халган понимал, что увидал все это лишь потому, что Дорн позволил ему увидеть.

-- Замечание принято, госпожа Сарашина, -- ответил он. -- Я буду молчать. Даю слово.

Убн Халган перестал обращать внимание на примарха, что само по себе было делом нелегким, поскольку его личность притягивала мысли всех окружающих. Астронавт направил свой

разум в гүлкое пространство огромного зала, в котором он находился.

Это помещение в самом сердце Башни Шенотов имело форму амфитеатра и было создано древними когносцинтами, которые заложили Город Зрения много тысяч лет назад. Их непревзойденное понимание психически настроенной архитектуры было получено в мучительных психических войнах давних забытых времен, но с тех пор это искусство было утрачено, и умение создавать подобные резонирующие сооружения умерло вместе с последними мастерами.

Только Башня Шенотов среди всех потемневших от времени залов мысли Города Зрения давала возможность достигчь самой дальней точки в межзвездных пространствах, что бы ни говорили знаменитые архитекторы Империи, построившие вокруг нее множество разукрашенных шпилей.

Тысяча астронавтов высокого ранга расположились вокруг Убн Халдана на опускающихся к центру ярусах, словно

внимательные студенты, присутствующие на занятии в анатомическом театре. Каждый из них полужелезал в специально смонтированном кресле, оснащенном зажимами, а в сознании Убн Халдана проявлялся мерцающим световым пятном. По мере усиления концентрации мысли резонанс хора постепенно менялся, позволяя достичь вершин восприятия.

Башня притягивала послание.

Шепчущие камни, вставленные в облицованные металлом стены, засияли невидимым светом, словно освещая путь посланию и направляя его к центру зала.

— Он здесь, — прошептал Убн Халдан, когда сущность отправляющего сообщение астронавта мощной приливной волной заполнила зал. Сигнал оказался рассеянным и несфокусированным; далекий крик, направленный каждому, кто его слышит. Убн Халдан окутал его своей мыслью.

Словно два незнакомца, стремящиеся пожать друг другу руки в темной комнате, их мысленные потоки медленно перемещались, и наконец Убн Халдан резко

вдохнул, ощутив жесткое касание чужого
разума. Резкое и грубое, неприкрыто
агрессивное -- подобное послание было
типично для астронавтов, которые долгое
время находились среди Железных Рук.
Вспыхнули замысловатые
последовательности цифровых и цветowych
кодов, подтверждающие личности обоих
астронавтов, и лишь потом установился
контакт.

-- Ты достал его? -- спросил
хормейстер.

Халган не ответил. Прием
мыслеобразов, направленных ему издалека,
требовал полной концентрации внимания.
Флуктуации варпа, случайные течения
эфирной энергии и неумолчный гул
миллионов отголосков эха могли в любой
момент разорвать связь, но он твердо
удерживал контакт.

Как любовники постепенно узнают
ритмы и предпочтения своих партнеров,
так и их мысли медленно сближались,
образуя союз. Но назвать этот процесс
легким мог только тот, кто не понимал
его сложности. Убн Халган ощутил

охвативший его холод илматериума, бурлящего, словно разъяренный океан. Уподобно океанам Старой Земли, это пространство служило пристанищем существам самых различных форм и размеров. Убн Халган чувствовал, как они кружат вокруг яркого луча объединившихся мыслей подобно осторожным хищникам, подкарауливающим потенциальную жертву.

— Я установил контакт, — произнес он. — Но не смогу долго его поддерживать.

Далеким радужным ореол в мысленном восприятии Убн Халгана начал совмещаться с границами зала, словно на одном экране одновременно проявились сразу два пикта. Он стал различать туманные очертания помещения на корабле, где находился второй астронавт, отличающегося простотой, присущей Десятому легиону. Вокруг, словно безликие привидения, возникали расплывчатые фигуры — полупрозрачные гиганты в черных доспехах, окруженные холодноватой аурой, отдающей механистичностью.

Да, это определено корабль Железных Рук.

Убн Халган отстранился от постороннего присутствия и впустил в свое сознание передаваемое послание. Оно хлынуло потоками бессмысленных и неясных видений, но другого он и не ожидал. Психическая песня хора астронавтов росла и усиливалась, согласуясь с его усилиями обработать послание, и он сам словно плыл в потоке концентрируемой энергии. Сила воли и моральная стойкость помогли расшифровать простые послания с соседних планет, но сигнал, оформленный так далеко, как этот, требовал больше усилий, чем мог обеспечить один астронавт.

Халган был особенным астронавтом, его талант метафизического восприятия мог трансформировать расплывчатую путаницу отстраненного символизма в послание, доступное для толкования даже неопытному новичку. По мере того как отрывочные и резкие мысли экспедиционного астронавта просачивались в его мозг, накопленная энергия

сглаживала их и соединяла в единое целое, помогая определить смысл сообщения.

Для определения содержания сигнала Убн Халдан интерпретировал и экстраполировал образы и звуки, и к астрономическому шифру добавлялись общепринятые аллегорические ссылки. Это было настоящее искусство, духовный танец, сотканный из интуиции, природного таланта и долгих тренировок. Подобно тому как ни один летописец, обладающий творческим складом ума, не мог объяснить, как он достиг мастерства в своем деле, так и Убн Халдан не мог сформулировать процесс превращения набора беспорядочных образов в четкое сообщение.

Слова, выделенные из символического шифра, слетели с его губ.

--- Мир черного песка, --- произнес он. --- Усстваан. Легион продвигается быстро. Возмездие Дорна грядет, но сыны Медузы ударят раньше Воронов и Повелителей Ночи. Лорд Манус жаждет первой крови и головы Фениксийца.

Расшифровка продолжалась, и Убн

Халган почувствовал, как вокруг него
гибнут астронавты, исчерпавшие весь запас
своих сил. Но послание было настолько
важным, что с потерями в хоре
приходилось мириться.

--- Горгон Медузы станет первым
воином Императора на Исстваане. Он
станет наконечником копья, пронзающего
сердце Хоруса Луперкала. Он станет
мстителем.

Когда послание внезапно закончилось,
Убн Халган повис на креплениях своего
трона и постепенно восстановил
нормальный ритм дыхания. Его мозг
немедленно начал тщательную процедуру
заполнения пустоты, образовавшейся после
прекращения связи, но для полного
избавления от последствий такого
испытания потребуются еще несколько
дней.

Ему, как и всегда, хотелось сесть и
открыть глаза, но удерживающие ремни и
складка кожи над пустыми глазницами не
позволяли сделать ни того ни другого.

--- Все кончено, --- прошептал он. Его
слова эхом прокатились по залу, словно он

закричал во весь голос. -- Больше ничего нет.

Госпожа Сарашина взяла его за руку и погладила по блестящему от испарины лбу, хотя после тяжелейшего испытания сознание Убн Халдана готово было покинуть его. Но над астронаutom навис лорд Дорн, и сияние золотой брони и близость неизмеримой мощи примарха, словно разряд дефибриллятора, не позволили астронаutom погрузиться в животительный транс.

-- Будь проклято твое нетерпение, Феррус, ты меня погубишь, -- прошипел Дорн, и его голос выдал тяжесть лежащей на плечах примарха ноши. -- Ты должен был неукоснительно следовать моим приказам!

Примарх Имперских Кулаков повернулся к хормейстеру.

-- Больше ничего? Ты уверен, что послание передано полностью?

-- Если Абир Убн Халдан говорит, что это все, значит, больше ничего нет, -- твердо ответил хормейстер. -- Криптэстезианцы проведут фильтрацию

записи на случай каких-то остаточных значений или подтекстов, но Убн Халган один из наших лучших астронавтов.

Лорд Дорн обернулся к хортмейстеру.

— Один из лучших? Почему для приема столь важного сообщения вы не задействовали самого лучшего телената?

Хортмейстер переглянулся с Сарашинной, и Убн Халган ощутил их смущение, когда возник образ астронавта, давно покинувшего Башню Шепотов ради высокого назначения в один из благородных домов Навис Нобилите.

— Лучший астронавт еще не вернулся к нам, — сказал хортмейстер.

— Я же приказал задействовать любые средства, чтобы получить надежную информацию с переднего края, — жестко произнес Дорн, и его рука легла на украшенную ониксом и золотом рукоять тяжелого меча. — Люди, вы хоть понимаете, о чем идет речь? Я вынужден вести войну, за ходом которой не могу следить, я сражаюсь с врагом, которого не могу оценить, и, чтобы продолжить борьбу, мне остается только полагаться

на информацию из окрестностей
Цсстваана. Для спасения Империи мне
нужны лучшие оперативники. Устина
сейчас имеет наиважнейшее значение, вам
это понятно?

--- Мы все прекрасно понимаем, лорд
Дорн, --- сказал хортмейстер после недолгого
колебания.

--- Наш лучший оперативник как раз
сейчас находится на пути сюда, ---
добавила Сарашина. --- Но он не в состоянии
помочь нам. Пока не в состоянии.

--- Почему? --- потребовал разъяснений
Дорн.

Сарашина вздохнула.

--- Потому что его разум нуждается в
восстановлении.

Часть первая
СНЫ В КРАСНОМ
ТЕРЕМЕ

Глава 1

КРЫША МИРА

МАЛЫШКА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОУ

Путники преодолели окаменевшие леса Умтаракханда^[4] и бесплодные радиоактивные пустыни Умтар-Прагеш. С каждым днем приближаясь к крыше мира, они ступили в долину Брахманутры. Поднялись на плоскогорье Тераи-Дуара,^[5] занятое корабелами Механикут под сухие доки для ремонта судов. Прошли через залитые светом ацетиленовых ламп железные храмы и поднялись еще выше, в разреженный воздух Бхабхара, где землю пересекали сухие русла, по которым когда-то давно талая вода сбегала с самых высоких вершин в долину.

В прежние времена здесь царила пышная зелень субтропических лесов, но древние войны уничтожили на поверхности мира почти все живое. Океаны испарились, континенты выгорели, и все, что

отличало эти земли, исчезло в процессе сражений, но мир выжил. В этом лесу преобладало дерево ашока,^[6] любимое дерево древнего бога давно исчезнувшей империи, когда-то занимавшей окрестные земли.

Один из старинных мифов этой империи гласил, что величайшая из его правительниц дала жизнь смертному богу, держась за ветви дерева ашока в деревне племени шакьев.^[7] Этот бог основал новую религию, но от его учений уже ничего не осталось, и даже нельзя было сказать, был ли этот бог жестоким или милостивым.

Путники ничего не знали об истории этого района, а Бхабхар давно превратился в унылый рабочий лагерь, простиравшийся насколько хватало глаз. Миллионы ремесленников, чернорабочих и неуклюжих мигров^[8] собирались в городах из полотна и пластальных блоков, составляя мускульную силу, при помощи которой преобразовывались дальние горные отроги.

Еще выше, на горных склонах

Шивалика,^[9] где путники остановились на ночь среди статуй, окаймлявших путь к Читвану,^[10] перед последним переходом через ущелье к хребту Махабхарата Лекх находились первые из Великих Врат, возвышавшиеся среди титанических вершин, словно мрачный портал в логово спящего гиганта.

Это были Врата Прит, и в более спокойные времена солнечные лучи играли на их серебряной облицовке и украшениях из ляпис-лазури, словно в каплях росы первого утра творения. Но сейчас сверкающая облицовка скрылась под адамантиновыми панелями, а резные украшения, первыми указывавшие на близость Императорского Дворца, были заперты в надежных подземных хранилищах. Вдоль зубчатых стен встали высокие краны и громоздкие подъемники, а с фосфорных факелов рассыпались каскады искр.

Перед Вратами собирались тысячи просителей и соискателей, и все терпеливо ждали своей очереди, чтобы

пройти сквозь это величественное сооружение. Не всем было суждено подняться к высоко стоящему дворцу. Для кого-то подъем оказывался чересчур трудным, а кто-то не мог вынести чудес, представавших перед путниками после долгой дороги. За просителями наблюдала фаланга солдат в сверкающих кирасах, украшенных нефритом и слоновой костью, и в воздухе ощущалась пугающая напряженность неизвестности. Сквозь толпу шел воин, облаченный в полный золотой доспех, его высокий алый плюмаж выделялся, словно пятно крови на снегу.

Никогда еще створки Врат Прит не стыкались перед просителями, и сам факт их закрытия свидетельствовал о том, что ось Галактики сместилась. У человечества появился новый враг, который скрывался под знакомой личиной и чьи агенты уже сейчас могли находиться в толпе.

Граждане Терры уже не могли свободно передвигаться во владениях своего повелителя.

До сих пор на пути к горным

вершинам усиленные меры безопасности, предпринятые для охраны континентального Дворца Императора, почти не коснулись путников, но сейчас они подошли слишком близко к этому сияющему сердцу Империи, чтобы остаться незамеченными. К дворцу стекались миллионы сезонных рабочих, и каждый подвергался досмотру.

Однако прохождение через Врата Приа не вызвало у путников никаких затруднений, поскольку они предъявили документы, скрепленные печатью одного из самых уважаемых Домов навигаторов, и его авторитетный уровень обеспечил весьма уважительное отношение привратников. Хотя сам проход через Врата занял несколько часов, и лишь по истечении этого времени их глазам предстал Императорский Дворец во всем своем величии.

Дворец описывали как корону из света на вершине мира, как целый континент непревзойденного архитектурного искусства и величайшее достижение человечества, но никакие сравнения были

не в силах передать его эпической
необъятности и безмерного благоговения,
вызываемого самим фактом его
существования. Многие из просителей, всю
свою жизнь стремившиеся увидеть дворец,
не могли двинуться с места, едва пройдя
через его главные ворота; один только вид
окраинных переходов, башен и помещений
дворца повергал их в состояние, близкое к
обмороку. Это монументальное сооружение
выходило далеко за рамки человеческого
восприятия и выглядело как созданное
богами и принадлежащее им.

Позади плато Брахманутры, где
располагались доки и посадочные
площадки, вздымались величайшие горы
тибра: Голая, Черный Великан, Бирюзовая
Богиня и, наконец, высочайшая из них ---
Святая Мать.^[11] Ни одна из них не
избежала внимания Механикум и военных
каменщиков Императора --- их вершины
были сглажены, а недрах пробиты глубокие
шурфы для крепления фундамента дворца.

--- Впечатляет, --- произнес с заднего
сиденья роскошного бронированного

скилтера Беллан Тортега.

Кай Зүлан задержал на хирургеоне
полный ненависти взгляд.

--- Я тебя ненавижу, --- сообщил он.

Кабина скилтера изнутри была
отделана панелями из дорогих пород
дерева, металлические плоскости
украшены платиновыми накладками, на
вмонтированных пикт-экранах стменяли
друг друга снимки неземных пейзажей.
Мягкие сиденья покрывала обивка из
бархата аметистового цвета с вышитым
золотым крестом Дома Кастана.
Приглушенный свет создавал уютную
атмосферу, а щедро укомплектованный
охлаждаемый бар был способен скрасить
самую долгую поездку. Единственное, что
портит впечатление от элегантног
интерьера, --- это присутствие на борту
четырех вооруженных солдат в форме
Дома Кастана.

Их augmented-фигуры,
казалось, заполняли все пространство
салона сверкающими гранями панцирей и
оружия. Дом Кастана, будучи одним из
самых почтенных семейств Навис

Нобилите, без труда мог позволить себе дорогостоящие услуги Механикум модификации бойцов для своей службы безопасности. Лица охранников скрывались под блестящими визорами черных шлемов. Успехи воинов — как и весь скитлер — были пронизаны проводниками кристаллических пси-глушителей, предотвращавших нежелательное психическое влияние.

Эти люди, как предполагалось, должны были обеспечивать его безопасность, но дробовики, взятые на изготовку, не оставляли у Кая никаких сомнений в том, что он всего лишь пленник. Он откинулся на мягкую спинку широкого кресла, но понял, что не в состоянии насладиться комфортом, который раньше принимал как должное. Кай качнул янтарный атасек в резном хрустальном бокале, стоимость которого превышала годовой заработок среднего горожанина Терры. Неожиданно появилось желание бросить бокал в окно, но этот жалкий мятеж не мог вызвать ничего, кроме дополнительного раздражения.

Кроме того, алкоголь приглушал боль психического истощения, преследующую его с самого возвращения на Терру.

Сидевший напротив Кая Зулана Беллан Тортега с нескрываемым восхищением смотрел в окно. Сразу видно, что что хирургeon впервые посещает Дворец. Он уже двадцать часов, с того самого момента, как они миновали Врата Прим, не перестает перечислять общеизвестные достопримечательности и вслух удивляется многолюдности дворцовых окраин. Их поездка началась на плато Брахманутра, и с того момента с лица Кая не сходило выражение нарочитой скуки. Он знал, конечно, что удостоился великой чести — взглянуть на колыбель человечества, но был настолько погружен в свои горестные раздумья, что почти не обращал внимания на окрестности.

— Я уверен, что этот крытый амфитеатр, окруженный террасой, и есть Инвестиарий, — произнес Тортега. — Лица статуй примархов заграпированы.

— Зачем? — спросил Кай.

— Что ты имеешь в виду?

--- Интересуюсь, зачем гранировать лица статуй? Как будто они что-то видят.

--- Это символика, Кай, --- ответил Тортега. --- Это говорит о желании Императора защитить своих сыновей от предательства собственных братьев.

--- Но мне, это говорит о напрасной трате времени. Я думаю, Императору есть над чем подумать, кроме этого бессмысленного символизма.

--- Кай, знаешь, в чем самая большая из твоих проблем? --- со вздохом спросил Тортега.

--- Мои проблемы мне прекрасно известны, добрейший хирург, --- прогрызнулся Кай. --- И ты не устаешь мне напоминать о них каждый день.

--- Ты даже не осознаешь, как тебе повезло, --- продолжал Тортега, словно не слыша.

Кай проглотил резкое возражение и налил себе еще атасека.

--- У патриарха Вердучины имелись все основания вычеркнуть тебя из рядов Телепатика. Он дал тебе шанс. И что же

ты наделал? Уже на следующий день попался в руки пси-гончих.

В медицинской лаборатории Дома Кастана, расположенной на скалах Киприоса, Кай обычно старался превращать подобные лекции, но в силу охватившей его с течением времени апатии стал понимать, что заткнуть Тортегу практически невозможно.

— Как ты считаешь, получил бы ты зрительную аугментацию, если бы не Дом Кастана? — продолжал Тортега. — Но помни мои слова: стоит тебе рассердить старейшин, и они заберут приборы. Ты должен быть благодарен, молодой человек, и пора это понять, пока не стало слишком поздно.

— Уже поздно, — заметил Кай. — Подумай только, где мы теперь и что меня ждет.

— Мы в сердце родного мира, Кай. Как только Империят воссоединит свои владения и эта глупая война закончится, люди снова наводнят эти места, — сказал Тортега.

С этими словами он наклонился

вперед и положил руку на колено Кая. Ничем не оправданная фамильярность хирурга заставила Кая вздрогнуть от боли.

--- Не прикасайся ко мне, --- сказал он. --- Неужели ты ничего не знаешь о теленатах? Или хочешь, чтобы мне стали известны все твои грязные секреты?

Тортега отдернул руку, и Кай покачал головой:

--- Угуот. У меня нет гара психометрии, но ты испугался, не так ли? Что ты скрываешь от старика Бердучины? Злоупотребление лекарствами? Недозволенные связи с пациентами? Сексуальные девиации?

Хирург покраснел, а Кай растеялся.

--- Ты жалкий человечиска, Тортега. Думаешь, что Бердучина ценит тебя? У таких, как ты? Да ты для него ничего не значишь, просто один из функционеров, которого легко заменить. Вряд ли он даже помнит твое имя.

Тортега напряженно выпрямил спину,

но сдержался и не клюнул на наживку. Вместо этого он вернулся к созерцанию окрестностей.

— Посмотри, — оживленно произнес Тортега, — там стоит Хатазанская усыпальница. Я видел пикты, но они не передают ее грандиозного масштаба. Невозможно оценить гармонию пропорций этого сооружения, пока не увидишь его своими глазами. А вон там, как мне кажется, обращенная колоннада, золотыми шпильми и скорбными часовнями дорога к Башне Астартес. Говорят, что именно здесь состоялся последний разговор Императора с примархами, прежде чем флотилии разлетелись к отдаленным уголкам Галактики. В торжественном произведении Кински «Двадцать героев» рассказывается о дне, который Император провел со своими сынами.

— Можешь поспорить, он хотел бы их проглотить, — равнодушно ответил Кай, поставив опустевший бокал на полированную подставку.

Он хотел выпить еще, готов был

опустошить всю бутылку, лишь бы заглушить боль.

--- О чем это ты? --- спросил Тортега.

--- Если бы Император провел с Хорусом Луперкалет не один день, а чуть больше, мы, возможно, не оказались бы в такой жуткой ситуации.

--- Тише, --- зашипел Тортега. --- Нельзя говорить таких вещей, по крайней мере не здесь.

--- А кто может меня остановить?

Тортега покачал головой.

--- Какую радость ты получаешь от таких провокаций?

Кай пожал плечами.

--- Я просто хотел сказать, что если бы Император проводил с примархами больше времени, они бы, возможно, не стали поднимать против него бунт. Надеюсь, что мои слова можно считать изменой.

--- Кто сегодня может определить, в чем состоит измена? --- вздохнул Тортега.

--- А ты спроси у Воинства Крестоносцев, --- посоветовал Кай. --- Я почти уверен, что они смогут дать

ответ.

Дорога к месту назначения заняла у них еще один день, и все это время Тортега посвятил составлению перечня чудес, которых он, вероятно, больше никогда не увидит: Зимняя галерея, гробница Упанишаг, Зал Просителей, Хрустальная обсерватория, почерневшая от огня Община, Длинный дом и Кузница Плоти и Стали, где был окончательно подписан пакт между Механикум Марса и Террой. Двуглавый орел на затковом камне был вырезан из оуслита и порфира. В угасающих лучах заката он казался окровавленным.

Приближение Города Зрения Кай почувствовал задолго до того, как тот появился над горизонтом. Словно выжженное пятно в кипучей активности тугавейника. Пси-глушители скитлера блокировали мысли миллионов рабочих, писцов, техников, ремесленников и солдат, трудившихся в стенах Дворца, но Кай все же улавливал глухой шум многочисленного населения.

Поблизости от штаб-квартиры

Агенту́с Астра Теленатика не было слышно ничего, казалось, что в этой заброшенной части Дворца нет никаких признаков жизни. Но Кай, обучаясь использовать свои способности на благо Империи́ма, провел среди этих унылых башен почти десять лет и знал, что это не так. Мысленно возвращаясь в те дни, он ощутил мимолетное дыхание ностальгии, но тотчас прогнал его, поскольку возвращение получилось не слишком радостным.

В других частях Дворца вся архитектура славилась Единство, достижения человечества, триумфы Крестового похода, но строители Города Зрения, казалось, приложили все усилия, чтобы их произведение угнетало душу. Во владениях астронатов не было ни статуй, ни украшений, и когда скилтер нырнул под обсидиановую арку, Кай не испытал ничего, кроме глухого отчаяния. Тортега энергично вертел головой, стараясь рассмотреть чащу железных башен, мрачные мансарды и безмолвные магистрали между ними. Улицы Дворца

за пределами внутренних стен города кипели неумолкающей и напряженной жизнью, а здесь попадались лишь одинокие призраки в зеленых одеяниях с капюшонами.

— С этими местами у тебя, верно, связано немало воспоминаний, — сказал Тортега.

Кай кивнул:

— Нет, я действительно тебя ненавижу.

Глухо было находиться на улице в такое позднее время, но Роксанне ничего не оставалось, как рискнуть и выйти в темноту. Впрочем, в Городе Просителей никогда не было по-настоящему темно. На стенах вокруг плясали отблески костров, а на крючках и импровизированных столбах покачивались прикрытые колпаками светосферы.

Дыл от химических горелок льнул к перекошенным строениям из модульных панелей, добытых на свалке Механикум и пог стенами Дворца. С самого высокого здания в туманную мглу, повисшую над

необычным городом, поднимался штырь антенны, и привязанная к нему гирлянда флажков тщетно пыталась сгладить впечатление запустения. Ближайшая стена была густо заклеена старыми плакатами и небрежно отпечатанными листовками Лектицио Дивинатус.

Все чувства Роксанны убеждали ее не покидать безопасное убежище, которое представлял собой храм, но плач детишек Майи не оставлял ей другого выхода. Болезнь, терзавшая их маленькие тела, обострялась все сильнее, и без медицинской помощи дети могут умереть до наступления утра. Два тельца уже лежали у подножия Безучастного Ангела, а их мать рыдала и жаловалась, глядя в пустое лицо статуи.

Палладий рассказал Роксанне, как добраться до дома Эмея, и она старалась не отступать от его указаний. Она еще никогда не отходила так далеко от храма, а потому испытывала одновременно страх и сильное возбуждение. Для девушки, которая всю жизнь была фактически пленницей своей семьи,

ощущение опасности было равносильно
глотку опьяняющей свободы.

А в городе не только не было
настоящей темноты, но и полной тишины
тоже.

Где-то раздавался лязг металла,
плакали дети, кричали их матери,
безумные проповедники читали проповеди,
пьяницы громко выкрикивали
непристойные ругательства. Роксанна
прочла в семейной библиотеке множество
книг о городах Старой Земли, о том, как
миллионы людей жили в переполненных
трущобах бок о бок в вопиющей нищете.

Как говорили ее наставники,
тщательно выбранные семьей, это была
древняя эпоха, предшествующая приходу
Императора. Но не так давно
открывшиеся глаза Роксанны не замечали
разницы. Ей казалось абсурдом, что у стен
Дворца, олицетворяющего новую эпоху
прогресса и просвещения, царят нищета и
убожество. Золотое сияние Дворца
окруживало сверкающей иллюминацией
творения величайших архитекторов, но на
Город Просителей не падало ни отблеска

от этого сияния, ни клочка славы, завоеванной армиями Императора в разных концах Галактики.

Роксанна задумалась, не послала ли ее семья кого-нибудь за ней вдогонку, не прочесывают ли агенты отца улицы города в поисках его своенравной дочери. Возможно, но вряд ли. Еще не забылся скандал после ее предыдущей выходки, и она знала, что некоторые члены семьи были бы счастливы, если бы она навеки затерялась среди этих грязных улиц.

Она прогнала из головы посторонние мысли и сосредоточилась на дороге.

В этот поздний час на улицах города и без того достаточно опасно, так что не стоит позволять себе задумываться о несправедливости мира или о той жизни, от которой она отказалась. Теперь ее жизнь здесь, и она так далека от прошлого, как только можно себе представить.

В своем грязновато-коричневом одеянии с наброшенным на голову капюшоном, какого она и представить себе не могла еще несколько месяцев назад,

Роксанна ничем не выделялась среди остальных прохожих. Немногие встреченные ею люди опасливо избегали ее взгляда и старались разминуться как можно быстрее. Она и сама низко опустила капюшон, скрыв лицо в тени, и шла ссутулившись, как было принято среди местных обитателей.

Чем меньше она будет привлекать внимания, тем лучше.

Дом Эмея находился в глубине территории Дхакала, и по пути туда Роксанна меньше всего на свете хотела попасться на глаза кому-нибудь из людей Бабу. В лучшем случае они сразу же убьют ее и ограбят, в худшем — задержатся, чтобы изнасиловать, а потом спихнут изувеченный труп в канаву.

Роксанна видела тело девушки, которая столкнулась с Гхойой, самым безжалостным пособником Бабу. Трудно поверить, что человеческое существо способно совершить подобную жестокость. Отец девушки принес тело в храм и оставил там вместе со всем своим имуществом. Паллагий, прекрасно

понимая, куда он собирается, попытался его остановить, но горе отца было сильнее. В ту же ночь его обезглавленное тело было найдено на границе территории Дхакала висящим на железном крюке.

Да, после захода солнца в Городе Просителей было очень опасно выходить на улицы, но малыши Майи нуждались в контрабанде, и купить лекарство достаточно чистое, чтобы оно принесло пользу, можно было только у Антиоха. Старик заламывал безумные цены, но, когда дело касалось детей, Палладий не обращал на это внимания.

В конце концов, за жизнь заплатишь любые деньги, тем более что в храме никогда не ощущалось их нехватки.

Обездоленные не жалели монет, словно боялись, что любое проявление скупости может каким-то образом помешать их умершим близким обрести покой. Имперское Кредо отказывало людям в загробной жизни, утверждая, что смерть — это конец пути, но Роксанна не была в этом уверена. Она заглядывала в мрачное царство, лежащее за легкопреодолимыми

границами реальности, и видела вещи, которые заставили усомниться в том, чему ее учили.

Она заметила, как участилось ее дыхание и сильнее забилося сердце, и постаралась прогнать опасные мысли. Подавляемые воспоминания стремились вырваться на поверхность: лишенные кожи тела в огненной пропасти, влажно поблескивающие внутренности, свисающие из рассеченных животов, и опустошенные черепы. Роксанна заставила себя сосредоточиться на внешних признаках пути, по которому шла.

Она бросила взгляд на стену, размазанную граффити, и в памяти всплыл запах крови и резкий запах озона, когда рухнула защита. Картина на стене изображала громозгкие фигуры Астартес на вершине только что покоренного мира, и была очень яркой и грубоватой в своей энергетике, пусть и лишенной эстетических достоинств. Невежественный художник явно не видел настоящих Астартес, поскольку на картине закованные в броню воины были

одного роста со смертными солдатами.

Роксанна воочию видела
непостижимую мощь легионеров
Астартес, знала, какие это неестественно
громадные и уродливые, словно орки,
существа, но при этом удивительно
ловкие и быстрые. Не говоря уже о том,
что чудовищно сильные.

Настенную живопись уже кто-то
испортил, закрыв несколько фигур
мазками побелки и лозунгами,
утверждавшими, что Император
защитит. Под ними почти полностью
скрылся пурпур Детей Императора и
лазурь госпехов Пожирателей Миров, но
белые и охристо-зеленые госпехи Гвардии
Смерти виднелись между грубыми
мазками побелки. Голова Лунного Волка с
распахнутым в вое ротом тоже
выглядывала из-под белой кляксы, а лицо
Железного Воина отвалилось вместе со
штукатуркой и кусками рассыпалось по
употанной земле.

Дыхание Роксанны немного
успокоилось, и она прикоснулась рукой к
картине, надеясь, что надежная прочность

стены поможет ей вернуть равновесие. Закрыв глаза, она прислонилась лбом к шероховатой поверхности кирпичной кладки, медленно вздохнула и представила себе бескрайнюю пустыню. Металлический привкус крови исчез, уступив место запахам жареного мяса и застарелого пота, к которым примешивался едкий дым банковых палочек.

--- В пустыне нет жизни, --- произнесла она, повторяя давным-давно заученную мантру. --- В пустыне нет никого, кроме меня, и ничто не может ко мне прикоснуться. Никто меня не потревожит.

--- К несчастью, ты далеко не в пустыне, малышка, --- раздался за ее спиной чей-то хриплый голос.

Роксанна в испуге развернулась, и все мысли о пустыне и душевном равновесии мгновенно разлетелись, словно листья на осеннем ветру. К противоположной стене прислонились трое мужчин в тяжелых меховых шкурах поверх парусиновых рабочих комбинезонов. Все трое курили, и голубоватый дым облаком повис над их головами. У них были стуглые

обветренные лица и массивные фигуры, казавшиеся неуклюжими, но Роксанна сразу поняла, что перед ней не обычные пьяницы или грабители.

--- Я не ищущу неприятностей, --- заговорила она, подняв руки ладонями наружу.

Они растеялись, а один, с узкими глазами и глиняными висячими усами, шагнул вперед. Он небрежно выплюнул окурок.

--- Плохо дело, малышка, неприятности сами тебя нашли.

--- Прошу вас, --- обратилась к ним Роксанна, --- если вы люди Бабу Дхакала, вы должны идти своей дорогой. Поверьте, если вы оставите меня в покое, так будет лучше для всех.

--- Если тебе известно, что мы работаем на Бабу, ты должна бы знать, что просто так мы тебя не отпустим, --- возразил усатый, подзывая жестом своих спутников.

Роксанна заметила тяжелые пистолеты на поясах поверх комбинезонов и грубо вырезанные самодельные рукоятки.

торчащие из ножен на бедрах. Преводитель вытащил блестящий кинжал с загнутым лезвием, поднес его ко рту и провел пожелтевшим языком по острой кромке. Струйка крови спустилась по губе на подбородок, а мужчина оскалил покрасневшие зубы.

— Ты ведь из церкви мертвых, малышка, верно? — спросил он.

— Да, я из храма Печали, — подтвердила Роксанна, стараясь говорить как можно спокойнее. — Поэтому вы и должны меня пропустить.

— Слишком поздно, малышка. Как я понимаю, ты направляешься к Антиоху, а это значит, что у тебя с собой монеты, соответствующие его ценам. Отдай их мне, и ты обойдешься с тобой без грубостей, может, только немного порежет.

— Я не могу этого сделать, — отказалась Роксанна.

— Еще как можешь. Просто запусти руку под одежду и достань деньги. Поверь, так будет лучше для тебя. Анил и Мюрат не такие добрые, как я, они уже готовы тебя убить.

--- Если вы отнимете у меня деньги, вы тем самым убьете двух детей, --- объяснила Роксанна.

Человек пожал плечами.

--- Они не первые и наверняка не последние.

Он махнул рукой, и двое приятелей бросились к ней. Роксанна, развернувшись, побежала по улице, крича о помощи, хотя и знала, что никто не откликнется. Чья-то рука схватила ее за одежду. Она вырвалась, но тут же получила удар кулаком в плечо, потеряла равновесие и, чтобы не упасть, оперлась руками о стену.

Фрагмент кирпичной кладки осыпался, Роксанна не удержалась на ногах и с криком упала на колени. Она оказалась лицом к лицу с нарисованным на стене воином в красно-белом шлеме. Затем в спину между лопаток ей уперлась чья-то нога и сильно толкнула. Роксанна ударилась лицом в твердую землю, кровь из прокушенной щеки мгновенно наполнила рот. Сильные руки грубо перевернули ее на спину.

Капюшон вместе с завязанной на

голове косынкой свалился, открыв лицо, и бангит радостно оскалил щербатые зубы.

--- Да она хорошенькая! --- крикнул он.

Его нож блеснул, поймав свет ближайшего фонаря.

Вторая пара рук разорвала ворот одежды, и Роксанна отчаянно забилась.

--- Отпустите меня! --- завопила она.

Но подручные Бабү Дхакала ее словно не слышали.

--- Я тебя предупреждал, --- почти шепотом произнес главарь.

--- Нет! --- выкрикнула Роксанна. --- Это я вас предупреждала!

Бангит, возившийся с ее поясом, вдруг забился в судорогах, как будто заткнул собою высоковольтную линию. Сквозь стиснутые зубы заплыла кровавая пена, а из глаз вылетели облачка пара. Он с визгом отлетел от Роксанны, обхватив ладонями дытящийся череп, и продолжал лететь, как будто отбиваясь от невидимых противников.

--- Ты что творишь?! --- закричал второй бангит и в ужасе отскочил от Роксанны.

Роксанна приподнялась и выплюнула сломанный зуб. Ярость и боль исключали всякие мысли о милосердии. Она устояла на перепуганного насильника и снова сделала то, от чего ее так настойчиво предостерегали наставники.

Человек заорал, из его ушей и носа хлынула ярко-красная кровь. В одно мгновение жизнь покинула его тело, и грохнула, словно пьяный, бессильно сполз по стене. Роксанна с трудом поднялась на угрожающих ногах. Третий бандит испуганно понявился.

— Ты ведьма! — закричал он. — Проклятая ведьма!

— Я просила оставить меня в покое, — ответила Роксанна. — Но вы не послушали.

— Я тебя пристрелю! — заорал он, поднимая пистолет.

Оружие выпало из его рук, когда бандит затрясся, и из всех отверстий в его голове стал вытекать кипящий мозг. Он беззвучно повалился на бок, череп стукнулся о землю и обвалился внутрь, как воздушный шарик, из которого выпустили

воздух.

Роксанна, едва дыша, оперлась о стену. Учиненный ею разгром поверг девушку в ступор. Роксанна поспешно повязала косынку и накинута капюшон, пока никто ее не увидел и не узнал.

Снова ее преследуют кровь и смерть. Таких, как она, моряки в старину называли «накликающими беду», и куда бы она ни пошла, несчастья и смерть шли рядом. Она не хотела убивать этих людей, но инстинкт самосохранения овладел ее существом, и Роксанна уже ничего не могла пожелать, чтобы предотвратить их гибель.

На руке первого из убитых бандитов она заметила клановую татуировку и похолодела.

Да, это были люди Бабу Дхакала.

За смерть своих подручных он потребует крови, Бабу не принадлежит к людям, старающимся сдерживать свой гнев. Он нанесет ответный удар, и положение станет только хуже.

— Великий Трон, что же я наделала? — прошептала Роксанна и

бросилась бежать.

Скилтер медленно скользил по Городу Зрения, отбрасывая голубые и аметистовые отблески на вечно сумрачные улицы. Статуй здесь совсем не было, а здания, несмотря на светлые колонны, благородные очертания и гармоничные пропорции, казались мрачными монолитами на склонах гор. Они высасывали свет и тепло из угасающего дня, словно черные дыры.

Кай признавал свою склонность к телогрматизму. Он презирал этот порок в других, но сам никак не мог от него избавиться. Когда-то он поверил, что навсегда расстался с этим унылым городом, но вот снова оказался здесь, как не выдержавший испытаний кандидат.

Сравнение он считал вполне уместным, ведь, в сущности, так оно и было.

Тень Пустой горы, нависшей над Городом Зрения, накрывала и Кая. Он старался казаться равнодушным, но от мысли, что он может там оказаться, горло перехватывало от страха. Он

постарался прогнать мрачные мысли и сосредоточился на дороге. Тортега отвернулся от окна; даже этот глупец ощутил наполняющее Город Зрения ощущение мрачной безысходности. Кай, воспользовавшись минимальной долей своих психических способностей, определил свое точное местоположение. Благодаря аугментическим имплантатам, спроектированным и изготовленным искусными агентами Механикум, ему почти не пришлось прибегать к слепозрению, чтобы в одно мгновение совместить психическое восприятие с визуальным.

Он прикрыл глаза, не переставая ощущать тяжесть окружающих зданий и эфирное давление многочисленных башен псайкеров. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы сориентироваться, но затем архитектурные сооружения превратились в разноцветные светящиеся линии. Скитлер только что миновал Зеркальную галерею — огромное, похожее на собор здание, через которое проходили самые достойные инициаты к

потрясающим воображение нещерам под
городом. В глубоких подземельях Дворца
им предстоит преклонить колени перед
Императором, и тогда их невероятно
сложные нервные схемы подвергнутся
тщательному преобразению, чтобы
лучше противостоять опасностям варна.

Кай помнил, как он сам, взвинченный
и неуверенный в себе, в сопровождении
Черных Часовых проходил по этой галерее.
Он полагал, что зеркала поставлены для
того, чтобы инициаты могли в последний
раз увидеть свое лицо перед тем, как их
глаза выжжет непостижимая сила. Но за
годы, прошедшие с того момента, он так и
не решил, было ли это проявлением
милосердия или жестокости.

Он прогнал воспоминания, не желая
возвращаться к личным переживаниям в
присутствии тех, кто мог неправильно
истолковать его болезненное состояние,
сочтя его за страх перед будущим. Кай
обратил свой мысленный взгляд вдоль
плоской равнины, к самой высокой башне
Города Зрения. Стоящая особняком Башня
Шепотов была пронизана сетью

серебристых лучей, недоступных взглядам простых смертных.

Но даже ее яркое сияние затмевало пылающее копьё света, поднимающееся из Пустой горы. Этот блеск имел совершенно другую природу и мощностъ, и Кай потребовались немалые усилия, чтобы исключить его из зоны восприятия.

— А почему на улицах не видно теленатов? — спросил Тортега. — Я заметил только сервиторов, курьеров да несколько рабов Механикум.

Кай открыл глаза. Разноцветный светящийся город рассеялся в его мозгу, стенившись прозаической геометрией прямоугольных каменных глыб. И хотя он в любой момент мог бы восстановить видение, в такие моменты, как этот, он был почти готов от него отказаться.

— Ученики и агенты Теленатика передвигаются в основном по сети туннелей и переходов, высеченных в скалах по юродом. Лишь немногие выходят наружу, если не могут этого избежать.

— Почему?

Кай пожал плечами.

--- Ощущение солнечного света на коже напоминает об утраченном.

--- Да, конечно, я понимаю, --- с глубокомысленным видом кивнул Тортега, как будто заглянул в глубину человеческой психики, а не получил очевидное пояснение.

--- Кроме того, городские стены и горы под ними пронизаны пси-разрядными кристаллами, и потому там гораздо тише. Наверху для астронавтов слишком шумно, --- продолжал Кай. --- Они слышат несдерживаемые мысли, разрозненные отрывки разговоров и необузданные эмоции. Нас, конечно, учат отгораживаться от всего этого, но фон всегда остается. Намного легче жить, когда ничего этого нет.

--- А ты сейчас что-то слышишь?

--- Только твою непрерывную болтовню, --- ответил Кай.

Тортега вздохнул.

--- Кай, твоя враждебность обусловлена желанием защититься. Если ты откажешься...

--- Избавь меня от нее, --- бросил Кай.

Опустив затылок на мягкий

поголовник, он снова закрыл глаза. Его слепозрение отыскало мерцающее сияние Башни Шенотов и источники мыслей, поджигавшие его у входа.

Один разум был настроен доброжелательно, тогда как второй оцетинился враждебностью, которую не мог скрыть даже защитный шлем.

Скилтер плавно остановился, и похожие на крылья летучей мыши створки поднялись вверх, издав шипение, характерное для высококлассной пневматики. Трое солдат сразу покинули машину, а четвертый коротким взмахом дробовика предложил выйти Тортеге и Кайю. Тортега сразу же покинул скилтер, а Кай налил еще порцию атасека. Он тянул время, стараясь отсрочить неминуемое.

--- Выходи, --- приказал солдат.

--- Еще глоток, --- попросил Кай. --- Поверь, там нет ничего похожего.

Опустошив бокал одним глотком, он закашлялся от обжигающе крепкого напитка.

--- Ну, теперь все? --- раздался голос из непроницаемого визора.

--- Кажется, --- ответил Кай.

Он вытащил из бара бутылку, сунул себе под мышку и выбрался из уютного тепла кабины.

Снаружи его хлестнул морозный горный воздух, и первый же вдох обжег горло куда ощутимее, чем атасек. Он успел забыть, как здешний холод умеет пробираться до костей. Кай позабыл многое, что касалось Города Зрения, но никогда не забывал доброты женщины, вышедшей его поприветствовать из входной арки.

--- Привет, Кай, --- сказала Аник Сарашина. --- Рада снова тебя видеть.

--- Госпожа Сарашина, --- с легким поклоном ответил он. --- Не сочти за оскорбление, но я не могу сказать того же о себе.

--- Ничего другого я и не ожидала, --- сдержанно и грустно улыбнулась она. --- Ты никогда не мог скрыть своего желания показаться как можно дальше отсюда.

--- И все же я здесь, --- сказал Кай.

Стоявший рядом с ней человек сделал шаг вперед. Его устрашающая внешность вполне соответствовала мерцающей

дытке враждебности, окружавшей фигуру. Облаченный в угольно-черные доспехи, с неприкрытым обветренным лицом, верхняя часть которого была скрыта под визором шлема, он олицетворял власть, словно кулак в кольчужной перчатке.

Воин принял от командира эскорта свернутый пергамент и сломал восковую печать.

--- Передача состоялась, --- сказал он, ознакомившись с содержанием документа. --- Теперь Кай Зулан находится под охраной Черных Часовых.

--- Под охраной, капитан Головка? --- уточнил Кай.

Из башни вышел отряд солдат в рельефных кирасах и конических шлемах --- доспех, очень похожий на первую модель брони Астартес. Каждый воин держал в руке глинное копье с черным лезвием и кристаллическим набалдашником на конце древка.

--- Да, Зулан. И теперь я генерал-майор Головка, --- ответил воин.

--- Ты неплохо продвинулся, --- заметил Кай. --- Неужели все старшие чины твоей

службы погибли в каком-то ужасном несчастном случае?

— Кай, процесс излечения не стоит начинать с оскорблений, — вмешался Тортега.

— Ой, заткнись, несчастный идиот! — воскликнул Кай. — Уходи, пожалуйста. Забирай этот драгоценный скилтер притарха и утаивай отсюда. Не могу больше тебя видеть.

— Я просто пытаюсь помочь, — с недовольной миной ответил Тортега.

Женская рука мягко обхватила локоть Кая, и в его сознание хлынул поток умиротворяющей энергии, сгладивший взъерошенные мысли и наполнивший его ощущением безмятежности, которой он был лишен все последние месяцы.

— Все в порядке, хирургeon Тортега, — сказала Аник Сарашина. — Кай дома, и он один из нас. Вы сделали все, что могли, и теперь наша очередь о нем позаботиться.

Тортега коротко кивнул и резко развернулся. Он помедлил, словно собираясь что-то сказать, но передумал и забрался в скилтер. Солдаты Дома Кастана

последовали за ним, и с глухим щелчком
створки люка опустились.

Скилтер вертикально поднялся и
улетел, как будто старался поскорее
покинуть эти места.

--- Гнусный человечиска, --- произнес
Кай вслеп удаляющемуся скилтеру.

Глава 2

КРИНТЭСТЕЗУАНЕЦ ХРАМ ПЕЧАЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ

В глубоком подземелье Башни Шепотов одинокая фигура в одеянии, украшенном вышивкой и нефритом, стояла в центре сводчатого зала, где раздавалось эхо бесчисленного множества голосов ушедших хористов. Неузнаваемые и неразборчивые звуки кружились над головой, словно искаженный вокс-сигнал или сообщение, пришедшее из древних веков.

В центре купола внутренним светом терцала кристаллическая решетка, и ее сияние стекало с многочисленных углов снопами рассеянных лучей. Эвангер Тригора стоял в центре светового клубка, раскинув руки, словно дирижер невидимого оркестра. Вокруг него формировались туманные силуэты, бесчисленные лица, предметы и пейзажи. Они кружились в

падающих лучах словно привидения, затем
рассеивались клочьями тумана, подчиняясь
его отточенным жестам.

Голоса звучали то громче, то тише,
передавая разрозненные слова и
растянутые фразы, бессмысленные для
всех, кто не постиг искусства
криптэстезианства. Григора процеживал
Поток с аккуратностью опытного хирурга,
отбрасывая то, что не представляло
значения, и откладывая в памяти
заинтересовавшие его фрагменты.

Григора был не из тех, чье
общества ищут окружающие. Обладатель
ничем не примечательной внешности, он
видел тайное, уродливое лицо
человечества, и это знание застыло на его
лице вечной меланхолией. В то время как
другие могли говорить о любви, истине и
новом Золотом веке, Григора видел в
психической сущности каждого сообщения,
принимаемого в Городе Зрения, все те же
похоть, лживость и застарелое
лицемерие.

И сейчас все это проявлялось как
никогда ярко.

После предательства Хоруса и отправки карательной флотилии Розала Дорна астронавтические хоры, стремясь удовлетворить все запросы по ведению удаленной войны, работали на пределе своих возможностей. Хорус Лунеркаль разжег угли предательства в нестабильной Галактике, и волна отступничества приводела под его знамена все новые и новые системы, еще недавно заявлявшие о своей преданности Империи.

Казалось, что мечта Императора о галактическом Единстве тает с каждым днем.

Эфирное пространство было переполнено астронавтическими сигналами, но в варп уносились все новые и новые послания, вопиющие о помощи или просто брызжащие ненавистью. Залы ловушки под железными башнями Города Зрения заполнялись психическим отсевом тысяч сообщений, и криптэстезианцы Григоры с трудом успевали справляться с этим грузом. Перед лицом предательства каждое послание, направляемое на Терру,

независимо от того, насколько подлинным оно казалось, должно было быть тщательно исследовано. Поток непрерывно профильтровывался в поисках малейших признаков шифровок, которые могли предназначаться для тайных агентов Воителя.

Из Дворца ежедневно отправлялось невероятное количество информации, отчего астронавты Города Зрения сгорали намного быстрее, чем прежде. Капитаны Черных Кораблей, стараясь восполнить потери, все шире раскидывали свои сети в поисках псайкеров, но война лишала их возможности охотиться в самых многообещающих системах.

Новые астронавты появлялись каждую неделю, но потребности Империи намного превышали их возможности.

И тем не менее в составе свежего пополнения астронавтов имелась одна личность, которую Григора считал помехой.

Он категорически возражал против возвращения Кая Зулана в Башню Шепотов, настаивая на его водворении в

Пустой горе, но хортейстер
проигнорировал его доводы. В решении о
репатриации Зулана Григора устремлен
влияние Сарашины, и потому встретил ее
по возвращении с очередной встречи с
этиссарати Сигиллита. В походе
женщины отчетливо виднелась
усталость, но ее состояние нисколько не
беспокоило Григорю.

--- Утак, твой ученик возвращается к
нам? --- спросил он, даже не стараясь
скрыть своей язвительности.

Она обернулась, и Григора заметил
мгновенно подавленную вспышку
раздражения.

--- Не сейчас, Эвангер, --- откликнулась
Сарашина. --- Дай мне хотя бы войти в
башню, прежде чем набрасываться с
упреками.

--- Это срочный вопрос.

Она вздохнула.

--- Кай Зулан. Да, он придет на этой
неделе.

--- Надеюсь, ты сознаешь, что Дом
Кастана просто избавляется от него,
чтобы сохранить лицо перед

Сринадцатым легионом. Если ты не сумеешь его восстановить, вина падет не на них, а на нас.

--- Мне не придется его восстанавливать, потому что он не сломан, --- ответила тогда Сарашина, торопливо шагая к башне. --- В нашем геле каждый рано или поздно ощущает потерю и получает травмы.

Тригора покачал головой.

--- У Зулана нечто иное. Костогесантники должны были всагить болт в затылок и ему, и девчонке, как только их обнаружили. Вердучина это понимает, как понимает и хормейстер. Но только не ты. Почему?

--- Кай самый сильный телепат из всех, кого мне довелось тренировать, --- ответила Сарашина. --- Он и сам не знает, насколько силен.

--- Но что они увидели и услышали?

--- Нечто более ужасное, чем ты или я можем себе представить, но они выжили, и я не могу их за это осуждать. Я уверена, что у Астартес имелись причины сохранить им жизнь, и я узнаю, что это за

причина.

--- Оракулы не нашли ничего, что подтверждало бы твое мнение, --- заметил Григора. --- В противном случае я бы об этом узнал.

--- Даже ты не в состоянии оценить все вероятности, Эвангер.

--- Верно, но я вижу больше, чем ты. Достаточно много, чтобы понять, что Зүлан не должен здесь оставаться.

--- Что тебе известно? --- спросила Сарашина. --- Что такого отыскиали твои гнусные пагальщики, чтобы так говорить?

--- Ничего конкретного, --- признал Григора. --- Но в отголосках каждого видения, которые мы анализируем, имеются темные течения, скрытые образы без формы и сущности. Они непонятны мне, и ничего похожего нет ни в одной из моих онейрокритик. ^[12]

--- А ты заглядывал в «Алкера Мүнди»?

--- Конечно, но даже в коллекции Юна я не могу найти никаких толкований, кроме текстов вульгарных фантазеров

эпохи, предшествующей Едигству: демоны, боги и тому подобное.

— Тебе бы следовало знать, что не стоит доверять видениям тех, кто верил в колдовские и божественные силы. Ты меня удивляешь, Эвангер.

На этом их разговор закончился, и, несмотря на все возражения Григория, Хормейстер позволил Каю Зулану вернуться в Город Зрения. Григория неожиданно для себя обнаружил, что его союзником оказался Максим Головкин, что сделало ситуацию почти анекдотической.

После сеанса связи Абира Убн-Халдана с Десятым легионом поток психического излучения в зале значительно усилился, и Григория прогнали мысли о Кая Зулане. Известие от главной флотилии Ферруса Мануса, потчавшейся к Устваану за удовлетворением личной потребности, вызвало целый сноп посланий от Розала Дорна, в которых он призывал брата к осторожности и строгому выполнению приказов. Вот только неизвестно, обратит ли кто-нибудь на них внимание. Григория широкими взмахами

рүк и точныи движениями пальцев начал процесс психического исследования, надеясь, что увидит очередной фрагмент картины, преследующей его вот уже больше ста лет.

Григора сидел на перекрестке Империи, где сходились и пересекались линии связи. Отсюда поступали приказы о движении, отзыве и перегруппировке флотилий. В стенах Дворца решались судьбы десятков тысяч миров, и все послания проходили через Город Зрения. Задача криптоэстазианцев состояла в том, чтобы отфильтровать огромное количество психического мусора, остающегося после сеансов связи. Мало кто получал удовольствие от этого занятия, но Эвангер Григора сделал его делом всей своей жизни.

Теленаты всех миров Империи направляли свои мысли к Терре уже почти двести столетия, и каждое послание рано или поздно поступало в этот зал. Известия о войнах, об утраченных ветвях человечества, о героях и трусах, о верности и предательстве и вдобавок еще

о миллионах банальных вещей.

Вот уже больше ста лет Эвангер просеивал психические излучения миллионов астронавтов, и в обрывках передаваемых сообщений находил скрытые признаки зла, алчности и подстрекательства к мятежу. Он видел все худшие черты людей, читал трагические, мелочные, оскорбительные и злокозненные намеки, скрытые во всем, что они говорили, сами того не сознавая.

И в клубке бесчисленных сообщений, проходящих через Город Зрения, Эвангер Григора стал просматривать некий замысел. Год за годом он изучал Поток, отыскивая едва уловимые признаки намечающейся схемы, и с каждой обнаруженной мельчайшей деталью убеждался в ее непревзойденной сложности. Завуалированные намеки обнаруживались едва в одном послании из сотни, потом из тысячи и десятка тысяч. И каждый раз истинное содержание скрывалось под тайным кодом или очевидной глупостью, таилось в подтексте, настолько незаметно, что его не улавливали даже

передающие послание.

Спустя несколько десятков лет стало ясно, что в Империи существует секрет, известный лишь разрозненной группе безумцев, не подозревающих о существовании друг друга. Но они продолжали запускать в мир свои отчаянные послания в тщетной надежде, что их предостережение будет услышано.

Эти послания сплетались в песню, пробивающуюся сквозь какофонию множества голосов.

Тригора еще не расшифровал содержание этой песни, но уже пришел к одному неопровержимому выводу.

Она с каждым днем становится громче.

Встающее солнце принесло свет, но не избавление от холода. Дальние вершины гор резали глаза своей белизной, но их сияние почти не касалось крыши Города Просителей. Тысячи людей, собранные в ограниченном пространстве, выделяли недостаточно тепла, чтобы предотвратить образование снежного покрова, но холод все

равно пробирал до костей. Роксанна плотнее запахнула свое одеяние и, грожа, толкнула дверь храма, обитую листьями стали. От пронзительного скрипа невольно сжались зубы, а потом дверь так же громко захлопнулась, и Роксанна оказалась в гүлком зале, где господствовала скорбь.

Этот храм, как и большая часть зданий в Городе Просителей, был построен из случайных материалов, оставшихся от нескончаемого процесса сооружения, ремонта и перестройки дворца. Стены храма были возведены из отходов трамвара рабочими-мигрантами, исключенными из гильдии вольных каменщиков за регулярное употребление наркотиков.

И в украшавшей каменную кладку резьбе смешались самые разные стили. Здесь присутствовали скорбящие ангелы с воздетыми к небу руками, рыдающие херувимы с серебряными трубами и огромные птицы с горестно опущенными крыльями. Мозаика из египетской яшмы, изображающая толпы плакальчиков, украшала консольные выступы, а с фресок

на людей смотрели помертвевшие маски
мертворожденных младенцев.

Ряды скамей были заняты
рыдающими родственниками,
оплакивавшими своих близких. Среди
умерших можно было заметить и
стариков, но в большинстве случаев это
были еще совсем молодые люди. Кое-кто
обернулся на стук закрывшейся двери, и
Роксанна опустила голову. Ее здесь знали,
но не настолько, чтобы заговорить, и это
вполне устраивало девушку. Такие, как
она, могут привлечь к себе внимание, а ей
этого совсем не хотелось.

Главное украшение храма было
расположено в дальнем конце зала —
высокая и довольно темная статуя,
известная как Безучастный Ангел.
Больные катенщики обнаружили какие-то
изъяны в сирийском нефрите, и
незаконченная статуя оказалась на свалке.
Подобно другим вещам, отвергнутым
сворцом, она пригодилась в Городе
Просителей.

Мускулистая фигура
коленопреклоненного юноши обладала

классическими пропорциями, но явно нуждалась в доработке — у него не было лица. Скульптор гильдии, вероятно, не успел придать ему сходство с кем-то из героев Империи. Статуя уже год простояла в храме, но Паллагий — по одному ему известным причинам — так и оставил ангела без лица, хотя Роксанна никак не могла избавиться от ощущения, будто ждущие резца глаза смотрят прямо на нее.

По сравнению с покоями, в которых Роксанна провела детство, украшения храма казались грубыми и незамысловатыми, но впечатление от них превосходило все, что она знала до сих пор. И, что еще более невероятно, все они были произведениями одного человека.

Паллагий Новангио стоял рядом с Майей, рыдавшей у ног Безучастного Ангела. Она прижимала к груди бездыханного младенца, словно надеясь, что он снова будет сосать ее молоко. Слезы текли из глаз матери и скатывались по холодным щекам ребенка. Паллагий, подняв голову, увидел, как

Роксанна присела на скатью в боковом
нефе, и приветствовал ее кивком. Мысль о
том, что она находится в месте
религиозного культа в непосредственной
близости от мирского сердца Империи, вызвала на ее губах слабую улыбку. С тех
пор как она с позором возвратилась на
Терру, изменилось немного.

Ссутулившийся мужчина тронул ее за
рукав, и Роксанна едва не подпрыгнула от
неожиданности. Она не слышала его шагов.
Лицо человека казалось застывшим от
горя.

--- Кого ты потеряла? --- спросил он.

--- Никого, --- ответила она. --- По
крайней мере, недавно. А ты?

--- Моих младших сыновей, --- сказал
мужчина. --- Это моя жена у статуи.

--- Ты Эстабен?

Мужчина кивнул.

--- Я соболезную твоей утрате, ---
сказала Роксанна.

Эстабен пожал плечами, словно речь
шла о чем-то несущественном.

--- Может, это и к лучшему.

Прежде чем Роксанна успела

спросить, что он имеет в виду, Эстабен сунул ей в руку бумажный свиток и направился к жене. Подойдя к Майе, он приобнял ее за плечи. Она пототала головой, но муж нагнулся и стал что-то нашептывать ей на ухо. Спустя некоторое время ее рыдания сменились тихими стонами, а потом Майя положила мертвое дитя на пол.

Эстабен повел жену прочь от статуи, и Роксанна наклонила голову, когда они проходили мимо. Она хотела оставить их наедине со своим горем, а кроме того, втайне боялась, что несчастье может показаться заразительным. Через минуту она подняла взгляд и заметила, что на скамью перед ней сел Паллагий. Роксанна слегка улыбнулась ему.

--- Ты достала лекарство? --- спросил он.

--- Да, --- кивнула Роксанна. --- Хотя пришлось потратить немало времени, чтобы вывести Антиоха из наркотического ступора.

--- Этому человеку нравится испытывать свой товар на себе, --- качая

головой, заметил Наллагий. --- Глупо.

--- Вот лекарство, --- добавила Роксанна, доставая из складок одежды сверток величиной с детский кулак. --- Этого могло хватить для обоих ребятишек.

Наллагий взял лекарство и кивнул. От постоянной работы с резцом и золотом его руки огрубели и покрылись мозолями, а под ногтями не исчезали черные полосы. Это был человек средних лет с седеющими волосами, а его лицо после долгих лет работы под открытым небом над статуями, колоннами и барельефами стало обветренным, как горный склон.

--- Майя будет тебе благодарна, --- сказал Наллагий. --- Как только закончит оплакивать малышей.

--- Ты заплатил за лекарство, я только сходила забрала его.

--- Но ты сильно рисковала, --- заметил Наллагий. --- Обошлось без проблем?

Она опустила голову. Роксанна понимала, что должна рассказать о происшествии, но больше, чем любого

наказания, она боялась разочаровать
Палладия.

--- Роксанна? --- окликнул он ее, не
получив ответа.

--- Я столкнулась с людьми Бабу
Дхакала, --- наконец заговорила она.

--- Понятно. --- Палладий вздохнул. --- У
что произошло?

--- Они напали на меня. Я их убил.

--- Как?! --- воскликнул он.

--- А как ты думаешь?

Палладий успокаивающим жестом
поднял руку.

--- Тебя кто-нибудь видел?

--- Я не знаю, возможно, --- ответила
Роксанна. --- Я не хотела их убивать.
Сначала не хотела. Но они бы прирезали
меня, наиздевавшись вволю.

--- Я знаю. Но ты должна быть более
осторожной, --- сказал Палладий. --- У Бабу
очень крутой нрав, и он вскоре выяснит,
что случилось с его людьми. А потом
наверняка придет сюда.

--- Мне очень жаль, --- сказала
Роксанна. --- Я не хотела доставлять вам
неприятности. Но похоже, только это и

делаю.

Паллагий взял ее пальцы в широкие мозолистые ладони и медленно растянул губы в улыбке.

--- Будем решать проблемы по мере их возникновения, Роксанна, --- сказал он. --- Посмотрим, что будет завтра. А сегодня ты живы, и у нас есть лекарство, чтобы помочь двум детям увидеть следующий рассвет. Если ты хочешь чему-нибудь здесь научиться, знай, что смерть окружает нас в лириадах своих обличий и только и ждет, чтобы застать нас врасплох. Уважай смерть во всех ее проявлениях. Прилирись с ней, и на некоторое время ты избавишься от ее жестокого внимания.

В его словах звучала страсть настоящего фанатика, но глаза светились добротой. Роксанна мало знала о его прошлом --- только то, что когда-то он был старшим мастером в бригаде военного архитектора Вадока Сингха. Очевидно, он перенес тяжелую потерю, но Паллагий никогда не рассказывал, что побудило его воздвигнуть храм из строительного мусора в Городе Просителей.

Роксанна опустила голову. Она слишком хорошо знала, как легко и внезапно смерть может изменить течение жизни, даже если и не прервет ее.

— Что дал тебе Эстабен? — спросил Паллагий.

Она взглянула на свиток пергаментов, словно увидела их впервые. Листы были тонкими и выглядели так, словно с них соскоблили уже не первый слой чернил.

— Как обычно, — ответила она, пробегая глазами текст, написанный поверх стертых строк, и выхватывая случайные фразы.

Кое-что она прочла вслух:

— «Император есть Свет и Путь, и все его деяния направлены во благо человечества, его народа. Император есть Бог, и Бог есть Император, так учит "Лектицио Дивинатус". Император превыше всех, Император защитит...»

— Дай-ка взглянуть, — неожиданно резко произнес Паллагий.

Роксанна протянула свиток, и он выхватил бумагу из ее рук.

--- Не хватает только этой чепухи из «Лектицио Дивинатус»! --- с презрительной ухмылкой сказал он, разрывая страницы пополам. --- Горстка отчаявшихся людей, обманутых сияющим светом. Им еще предстоит убедиться, что не все то золото, что блестит.

--- Они довольно безобидны, --- пожав плечами, заметила Роксанна. --- Им подбагривают людей.

--- Чүшь! --- отрезал Наллагий. --- Это опасное заблуждение, и я слышал, что они распространяют свои фантазии уже за пределами Терры. Это худший вид лжи, поскольку они успокаивают людей надеждой на защиту, которой не существует.

--- Прости, --- сказала Роксанна. --- Он просто сунул мне бумагу. Я его не просила.

Наллагий мгновенно раскаялся.

--- Да, конечно. Я знаю, но не хочу, чтобы ты читала нечто подобное. Есть только одна истина, и это необратимость смерти. А это самый отвратительный обман, потому что, должен тебе сказать, Император не защищает.

Кай слышал, как один мудрый человек утверждал, что вернуться домой невозможно, но до этого момента не понимал смысла его слов. Рожденному в зажиточной семье из американской глубинки, Каю довелось немало путешествовать со своим отцом, агентом-посредником, заключавшим контракты между конгломератами Терры и уцелевшими коммерческими структурами недавно приведенных к Согласию миров.

Еще подростком Кай поднимался на вершины Средне-атлантического хребта, исследовал руины городов Урша, купался в сиянии вулканических кратеров Паннасифика и спускался в Мариинское ущелье, чтобы полюбоваться скальными скульптурами, высеченными художниками-геологами забытых веков.

Вся жизнь его состояла из чередующихся приключений, но, какими бы волнующими ни были поездки, Кай всегда был рад увидеть родной дом, притаившийся высоко в скалах, оставшихся

от монумента давно умершим королям древности. Мать всегда встречала его радужной улыбкой, хотя и немного грустной. Она знала, что муж и сын скоро снова отправятся в путь.

Дом был для Кая не просто местом, он олицетворял особое состояние духа. Уж даже когда Кай достиг совершеннолетия и за ним пришли люди с Черных Кораблей, он всегда хотел возвратиться домой и увидеть радужную и грустную улыбку матери.

Затем его домом стал Город Зрения, но в это место Кай никогда не стремился вернуться.

Внутри Башни, под высокими потолками залов было темно и холодно, но аулментические имплантаты Кая компенсировали слабое освещение, и окружающая обстановка быстро проявилась в мерцающем зеленоватом сиянии.

Нельзя сказать, чтобы строители намеренно создали Башню такой негостеприимной. Нет, такой ее сделали

обитатели. Кай представил себе золотоканые гранировки и сияющие огни и решил, что Башня Шенотов могла бы производить грандиозное впечатление.

Каменная кладка стен, местами ставшая гладкой и даже слегка вогнутой, была отмечена специально высеченными указателями, помогавшими недавно ослепленным тлепатам определить свое местонахождение. В полутраке то тут, то там мерцали шепчущие камни, и Кай гадал, какими тайнами они обмениваются в эти беспокойные времена. Вслед за Сарашинной он прошел по сужающемуся залу к изогнутой стене — гладкой и серебристой и неуместно современной среди древних камней. Закрытый на психическом уровне проход в серебристой стене охраняли двое Черных Часовых, но они расступились, как только Головка взмахнул информационным жезлом. Кай заметил, как в визорах солдат, автоматически сохранявших бинарную информацию, вспыхнули и угасли светящиеся колонки кодовых символов.

Дверь сдвинулась в сторону, и

изнутри вырвался порыв холодного ветра. Насыщенный психической энергией воздух коснулся лица Кая, вызвав невольную дрожь. За дверью открылся гравитационный лифт в виде двойной спирали, проходящий по всей высоте Башни. В луче света, окружавшем гравитационное поле, аугментика Кая уловила грожащие волны, пробегающие вверх и вниз по мерцающему каскаду.

В серебряных стенах шахты имелись герметично закрытые двери, за которыми в обшитых металлом залах мысли астронавтические хоры принимали и отправляли послания со всей Галактики. Другие двери вели в огромные сводчатые залы библиотек, где хранились собранные из самых дальних уголков Терры книги о таинственных силах.

— Мы направится на уровень, отведенный для новичков, — сказала Сарашина.

Она шагнула в левый завиток двойной спирали, и гравитационное поле, приняв ее в свои ласковые объятия, плавно унесло вниз. Кай потеглил у границы света. Он

сознавал, что после этого шага пути назад уже не будет.

--- Пошевеливайся, Зулан! ---
прикрикнул Головко. --- У меня есть более важные дела, чем нянчиться с тобой.

--- Я в этом сильно сомневаюсь, ---
ответил Кай и шагнул в столб света.

Любой шаг хорош, если он отдалает его от Головко.

Свет подхватил Кая и понес его вниз вдоль оси башни. Плавно изогнутая спираль, медленно поворачивая своего пассажира, опускала его в подземелье, где находилась бывшая обитель Кая. Мимо проплывали выступающие ступени, где он мог бы выйти из лифта, но Сарашина сказала, что они направляются на уровень для новичков, а это помещение располагалось у самого подножия башни.

Наконец ноги коснулись прочной тверди, и Кай вышел из световой колонны. Глаза мгновенно приспособились к яркому освещению. Обитатели здешних залов не все были слепыми, и потому с каменного потолка на медных цепях свисали ничем не прикрытые люмосферы. Помещение

было вырублено в теле скалы, а затем облицовано керамическими плитками бутылочно-зеленого цвета. Облицовка сделала зал похожим на приемную в медицинском учреждении, тем более что из него выходило множество запертых переходов, уводящих в глубь башни. По некоторым коридорам можно было попасть в учебные библиотеки, где вновь прибывшие проходили курс специальной скорописи, изучали общепринятые символы и основные мантры посланников. Другие двери вели к кельям послушников и общими помещениям для приема пищи и очистительных процедур, а еще несколько проходов заканчивались герметично закрытыми звуконепроницаемыми камерами.

Кай воспользовался недолгим отсутствием Головки и его Черных Часовых, чтобы внимательнее пристотреться к своей бывшей наставнице.

Аник Сарашина постарела с тех пор, как Кай видел ее в последний раз, и яркий свет люмосфер этого не скрывал. Ее

полосы утратили былой золотистый блеск и стали полностью серебристыми. Линии морщин, расходящиеся от пластиковых полукруглий, вставленных в глазницы, стали глубже и отчетливее. Она уже была старой, когда Кай проходил обучение, а теперь выглядела древней.

--- Я изменилась? --- спросила Сарашина.

Кай, застигнутый врасплох, невольно покраснел.

--- Ты выглядишь... старше, --- сказал он, немного запнувшись.

--- Я и стала старше, Кай, --- ответила Сарашина. --- Я слишком долго путешествоваю в варпе, и он оставил на мне свои отметины.

Она подняла руку и прошлась пальцами по раздраженной коже его лица. Прикосновения были легкими, как перышко, и очень нежными.

--- И на тебе тоже.

Преждевременное старение было проклятием всех астронавтов, и Кай сам знал, что утратил чистоту линий высоких скул и часть пышной шевелюры.

которую давно тронула седина. Хотя ему еще не было сорока, на вид ему можно было дать все пятьдесят. Из зеркала -- когда он еще мог видеть свое отражение -- на него смотрело бледное осунувшееся лицо с свалившимися щеками и запавшими глазами. Разрушениям, вызываемым постоянными путешествиями в варне, могли противостоять только самые дорогие и эффективные омолаживающие процедуры, но ни один астронавт, даже из Дома Кастана, не был настолько тщеславен, чтобы на это решиться.

Кай понятился от руки Сарашины.

-- Я никогда не думал, что вернусь сюда, -- сказал он, стараясь сменить тему разговора.

-- Мало кто из нас возвращается, -- согласилась Сарашина.

-- Должен ли я чувствовать себя польщенным, удостоившись такой чести?

-- Это зависит от того, как ты смотришь на свое возвращение.

-- Как на наказание, -- ответил Кай. -- Чем же еще можно это считать?

-- Я тебя оставляю на время, чтобы

ты мог над этим подумать, — сказала Сарашина, увидев, что из гравелифта вышел Головко.

За генерал-майором появились и Черные Часовые. Как только все собрались, Сарашина отперла расположенную слева от нее дверь. При таком повороте дела Кай нахмурился.

— Я не новичок, — сказал он. — А эта дверь ведет в тренировочные залы, где осваивают азы посланий.

— Все верно, Кай, — согласилась Сарашина. — Но где же еще ты можешь начать тренировки?

— Начать? Я больше десяти лет служил в Телепатика и давно усвоил ритуалы погружения. Я не нуждаюсь, чтобы со мной обращались как с ребенком.

— Мы будем с тобой обращаться так, как сочтем нужным, — заявил Головко, подталкивая его к открытой двери. — Тебя об этом не спрашивают, а по мне, так тебе и вовсе не стоило позволять сюда возвращаться. Ты опасен, я это чувствую.

— Тебе надо сдерживать подобные «чувства», Головко, — сказал Кай, страхнув

его руку. -- Иначе вокруг тебя соберутся
чуткие пси-гончие. И я не думаю, что ты
стожешь от них избавиться.

-- Хватит препираться, -- одернула
их Сарашина. -- Ваши споры просто
стешны и могут вызвать эфирные
возмущения.

Кай замолчал. Он знал, что
Сарашина права, и потнил глухое
раздражение, которое испытывал каждый
раз, когда посторонние подгавались своим
эмоциям в непосредственной близости от
шипящих катней. Без дальнейших
возражений он последовал за Сарашиной по
коридору, где кирпичная кладка была
облицована керамическими плитками
цвета охры. Свет, проникавший из
центрального зала, стал заметно слабеть.
На массивных дверях вдоль всего прохода
умелись таблички с номерами и именами.
В каждой из этих келий грелал или
грезил, а может, бодрствовал новый член
Схоластиа Псайкана. Из-за пси-
защищенных дверей определить это было
невозможно. Вскоре вокруг сгустилась
полная темнота, но Кай еще все отлично

бигел.

--- Ты не пользуешься своим слепозрением, --- заметила Сарашина, слегка наклонив голову.

В ее голосе Кай уловил оттенок разочарования.

--- Нет, не пользуюсь. Аугментические устройства позволяют мне прекрасно видеть в темноте.

--- Я понимаю, но какая тебе от этого польза?

--- Мне не нравилось быть слепым. Я имею в виду --- по-настоящему слепым. Я скучал по чтению.

--- Для тех, кто лишен глаз, тоже имеются книги.

--- Знаю, но я предпочитаю, чтобы слова сами приходили ко мне, --- ответил Кай. --- В записанном слове больше информации, чем в символах, которые мы различаем на ощупь. Письменность обладает особой красотой, которую не в состоянии передать контактный шрифт.

--- Я бы могла с тобой поспорить, но это тема для вечернего разговора, когда на столе лежит хорошая книга и стоят

чашки с горячим рекафом. А может, тебе
понадобились глаза, чтобы цепляться за
какой-то аспект жизни, предшествующей
работе и Теленатика?

--- Я не знаю, --- сказал Кай. --- Может
быть. Я не думаю, что это так уж важно.

--- Возможно, это помогло бы понять,
почему ты не в состоянии составить
послание и открыться для видений своих
братьев.

--- Я знаю принципы передачи
посланий, --- возразил Кай. --- Я усвоил их
всею за год.

--- Тогда почему ты здесь? Почему
Дом Кастана отослал своего
исключительного астроната обратно в
Город Зрения?

Кай не ответил, а Сарашина
остановилась у кельи с открытой дверью.

--- Кай, я хочу тебе помочь, --- сказала
Сарашина. --- Ты был лучшим моим
учеником, и, если ты потерпел неудачу,
значит, и я в чем-то ошиблась.

--- Нет, --- ответил Кай. --- Это все из-за
того, что... произошло на «Арго».

Сарашина предостерегающим

жестом подняла руку.

--- Не говори об этом, пока другие находятся в состоянии покоя. --- Она показала на закрытые двери, выходящие в коридор. --- Спи. Медитируй, если это тебе поможет. Отдохни, а утром мы с тобой поговорим.

Кай кивнул. В голове металось множество мыслей, но его тело нуждалось в отдыхе, и, хоть койка послушника была далеко не роскошным ложем, его манила возможность прилечь. Он шагнул в келью и еще на пороге уловил едва различимый голос из темноты. С обеих сторон от входа затерцали шепчущие камни, и ему стало интересно, в чьи недавние воспоминания он ненамеренно вторгся.

Воспоминания часто посещали обитателей Города Зрения и по большей части были нежеланным явлением. Тот, кто заботился о своем рассудке, предпочитал не задерживаться на думках о прошлом.

И Каю это было известно лучше, чем кому-либо другому.

Дверь за ним захлопнулась с глухим

стукот. Скрипка запираемого замка, характерного для келий послушников, не последовало, но он ощущал присутствие оставшихся снаружи Черных Часовых. Сарашина могла относиться к нему как к заблудшему сыну, но Головкин придерживался совершенно иного мнения. Кай мог только гадать, какими кошмарами оборачивается для новичков его враждебность.

Его дорожного сундучка еще не было в келье, и Кай подозревал, что Черные Часовые исследуют его пожитки в поисках потенциально опасных вещей. Они ничего не найдут. Кай ничего не хотел брать с «Арго», и теперь все его имущество состояло из нескольких рубашек, туалетного набора, отлично сшитого костюма от портнихи с японского полуострова и, конечно, множества переплетенных в кожу онейрокритик.

Для Черных Часовых книги ничего не значат, а вот криптэстезианцы внимательно будут их изучать, чтобы убедиться в отсутствии скрытых значений.

Они тоже ничего не обнаружат, но он понимал, что проверка необходима.

Внутри келья была почти пустой, и ничто не указывало на ее прежнего обитателя. Такой порядок был оправдан, поскольку остаточное ощущение предыдущего постояльца повлияло бы на видения Кая. У стены стояла простая парусиновая койка, в ногах небольшой сундучок, напротив них — письменный стол и стул. На столе лежала черная тетрадь, промокательная бумага, стило и розовая чернильница.

Над столом висели пустые полки, поджидające постоянно пополняемой коллекции онейрокритик астронавта. Полки были не слишком вместительными, поскольку для создания внушительной библиотеки визуальных образов, символов и расшифровок снов новичку требовалось немало времени.

Кай поставил на стол прихваченную на скитлере бутылку атасека и взял в руки тетрадь. Рассеянно перелистнув страницы, он вдохнул резкий запах новой бумаги и снова положил тетрадь на стол.

Пустые страницы ждали толкований снов. Тетрадь пока чиста, но потенциал будущих записей может превратить ее в заряженное оружие.

Будучи опытным астронавтом, Кай мог счесть за оскорбление необходимость поселиться в келье новичка, но гнева он не испытывал. Отсутствие ответственности, которую накладывали сильные чувства, подействовало на него умиротворяюще. Он вытянулся на кровати и закрыл глаза, постепенно замедляя дыхание, несмотря на ноющую боль психистости.

Большинство астронавтов не испытывали трудностей при засыпании, какими бы тревожными ни были их мысли. После наглажащих мантр и техник погружения в транс можно было достичь любого состояния сознания.

Сон быстро пришел к Каю, но видения не позволили ему отдохнуть.

Глава 3

ОТЛИЧНЫЙ ХОД

РУВ-ЭЛЬ-ХАЛИ^[13]

АРЗАШКУН^[14]

--- Твоя императрица под ударом, --- с устешкой заметил хормейстер.

--- Мне это известно, --- ответила Сарашина и передвинула на доске фигурку из коралла, добытого в океанском мире Лаэран. --- Или ты думаешь, что я впервые сыграю в регициг?

Немо Зи-Менг улыбнулся и покачал головой.

--- Нет, конечно, я так не думаю. Но я не хочу выигрывать, воспользовавшись твоей рассеянностью.

--- А ты уверен, что выиграешь?

--- Как обычно.

--- Только не сегодня, --- ответила Сарашина, когда Зи-Менг взял своего рыцаря-кастеляна и сбросил его на ковер.

Доска и фигурки, подаренные сатим

Фениксийцем, были поистине великолены. Каждая фигура проработана до мельчайших деталей, у каждой свой характер, что неудивительно для притарха, прославившегося своим стремлением к совершенству. Прикосновение к этим изысканным скульптурам было не менее приятным, чем сама игра.

— Я думаю, ты ошибаешься, — возразил Зи-Менг, как только Сарашина передвинула по доске своего дивинитарха.

— Подумай еще, — сказала Сарашина и облокотилась на груду роскошных подушек, во множестве разбросанных по полу в покоях хормейстера. — Ну, видишь?

Зи-Менг наклонился над доской и, оценив расстановку фигур на доске, растеялся.

— Невероятно! — воскликнул он и всплеснул изящными и сильными руками скульптора.

На среднем пальце левой руки блеснуло кольцо с резным ониксом. Его переплетенные линии могли означать неизвестные символы, но, скорее всего,

просто были затейливым орнаментом. Зи-Менг говорил, что купил кольцо у человека, утверждавшего, будто он прибыл из Четвертого Доминиона, но Сарашина считала, что это всего лишь очередная безвредная похвальба хормейстера. Если бы у него сохранились глаза, он наверняка бы подмигивал, рассказывая эту историю. Но его тингалевидные глазницы были плотно закрыты, а знающие люди понимали, что хормейстер был ослеплен больше ста лет назад, когда подобная практика была нормой.

Хормейстер еще раз изучил фигуры на доске, словно не веря в свое поражение.

— Я поражен кинжалом убийцы, спрятанным в бархатном рукаве. А я планировал еще много ходов, надеясь одержать легкую победу.

— Хороший изрок в регицид предвидит пять ходов, — сказала Сарашина. — А великий изрок...

— ...планирует всего один ход, но это ход наилучший, — закончил Зи-Менг, перебирая тонкими пальцами пряди побелевшей бороды. — Если ты собираешься

цитировать Жиллимана, окажи
любезность, дай мне сначала выиграть.

--- Может быть, в следующий раз, ---
ответила Сарашина, заметив у двери
слепого сервитора хормейстера.

Это существо в белом одеянии,
лишенное собственных мыслей, в ее мозгу
казалось призраком, расплывчатым
светлым пятном. Часть мозга сервитора,
отвечающая за мышление, была удалена, и
остались лишь рудиментарные навыки.

--- Ты знаешь, почему я настаиваю на
игре в регициг? --- спросил Зи-Менг.

--- Чтобы блеснуть своим
мастерством?

--- Отчасти, --- признал он. --- Но не
только ради этого. Регициг учит нас
терпению и дисциплине при выборе
варианта, когда импульсивное решение
кажется весьма привлекательным.

--- Бесконечное обучение, так?

--- Обучение проходит легче, если
субъект не догадывается о том, что его
учат.

--- Ты и меня учишь?

--- Думаю, нас обоих, --- сказал Зи-

Менг.

Сервитор внес сосуд с травяным отваром, закрытый стальным колпаком, но до Сарашины все же донесся теплый сладковатый запах.

— А как насчет твоего пристрастия к сладкому?

— Признаю, это моя слабость, — ответил Зи-Менг.

Он жестом отпустил сервитора и наполнил теплой жидкостью две чашки. Сарашина приняла напиток и осторожно отпила, наслаждаясь насыщенной сладостью.

— Сладость дает мне утешение, — с улыбкой сказал Зи-Менг. — А в такие времена надо пользоваться любыми утешением, какое можно найти. Ты согласна?

— Я думала, что для этого тебе достаточно зажечь кальян, — заметила Сарашина.

— Утешения можно достичь разными путями, — ответил Зи-Менг, растягивая пояс и позволяя одеянию упасть на пол.

У него было сухощавое и жилистое

тело, но Сарашина знала, что в этих хрупких на вид конечностях таится немалая сила. Каждый квадратный сантиметр его бледной, пергаментно-сухой кожи покрывали татуировки, нанесенные при помощи иглы, которую, согласно слухам, Зи-Менг вырвал из тела окаменевшего существа, обнаруженного в американской радиоактивной пустыне. На полотне его плоти было изображено великое множество оберегающих символов: соколиные головы, змеи, пожирающие свой хвост, астронатические кресты, глаза и горгоноподобные лики.

Тот факт, что под давлением Имперского Кредо подобные символы вышли из употребления, ничуть не беспокоил хормейстера, поскольку он был старейшим из живущих в Городе Зрения астронатов и лучше многих других знал, как уберечься от опасностей империума.

Он улегся рядом с Сарашиной и с невероятной нежностью провел пальцами по ее руке. Она улыбнулась и перевернулась лицом вниз, позволяя Зи-Менгу

массировать спину и снимать напряжение
очередного трудного дня, полного
отчаянных посланий, направляемых из
залов мысли к Проводнику и далее, к
намеченному получателю. Зи-Менг
научился искусству массажа по книге
тупрого старца, обитавшего в горах
задолго до восшествия Императора и
постройки венчающего мир Дворца. От
прикосновений хормейстера по старым
костям Сарашины разлилось исцеляющее
тепло.

--- Я бы не возражала, если бы ты всю
ночь этим занимался, --- протурлыкала
она.

--- И я бы так и сделал, --- ответил
он. --- Но это не для нас, моя дорогая.

--- Жаль.

--- Расскажи мне о сегодняшних
посланиях, --- попросил он.

--- Зачем? Ты и так знаешь обо всем,
что прошло через башню.

--- Верно, но я хотел бы услышать,
что ты об этом думаешь, --- сказал он,
разминая болезненный узел в нижней части
ее спины.

--- Мы получаем запросы от миров с требованием армейских флотилий для защиты от разного рода мятежников.

--- Почему же не попросить подкрепление легионов?

--- Мне кажется, люди боятся. Если на сторону изменника могли переметнуться четыре легиона, за ними могут последовать и другие.

--- Интересно, --- протянул хормейстер, в то время как его рука не переставала разминать напряженные мышцы у нее на плечах. --- Продолжай. Расскажи мне о легионах. Какие новости поступили на Терру от наших величайших воинов?

--- Только отрывочные известия, --- призналась Сарашина. --- Некоторые легионы ежедневно запрашивают приказы, другие находятся вне зоны нашей досягаемости, а остальные, похоже, предпочитают действовать автономно.

--- Скажи, почему решение кастодесантников действовать самостоятельно вызывает опасения? --- спросил Зи-Менг.

--- Зачем ты задаешь вопросы, ответы

на которые тебе и так известны?

--- Чтобы узнать, известны ли они тебе.

--- Хорошо, я отвечу, поскольку ты возвращаешь меня к жизни, --- сказала Сарашина. --- Если такую мощь, какую представляют собой легионы, однажды выпустить из-под контроля, ее трудно будет снова подчинить Терре.

--- Почему?

--- Считать костогесантников просто генно-модифицированными убийцами --- значит сильно их недооценивать. У них командуют очень опытные и честолюбивые лидеры. Попробовав действовать по своему усмотрению, они вряд ли захотят снова подчиняться, независимо от того, кто этого потребует.

--- Очень хорошо, --- кивнул Хормейстер.

--- Но до этого не дойдет, --- продолжала Сарашина. --- Хорус Луперкаль будет разбит в системе Усстваан. Даже ему не удастся устоять против семи легионов.

--- Надеюсь, ты права, Аник, --- сказал

Зи-Менг. --- Семь легионов это невероятная мощь. Сколько потребуется времени, чтобы флотилия лорда Дорна достигла Устваана-пять?

--- Уже скоро, --- ответила Сарашина.

Превратности путешествия в варне не позволяли делать более точные прогнозы.

--- Тебя что-то тревожит в предстоящей битве? Я не имею в виду обычное беспокойство.

--- Примарх Восьмого легиона, --- призналась Сарашина.

--- От Астартес Гвардии Ворона я слышал, что он воссоединился со своими воинами.

--- Верно, но лорд Дорн настаивал, чтобы приказы о фортировании сводной флотилии на Устваан направлялись не Конраду Курцу, а только ротам Повелителей Ночи, которые дислоцированы в Солнечной системе.

--- И это вызвало тревогу во Дворце? --- как бы про себя заметил Зи-Менг. --- То, что примарх воссоединился со своим легионом?

--- Не только это, --- сказала Сарашина. --- Никому не известно, где был Күрц после приведения к Согласию мира Черо.

--- Это известно лорду Дорну, хотя он в этом и не признается, --- ответил Зи-Менг. --- Он поручил мне отправить послания лордам Вулкану и Кораксу.

--- Что это за послания?

--- Я не знаю, --- сказал Зи-Менг. --- Они составлены неизвестным мне способом, что-то вроде боевого жаргона, известного только сыновьям Императора. Остается только надеяться, что оно попадет к ним вовремя. Но хватит говорить о том, чего мы не в состоянии изменить. Расскажи мне о Просперо. Как ты думаешь, почему уже несколько месяцев с ним нет связи?

--- Вероятно, Магнус все еще переживает последствия Никейского собора, --- предположила Сарашина.

--- Может быть, и так, --- согласился Зи-Менг. --- Я видел его в тот момент, когда Император огласил приговор, и никогда этого не забуду. Его обуряла невообразимая ярость, но еще сильнее была

боль предательства, которую я услышал в
его сердце.

--- Я могу задействовать еще один хор
для связи с Просперо, --- предложила
Сарашина.

Зи-Менг покачал головой.

--- Не наго. Я уверен, Магнус вскоре
сам восстановит контакт. Как бы ни был
он уязвлен приговором, его любовь к отцу
слишком сильна, чтобы долго оставаться
в отчуждении. Ну, вот я и закончил.

Сарашина перевернулась, подвигала
плечами, повертела головой и улыбнулась,
ощущая, как свободно двигаются ее
суставы и мышцы.

--- Чем бы ни было то искусство,
которому тебя научили люди гор, оно
очень эффективное, --- сказала она.

Зи-Менг сплел пальцы и повернул
руки ладонями наружу.

--- Я ведь и тебя этому научил, --- с
улыбкой напомнил он. --- Помнишь?

--- Полню. Ложись.

Сарашина поднялась, и хортейстер
занял ее место, улегишись лицом вниз.

Она уселась на него верхом и начала

массировать затупленную спину. Люди
с соколиными головами и змеи,
заглотившие свой хвост, стали
вытягиваться и извиваться под ее
пальцами.

— Расскажи мне о Касе Зулане, —
спросил Зи-Менг. — Через шепчущие
камни я чувствую его ночные кошмары.

— Их ощущают почти все обитатели
башни, — добавила Сарашина.

— Его разум пострадал, Аник. Очень
сильно пострадал. Ты уверена, что
целесообразно тратить на него силы,
чтобы спасти от Пустой горы? Великому
Маяку постоянно требуются свежие
головы. И теперь сильнее, чем когда-либо.

Руки Сарашины приостановили свою
работу.

— Я верю в него. Он был моим лучшим
учеником.

— Да, когда-то, — сказал Зи-Менг. — А
теперь это просто астронавт, который не
передает посланий. Или не хочет ни
передавать, ни принимать их.

— Я это знаю. Я поручила его
заботам лучшего оракула. Думаю, ты

одобришь мой выбор.

--- Кто это?

--- Афина Дийос, --- ответила Сарашина. --- У нее редкий дар исцеления поврежденного разума.

--- Афина Дийос, --- заучливо повторил Зи-Менг и довольнo заворчал, когда лагони Сарашины прошлись по его плечам. --- Помоги ему Трон.

--- Госпожа Сарашина сказала, что ты больше не можешь сформировать послание, --- полным язвительного пренебрежения голосом произнесла Афина. --- Это ведь основная телепатическая функция, без которой не может работать ни один астронавт. Ты уже не совсем астронавт, верно?

--- Вероятно, --- ответил Кай, стараясь не слишком пристально ее разглядывать.

--- Что-то не так?

--- Нет, все в порядке, просто ты не совсем такая, как я ожидал.

--- А чего ты ожидал?

--- Не... этого, --- пробормотал он.

сознавая, насколько смешон его ответ.

Сказать, что зрелище оказалось для Кая неожиданным, значило бы сильно преуменьшить его изумление. После целой ночи нескончаемых кошмаров его вызвали в одну из безымянных тренировочных келий все на том же уровне для новичков. Из всей обстановки там стояло одно кресло, и комната казалась настолько безликой, насколько это возможно.

В келье его уже поджидала Афина Дийос, и Кай мгновенно ощутил резкие грани ее личности.

Ее тело покоилось в парящем в воздухе кресле, созданном специально для ее искривленной спины и с учетом того, что осталось от конечностей. Ноги Афины были ампутированы до середины бедра, левая рука безобразно сморщилась от многочисленных шрамов, а тонкий аугментический манипулятор, заменивший правую руку, нетерпеливо выбивал гробь по отшлифованному стальному подлокотнику. Лишенный волос череп покрывала кожа, напоминающая выветренные камни древних рун. Пустые

свалившиеся глазницы были закрыты искусственно нарощенной кожей, и это была единственная часть лица, не пострадавшая от ужасной катастрофы или другого несчастья, приковавшего женщину к инвалидному креслу.

--- Воспользуйся своими шикарными зрительными приспособлениями и сделай снимок, --- резко бросила ему Афина. --- Позже на досуге сможешь налюбоваться досыта. А сейчас нам предстоит поработать. Понятно?

--- Конечно. Да, извини.

--- Не извиняйся, --- отрезала она. --- Я не нуждаюсь в твоей жалости.

Ее кресло развернулось и проплыло в другой конец кельи, а Кай воспользовался возможностью подключить медицинский фильтр и исследовать ее единственную руку. Характер повреждений кожи и плотность шрамов подсказали ему, что раны появились несколько лет назад. А коллоидные рубцы свидетельствовали, что имело место пусть частичное, но воздействие вакуума.

Афина пострадала при аварии

звездного корабля.

Но крайней мере, у них было что-то общее.

--- Сядь, --- сказала Афина, разворачиваясь лицом к единственному креслу.

Кай повиновался, и мягкое сиденье словно обволокло его тело. Датчики давления вызвали изменение формы подушек в соответствии со строением его скелета. Это было самое удобное кресло, в котором Каю приходилось сидеть.

--- Тебе известно, кто я? --- спросила Афина.

--- Нет.

--- Я Афина Дийос, оракул. Это означает, что я намерена отыскать еще оставшиеся крупицы твоих способностей и собрать их в единое целое. Если мне это удастся, ты снова сможешь приносить пользу.

--- А если нет?

--- Тогда ты отправишься в Пустую гору.

--- Ох.

--- Ты этого хочешь? --- спросила

Афина, прекращая барабанить
аугментической рукой по подлокотнику
коляски.

--- В настоящий момент мне это
безразлично, --- ответил Кай, скрестив
ноги и потирая ладонью заросшие щетиной
щеки.

Безжалостно-яркий свет делал келью
ужасно похожей на больничную палату.
Коляска Афины повисла рядом с ним, и Кай
уловил запахи антисептика и
обезболивающего бальзама, покрывающего
искаленную руку. Еще он заметил
золотое кольцо на среднем пальце.
Включив увеличение, он рассмотрел
мелкую гравировку: птица, вылетающая
из расколотого яйца, окруженного языками
пламени.

Афина заметила его взгляд, но
ничего не сказала.

--- Тебе известно, что происходит в
Пустой горе? --- спросила она.

--- Нет, конечно, --- ответил Кай. --- Об
этом никто не рассказывает.

--- И как ты думаешь, почему?

--- Откуда мне знать? Суровый обет

молчания?

--- Это потому, что никто из
попавших в Пустую гору не возвращается
оттуда, --- сказала Афина. Она
наклонилась вперед, и Кай с трудом
удержался, чтобы не отпрянуть. --- Я
видела, что происходит с несчастными,
попавшими туда. И мне жаль их. Они
обладают даром, но его силы
недостаточно, чтобы приносить хоть
какую-то другую пользу. Это благородная
жертва, но ее благородство не отменяет
неминучей смерти.

--- Так что же с ними происходит?

--- Сначала кожа трескается, как
бумага в пламени, и осыпается пылью.
Затем постепенно тают мышцы, и, хотя
ты чувствуешь, что жизнь покидает тело,
процесс остановить невозможно. Шаг за
шагом исчезают мысли: воспоминания,
радость, счастье, боль и страх. Все это
находит применение. Маяк не оставляет
от тебя ничего. Все, что составляло твою
личность, высасывается, остается лишь
истощенная оболочка, пустая шелуха
испепеленной кожи и раскрошенных костей.

Это больно, мучительно больно. И ты должен это знать, прежде чем так легкомысленно отказываться от последнего шанса сохранить жизнь, который я тебе предлагаю.

Кай чувствовал ее дыхание — жаркое, густо насыщенное запахами медикаментов.

— Я этого не хочу.

— Я так и думала, — сказала Афина и отодвинулась от Кая, шевельнув аугментическим манипулятором.

— И как же ты собираешься мне помочь?

— Как давно ты в последний раз погружался в транс восприятия? — спросила Афина.

Вопрос застал Кая врасплох.

— Я не вполне точно.

— Я намерена помочь тебе избежать Пустой горы, но ты должен дать мне что-то, с чем можно было бы работать, Кай Зулан. Если ты мне хоть раз солжешь, если что-то утаишь, если дашь повод подозревать, что препятствуешь моей работе или подвергаешь опасности чью-то

жизнь в этом городе, я без колебаний откажусь от тебя. Я понятно выразилась?

--- Вполне, --- ответил Кай, осознав, что его жизнь целиком и полностью находится в руках этой обезображенной женщины. --- Я уже несколько месяцев не погружался в транс восприятия.

--- Почему? Вероятно, это причиняет тебе страдания, --- сказала Афина. --- Ты болен?

--- Немного, --- признал Кай. --- У меня возникает боль в суставах и все время болит голова.

--- Тогда почему ты избегаешь транс?

--- Потому что мне легче терпеть боль, чем ощутить то, что я почувствовал на «Арго».

--- Значит, все это не связано с утратой способностей. Это хорошо. Но крайней мере, мне есть с чего начать.

Кресло Афины снова скользнуло ближе, и она протянула ему свою руку. Туго натянутую сухую кожу пересекали твердые и бледные рубцы. На вид они казались влажными и лоснящимися, и Кай

не сразу решился обхватить ее ладонь своей рукой.

--- Я сейчас буду погружаться в транс передачи послания, --- пояснила Афина. --- Ты будешь следовать моим словам, но я хочу, чтобы ты сформировал картину. Ты самую, которую обычно формируешь, чтобы очистить полотно для послания, ничего нового. Я буду рядом, и мы начнем формировать картину --- только это. Мы не станем ни передавать, ни принимать послания. Ты должен это уяснить, прежде чем мы начнем.

--- Я все понял, --- сказал Кай. --- Мне это не нравится, но я понимаю.

--- Тебе может многое не нравиться, но постарайся сделать это.

Кай кивнул, закрыл глаза, затедел дыхание и прочел подготовительные мантры, которые вызывали в его сознании фантастический пейзаж. Это было легко. На такое способен любой человек, не обязательно псайкер, хотя обычный человек в результате достигнет только релаксации, не больше. Зато следующий шаг грозил осложнениями, и Кай

постарался прогнать предчувствие.

— Теперь поднимайся в этот ландшафт, — скотандовала Афина.

Ее голос утратил прежнюю резкость и стал гораздо приятнее.

Кай позволил мантрам высвободить сознание из тела, и при этом ощутил легкое головокружение. Затем, словно хор из далекого театра, послышалось едва различимое пение. Астронавты в башне занимались своими делами, но в это беспокойное время трудно было ожидать чего-то другого. Башня была наполнена миллионами приглушенных голосов, и шепчущие камни не давали им мешиваться между собой. На границе имперского пространства Кай прогнал все тяжёлые мысли и позволил мягкому сиянию окутать его тело защищающей пленой.

Теперь он был готов.

Он ощущал присутствие сопровождающей его Афины. Понятия верха и низа в пространстве духа не имели значения, но человеческое восприятие не может сформировать абсолютно

абстрактное пространство. Каждый астронавт по-своему входил в транс восприятия: некоторые окружали себя образами, соответствующими местоположению передающего телената, другие сосредоточивали внимание на ключевых символах, общих для большинства посланников.

Кай не пользовался ни тем, ни другим методом, предпочитая создавать собственное мысленное полотно, на котором отпечатывались видения передающего телената. Зачастую мысленная архитектура могла исказить сообщение, и угроза неверного толкования висела проклятием над каждым астронавтом. Кай за все годы службы ни разу не допустил ошибочной интерпретации, но — как и всякий другой ученик в Городе Зрения — был наслышан об ужасных случаях, когда астронавты неправильно истолковывали отчаянные просьбы о помощи или посылали экспедиционные флотилии разрушать миры, чьи обитатели были верными слугами Трона.

Он ощутил тепло, и его тело покрылось испариной.

Не настоящее тепло, но достаточно реальное для этой обители видений и миражей.

Кай открыл глаза. Вокруг него на многие километры простиралась пустыня.

Наг белым песком грожал раскаленный воздух, необъятные безлюдные просторы не могли таить в себе никакой опасности. Ничто не могло потревожить пустынную даль — из этого мира были удалены абсолютно все признаки жизни.

Таким был ландшафт, появляющийся в видениях Кая с тех пор, как он вернулся на Терру.

На борту спасательного катера сильные медицинские снадобья удерживали Кая в состоянии бодрствования, но человеческий мозг не может долго обходиться без сна. В госпитале Дома Кастана на Киприосе, в первую ночь на Терре, его хрупкая психика безсдерживающих средств едва не разлетелась на множество осколков, но затем включились приобретенные во

время обучения рефлексy, и Кай смог контролировать сны. Вплоть до прошлой ночи он постоянно приходил в сновидениях в это место и бродил по удивительной пустыне до самого пробуждения.

Такой сон освежал тело, но не приносил облегчения разуму.

--- Это и есть твое полотно? ---
раздался голос.

Кай обернулся и увидел идущую к нему Афину Дийос. Длинное одеяние развевалось вокруг ее стройного тела, густые волосы золотисто-рыжего оттенка рассыпались по плечам.

--- Ты выглядишь удивленным, ---
заметила она.

--- Наверно, так и есть, --- ответил Кай.

Ее нынешний облик так же изумил его, как и увиденный при первой встрече.

--- Не стоит удивляться. В конце концов, это царство сновидений. Здесь можно принять любой вид, какой захочется.

--- К тебе это не относится, --- сказал Кай, уловив едва заметную уклончивость.

— Это настоящая ты.

Афина прошла мимо Кая, и вместо химического запаха медикаментов он вдохнул аромат корицы и миндаля.

— Ты красивая, — сказал он.

Она оглянулась через плечо. На энергичном лице появилась улыбка.

— Ты добрый. Большинство людей сказали бы, что я была красивой.

— Ты должна привыкнуть к тому, что я не «большинство».

— Я в этом уверена, — сказала Афина. — Это и есть твой ландшафт видений?

— Да, это Руб-Эль-Хали, — ответил Кай.

— Мне не понятно это название.

— Оно означает «Пустое место», — пояснил Кай. — Это была пустыня Старой Терры, которая росла и росла, пока не соединилась с другой песчаной областью и не образовала пыльную котловину.

— Это мысленный ландшафт творца видений, который не хочет их видеть, — сказала Афина. — Неразумно постоянно оставаться на уровне познания, лишая

подсознание возможности освободиться.
Нет символизма, ничто не напоминает о
реальном мире и ничто не указывает на
аспект личности творца видений.

--- Что же нам теперь делать? ---
спросил Кай.

--- Продолжим исследования, ---
ответила Афина. --- Я должна составить
представление о твоём сознании, прежде
чем смогу отыскать трещины.

--- В Руб-Эль-Хали нечего
исследовать.

--- Посмотрим. Скажи, почему ты
оказался здесь.

--- В трансе?

--- Нет, в Городе Зрения. Я читала
твое личное дело. Ты был откомандирован
в легион Ультратаринов и стал служить
на «Арго», фрегате с экипажем илотов,
направлявшемся к юпитерианским докам
для переоборудования перед отправкой на
Калт. Расскажи, почему ты оказался
здесь, а не на пути в систему Ультратар.

--- Я не думаю, что мы должны об
этом говорить, --- сказал Кай.

Далеким горизонт пустыни дрогнул.

словно под поверхностью песка
шевельнулось гигантское существо. Оно
попытался проигнорировать это явление,
но безликая пустыня его видений уже
изменилась, реагируя на новое вторжение.

Афина, проследив за его взглядом,
заметила осыпавшийся со склона белый
песок.

--- Что это? --- спросила она.

--- Ты читала мое личное дело, ---
сказал Кай, стараясь не показывать
испуга. --- Ты должна знать, что это
такое.

--- Я хочу, чтобы ты сам мне сказал.

--- Нет, --- отрезал Кай.

Из песка показалось нечто огромное,
сверкающее кобальтом и золотом, похожее
на чешуйчатую спину змея, поднявшегося
над поверхностью океана. Невероятное
создание двигалось с грацией хищника и
упорством урожденного убийцы. Спустя
несколько мгновений оно скрылось под
поверхностью пустыни.

--- Мы здесь очень уязвимы, --- спокойно
заметила Афина.

--- Я и сам это знаю, --- резко ответил

Кай.

--- Ты не думаешь, что надо отыскать безопасное укрытие?

--- И что ты предлагаешь? ---
огрызнулся он. --- Мы же в пустыне.

Сердце у него уже колотилось по ребрам, а лагони взмокли от пота. Во рту пересохло, и мочевого пузыря грозило немедленно выплеснуть содержимое. Кай прикрыл лагонью глаза от слепящего солнца и окинул взглядом горизонт в поисках новых подземных хищников.

--- Нет, не в пустыне, --- возразила Афина. --- Мы в твоем сознании, лицом к лицу с твоим страхом. Что бы здесь ни было, это часть тебя, и только ты можешь позволить им на нас напасть. Давай, Кай, ты же не забыл основные принципы психической защиты?

--- Я не могу помешать им появляться.

--- Нет, можешь, --- настаивала Афина, беря его за руку. --- Создай то, что обеспечивало тебе безопасность в прошлом.

Кай заметил блеск в песке за плечом Афины, и все мысли о когда-то усвоенных

принципах вылетели у него из головы. Все затопил страх, и из-под песка слышались отчаянные вопли, словно голоса целой армии похороненных заживо людей.

--- Кай, ты сможешь это сделать, --- сказала Афина, оглядывая пески. --- Держись за мой голос.

Она начала нараспев читать мантры, предшествующие погружению, и мерный ритм ее голоса подействовал подобно успокаивающему лекарству.

--- Это видение, созданное мной. Это царство спокойствия. Я хозяин этого царства. Кай, повторяй это вслеп за мной.

--- Я хозяин этого царства, --- повторил Кай, стараясь поверить этим словам.

В песке сгустившись темным пятном проявился силуэт чудовища. Оно кружило под ним, поднимаясь к поверхности неторопливыми толчками металлического тела. Оно знало об их уязвимости и не спешило убивать свои жертвы.

--- Говори увереннее! --- прошипела Афина. --- Я не больше твоего хочу видеть

это создание.

--- Я хозяин этого царства! ---
закричал Кай.

--- А теперь создай для нас безопасное
укрытие, --- посоветовала Афина.

Кай постарался собраться с мыслями,
несмотря на движущийся под ногами песок.
Левиафан скользил под ними, его
невероятно огромное тело, растянувшееся
на километры, окружило Кая и Афину.

Он знал, что это такое, но знание
только усиливало желание держаться
подальше от ужасного монстра.

--- Я знаю, где будет безопасно, ---
произнес он.

--- Покажи мне, --- попросила Афина.

В бесплодной пустоте своего сознания
Кай медленно, камень за камнем, начал
рисовать крепость из света. Вокруг них
начали подниматься воображаемые башни,
сводчатые корпуса, крытые сады и
трехрядные галереи. Позолоченные арки,
балконы и минареты, украшенные
нефритом, желчугом и янтарем,
образовывали сооружение, рожденное
воображением и воспоминаниями.

Это была крепость из древних
времен, чуждо света, которое давным
прекратило свое существование.

При виде величественной крепости,
чьи стены терзали и переливались, словно
были сделаны из оплавленного песка,
Афина широко раскрыла глаза. Неведомая
сила подняла их в воздух и перенесла на
высокую башню, за сотни метров от
волнующегося песка.

--- Что это за место? --- спросила
Афина, едва закончился
головокружительный полет.

Кай крепко обнял ее за плечи, оберегая
от яростного ветра, грозившего сбросить
их со стены.

--- Это крепость Арзашкун в царстве
Урарту, --- ответил Кай. --- Когда-то она
стояла в верховьях великой реки, берущей
начало в саду, где зародилось
человечество.

--- Она стоит до сих пор? --- спросила
Афина, глядя, как над грожащими песками
ландшафта видений поднимаются все
новые и новые башни, стены и ворота.

--- Нет, она была разрушена.

— Но ты знаешь, как она выглядела?

Кай услышал приближающийся к поверхности гул, но заставил себя сосредоточиться на вопросе Афины. Если он позволит своим мыслям вырваться за пределы крепости, они оба немедленно рухнут вниз. Он вызвал в памяти стеклянные стены колоссальной библиотеки, расположенной в окружении высокогорных лесов.

— Вскоре после назначения в Тринадцатый легион мне посчастливилось получить доступ в Хрустальную библиотеку на Прандиуме, — сказал Кай, обращаясь к прошлому, чтобы избежать настоящего. — Видела бы ты, Афина, эти десятки миллионов книг, картин и симфоний, помещенных в резонансные кристаллы, заполнившие все стены каньона. Хранитель показал мне одну из книг примарха Жиллитана, хранившуюся среди прочих томов, словно в ней не было ничего особенного. Но это невероятное произведение, какого я и представить себе не мог. Оно не отличается ни новизной идей, ни изысканной каллиграфией, зато в

ней колоссальное внимание уделено деталям, недоступным для простого смертного.

--- У в той книге ты увидел крепость? --- догадалась Афина.

--- Да. На странице, где рассказывалось о пребывании лорда Жиллимана на Терре перед отправкой его флотилии в Великий Крестовый поход. Я увидел набросок крепости, настолько реалистичный, что ощутил твердость ее каменной и крепость стен. Там еще имелось примечание о путешествии в те края отца притархов и о том, что он изучил архитектуру крепости. Я тоже бывал в том районе, но от Арзашкуна ничего не осталось, даже воспоминаний. Тем не менее лорд Жиллиман представил себе крепость настолько отчетливо, словно получил планы от самого Розала Дорна.

--- Если бы только это было на самом деле, --- вздохнула Афина.

Кай проследил за ее взглядом, устремленным поверх стены. У него вдруг сильно забило сердце и закружилась голова. Из-под песка, словно кровь в молоке,

стало проступать красное пятно. Пульс
Кая участился, и в горле пересохло, когда
он ощутил неугержимый всплеск
воспоминаний. В мысли ворвался жалобный
детский голос, и красное пятно тотчас
увеличилось.

Невздумавший охотник, нетерпеливый и
возбужденный, рванулся по земле к
расползающемуся багряному пятну. По
самыми стенами он вырвался на
поверхность с оглушительным шумом, в
блеске клинков и шипов. Призрачный
корабль вынырнул из глубочайшего океана,
словно охотник из засады, и тотчас с
грохотом рухнул. Его борта сверкнули
голубоватой сталью, золотом и бронзой.
Это был покоритель миров, завоеватель,
способный произвести невообразимые
разрушения, и крепость из света, конечно,
не могла устоять перед такой мощью.

Вслед за кораблем катилась волна
десятков тысяч голосов, наполненных
ужасом и болью. Призрачный корабль знал
его имя, и он хотел, чтобы Кай
присоединился к мертвецам, чьи кости и
кровь заполнили переходы и каюты.

Кай с воплем вылетел из своего видения в тот момент, когда крепость рассыпалась осколками в виде невероятного множества ухмыляющихся лиц, черных клинков и оскаленных клыков.

Он резко открыл глаза и выпрямился в кресле. Шепчущие камни терзали воспаленными красными огоньками, перебрасывая остатки психической энергии контакта в залы-ловушки, расположенные в подземельях башни. Кай закрыл лицо ладонями и ощутил прохладную керамику и металл аугментических глаз. Сознание было переполнено чувством вины, ужасом, отвращением и печалью, из горла, воспалившегося от криков, вырвалось сдавленное рыдание.

Слез не было, и тучительная боль не отступала.

--- Это был «Арго»? --- спросила Афина.

Кай кивнул. Он вдруг заметил, что до сих пор держит ее за руку, и под его напряженными пальцами на ее изувеченной коже появились красные полукружья от впавшихся ногтей. Он со стыдом отдернул

руку.

--- Прости, --- произнес Кай. --- Я не хотел.

Афина прикрыла ладонью поврежденное запястье.

--- Я ощутила это, --- сказала она и снова взяла его за руку. --- Я ощутила все, что ты чувствовал, когда они утирали. Все.

Кай разрыдался, оплакивая потерянные души обитателей «Арго».

Но горше всего он оплакивал себя самого.

Глава 4

ГХОТЪ

ДРЕВНИЕ БОГИ

ЛУКИ СМЕРТИ

Работа с мертвецами вызывала жажду, и Паллагий Новангио глотнул застоявшейся воды из деревянного бочонка, стоявшего у дверей крематория. Суровые, крепкие люди, загружавшие тела в печь, давno привыкли к холодным застывшим останкам, напотивавшим об их собственной смертности. Без лишних слов они подтаскивали носилки с трупами к гигантской печи, вырубленной в скале, снимали с мертвецов одежду, лишая последнего достоинства, и, взяв за руки и за ноги, бросали в огонь.

Город Просителей не знал недостатка в трупах, это топливо здесь никогда не иссякало.

Женщины в храме сортировали и стирали одежду, а потом распределяли ее тем, кто нуждается. Порой казалось,

что население города не меняется, и встреченного на улице человека по одежде можно было принять за восставшего из мертвых. Мысль о том, что умершие могут хоть что-то оставить тем, кого они покинули, доставляла Палладию некоторое утешение.

По крайней мере, в большинстве случаев.

Он слыл с лица осевшую сажу стесью воды и собственного пота. Привкус перла и горящего жира остался в горле. Но изменить ситуацию уже невозможно. Без сколько-нибудь действенной гражданской власти на улицах Города Просителей постоянно появлялись трупы. Кто-то просто сдался и отказался от борьбы за жизнь, кто-то оказался не в том месте и не в то время. Смерть могла каждого забрать в любой момент, и для этого у нее имелись разнообразнейшие возможности.

Миллионы людей, прибывая на Терру, устремлялись в горы, к Дворцу, но только незначительной части путешественников удавалось забраться так далеко. И все же тысячи просителей собирались у Врат и

обращались с просьбой пройти внутрь к
безликим воинам, охранявшим все
подступы. Улицы Города Просителей
постоянно пополнялись теми, кто искал
смысл жизни, ответы на свои вопросы или
просто приходил полюбоваться на
величественную обитель Императора.

Наллагий помнил время, когда Город
Просителей был добропорядочной общиной
и достаточно маленькой, чтобы
держаться в рамках стабильности. Но
поток людей к стенам Дворца все рос и
рос, становясь невыносимой нагрузкой на
сложившуюся структуру. Мгновенно
возводимые здания раздвигали границы
города, но становились все более
ненадежными и тесными.

Затем, почуввав возможность поживы,
словно стервятники над раненым среди
пустыни, стали возникать банды
грабителей. Растущий город и его
беззащитное население привлекали к себе
внимание разбойничьих шайк с гор и
равнин и с полей сражений. Вскоре
кровавые и жестокие убийства стали
обыденностью, и город затопил страх.

Самой страшной была банда Бабу
Дхакала. Его люди были сильнее, быстрее
и безжалостнее всех остальных, они не
щадили никого и были способны на любые
злодеяния. Паллагий сам видел человека,
которому выкололи глаза и оставили
истекать кровью на ступенях клиники.
Его убийцам вскоре отрубили руки и ноги,
а изувеченные останки насадили на
высокие колья и оставили на съедение
птицам. Убийства из мести, убийства
ради славы, случайные убийства... Ни одно
из них не имело смысла, но когда
закончился самый жестокий период этого
безумия, осталась только банда Бабу
Дхакала.

Никто не мог точно сказать, откуда
появился главарь банды, слухи ходили
разные. Кое-кто говорил, будто он был
членом Легио Кустодес, который не вышел
из Кровавой Узры. Другие утверждали,
что Дхакал был одним из императорских
грозных воинов, которому каким-то
образом удалось выжить после
Объединительных войн. Находились и
такие, кто считал его кустодесантником.

чей организм не принял последней стадии модификации, но которому удалось избежать, прежде чем его уничтожили. Вероятнее всего, это был просто безжалостный мерзавец, превзошедший в жестокости всех своих конкурентов.

Но даже его ужасная репутация не отпугивала тех, кто отчаянно стремился попасть во Дворец, и Город Просителей день за днем, год за годом, продолжал разрастаться. Вооруженные отряды время от времени прочесывали улицы, забирая мелких подонков, слишком недалеких или ленивых, чтобы спрятаться, но эти акции служили лишь для демонстрации власти лордов Терры. На самом же деле Город Просителей существовал по собственным законам.

Иногда в сопровождении сотен вооруженных солдат к Арке Глашатаев выходили имперские герольды и зачитывали списки тех, кому повезло получить разрешение на вход во Дворец. Но лишь немногие из этих счастливиц проходили сквозь Врата Прима. Многие к тому времени погибали в

безымянных переулках города, а другие, отказавшись от своей мечты получить разрешение, возвращались в тот уголок планеты, который считали своим домом.

Палладий был одним из тех, кому повезло. Его вместе с семьей призвали во дворец еще в те времена, когда в Городе Просителей соблюдался относительный порядок. Он пришел сюда из южных земель Романии, где зарабатывал на жизнь резьбой по камню, отгелявая траморола дворцы представителей зарождающейся технократии. Но мегаструктура поднималась все выше и выше, и стекло и сталь постепенно вытесняли тяжелый камень, так что Палладию пришлось искать другое занятие.

Вместе с женой и недавно родившимися сыновьями он пересек земли, еще хранившие шрамы глобальной войны, начала которой никто уже не помнил. Только тогда он стал понимать величие замысла Императора, о котором говорили герольды. Тогда же он и отправился в путь. Палладий пересек хребты Сербиса и шел вдоль Карпатской Дуги, пока не

добрался до родины русских, а затем вместе с торговыми караванами по Шелковому пути пересек плато Нахиджеван. Оттуда путники повернули на восток, прошли Ариану^[15] и вновь расцветшие земли Индия, после чего дорога пошла наверх. Горы, маячившие на самом горизонте, начали приближаться.

Это было захватывающее зрелище, которое навсегда запечатлелось в памяти Наллагия. Но со временем эти воспоминания наполнились не только восторгом, но и горечью.

Наллагий прогнал воспоминание об убийстве и вышел за пласталевые щиты, задерживающие большую часть непла из крематория. Однако и здесь воздух был насыщен гарью. Камеру сжигания скоро надо будет освободить от останков. Он повесил на крюк прорезиненный фартук и надел плотные брезентовые рукавицы. За ним последовала протокшая от пота повязка, закрывавшая рот и нос, а затем и потемневшие от непла очки.

Наллагий задержался еще на

мгновение, чтобы пригладить рукой взлохмаченные волосы, а затем вышел через дверь в главный зал храма. Там, как обычно, был полон скорбящих, и к фигурам ангелов возносился поток непрерывных стенаний мужчин и женщин. Взгляд Наллагия остановился на плавных изгибах статуи Безучастного Ангела, а рука сама собой потянулась к прохладной мраморной поверхности.

Вывезенный из Сирии нефрит был отшлифован и отполирован вручную до такой гладкости, какой может достичь только преданный своему делу ремесленник. И все же Вадок Сингх отверг статую и приказал выбросить. При мысли о военных каменщиках Императора у Наллагия сжались кулаки. Сингх так был одержим своей идеей, что отвергал любую вещь, если она в точности не соответствовала его замыслам, касалось ли это материалов, планов или людей.

Особенно людей.

Он скользнул взглядом по безликой голове ангела и уже не в первый раз задумался, чье лицо собирались изобразить

на оставшейся нетронутой поверхности.
Но статуя навсегда осталась
незаконченной, и этот вопрос не имеет
смысла. Чей-то голос окликнул его по
имени, и Паллагий отвел взгляд от
пустого лика.

Роксанна и Майя сидели с гвүтя
выжившими ребятами, которыми
стогли поточь добытые у Антиоха
антиисептики. Немного в стороне от них
расположился муж женщины, Эстабен. При
виде его Паллагий ощутил легкое
раздражение. Он запретил этому человеку
распространять листовки Лектицис
Дивинатүс. Нельзя привлекать излишнее
внимание к этому месту, которое люди
стали считать настоящим храмом.

Роксанна подняла руку, и Паллагий
ответил тем же. Он знал, что рано или
поздно она навлечет на них беду. Подобные
ей личности не могут вечно скрываться,
даже в таком месте, как Город
Просителей. Пока о ней никто ничего не
знал, но Роксанна была исключительной
женщиной, и ее семья рано или поздно
заставит ее вернуться. Если потребуется -

— силой.

Он направился к ней, сочувственно улыбаясь скорбящим и кивая тем, кто стоял рядом с ними. При его приближении Роксанна подняла голову и положила руку на головку ребенка, лежащего на коленях Майи.

— Похоже, что лекарство подействовало, — сказала она. — Я думаю, с ними все будет хорошо.

— Я рад это слышать, — ответил Наллагий и лезонько потрепал по волосам мальчика, сидевшего рядом с Майей.

— Его зовут Арик, — сказала Майя и погладила ребенка по щеке.

— Хорошее и сильное имя, — заметил Наллагий, обращаясь к мальчику. — А ты знаешь, что оно означает?

Мальчик покачал головой, тогда Наллагий сжал кулак.

— Арик был одним из воинов, отмеченных знаком молнии Императора, в эпоху Объединения, — сказал он. — Рассказывают, что он был высоким, как Пустая гора, и что он пробил проход к Мохану только своими кулаками. Дай

время, и ты тоже вырастешь таким же большим.

Мальчик улыбнулся и тоже сжал кулачок. Майя положила ладонь на плечо сына.

--- Да возлюбит тебя Император, --- сказала она. --- А ты благословлен детьми?

Паллагий слегка вздохнул, но кивнул в ответ.

--- Двумя сыновьями.

--- Они здесь? --- спросила Майя. --- Я бы хотела с ними встретиться и сказать, какой добрый у них отец.

--- Они были здесь, --- сказал Паллагий. --- Но умерли.

--- О, прости! --- воскликнула Майя. --- Я не знала.

--- А что с ними случилось? --- спросил Арик.

--- Арик, помолчи! --- прикрикнула на него мать.

--- Ладно, все в порядке, --- сказал Паллагий. --- Он должен знать и понимать подобные вещи.

Паллагий обнял мальчика за плечи и заглянул ему в глаза, желая, чтобы тот

понял мрачную историю, которую ему предстояло услышать.

--- Когда-то давно я работал на одного могущественного человека, и он не хотел, чтобы я работал на кого-то другого, --- заговорил Паллагий. --- Мне не понравились такие ограничения, и я тайком принял заказ от другого хозяина, хотя и знал, что придется дорого заплатить, если это раскроется. Могущественный заказчик узнал о работе на стороне и послал людей к моему дому, чтобы выразить свое недовольство. Я тогда вырубал известняк в каменоломне на западе от Дворца, а моя жена и мальчики оставались дома. Те люди перерезали горло моей жене, а мальчиков застрелили. Вернувшись с работы, я нашел всех троих мертвыми.

Арик широко раскрыл глаза, и Паллагий понял, что напугал его. Это хорошо. Страх поможет ему уберечься от многих нападок смерти.

--- Несчастный ты человек, --- сказала Майя и привлекла мальчика к себе.

Он отверг ее испуганное сочувствие и

свою печаль, переведя взгляд на Эстабена. У тужчины было невыразительное и пустое лицо сломленного человека, словно его уже покинула жизнь. Это выражение было очень хорошо знакомо Палладию. Порой казалось, что другого у этого тужчины и не бывает.

--- Эстабен? --- окликнул он, но тот не погнул головы.

Он повторил имя, и тужчина наконец отреагировал.

--- Что? --- откликнулся он.

--- Эстабен, твои сыновья поправляются, --- сказал Палладий. --- Ты должен бы вздохнуть с облегчением.

--- С облегчением? --- повторил Эстабен, пожмая плечами. --- Вали и Чис уже с Императором. Если уж на то пошло, им повезло. А нам приходится жить в этом мире, полном страданий и боли. Скажи, жрец, чему я должен радоваться?

Палладий ощутил толчок гнева.

--- Я сожалею о твоей утрате, но двое сыновей еще нуждаются в тебе. И я не жрец.

--- Жрец, --- настаивал Эстабен. --- Ты

этого не признаешь, но это храм, и ты его
жрец.

Палладий покачал головой, но, прежде
чем он успел опровергнуть слова Эстабена,
послышался треск дерева и глухой стук
упавшей двери. Люди испуганно закричали
и стали поспешно отодвигаться от входа.

В пролом вошли семь человек. Семь
высоких, сильных и опасных мужчин.

Все они были одеты в кожу с ремнями
и стальными пластинами,
прикрепленными наподобие брони. У двоих
на головах висели усыянные шипами шлемы, один нес
устрашающую ребристую палицу из
чугуна, а четвертый держал в руках
громоподобное ружье с конусовидным дулом,
вдоль которого к сверкающему искрами
цилиндру тянулись медные трубки. На
перекатывающихся мускулах рук
извивались замысловатые татуировки, и у
каждого над правым глазом красовалась
клеймо в виде зигзага молнии.

— Люди Бабу Дхакала, — зашептала
Роксанна, но Палладий жестом призвал ее
молчать.

Он вышел в центр зала и поднял руки.

— Прощу вас, — заговорил Паллагий. —

Это место для мирных обрядов.

— Уже нет, — ответил ему широкоплечий гродила, вошедший последним.

Он настолько превосходил ростом своих семерых спутников, что те казались рядом с ним подростками. Его грудь крест-накрест пересекали ремни, увешанные кинжалами, а на поясе, рядом с пистолетом, слишком тяжелым для нормального человека, покачивались три крюка, на каких обычно мясники подвешивают туши. Огромные бицепсы перетягивали металлические браслеты с шипами, отчего вены под кожей пульсировали, словно извивающиеся змеи.

Всю кожу этого человека сплошь покрывали татуировки, изображающие толпы, молоты и крылатых хищников. В тех немногих местах, где кожа оставалась чистой, она казалась бледной, как у трупа, а из уголка тонкогубого рта спускалась тонкая струйка крови.

Но иля человека, пришедшего с намерением отомстить, Паллагию

подсказали его глаза. Крошечные зрачки едва заметными точками выделялись на фоне сплошной массы лопнувших сосудов. Эти глаза буквально были налиты кровью.

--- Гхота, --- выдохнул Наллагуй.

На витках двойной спирали из неподвластных гравитации частиц Афина поднялась по центральной шахте Башни Шепотов. При этом у нее невыносимо чесалась кожа и болезненно пульсировали икры, стягивающие культивированных ног. Почему строители башни не сочли нужным поставить пневматический лифт, навсегда осталось загадкой, и Афина не переставала проклипать их каждый раз, когда приходилось передвигаться по зданию вверх или вниз.

Но ей крайне необходимо было поговорить с госпожой Сарашиной, а потому пришлось подняться на верхний уровень, где находилась «Онейротика Алкера Мунди», самая крупная в Городе Зрения библиотека видений. На коленях Афины лежала пачка бумаг и журнал

записей — отчет о ее последнем полете в
материуме, требующий повторной
интерпретации. Никто лучше Аники
Сарашины не мог разобратся в
пророческих предзнаменованиях, и если
кто-то и сумеет помочь ей разобратся в
последнем видении, то только она.

В конце концов поток частиц
рассеялся, и Афина подняла манипулятор к
пульту управления креслом. При смене
одного антигравитационного поля другим
кресло дернулось, заставив Афину невольно
поморщиться от нового приступа боли в
искалеченных ногах.

Перед аркой, ведущей в библиотеку,
Афина кивнула Черным Часовым,
охранявшим тяжелую бронированную
дверь. А под самой аркой уловила
негромкое жужжание машинных духов,
заклученных в своды и следивших, чтобы в
библиотеку тайком не пронесли ничего
запрещенного.

В этой секции библиотеки почти все
пространство занимали стеллажи
высотой в сотни метров, лучами
расходящееся от центрального зала.

Скрипучие полки были забиты
интерпретирующими текстами,
календарями сновидений, журналами
регистрации снов и множеством книг по
общим вопросам астронаутики. Здесь были
собраны все видения, посылаемые и
получаемые в Городе Зрения, полный список
переговоров, проходивших между Террой и
остальной Галактикой.

Десятки сутулых астронавтов,
похожих на зеленоватые привидения,
парили между стеллажами, листая
толкователи видений, а теленаты
высокого ранга добавляли в постоянно
увеличивающиеся тома недавно
одобренные символы. Любое изменение
должно было быть одобрено смотрителем
бесценного хранилища Артемейдонсом
Юном. Старый располневший теленат
шаркал вдоль стеллажей в сопровождении
целой грозды люмосфер и толпы
помощников.

Афина кружила по залу, пока не
ощутила присутствие Сарашины в
отделе, посвященном фундаментальному
символизму видений. Она направилась к

своей бывшей наставнице, и та подняла голову, реагируя на приближение. Несмотря на отсутствие традиционного зрения, астронавты благодаря своему дару воспринимали окружающий мир не менее четко, чем зрячие люди.

--- Афина, --- окликнула ее Сарашина с искренней улыбкой. --- Как ты себя чувствуешь?

--- Больной и усталой, --- ответила Афина. --- А как еще может себя чувствовать астронавт?

Сарашина понимающе кивнула. Афина, уловив краткий отблеск сочувствия, подавила свой гнев, вспыхивающий, когда она ощущала в окружающих жалость к ней.

--- Ты пришла поговорить о Кае Зулане? --- спросила Сарашина, словно не замечая резкого тона Афины.

--- Нет, хотя одному Трону известно, как сильно он пострадал.

--- Не подлежит восстановлению?

--- Трудно сказать наверняка, --- ответила Афина. --- Ум овладела сильнейшая аверсия, и его психика больна.

но, я думаю, мне удастся его вытащить.

--- Ладно, если ты пришла поговорить не о Зулане, что еще тебя беспокоит?

--- У меня было видение, касающееся Десятого легиона, --- сказала Афина. --- Сразу после встречи с Зуланом.

Сарашина жестом пригласила ее в дальний угол зала, где вдоль закругленной внешней стены башни были поставлены столы и информационные машины. Она ощутила замешательство Афины и потому выбрала свободный стол подальше от астронавтов, изучавших книги и манускрипты, созданные специально для слеповидящих.

Афина направила свое кресло за Сарашиной и разложила на столе свои записи.

--- А ты занесла это видение в Проводник? --- спросила Сарашина.

--- Еще нет, сначала я решила посоветоваться с тобой.

--- Хорошо, но после нашего разговора сразу же занеси его в журнал. Тебе известна цель экспедиционной флотилии Десятого легиона?

--- Конечно, --- сказала Афина. --- И как раз это пугает меня сильнее всего, потому что мне кажется, что это не настоящее послание.

--- Что ты имеешь в виду?

--- Я хочу сказать, что это, вероятно, не видение будущего. Мне кажется, что все это происходит прямо сейчас.

--- Расскажи, что ты видела, --- предложила Сарашина. --- И ничего не пропускай.

--- Я была в выжженной солнцем пустыне и увидела, как из песка поднимается обсидиановая статуя мускулистого воина в броне из черного металла. Воин был прикован к скале. Его кисти были покрыты серебром, и на левой руке сидел сокол с янтарными глазами, перьями цвета морской волны и загнутым клювом.

--- Со статуей все ясно, --- заметила Сарашина. --- Это Прометей.

Афина кивнула. Образ титана из древних мифов, олицетворяющего веру в человечество вопреки божественному повелению, был распространенным среди

астронатов символом, указывающим на примарха Десятого легиона. И серебряные руки статуи служили точным указанием на личность.

--- Да, Феррус Манус, --- сказала Афина. --- Примарх Железных Руки.

--- И что же произошло в этом видении?

--- Солнце закрыла огромная тень, я подняла голову и увидела, как солнечный свет исчезает, а мир вокруг оказался засыпан черным зернистым песком. Это новый символ, но в последнее время я часто его видела.

--- Усстваан-пять, --- подсказала Сарашина.

Афина вновь кивнула.

--- Как только солнце померкло, статуя Прометея натянула прикрепленные к скале цепи. Металлические звенья стали лопаться, и тогда сокол взмыл в небо, а в руке гиганта появилось сверкающее копье. Воин устретился вперед и метнул копье в самый центр черного солнца, наконецник высек фонтан искр и пронзил ядро.

--- Хорошее предзнаменование для флотилии лорда Дорна, --- заметила Сарашина.

--- Я еще не закончила, --- сказала Афина.

Прежде чем продолжать, она глубоко вздохнула.

--- Хотя воин и пронзил темное солнце копьем, я видела, что он все еще прикован к скале. И я сознавала, что гигант ударил преждевременно, не имея полной силы, чтобы поразить врага. Затем статуя вновь погрузилась в песок, а сокол спустился к скале, проглотил остатки обсидиана и с торжествующим криком взмыл в небо.

--- Это все? --- спросила Сарашина.

--- Да, это все, --- подтвердила Афина и постучала пальцами по листкам записей. --- Я сверилась со своей онейрокритикой, и толкование меня сильно беспокоит.

Сарашина протянула руки вперед, и ее пальцы запорхали по выпуклым словам и буквам.

--- Феррүс Манүс всегда был слишком

нетерпелив, — сказала она. — Он рвется к
Цствану-пять впереди всех своих
братьев, стрелясь уничтожить
лжатежников, и большая часть сил
отстают.

— Да, но меня беспокоит сокол с
янтарными глазами, — призналась Афина.

— Сокол, несомненно, играет
важнейшую роль, — согласилась Сарашина.

— Его причастность не может не
беспокоить. Те силы, что Феррус Манус
оставил позади, будут истреблены. Какую
еще интерпретацию ты применяла к
соколу?

— В большинстве цивилизаций это
символ войны и победы.

— Само по себе такое толкование
нельзя считать злобещим. Какие же у
тебя есть еще основания для тревоги?

— Вот это, — сказала Афина. При
помощи руки-манипулятора она открыла
старинную онейрокритику и развернула ее
к Сарашине. Как только пальцы Сарашины
скользнули по страницам и слова проникли
в сознание, ее безмятежное лицо
потрачнело.

--- Это старинное поверье... --- начала Сарашина.

--- Я знаю. Многие древние боги, которым поклонялись вытершие народы, считали сокола олицетворением воинской доблести, что только подтверждает очевидный символизм. Но я вспомнила о тексте, который был на рисунке, высеченном у подножия мраморной скульптуры, которую работники Консерватория нашли в развалинах того улья, что обрушился в Нортафрике всего год назад.

--- Кайрос, --- грознувшим голосом произнесла Сарашина. --- Я ощутила его падение. Шесть миллионов жизней были погребены в песках. Ужасно.

В тот момент, когда улей Кайрос погрузился в пустыню, Афина была на «Летурии», орбитальной станции над Террой, но эфирное сотрясение, сопровождавшее его гибель, обрушилось на нее волной боли и ужаса. Аура Сарашины дрогнула от печальных воспоминаний.

--- После разрушения улья к западу от него открылся целый комплекс

захоронений, и там среди могильных
орнаментов часто встречалось
изображение сокола. Говорят, что
обитатели Гипта считали сокола
символом победы, хотя они имели в виду
борьбу между фундаментальными силами,
особенно борьбу духовную,
противопоставляя ее борьбе физической.

--- И как же это согласуется с твоим
видением? --- спросила Сарашина.

--- Сейчас объясню. --- Афина
подтолкнула к ней еще один лист бумажки.

--- Здесь текст свитка, который я
скопировала два года назад со старого
сердечника памяти, найденного в
развалинах Новой Александрии. Это
небольшой текст, всего лишь пантеон
древних богов, но одно имя меня поразило.
Особенно если учесть янтарные глаза
сокола и цвет его оперения...

--- Гор, --- произнесла Сарашина,
остановив палец на середине листа.

--- Не может ли сокол с янтарными
глазами символизировать Воителя
Хоруса и его летежников?

--- Занеси все это в Проводник, ---

сказала Сарашина. — Немедленно!

— Прошу вас, — заговорил Паллагий. — Не причиняйте зла этим людям, они и так уже немало вынесли.

Гхота шагнул в храм, его тяжелые, погбитые гвоздями ботинки загрохотали, словно выстрелы, стекло и камни хрустнули под крепкими подошвами. Окинув взглядом толпу перепуганных людей, он остановился на Роксанне и ухмыльнулся так, что Паллагий заметил его стальные клыки, треугольные, как акулы зубы.

Гхота показал на Роксанну.

— До остальных мне дела нет, — сказал он. — Нужна только она.

Его невероятно низкий голос как будто с трудом пробивался из глубокого ущелья. Слова выкатывались подобно камням, и казалось даже странным, что они не отзываются эхом в высоких стенах храма.

— Послушай, я знаю, что пролилась кровь, но ваши люди напали на Роксанну, — сказал Паллагий. — Она имела полное

право защищаться.

Гхота склонил голову набок, словно впервые слышал подобный довод. Слова Наллагия расстелили его, и он расхохотался. По крайней мере, Наллагий решил, что грохот горной лавины, вырвавшейся из его груди, был стехом.

— Она нарушила границу, — прорычал Гхота. — Надо было заплатить пошлину, но она решила, будто ее это не касается. Мои люди действовали по закону Бабу. Она нарушила закон и теперь должна заплатить. Все просто. Или она пойдет со мной, или я перебую всех, кто здесь находится.

Наллагий постарался справиться с гнетущей тревогой. Стоит только одному человеку поддаться панике, и здесь начнется настоящая бойня. Майя прикрыла собой детишек. Эстабен закрыл глаза, сложил ладони перед грудью и что-то неслышно бормотал. Роксанна сидела, опустив голову, и Наллагий ощутил ее страх, словно удар.

Как легко забыть, как она отличается от остальных...

Он шагнул навстречу Гхоте, но тот поднял руку и покачал головой.

--- Оставайся там, где стоишь, --- сказал Гхота. --- Я вижу, что ты пытаешься найти способ вынутаться из этой ситуации. Но это бесполезно. И еще ты думаешь, что эта ведьма сможет повторить свой фокус, как с теми людьми. Да, она могла убить пару человек, но со мной это не пройдет. А если она попытается, я постараюсь, чтобы она не утирала несколько недель. Я точно знаю, сколько всего может выдержать человеческое тело, и обещаю, она будет тучиться. Долго и жестоко. Ты меня знаешь, я отвечаю за свои слова.

--- Да, Гхота, --- пробормотал Наллагий. --- Я тебя хорошо знаю и верю каждому слову.

--- Тогда давай ее сюда, и мы уйдем.

Наллагий вздохнул.

--- Я не могу этого сделать.

--- Тебе известно, кто она?

--- Да, известно.

--- Глупо, --- бросил Гхота.

Пистолет так быстро возник у него в

рүке, что Паллагий не верил своим глазам. С тех пор, пока не прогремел оглушительный выстрел. Люди закричали. А когда они увидели, что сделал выстрел с Эстабеном, крик превратился в вой.

Снаряд разорвал человека. Буквально разорвал в клочья.

Верхняя часть тела от удара пролетела через зал и ударилась в грудь Безучастного Ангела. Клоchyя раздробленной плоти повисли с рук статуи, а безликую голову забрызгали мозги и осколки черепа.

Майя пронзительно взвизгнула, Роксанна бросилась на пол. Скорбящие плакальщики сжались на скамьях, ожидая, что через мгновение последуют за своими утершими родственников. Дети заплакали, и матери даже не пытались их успокоить. Роксанна подняла голову, посмотрела на Паллагия и взялась за край капюшона, но он покачал головой.

Гхота шевельнул запястьем, и Паллагий обнаружил, что смотрит в огромное дуло оружия. Из ствола еще поднимались струйки дыма, распространяя

хитический запах высококачественного пороха. В тусклом освещении храма блеснул отчеканенный на коже орел.

--- Ты следующий, --- сказал Тхота. --- Ты утреешь, а девчонку мы все равно заберем.

Паллагий внезапно ощутил, как ногам стало холодно, словно из открытого погреба повеяло арктической стужей. Потом поднялись дыбом все волосы на коже, и он вздрогнул. Говорят, такой озноб человек чувствует, когда кто-то проходит по его могиле... На лбу выступили капли пота, и хотя Паллагий точно знал, что в храме тепло, его билосильной дрожью, как бывало по ночам под открытым небом на плато Нахиджеван.

Крики испуганных людей отодвинулись на задний план, зато четче стали хрип и свист тяжелого и влажного дыхания. Мир вокруг лишился своих красок, и даже цветные татуировки Тхоты выглядели тускло. Морозный воздух заполнил зал, загадочные вихри ледяного дыхания окутывали каждое живое существо и поглаживали отворачивающе

холодными пальцами.

Паллагий увидел, как один из спутников Гхоты напряженно выпрямился и схватился за грудь, будто его сердце сжала чья-то невидимая рука. Лицо бандита стало серым, как старый снег, он рхнул на скамью и разинул рот, хватая воздух, а застывшее лицо превратилось в маску боли и ужаса.

Еще один бандит упал как подкошенный, хотя всего мгновение назад у него не было никаких признаков недомогания. Его лицо тоже исказил ужас, но на теле не было видно никаких повреждений. Гхота злобно зарычал и нацелил пистолет на Роксанну, но не успел он спустить курок, как раздался вопль еще одного бандита. В его крике прозвучал первобытный и откровенный страх, заставивший оглянуться даже такое чудовище, как Гхота.

В мир снова хлынули краски, и Паллагий бросился в сторону за мгновение до оглушительного грохота выстрела. Он не видел, на кого нацелено оружие, но услышал, как что-то загудело от удара. В

дальнем конце зала опять раздались
отчаянные и перепуганные голоса.
Паллагий пополз по полу между
скамейками. Он знал, что там
происходит нечто ужасное, но понятия не
имел, что именно.

Дыхание вылетало у него изо рта
белыми клубами, а на спинке деревянной
скамьи Паллагий уткнулся головой. Он
вздрогнул, когда Гхота снова выстрелил, а
потом испустил яростный вопль,
приводящий в ужас своей мощью. Звук
пронзил тело Паллагия до позвоночника,
оставив его лежать без сил и без
движения.

Ни один смертный воин был не в
состоянии испустить этот боевой клич.

Паллагий распростерся на полу и
обхватил голову руками, пытаясь
заглушить вопли. Он прижался лицом к
холодным камням пола, чувствуя, как
леденящий холод проникает в его легкие
при каждом судорожном вдохе. Крики не
прекращались. Вопли ужаса и боли
перетекали в грозовые раскаты
ярости.

Паллагий не шевелился, пока не почувствовал, что ему на затылок капает холодная вода. Подняв голову, он понял, что это тает иней, покрывавший спинку скамьи. Ледяной холод рассеялся так же внезапно, как и возник. Чья-то рука тронула его за плечо, и Паллагий в испуге вскрикнул и затахал руками.

--- Паллагий, это я, --- раздался голос Роксанны. --- Все кончено, его уже нет.

Паллагий попытался переварить информацию, но она казалась слишком неправдоподобной.

--- Нет? --- наконец спросил он. --- Как? Отчего?

--- Я не знаю, --- ответила Роксана, выглядывая поверх спинки скамьи.

--- Ты это сделала? --- спросил Паллагий, как только к нему вернулась способность соображать.

Он рискнул приподняться и выглянуть из-за скамьи.

--- Нет, --- сказала Роксана. --- Клянусь, это не я. Посмотри сам. Я бы не смогла такого натворить.

Роксана не обманывала его. Гхота

исчез, оставив после себя запах страха и пороха.

У входа в храм лежали семь тел, семь жестоких и опасных мужчин. Ни один из них не двигался, а конечности у каждого были вывернуты под самыми невероятными углами. Как будто бесхитростный гигант брал их по очереди и выкручивал, пока игрушка не поломается. Наллагий на своем веку повидал немало трупов, и он понял, что в этих телах переломаны все кости до единой.

— Во имя Терры, что здесь произошло?! — вскричал Наллагий, выходя в центр зала. — Кто убил этих людей?

— Будь я проклята, если знаю, — сказала Роксанна. — Но не могу сказать, чтобы не испытывала к нему благодарности, кто бы это ни был.

— Я в этом не сомневаюсь, — согласился Наллагий.

Над скамьями стали подниматься головы. При виде Наллагия, стоявшего в центре зала над останками семи бандитов, страх у людей стал стеньгаться

любопытством. Паллагий заметил появившееся в их глазах благоговение и развел руками, отрицая свое участие.

--- Это не я, --- сказал он. --- Я не понимаю, что прои...

Слова затерли у него на губах, когда взгляд переместился вдоль прохода в конец зала, к статуе Безучастного Ангела. С рук ангела гротескными гирляндами свисали останки Эстабена, и Майя безутешно оплакивала свою очередную утрату.

На долю секунды ему показалось, что вокруг статуи возникло неяркое сияние. Паллагий ощутил томительное присутствие смерти и не удивился, заметив в глубине пронизанного прожилками камня багровый оскаленный череп. Видение исчезло так быстро, что Паллагий уже не знал, было ли оно на самом деле.

--- Значит, ты все же снизошел ко мне, --- едва слышно прошептал он.

В следующее мгновение к нему подошла Роксанна.

--- Что ты сказал?

--- Ничего, --- ответил Паллагий.

отворачиваясь от статуи.

--- Я хотела поблагодарить тебя, ---
сказала Роксанна.

--- За что?

--- За то, что не позволил им меня
увести.

--- Ты ведь одна из нас, --- ответил он. ---
И я не мог отдать им тебя, как не мог
бы отдать никого другого.

Он заметил в ее глазах
разочарование и тотчас пожалел о
необдуманных словах, но забирать их назад
было поздно.

--- Так что же здесь было? --- спросила
Роксанна.

--- Здесь была смерть, --- сказал
Паллагий, с трудом удержавшись, чтобы
не оглянуться на Безучастного Ангела.
Затем он заговорил громче, чтобы его
услышали все собравшиеся в храме: --- Злые
люди пришли к нам, и они заплатили за
свои жестокие намерения. Смерть
пользуется любой возможностью забрать
человека в свои мрачные владения, и
дорога зла --- кратчайший путь туда.
Смотрите, куда приводит эта дорога.

Голоса оживились, собравшиеся в храме люди начали обниматься. Тень смерти их миновала, и воссиявший свет еще никогда не казался таким ярким. Краски окружающего мира засверкали с новой силой, и сердца переполнились ликованием. Люди смотрели на него, как на источник новообретенной радости, и ему хотелось сказать всем, что эти бандиты погибли не от его рук и что он сам не меньше всех прочих удивлен, что остался в живых.

Но один взгляд на восторженные лица убедил его, что их веру не смогут поколебать никакие слова.

Роксанна махнула рукой в сторону тел.

--- Что же нам с ними делать?

--- То же, что и со всеми остальными, --- ответил он. --- Сжечь.

--- Гхота с этим просто так не стирится, --- заметила Роксанна. --- Нам придется покинуть это место. Он вернется и сровняет храм с землей.

--- Нет, --- возразил Палладий, поднимая странную винтовку,

принадлежавшую одному из бандитов. ---
Это храм смерти, и если этот мерзавец
вернется, ему придется на своей шкуре
испытать, что это означает.

Глава 5

СТАРЫЕ РАНЫ НЕВЕРОЯТНОЕ ВСТРЕВОЖЕННЫЙ ХУДОЖНИК

Кай и Афина воспользовались эскалатором, чтобы спуститься к основанию башни, где располагалась общая столовая. После недавнего сеанса связи они почти не разговаривали, истратив все свои силы на поддержание общего видения. Оценку достигнутых результатов придется отложить до тех пор, пока они не снимут напряжение напитками и между ними не встанет барьер в виде столика.

Стены столовой — металлические, ничем не украшенные и скудно освещенные — напугали Каю кают-компанию на косточечном корабле. Вероятно, это было сделано намеренно, поскольку большей части астронавтов предстояло провести в

таких условиях почти всю жизнь. В
маленьком помещении присутствовали
несколько человек, погруженные в свои
мысли астронавты скользили пальцами по
страницам книг, кое-кто добавлял в свои
нейрокритики новые символы. Отыскав
свободный столик, Кай и Афина некоторое
время сидели молча.

--- Утак, у меня намечились
улучшения? --- спросил наконец Кай.

--- Ответ тебе известен, --- ответила
Афина. --- Ты сумел отправить послание в
Башню Голосов, и это тебя сильно
измотало.

--- Но это все-таки улучшение, верно?

--- Моя похвала тебе ничем не
поможет, --- сказала Афина. --- Ты не
дождешься ее, пока полностью не
восстановишь свои способности.

--- Ты суровая женщина.

--- Я реалист, --- сказала Афина. --- Я
знаю, что могу уберечь тебя от Пустой
горы, но я хочу, чтобы и ты это знал. Ты
должен отправлять сообщения за пределы
этого мира, на костические корабли в
другом секторе, и ты должен добиться

точности. Для этого у тебя будет хоро-
астронастов, но ты не хуже меня знаешь,
что самые лучшие из нас работают и
одиночку. Ты готов к этому? Я не уверена.

Кай ступенно поерзал на своем стуле.
Он слишком хорошо знал, что Афина
права.

— Я не могу чувствовать себя в
безопасности, направляя свою мысль так
далеко, — сказал он.

— Я понимаю, но до тех пор, пока ты
с этим не справишься, для Телепатика от
тебя не будет никакой пользы.

— Я... Я хочу этого, но... ты не
понимаешь...

Афина наклонилась вперед в своем
кресле, и от электромагнитного поля
репультора у Кая свело зубы.

— Чего же я не знаю? Того, что мы
рискуем и сталкиваемся с ужасами,
которые не под силу одолеть самым
отважным солдатам или легионерам?
Что силы, благодаря которым мы
приносим пользу, могут уничтожить нас в
любой момент? Что мы служим
Империуму, который без нас просто

развалится, но этот Империям боится нас не меньше, чем врагов, с которыми ведет сражения? О, все это я очень хорошо знаю, Кай.

--- Я не об этом...

--- Меня не интересует, что именно ты имел в виду. Посмотри на меня и изувеченный обрубок, которому позволил бы умереть любой здравомыслящий медик. Но я приношу пользу, и потому мне оставили жизнь.

Афина хлопнула по металлической крышке стола покрытой шрамами ладонью.

--- Это, конечно, нельзя назвать настоящей жизнью, но каждому из нас приходится нести свою ношу. Мне -- мою, а тебе -- твою. Я справляюсь, пора и тебе научиться справляться со своими трудностями.

--- Я пытаюсь, -- ответил Кай.

--- Нет, не пытаешься. Ты прячешься за тем несчастным случаем. Я читала рапорт о происшествии на «Арго». Я знаю, это было ужасно, но какой смысл тебе пропагандить в Пустой горе? Ты

заслуживаешь лучшего, Кай, и пора это доказать.

Кай откинулся назад, провел рукой по бритому черепу, потом улыбнулся и положил руки на стол.

--- Знаешь, это уже почти комплимент.

--- Я не собиралась тебя хвалить, --- возразила Афина, но улыбнулась в ответ.

Натянутая кожа на челюсти не гала приподняться правому уголку рта, и ее улыбка была больше похожа на гримасу. Сервитор в балахоне принес им две кружки витаминизированного кофеина. Кай сделал глоток и втянул щеки, ощутив сильную горечь.

--- Трон, я и забыл, насколько плохой здесь кофеин! Почти такой же крепкий, как на артейских кораблях.

Афина кивнула, соглашаясь с его мнением, и отставила кружку.

--- Я больше его не пью, --- сказала она.

--- Почему? Пусть он на вкус не лучше трютной жижи, зато им можно заварить пробоину в корпусе судна.

--- Я пила чудесный кофеин на борту

боевого корабля фениксийца. Там работают лучшие интенданты и повара, а когда попробуешь лучший напиток, трудно возвращаться к этому.

--- У фениксийца? Это был корабль Детей Императора?

--- Именно что был.

--- Был?

--- Он погиб в битве с Диаспореком, --- пояснила Афина. --- Залп угодил в самый центр, и судно расколосось надвое.

--- Великий Трон! И ты в том момент была на борту?

Афина кивнула.

--- Машинный отсек почти сразу же поглотила звезда Кароллис. Корма и бак продержались ненадолго дольше. Вторичным взрывом была уничтожена астронавтическая капелла, нижние палубы мгновенно заполнили потоки плазмы. Мои сохранители вытащили меня из капеллы, но не раньше, чем... Спаслись удалось немногим.

--- Какое несчастье! --- воскликнул Кай и понимающе кивнул. --- Я рад, что тебе удалось выбраться.

--- А я не радовалась, --- сказала Афина. --- По крайней мере некоторое время. Моя жизнь была одним сплошным мучением, пока госпожа Сарашина и мастер Зи-Менг не научили меня тантрическим ритуалом, чтобы облегчить боль.

--- Тантрическим ритуалом?

--- Тебе ведь известно, как работает Зи-Менг, --- спокойно заметила Афина.

Кай ненадолго задумался.

--- Может, они и меня могли бы научить?

--- Я в этом сомневаюсь. Ты не так сильно пострадал, как я.

--- Нет? --- сердито переспросил Кай. --- А мне кажется, что достаточно сильно.

--- Твое тело осталось целым, --- пояснила Афина.

--- А у тебя остался целым разум, --- возразил Кай.

Афина сгавленно хихикнула.

--- Из нас двоих получился бы один действующий астронавт.

Кай кивнул. Последовавшее молчание не тяготило их, словно после рассказов о

пережитых несчастьях между ними
установилась связь, которой раньше
недоставало.

--- Похоже, нам обоим повезло, ---
сказал Кай.

--- По-твоему, это везение? ---
ответила Афина. --- В таком случае,
помоги нам, Трон.

В центре паутины, образуемой
башнями Города Зрения, стоял Проводник ---
связующее звено всех межгалактических
коммуникаций. Этот комплекс зданий,
высеченных в известняковом горном
массиве армией слепых сервиторов, был
заполнен плотными рядами сотен
инфоцитов в черных одеяниях,
подключенных к бронзовым панелям
компьютеров. Любое теленатическое
сообщение после приема и интерпретации
--- и просмотра криптоэстезианцами ---
обрабатывалось, а затем через Проводник
отсылалось адресату уже общепринятыми
способами. С темного потолка тянулись
пневмопроводы, а по ним под неустанный
треск клавиатур инфоцитов со свистом и

грохотом пролетали информационные цилиндры.

Надзиратели в серых одеяниях и серебряных безликих масках парили над гравидисками между рядами безымянных писцов. Поднимаемые ими потоки воздуха разбрасывали по полу обрывки страниц и памятные записки. Насыщенный электричеством воздух пропах чернилами для принтеров, дезинфицирующими средствами и рутинной.

Те представители администрации, кому доводилось посещать Проводник, находили это зрелище бездушным и чудовищно угнетающим. Работа администраторов, для которых эти тысячи безликих мужчин и женщин проявлялись только голосами, тоже была нелегкой, но там существовала хотя бы слабая вероятность выдвижения одаренных личностей из массы штатных, подшивающих и сортирующих работников. В монотонной каторге Проводника такого шанса не существовало, и большинство администраторов старались сюда не

возвращаться, предпочитая закрывать глаза на существующий порядок в силу его необходимости.

Веска Оргин скользил по залам Проводника на своем репульсорном диске, переводил взгляд с одного инфоцита на другого и просматривал информацию, пробегающую сверху вниз по внутренней поверхности серебряной маски. Как только его взгляд останавливался на каком-нибудь пульте, над оператором возникал ноосферический ореол, в котором появлялись символы, определяющие характер передаваемого сообщения. Среди них встречались межпланетные послания, выдержки из корабельных бортовых журналов и результаты регулярно проводимых проверок, но большая часть информации относилась к тяжёлу Хорусу Лунеркала.

Все тридцать лет службы в Проводнике Веска гордился тем, что никогда не вникал в содержание проходящих сообщений. Он был просто одним из тысяч передающих звеньев, при помощи которых Император управлял

расширяющимся Умпериумом. Его работа не требовала ничего большего. Он не в состоянии постичь грандиозный порядок вещей. Он всего лишь бесконечно малая шестеренка в непостижимо огромной машине. Он всегда был уверен, что у Императора и его избранных помощников имеется план для всей Галактики, который и воплощается с геометрической точностью.

Предательство Воителя поколебало эту уверенность до самого основания.

Веска заметил ярко-красный символ, указывающий на крайнюю срочность сообщения, и щелкнул пальцами оборудованных осязательными датчиками перчаток, чтобы воспроизвести информацию на своем визоре. Еще одно послание с Марса, где после бунта, уничтожившего почти всю инфраструктуру красной планеты, силы лоялистов пытались укрепить свои позиции в квадранте Тарсис.

Марсианская кампания пошла не по плану. Магистры кланов по собственной инициативе стали направлять

оперативников в попытке обезглавить руководство мятежа, но ассасинам не удавалось преодолеть заграждения из биофильтров и определителей глубинности, защищающих доступ во внутренние круги мятежных магосов Механикум.

Веска вздохнул и следующим щелчком отправил сообщение обратно на пульт. Использование тайных агентов ему не нравилось. Неужели Воитель настолько опасен, что надо прибегать к такой бесчестной тактике? Флотилии семи легионов, посланные, чтобы остановить Хоруса Луперкала, вероятно, уже ведут сражение на Устваане-V, хотя сообщению о победе еще предстоит пробиться по астронавическому каналу между Террой и логовом Воителя.

В ежедневных вокс-передачах говорится о сокрушительном ударе по силам мятежников и неминучем разгроме предательских легионов.

Зачем же тогда посылать ассасинов?

К чему все эти потоки сообщений из Башни Шепотов с приказами Железным

Рукат, Саламанграм и Гварди Ворона о
формировании второй волны? Прежде
подобные размышления никогда не
беспокоили Веску, но заверения,
рассылаемые по всему Империяту, в
последнее время казались слишком
настойчивыми, чтобы быть искренними. У
них чувствовалось отчаяние.

С Терры отправлялись все новые и
новые приказы и запросы к экспедиционным
флотилиям с требованием уточнить их
местонахождение. Веска, бывший
ветераном Проводника, начал понимать,
что высшие руководители Империята
отчаянно стараются установить
расположение всех сил и определить их
надежность. Неужели измена Воителя
распространилась шире, чем кто-либо мог
предположить?

Веска продолжал облет зала, как
вдруг заметил сигнал с просьбой о помощи.
Здесь оперативники, хоть и были
подключены к терминалам, все же не
являлись сервиторами, у которых
удалась часть мозга. Работники
Проводника были способны на независимое

мышление, хотя многие считали это серьезным недостатком.

Над головой инфоцита вспыхнула ноосферическая карта.

--- Оперативник три-восемь-девять-три-два, какие у тебя затруднения?

--- Я... э... это же...

--- Говори четче, оперативник три-восемь-девять-три-два, --- потребовал Веска. --- Если это касается срочного сообщения, ты обязан сообщить о четкости и быстроте.

--- Да, сэр, только вот это... В это невозможно поверить.

--- Четкость и быстрота, оперативник три-восемь-девять-три-два, --- напomniaл ему Веска.

Инфоцит поднял голову, и Веска понял, что человек не в состоянии подобрать слов, чтобы передать суть возникшей проблемы. Язык отказывался сформулировать слова и столкнуть их с губ.

Веска вздохнул и сделал себе мысленную заметку отправить оперативника 38932 на месячную

переподготовку. Гравидиск плавно опустился, но, прежде чем он успел сделать вызов оперативнику 38932 по поводу низкой дисциплины, над другим терминалом в этом же ряду появился еще один сигнал. Затем еще два запроса о помощи, еще три, потом сразу дюжина.

В течение нескольких секунд в зале загорелось не меньше сотни одинаковых срочных сигналов вызова.

— Что происходит? — воскликнул Веска.

Он снова поднялся на гравидиске над рядами и окинул взглядом тысячи инфоцитов, находившихся в его ведении. Белые огоньки, словно визуальное воплощение эпидемии, распространялись по залу с ужасающей быстротой. Инфоциты смотрели на своих надсмотрщиков, но Веска не понимал, что случилось. Он опять спустился к терминалу оперативника 38932 и вырвал из грожащих пальцев листок с сообщением.

Он просмотрел зернистые и слегка стазанные буквы, отпечатанные

принтером терминала. Смысл сообщения никак не проявлялся. Символы в результате явно неверной интерпретации складывались в неправильные слова.

--- Нет, нет, нет, --- пробормотал Веска, потая головой. Затем он облегченно вздохнул, отыскав единственно приемлемое решение. --- Это неверно истолкованное видение, вот и все. Хоры астронавтов допустили ошибку. Да, это можно объяснить только так.

Но у него тряслись руки, и, как бы Веска ни старался убедить самого себя, в глубине души он признавал, что не прав. Неверно истолкованное видение могло вызвать два или три требования подтверждения, но не сотни. Сердце сдавило тяжестью, а из легких как будто выкачали весь воздух. Веска Оргин вдруг понял, что инфоциты не запрашивают подтверждения истинности этих сообщений.

Они надеются, что он опровергнет чудовищную информацию.

Листок выскользнул из его пальцев, но начертанные на нем слова навечно

отпечатались в нейронах памяти. У
каждая строка усиливала ужас.

Контратака имперских сил на
Цсстваан-V провалилась.

Вулкан и Коракс пропали без вести.
Феррус Манус мертв.

Повелители Ночи, Железные Воины,
Альфа и Несущие Слово перешли на
сторону Хоруса Лунеркала.

Высоко на западном склоне горы,
известной под именем Чо-Ойя, посреди
поросшего травой плато стоит изящная
вилла. Солнечный свет отражается от
белых стен и поблескивает на красной
черепице крыши. Из единственной трубы
поднимается тонкая струйка дыма, а на
коньке крыши уселись в ряд породистые
голуби. Над северо-восточным углом виллы
поднимается тонкая башенка — то ли
одинокая сторожевая вышка, то ли маяк,
установленный для безопасности
мореплавателей.

Внутри башни Цасу Нагасена стоит
перед продолговатой деревянной рамой, к
которой серебряными шипами

прикрепляет прямоугольный лоскут белого шелка. Чо-Ойя --- это древнее название горы, пришедшее из наречия, давным-давно ассимилированного языком, который, в свою очередь, состарился и был забыт. Местные жители говорят, что оно означает «Бирюзовая Богиня», и, хотя поэтичность этого имени привлекает Нагасену, звук утерших слов нравится ему больше.

Башня смотрит на Императорский Дворец, а еще позволяет рассмотреть Пустую гору. Нагасена не смотрит в эту сторону. Это уродливая деталь, хотя и необходимая. Но он никогда ее не изображает, даже когда пишет восточный пейзаж.

Нагасена, обмакнув кисть в горшочек с голубой краской, осторожно кладет мазок между линиями, нанесенными специально, чтобы краска не расплывалась по материалу. Он рисует от руки, работая в стиле мо-шуй.^[16] Глядя на получившуюся глубину голубого неба, он удовлетворенно кивает.

Он устал. Он рисует с самого рассвета, но хочет закончить картину сегодня, поскольку чувствует, что иначе этого может не случиться никогда. От долгого стояния у него болят кости. Он видел слишком много зум, чтобы повторять эти глупости, но каждый день по-прежнему преодолевает семьдесят две ступени и взбирается на самый верх башни.

— Ну, ты будешь входить или нет? — спрашивает он, не оборачиваясь. — Стоя в дверях, ты меня отвлекаешь.

— Прошу прощения, господин, — говорит Картоно. Он проходит внутрь и останавливается по правую руку своего хозяина. — Подумать только, кое-кто из слуг считает, что твой слух ухудшается.

Нагасена довольнo устехается.

— Это заставляет их ходить на цыпочках. Кроме того, ты бы удивился, узнав, сколько интересного можно почерпнуть из разговоров, когда люди считают, что их не слышат.

Некоторое время оба молчат. Картоно знает, что Нагасена сам решит.

когда начать разговор. И отводит взгляд от картины, зная, что хозяин ненавидит, когда люди смотрят на его незаконченное произведение. Он частенько говорит, что на произведение искусства можно взглянуть только после полного завершения работы.

Картоно предпочитает смотреть поверх плеча Нагасены в широкие проемы в стенах. Нагасена планировал помещение на самом верху башни специально для занятий живописью, и целый мир виден отсюда, как на ладони.

Жалюзи на каждой стене преграждают путь ветру, и Нагасена часто поднимается сюда не только ради живописи, но и чтобы просто полюбоваться окружающими пейзажами и обрести спокойствие. В данный момент открыты проемы на северной и северо-восточной стене, и Императорский Дворец открывается взгляду во всем своем величии.

Позолоченные крыши, остроконечные шпили и могучие башни теснятся на ограниченном пространстве, и в огро-

городе-дворце ни на мгновение не затихает движение, словно это живое существо. Податели петиций, слуги, солдаты и писцы наполняют его проспекты жизнью и шумом. Из кухонных печей Города Просителей поднимаются дымки, но воздух здесь много чище, чем тот, что остался в памяти Нагасены. Он чувствует запахи, которые ветер приносит от Дворца, словно вести из далеких земель.

--- Что ты видишь? --- спрашивает Нагасена, показывая рукой в окно.

--- Я вижу Дворец, --- отвечает Картоно. --- Это прекрасное зрелище. Дворец крепок, красив и полон жизни.

--- А за Дворцом?

--- Горы и восстановленный мир. Небо, чистое, как весенний ручей, и облака, словно дыхание гигантов вокруг пиков Охаулагири. [\[17\]](#)

--- Опиши гору, --- приказывает Нагасена.

--- Зачем?

--- Не спрашивай, просто опиши ее,

пожалуйста.

Картоно пожмает плечами и переводит взгляд на горы, сверкающие на солнце чистым серебром крутых склонов.

— Гора возвышается над окружающим ландшафтом и блестит, словно полированный щит. Мне кажется, что я могу рассмотреть высокую вершину Гангкхар Нүенсүм.^[18] Ты видишь Гангкхар Нүенсүм?

— Да, мне кажется, я ее вижу. А что?

— Это плохая примета, груг мой. В легендах тигоев говорится, что после смерти Нань-гү,^[19] прародителя их расы, его голова превратилась в Гангкхар Нүенсүм, и этот пик стал императором всех гор. Древние короли тигоев должны были карабкаться по его склонам, чтобы обратиться к богам с просьбами или испросить их благословения. До сих пор еще никому не удалось добраться до вершины, и тигои говорят, что именно поэтому они остались в оковах, словно настоящие рабы.

— Короли тигоев? У них нет ни

королей, ни предков, — возражает Картоно. — Это же раса генетически усиленных рабочих. У них и прошлого-то нет, не то что королей.

— Возможно, возможно, — отвечает Нагасена. — Это известно тебе и известно мне, но знают ли об этом мигои? Может, они выдумали себе фиктивную историю и мифическое прошлое, чтобы оправдать свое место в этом мире? Не легче ли переносить тяготы жизни, если верить, что на то была воля богов?

— И увидеть вершину этой горы не к добру? — спрашивает Картоно.

— Так говорят мигои.

— С каких это пор ты обращаешь внимание на приметы, господин? — интересуется Картоно. — Такие вещи хороши только для недалеких мигоев.

— Может быть, — говорит Нагасена. — Но я писал пейзаж в поисках указаний.

— Писал пейзаж? Это что, новая форма прогнозирования, изобретенная летописцами? — со слехом восклицает Картоно. — Признаюсь, я не слышал об этом.

--- Картоно, перестань дерзить, ---
одеживает его Нагасена. --- Я этого не
потерплю.

--- Прошу прощения, господин, ---
мгновенно раскаивается Картоно. --- Но
идея пророчества через создание
картины... это в наше время по крайней
мере необычно.

--- Только потому, что ты не
художник, Картоно. В древности
художники верили, что в каждом из них
горит искра божия. Они верили, что тот,
кто умеет видеть, может заметить в
гениальных произведениях частицу
божественного промысла. Легенда говорит,
что Цзинь Нун,^[20] великий художник из
Чжоу, создал великолепную картину, а
когда посмотрел на свое творение, увидел
в нем волю небес и сошел с ума, поскольку
подобные вещи не для простых смертных.
Он сжег картину, отрекся от прежней
жизни и ушел со своими тайнами в горы,
где стал одиноким отшельником. Нашлись
желающие отыскать кратчайший путь к
мудрости, они преследовали его и утешали

поведать тайны, но Цзинь Нун всегда
отсылал этих глупцов прочь. Наконец он
попал в руки бессовестных людей, и
бандиты прибегли к пыткам, стремясь
узнать у него божественную тайну, но
Цзинь Нун ничего им не сказал и
впоследствии был сброшен со скалы.

--- Не слишком веселая история, ---
замечает Картоно. --- Я надеюсь, ты не
собираешься идти по стопам Цзинь Нун?

--- Картоно, я талантлив, но не
настолько, --- отвечает Нагасена. --- Кроме
того, история на этом не закончилась.

--- Вот как? И что же произошло
дальше?

--- Когда душа Цзинь Нун рассталась
с телом, вливались боги. Они позволили
художнику самому выбрать свою
следующую жизнь на земле.

--- Он воплотился снова?

--- Так говорит легенда, --- отвечает
Нагасена.

--- И кем же он предпочел стать?

--- Некоторые утверждают, что он
стал гранатовым деревом в садах Лю
Шонг, другие утверждают, что он

превратился в облако. В любом случае, он достиг благословения небес, а этим можно гордиться.

--- Да, конечно, --- соглашается Картоно. --- А ты... Ты видишь что-то в своей картине?

--- Попробуй лучше ты, --- говорит Нагасена и отходит от мольберта.

Картоно поворачивается, чтобы взглянуть на картину, и Нагасена наблюдает, как взгляд слуги скользит по нанесенным на шелк линиям. Нагасена знает, что обладает талантом, и пейзаж, видимый из башни, передан с незаурядным мастерством.

Он не ищет одобрения, а ждет подтверждения того, что тревожит его весь день.

Картоно молчит.

--- Говори, --- приказывает ему Нагасена. --- И будь честным.

Картоно кивает.

--- Верхушки зданий дворца сгрудились, словно заговорщики, а над ними нависают горы. От вершин на землю падает холодная тень. Мне казалось, что

ципили сверкают серебром, но ты окрасил их скорбной белизной. И облака такие низкие и трачные посреди сурового неба.

Мне не нравится эта картина.

--- Почему не нравится? --- спрашивает

Нагасена.

--- Я ощущаю исходящую от нее угрозу, как будто злоба варна затуманивает челк.

Картоно отводит взгляд от полотна и хмурится, но за окнами башни не видит ничего подобного. Солнце заливает горы золотистым сиянием, а по соблазнительно голубому небу, словно бродячие тенестрели, неспешно плывут облака.

--- Ты написал это сегодня? --- спрашивает Картоно.

--- Да, --- отвечает Нагасена.

--- Я не вижу того, что увидел ты, господин.

--- Этого я и не ожидал. Мы все смотрим разными глазами, и пейзаж в наших душах окрашивает личное восприятие мира. Ты с оптимизмом смотришь на мир, лишенный преследований и убийств. А я вижу...

--- Что? Что видишь ты?

--- Ах, Картоно, я старый человек, и мои глаза становятся слабыми, ---
неожиданно осторожничают Нагасена. ---

Мало ли что я могу увидеть...

--- Скажи мне, что ты видишь? ---
просит Картоно.

Нагасена вздыхает и взглядывается в картину.

--- Я вижу ожидающую нас эпоху тьмы. Мир знает об этом и страшится грядущего кровопролития. Я боюсь, что мы вот-вот вступим в логово спящего дракона и разбудим опасность, ужаснее которой еще не ведали.

Картоно качает головой.

--- Ты говоришь о Хорусе Луперкале. Стоит ли беспокоиться о тяжёлом Воителе? Его армия, возможно, уже повержена в прах. И пока мы тут разговариваем, Феррус Манус и остальная ударная флотилия Розала Дорна, вероятно, уже празднуют победу.

--- Боюсь, что ты ошибаешься, Картоно, --- говорит Нагасена. --- Я уверен, что Воитель являет собой более

страшную угрозу, чем кто-либо может себе представить. И еще я уверен, что лорд Дорн, к несчастью, недооценил масштабы лютнежа.

Нагасена откладывает кисть и направляется к выходу из башни. Он спускается по семидесяти двум ступеням и выходит в свой розовый сад. Он хотел бы провести здесь больше времени, но сознает, что его желание невыполнимо. Картоно следует за ним, и они, словно два призрака, бредут по изящным и изысканно украшенным комнатам виллы.

— Что ты задумал? — спрашивает Картоно, когда Нагасена входит в свой кабинет.

Три стены кабинета выкрашены белой краской и украшены шелковыми драпировками и древними картами давно не существующих земель, а четвертая занята полками, на которых разместились свернутые свитки и тяжелые фолианты. В центре комнаты стоит невысокий письменный стол из темного орехового дерева, а на его полированной поверхности аккуратно

расставлены письменные принадлежности.

--- Я готовлюсь, --- уклончиво отвечает Нагасена, выводя руками на пустом участке гладкой стены сложные узоры.

--- К чему готовишься?

Фрагмент стены перед Нагасеной отодвигается в сторону, открывая глубокую нишу, где развешано оружие и броня. Генераторы конверсионного поля, паутинки, глиноствольные винтовки, энергетические клинки, перстни-лазеры, плазменные пистолеты, рукавицы-кастеты, дробовики, излучатели, фотонные сети и стазис-гранаты. Оружия для преследования и поимки.

--- К охоте, --- говорит Нагасена.

--- А на кого мы будем охотиться? --- спрашивает Картоно с оттенком раздражения в голосе.

Нагасена улыбается, но в его улыбке нет теплоты. Он знает, что ответ только сильнее запутает его друга.

--- Я еще не знаю, --- говорит Нагасена.

Глава 6

НЕВЦЫ СКОРБИ И ТОЛКОВАТЕЛИ СУДЬБЫ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ КРАСНОЕ ОКО

Новости о кровавой бойне на Усстваане-V, как все гүрные новости, распространились с поразительной быстротой, словно те, кто их передавал, стремились скорее разделить с кем-нибудь тяжесть ужасного известия. Реакция обитателей Дворца последовала немедленно и оказалась... разнообразной. В рабочих поселках на плато Брахманүтра начались столкновения между теми, кто протестовал против самой идеи предательства Воителя, и теми, кто называл его вероломным клятвопреступником. В окрестностях Тер-Гүара, перед Вратами Вечности, десять тысяч рыдающих женщин преклонили колени и утешали Императора

опровергнуть страшное известие.

По улицам, иступленно стеная о брате, обратившем оружие против брата, бродили певцы скорби и толкователи судьбы. Подобно смертельному вирусу «Пожиратель жизни», паника хлынула во дворец, оставляя за собой пепел надежд и осколки разбитых мечтаний. Мужчины, лишившись веры в непогрешимость Императора, не скрывали слез от женщин и детей. Одного предательства Хоруса Луперкала было достаточно, чтобы вызвать всеобщий ужас, но весть о переходе на сторону мятежника других сыновей Императора оказалась для многих людей абсолютно невыносимой.

Население Терры внезапно оказалось в иной реальности, к которой очень многие не смогли приспособиться. Новости о кровопролитном сражении на Устваане-В разбили все драгоценные мечты о прекрасном будущем, и жизнь в холодной реальности для многих стала невозможной.

Сотни безутешных граждан Терры с воплями бросались со скал в окрестностях

Дворца, другие в холодном сутраке готов
толча прикладывали лезвия к шеем и
запаясьям. В Джонасбурге на американской
равнине семьсот мужчин и женщин,
работавших в хранилище биологического
оружия, подвергли себя губительному
воздействию недавно изобретенного вируса
«Гангши» и предпочли погибнуть в
пламени защитной установки, лишь бы не
жить в одном мире с предателем
Императора.

Как только известие достигло
острова-тюрьмы Дименсланд,^[21]
заключенные объявили себя верными
слугами Воителя и перебили всех
надсмотрщиков. Из центра Меганезии
туда перебросили отряды Магьярских сил
обеспечения безопасности, но для наведения
порядка на острове потребуются не одна
неделя кровавых боев.

Твердая вера в несокрушимость
Империи дала трещину, но худшее было
еще впереди. Когда солнце достигло
зенита над Пустой горой и тени
съежились, пришло известие о гибели в

несках Усстваана одного из сынов
Императора. Феррус Манус, возлюбленный
примарх Железных Рук, был убит, и погиб
он от руки своего самого любимого брата.

Это было невероятно, немыслимо.
Мысль об убийстве полубога, казалось,
могла возникнуть только в воспаленном
мозгу безумца. Но проходили часы, из
Города Зрения просачивались фрагменты
информации, и отрицать гибель Ферруса
Мануса становилось все труднее. В знак
скорби по павшему сыну Императора люди
рвали на себе волосы и истязали плоть.
Ходили слухи, что Вулкан тоже погиб, но
сказать точно, было ли это известие
правдивым или вымышленным, еще никто
не мог. Даже холодные факты,
распространяемые по всей планете, при
каждом пересказе быстро обростали
самыми невероятными преувеличениями и
домыслами.

Кто-то утверждал, что корабли
Воителя пересекли внешнюю границу
Солнечной системы, другие клялись, что
его флотилия вот-вот появится на орбите
Терры. На всех континентах появлялись

лжепророки, распространявшие слухи и
откровенную ложь, пока их не
останавливали имперские арбитры или
воины в золотых доспехах из Лезио
Кустодес. С появлением все новых и новых
ложных слухов у лидеров Терры появились
подозрения, что не все они порождены
паникой и склонностью к преувеличениям.
В распространении заведомой
дезинформации заподозрили агентов
Воителя.

Кринтэстезианцы доложили в Лезио
Кустодес о нескольких направленных в
подозрительные адреса Терры посланиях с
двойным смыслом и зашифрованными
сведениями. Кустоди, основываясь на
полученной информации, произвели
многочисленные аресты, каждый из
которых породил новый очаг волнений.
Известие о внутреннем враге обратило
брата на брата, соседи начали шпионить
друг за другом, и каждое неосторожное
слово превращало человека в
потенциального лжежителя.

В обстановке всепроникающего
страха люди Терры стали искать

утешения. Для одних это была
сердечность близких, для других ---
забвение в наркотиках и алкоголе. Кто-то
успокаивал себя надеждой на крепость
Империи и его способность выдержать
любой шторм, уповая на мудрость
Императора и мощь оставшихся армий.

Верование в божественность
Императора получило новую подпитку, и
подпольные богослужения Лектиции
Дивинатус собирали все больше и больше
людей. Небольшие группы
единомышленников превращались в
массовые конгрегации, проводившие
встречи в обширных подвалах, густых
складских помещениях и других
малопримечательных зданиях.

В тревоге человеческий разум ищет
утешения повсюду, где только возможно, и
тем более это актуально для военного
времени. Никто не сомневался, что мятеж
Воителя уже не ограничится
изолированным восстанием.

Человечеству предстояла ни более ни
менее как галактическая гражданская
война.

В храме Печали еще никогда не было так много людей, хотя в любой момент он мог быть разрушен до основания. Гхота еще не возвращался, но Роксанна понимала, что это только вопрос времени. Она нередко задумывалась, могла ли она поступить иначе, чтобы избежать грозящего бедствия. Но нет, ведь ей пришлось защищать свою жизнь, и если бы не уникальные способности, медленная и мучительная смерть была бы неизбежна.

Роксанна пришла в храм в полной уверенности, что заслужила такую судьбу, но время и расстояние заставили по-иному взглянуть на то, что случилось на борту «Арго». Что бы ни говорили отец и братья, ее вины в произошедшем не было. Судно участвовало в Великом Крестовом походе с самого начала, и обстоятельства войны долгое время не позволяли ему встать в док для ремонта и переоборудования. Учитывая нестабильную по своей сути технологию генерации поля Теллера, несчастье рано или поздно должно было случиться.

При воспоминании о том, как она оказалась запертой в своем хрустальном куполе, будучи не в состоянии узнать, что произошло с экипажем, но догадываясь о его ужасной участи, горло обожгла едкая желчь, и Роксанна с трудом сглотнула горькую слюну. Затем потерла глаза ладонями и сделала глубокий вдох.

— Спокойствие, вот мой путь, — произнесла она. — Шторм расстунается передо мной, и волны поднимаются, чтобы встретить меня восхитительной гармонией.

— Разговаривать с собой — это признак безумия, — раздался голос у ее плеча. — Так всегда говорил мой папа.

Роксанна опустила взгляд и увидела бледное личико старшего из выживших сыновей Майи.

— Арик, — откликнулась она. — Твой папа был умным человеком. Я думаю, он разбирался в таких вещах.

— Ты сумасшедшая? — спросил мальчик.

Она всерьез задумалась, не уверенная в ответе.

--- Мне кажется, ты все порой бываешь
немного безумными, --- ответила
Роксанна, присаживаясь на деревянную
скамью рядом с Ариком. --- Но тебе не
стоит об этом беспокоиться.

--- Я думал, что схожу с ума, когда
утерли мои братья, --- сказал Арик, глядя в
конец зала, где стоял Безучастный
Ангел. --- Я видел лицо на той статуе, но
мать говорила, что я все выдумываю по
своей глупости.

Роксанна посмотрела в сторону
безликого монумента, но не рискнула
задерживать на ней взгляд. После убийства
бандитов Тхоты Палладий рассказал, что
ему потерялось, и теперь Роксанна
задумалась о том, какое существо могло
на краткий миг обратить на них взгляд.
Она по своему опыту знала, что сильные
эмоции привлекают бесчисленное
множество существ, но никогда не
слышала о том, что они обитают в
реальном мире.

--- Я думаю, тебе не стоит так
пристально смотреть на статую, ---
сказала она, поворачивая голову Арика к

себе.

В первый момент он попытался противиться нажиму ее пальцев, но затем все же отвернулся.

--- Говорят, что скоро мы все умрем, --- сказал Арик.

--- Кто так говорит?

Мальчик пожал плечами.

--- Кто так говорит? --- настойчиво повторила Роксанна. --- Кто тебе это сказал?

--- Я прислушиваюсь и многое слышу, --- ответил Арик. --- Здесь собралось слишком много людей, чтобы не слышать чьи-то разговоры.

--- И что же именно они говорят?

--- Что сюда идет Хорус, чтобы всех нас убить. Его флотилия уже направляется к Терре, и он всех нас уничтожит. Точно так же, как уничтожил Железных Рук. Он сжигает все миры во Вселенной, и люди боятся, что он и с нами поступит так же.

Мальчик тихонько заплакал, и Роксанна обняла его за плечи. Она прижала его к себе и оглянулась в поисках

Майи, но матери Арика нигде не было видно. Весь день и всю ночь перед этим она рыдала у ног Безучастного Ангела, но затем Наллагий куда-то увел женщину.

Храм был полон народа.

Слух о случившемся распространился по Городу Просителей быстро, и в храм хлынул поток любопытствующих, отчаявшихся и страждущих. Поначалу Наллагий пытался их удалить, но довольно скоро понял тщетность своих усилий. В храме собралось больше трех сотен человек, многие действительно пришли в надежде поделиться горем, а кто-то просто не мог оставаться наедине с самим собой.

Роксанна не стала упорять мальчика за слезы, но попыталась придумать что-то, что вселило бы в него надежду.

--- Воитель очень далеко от нас, --- заговорила она. --- Ему потребуются много времени, чтобы добраться от Усстваана до Терры, а флот Императора сумеет остановить его задолго до того, как он приблизится к Терре.

Арик поднял к ней покрасневшее лицо

с припухшими глазами.

--- Ты обещаешь?

--- Обещаю, --- сказала Роксанна. ---
Поверь, я знаю, что это такое. Когда-то я
и сама работала на костическом корабле,
и мне известно, сколько требуется
времени, чтобы пересечь Галактику из
конца в конец.

Арик улыбнулся, а она не стала
объяснять ему истинное положение вещей.
Да, Усстваан и Терру разделяет
колоссальное расстояние, но при
благоприятных течениях и устойчивом
курсе корабли Воителя смогут добраться
до сердца Империи уже через несколько
месяцев.

Не в первый раз Роксанна мысленно
задала себе вопрос, что она делает здесь,
среди чужих ей людей. Ее семья, при всех ее
недостатках, отличалась сплоченностью,
и это распространялось даже на тех ее
членов, кто вольно или невольно бросал
тень на доброе имя Кастана. Роксанну,
даже после крушения «Арго», снова приняли
в лоно семьи, хотя и навесили на нее
сокрушительный груз вины.

А теперь, когда над храмом, словно грозовая туча, нависла опасность неизбежной мести Бабу Дхакала, она понимала, что было бы намного безопаснее покинуть это место. Серебряное кольцо на руке Роксанны могло послать сигнал во владения Кастана, и уже через несколько минут она бы имела в своем распоряжении небольшой катер. А через час оказалась бы в раззолоченных залах обширного галисийского семейного поместья с его огромными библиотеками, портретными галереями и роскошными апартаментами. Сама того не сознавая, она уже крутила кольцо на указательном пальце правой руки, трогая большим пальцем кнопку активации, а в мозгу формировались кодовые фразы.

Роксанна оставила кольцо в покое. Как бы ей ни хотелось сбежать отсюда, она знала, что не сможет бросить этих людей. И неважно, что грозили Бабу Дхакала не оставили ей выбора, это из-за нее они придут, чтобы разрушить храм и уничтожить всех, кто здесь собрался. Она не в состоянии оставить этих людей на

произвол судьбы, как не в состоянии
установить собственное сердце.

Арик поднял руку и вытер лицо
рукавом куртки. В его глазах еще стояли
слезы, но мальчик немного успокоился.

— А что ты делала на космическом
корабле? — спросил он.

Роксанна промолчала. Она не
решалась открыться окружающим ее
людям. Такие личности, как она, подобно
слепым астронавтам из Города Зрения,
были жизненно необходимы Империи, но
наряду с этим вызывали страх. Их
таинственные способности вызывали ужас,
а зачастую и ненависть.

— Я помогала экипажу корабля не
сбиться с курса, — сказала Роксанна.

— Ты поэтому носишь повязку на
голове под капюшоном? — добавил Арик.

— В некотором роде — да, — с
некоторой опаской ответила Роксанна.

— Значит, ты из навигаторов,
правда?

Роксанна резко оглянулась, чтобы
убедиться, что, кроме нее, мальчика
никто не слышал. Но если кто-то и

подслушал их, то не подал виду. Она наклонила голову и зашептала Арику на ухо.

--- Да, это так, --- сказала она. --- Нельзя говорить об этом всем. Люди не всегда понимают, кто ты и как ты делаешь то, что от нас требуется. Люди пугаются, а в страхе они могут совершать ужасные вещи.

Арик улыбнулся сквозь слезы.

--- Тебе не стоит об этом беспокоиться.

--- Что ты имеешь в виду?

--- Все знают, кто ты, --- сказал он. --- Тут все знали это с самого начала, как ты пришла. Папа уже давно мне об этом сказал. Еще до того, как ты принесла лекарство.

Роксанна поразилась.

--- Люди знают, кто я?

--- Да, я несколько недель назад слышал, как они об этом говорили.

Роксанна откинулась на спинку скамьи и ощутила невероятное облегчение. Всю жизнь ее учили, что обычные люди ее боятся и при любой

возможности будут преследовать. Слова
маленького мальчика и поведение
окружающих людей в одно мгновение
опровергли это утверждение, и
неожиданная радость бытия наполнила ее
сердце живительным эликсиром, как
будто по венам разлилось чистейшее
сияние.

Она окинула взглядом ничем не
примечательные лица окружающих и
словно увидела их впервые -- это были
удивительно сильные и решительные
личности. Они приняли ее просто потому,
что она пришла к ним, а не в силу каких-
то семейных связей, торговых соглашений
или договоров.

-- А правда, что у тебя под повязкой
еще один глаз? -- спросил Арик.

-- Правда, -- кивнула Роксанна.

-- А можно посмотреть?

-- Нет, Арик, боюсь, что это
невозможно.

-- Почему?

-- Это опасно.

-- Я слышал, что ты можешь убивать
людей.

Роксанна взъерошила еѹ волосы.

--- Арик, нельзя верить всему, что говорят о навигаторах. Но люди могут пострадать, если посмотрят в этот глаз, и поэтому я всегда ношу повязку. Я не хочу никому навредить.

--- А-а, --- разочарованно протянул Арик, но не удержался от следующего вопроса: --- А ты можешь увидеть будущее? Можешь заглянуть туда своим спрятанным глазом?

--- Боюсь, что нет, --- ответила Роксанна. --- Мы просто помогаем вести корабли, вот и все.

Арик кивнул, как будто еѹ стали понятны все трудности и нюансы людей из самой востребованной, но и самой избегаемой в Империи касты. Людей могущественных и богатых, которым тем не менее никогда не удастся занять равное положение среди тех, кому они служат.

Роксанне вдруг пришла в голову неожиданная мысль.

--- А Палладию известно, что меня все знают? --- спросила она.

--- Нет, он уверен, что один такой, ---

сказал Арик. --- Мне кажется, что смерть сыновей сдвинула у него в голове шарики. Он никому не доверяет.

--- Наверно, ты прав, --- прошептала Роксанна. --- Ты утница, Арик, ты это знаешь?

--- Мама тоже всегда так говорит, --- с горделивой улыбкой ответил мальчик.

Роксанна привлекла ребенка к себе и поцеловала в лоб.

--- Ты даже не понимаешь, какой драгоценный подарок преподнес мне сегодня, --- сказала она.

Он немного ступился, но затем серьезно кивнул.

--- Вот, возьми кое-что взятен, --- сказала Роксанна, вкладывая вещицу в детскую ладонь.

Чтобы никто из окружающих не видел ее подарка, она быстро сжала его кулачок.

--- Что это? --- спросил Арик.

--- Это волшебное кольцо, --- улыбаясь, ответила Роксанна.

За стенами крепости Арзашкун

вздыгались и опускались бесконечные дюны
белых песков Руб-Эль-Хали. Кай
беззаботно бродил по безлюдным
переходам и пустынным залам, радуясь
возможности не смотреть под ноги. Над
толчальной пустыней гулял теплый
сирокко, приносящий приятные запахи
жареного мяса, терпкого вина и
экзотических пряностей.

Он проводил пальцами по
позолоченным завиткам каменной резьбы и
впитывал царящее вокруг мирное
спокойствие. В пустыне ничто не
двигалось, не было ни притаившихся
хищников, ни воспоминаний, грозящих
вырваться на поверхность, потому что
Кай просто спал. Дар метапознания
позволял ему сознавать, что он видит сон,
и, в отличие от большинства спящих, он
мог фортировать его по своему желанию.

Арзашкун для него был не только
убежищем от опасностей илматериума.
Крепость стала местом, где он мог
обрести спокойствие и в некотором роде
утешение и уединение. Если только он не
приглашал кого-нибудь разделить видение,

сюда никто не мог прийти, и Кай без помех наслаждался тишиной сводчатых залов под богато украшенными куполами.

Легкими шагами он спустился во внутренний дворик, и мрачное настроение, бывшее его постоянным спутником со дня катастрофы «Арго», немного прояснилось. Страх все еще был здесь, прячась на грани восприятия, но Кай отказывался его признавать. Воспоминания будили чувства, а это заставляло его вновь пережить страшное событие. Десять тысяч предстертных криков пошатнули его рассудок, и Кай не был уверен, что сможет полностью восстановиться.

Тем не менее в тех редких случаях, когда ему удавалось ускользнуть в Арзашкун, наедине с самим собой он успокаивался, и его разум работал в полную силу, не пасуя перед ужасными воспоминаниями и укоренившимся в душе ужасом. Кай распахнул дверь главного зала и вдохнул запах ароматических воскурений и свежей зелени. В центре комнаты поблескивал круглый бассейн, выложенный алыми и золотыми ромбами, и в

солнечных лучах, проникавших сквозь витражное стекло купола, мерцал серебром скульптурный фонтан в виде воина с трезубцем в руке.

Ветерок тихонько шевелил ветви пальм, разнося по крепости ароматы кальяна и лимонника. Все запахи рождали образ далекого царства из давних прошедших эпох, и для Кая в его царстве воображения и видений связь с прошлым являлась надежным якорем. При желании его мысль могла создать что угодно, но и этого ему было вполне достаточно. Покой и уединение, и освобождение от тысяч взывавших к нему голосов.

Кай прошел между колоннами из трапезы и нефрита, на которых покоился свод, и направился к широкой лестнице, ведущей на крытую галерею. Изящные ниши украшали алые, изумрудные и золотистые боевые знамена — трофеи забытых всеми сражений. Странно, что такие ужасные и значительные для тысяч людей события так легко предаются забвению. Люди, сражавшиеся в тех боях, стали песчинками в Руб-Эль-Хали, но

когда-то их жизни имели огромное значение. И не важно, что жернова истории столбли их в пыль, когда-то они были облечены властью и славой.

И даже если память об их влиянии осталась только во сне, это ничуть не умаляло значительность этих личностей. Кай помнил их, хотя память эту позаимствовал из книги примарха. Со временем и он сам будет забыт, и эта мысль вызвала у Кая улыбку. Такое забвение стало бы для него благословением. А вот всеобщее почитание, ответственность за жизни множества людей он считал непереносимой ношей.

Кай не раз удивлялся, как справляются с этой тяжестью такие люди, как лорд Малькадор, лорд Дорн или хормейстер.

У подножия широкого лестничного пролета он остановился и прикрыл глаза, вслушиваясь в журчание фонтанных струй. Дыхание ветра коснулось его лица. Кай вдохнул запахи земли, давно исчезнувшей во тьме веков, и его слепозрение дрогнуло.

Запах в видениях был едва ли не самым сильным ощущением, и ароматы щедро приправленного специями кебаба перенесли его на базар под открытым небом, заполненный потной толпой горланящих, зазывал, азартно торгующихся покупателей и сосредоточенных карманников.

Кай вдыхал дым очагов, сизоватые клубы зашита и терпкий аромат папасакары,^[22] разливаемой из больших глиняных кувшинов в оловянные кружки. Ощущение оказалось настолько мощным, что от нахлынувшей мучительной грусти Каю, чтобы не упасть на колени, пришлось ухватиться за край резной балюстрады.

В уголках его глаз выступили слезы, и Кай никак не мог понять, почему ему так знакомы эти запахи и звуки. Это не просто фантазии, всплывшие из глубин воображения, это воспоминания, хранящиеся в каком-то грубом разуме. Эти ощущения почерпнуты из такой глубокой древности, что Каю оставалось только изумляться объему хранимой

истории.

Он вздрогнул и открыл глаза. Его концентрация на цельности мира на мгновение нарушилась, и окружающий пейзаж дрогнул. Дыхание стало коротким и частым, хотя Кай сознавал, что его тело все это время оставалось в кровати. Но определенные законы в царстве снов действовали точно так же, как и в реальном мире, даже если этот термин не имел особого смысла для человека, который мог жить в мире, недоступном воображению большинства смертных.

Его глаза уловили какое-то движение, и Кай, подняв голову к галерее, успел заметить, как промелькнула чья-то фигура. Он ошеломленно затер, не в силах поверить увиденному. В его видении присутствует кто-то еще? Кай слышал рассказы о могущественных псайкерах, способных вторгаться в чужие сны и изменять видения, но последний такой когносцинт, если верить слухам, умер тысячу лет назад.

--- Подожди! --- закричал Кай и, перепрыгивая через две ступеньки,

бросился наверх.

Он сильно запыхался уже после первого пролета, но, свернув под прямым углом, преодолел последний марш лестницы. Галерея представляла собой нечто вроде прямоугольной спирали, так что войти и выйти можно было только одним путем, и Кай встретился к тому месту, где увидел таинственную фигуру.

Шелковые шторы на сводчатых окнах раздувались от ветерка, пропуская внутрь бой далеких барабанов, отмерявших пульс давно минувшей эпохи. Кай не мог видеть музыкантов и сознавал, что звук здесь так же невозможен, как и присутствие постороннего. Он побежал дальше по галерее, оставив позади ритмичный рокот, и за дверным проемом, закрытым портьерами, обнаружил зал, полный света и пышной растительности. Деревья пробивались сквозь полы, словно природа воспользовалась запустением и овладела крепостью. С потолка спускались цепкие лианы, и оконные проемы обрамляли резные листья.

В дальнем конце зала, у

противоположного дверного проема стояла высокая фигура в глинном белом одеянии с золотым шитьем. Выражения лица на таком расстоянии было не различить, лишь глаза казались озерами великой грусти и ясного понимания той цены, которую платят люди за свои мечты...

--- Стой! --- крикнул Кай. --- Кто ты и как здесь оказался?

Человек ничего не ответил и скрылся из виду. Кай, отмахиваясь от листьев и отбрасывая с дороги вьющиеся лианы, бросился бежать через весь зал к двери, сквозь которую прошел человек в белом одеянии. Запахи специй, зелени и древних воспоминаний стали еще сильнее, и Кай торжествующе вскрикнул, когда добрался до выхода. Снаружи доносились ароматы соленой воды и нагретых солнцем камней. У самого проема Кай почему-то остановился, не решаясь переступить порог.

Он собрал остатки смелости и прошел сквозь арку.

Кай оказался на балконе центральной башни, о существовании которого даже не

гозабивался. Над головой висело обжигающе яркое солнце, а впереди простиралось колоссальное озеро, которое можно было бы назвать настоящим морем. Удивительно голубая вода резала глаза блестящими бликами, над поверхностью летали птицы, а недалеко от берега покачивались маленькие рыбацьи лодки.

На балконе никого не было, хотя незнакомцу больше некуда было деться. Кроме как через двери за спиной Кая покинуть балкон можно было, только прыгнув с высоты в несколько сотен метров. Изменять законы, управляющие видением, способен только его автор, и даже для него это слишком опасно, и Кай не мог предположить, куда делся таинственный незнакомец.

Кай подошел к ограждению балкона и положил руки на нагретый солнцем камень. Он сделал глубокий вдох, наслаждаясь чистым прозрачным воздухом, лишенным химического привкуса терранской атмосферы.

— Что это за место? — произнес вслух Кай, почему-то уверенный, что

преследуемый или незнакомец услышит вопрос.

Чья-то рука крепко сжала его плечо. Неожиданное прикосновение вызвало у Кая ощущение, что хозяин руки, если ему вздумается, способен одним движением пальцев сломать его пополам.

— Это Старая Земля, — прозвучал голос у самого уха.

Мягкий, спокойный, но с отблеском стали.

— Как это? — спросил Кай, поддавшись очарованию голоса.

— Человеческий разум невероятно сложен, даже для такого, как я, — ответил человек. — Но поделиться с тобой моими воспоминаниями не так уж и трудно.

— Ты действительно находишься здесь? — снова спросил Кай. — Или я тебя вообразил?

— Ты спрашиваешь, действительно ли я здесь? В созданном тобой видении? — В голосе прозвучала легкая насмешка. — Тебе не кажется, что это вопрос для философов? Что такое реальность? Что более реально: то, что окружает тебя

сейчас, или твоя койка в Башне Шепотов?
А разве огонь в видениях согревает хуже,
чем горящее дерево?

— Я не понимаю, — признался Кай. —
Почему ты оказался здесь? Со мной, в
этом месте?

— Я хотел встретиться с тобой и
узнать тебя лучше.

— Зачем? Кто ты?

— Вечная одержимость именами, —
посетовал незнакомец. — За долгие годы я
стенил немало имен, и любое из них
годится, пока его не вытолкнет
следующее.

— Как же я должен тебя называть?

— Ты никак не будешь меня
называть, — ответил человек, и его
хватка на плече значительно усилилась.
Кай поторщился, когда кости
стеснились. — Ты будешь просто слушать.

Кай кивнул, и боль в плече ослабла.
Птицы кружились над рыбацкими
лодками, и их силуэты отражались в воде.
Кай прищурился. Смотреть на
сверкающую голубизну было больно, и
аугментика ничем не могла помочь ему в

этом видении.

--- В Галактике выпущены на волю колоссальные разрушительные силы, Кай, и миллиарды нитей, уходящих в будущее, не можешь ли ты проследить даже величайшему проводнику эльдар. Но одна нить, как я вижу, переплетается с моей собственной судьбой. Не догадываешься, чья это нить?

--- Моя? --- предположил Кай.

Незнакомец растаял так незаметно, что Кай тоже улыбнулся, несмотря на вновь усилившуюся боль в плече. Тем не менее стех звучал ненатурально, как будто этот человек не появлялся долгое время и уже забыл, как это делается.

--- Твоя, Кай Зүлан? Нет, ты не из тех, о ком будут слагать легенды певцы грядущей эпохи, --- сказал человек, и Кай догадался, что незнакомец смотрит в выходящий красный глаз солнца. --- Нет, я говорю о другом, о том, кто способен разрушить все, чего я достиг, и перерезать мою нить, но чье лицо скрыто от меня.

--- Тогда почему ты говоришь со мной? --- спросил Кай. --- Если ты тот, о

ком я гутаю, у тебя итеется миллион
более важных дел, чем беседа со мной.

--- Это справедливо, --- согласился незнакомец. --- Но я говорю с тобой как со свидетелем моей кончины. Я чувствую, что нить, ведущая к моей смерти, притянет и тебя. И если ты ее увидишь, я об этом узнаю.

--- И сможешь предотвратить гибель? --- спросил Кай, наблюдая, как красное солнце начинает опускаться.

--- Это еще предстоит выяснить.

Доска для резюцига лежала без дела. Сейчас не время для игр, и они все это знали.

Немо Зи-Менг быстро ходил взад и вперед по своей комнате, и его лицо, и без того изборозженное глубокими морщинами, сердито хмурилось. Он не спал с тех пор, как из Проводника поступило сообщение о катастрофе на Усстваане-V, и напряжение уже начинало сказываться.

--- Немо, сядь, ты меня утомляешь, --- попросила Сарашина.

--- И наденъ на себя хоть что-нибудь, ---
добавил Эвангер Григора.

--- Не могу, --- ответил Зи-Менг. --- В
движении мне лучше думается, а поток
энергии лучше проходит через обнаженную
кожу.

--- Ты сам знаешь, что все это
чепуха, --- заметила Сарашина.

Зи-Менг резко вздернул подбородок и
оттолкнул ее замечание взмахом руки.

--- Тебе, как никому другому, должно
быть известно: помогает то, во что
веришь.

Сарашина прилегла на резную
кушетку, надеясь, что рельефная
поверхность поможет избавиться от
болезненных узлов в мышцах шеи и плеч.
Бесполезно. Непрекращающиеся много дней
сеансы связи с астронатами по всему
Империи всех их довели до полного
изнеможения. Хоры работали на пределе
своих возможностей, и сотни астронатов
уже сгорели, как тленной ночью сгорает
над полем боя осветительная ракета.

Больше дюжины астронатов
подверглись катастрофическому

вторжению, после чего потребовалось вмешательство Черных Часовых Головок. К счастью, инциденты прошли без осложнений, и кельи несчастных уже были очищены огнем и запечатаны пси-замками.

— И никто из оракулов не увидел никаких признаков несчастья? — воскликнул Зи-Менг. — Мы можем быть в этом уверены?

— В Проводнике ничего не было, кроме видения Афины Ди́ос, — ответил Григора, наскоро просмотрев распечатки выписок из своего инфопланишета. — Не было даже остаточных и неверно истолкованных данных.

— Эвангер, ты уверен в этом? — настойчиво спросил Зи-Менг. — Во Дворце хотят видеть головы на кольях, и в очереди к палачу мы первые.

— Я уверен, хортейстер, — сказал Григора, явно оскорбленный предположением, что его люди могли что-то пропустить. — Если бы что-то было, криптэстезианцы обязательно бы это увидели.

Зи-Менг кивнул и возобновил

хождение по комнате.

--- Проклятье, почему Афина не направила отчет о видении сразу в Проводник? Почему она потратила время на разговор с тобой, Аник?

--- Немо, на этот раз я не стану обращать внимания на оскорбление, но больше никогда не обращай ко мне в таком тоне.

--- Прости, но ты понимаешь, что я имел в виду.

Сарашина поправила свое одеяние.

--- Ты прекрасно понимаешь, что это ничего бы не изменило. К тому времени, когда Афина расшифровала свое видение, было уже поздно. Матежники нанесли удар. Мы не могли предупредить ни Ферруса Мануса, ни остальных.

--- Я знаю, но это раздражает, --- сказал Зи-Менг, останавливаясь, чтобы затянуться трубкой кальяна. Воздух наполнился ароматным дымом. --- Лорд Дорн готов снести Обсидиановую Арку и вытащить меня отсюда за шиворот. Он хочет знать, почему мы этого не предвидели. И что я должен ему сказать?

— Скажи ему, что течения в матаериуме все время меняются и что предсказывать будущее с их помощью все равно что пускать стрелу в ветреный день и гадать, в какую песчинку она попадет.

— Все это я ему уже говорил, — отмахнулся Зи-Менг. — И не произвел никакого впечатления. Он уверен, что мы допустили промах, и я склонен с ним согласиться.

— А ты не говорил ему, что мы не провидцы? — спросил Тригора. — И если бы умели предсказывать будущее, нас бы заперли в подземелье вместе с Воинством Крестоносцев и остальными предателями, которых изловили кустодии?

— Конечно. Но лорд Дорн прямолинеен и требует ответов, — сказал Зи-Менг. — Все мы знаем, что можно увидеть предполагаемое будущее, эхо грядущих событий, но ни один астронавт в этом городе не обнаружил ни одного намека, и это меня настораживает. Ни один оракул не уловил хотя бы тени указаний, ни один. Аник!

— Кроме Афины Дийос, — заметил

Григора.

--- Кроме Афины Дийос, --- повторил Зи-Менг. --- Как такое возможно?

--- Не знаю, --- сказала Сарашина.

--- Выясни, --- приказал Зи-Менг.

--- Возможно, это Схема, --- предположил Григора.

--- Опять ты со своими схематами! --- закричал Зи-Менг. Он взметнул руки вверх и хлопнул себя по ладони. --- Нет здесь никакой схемы! Ты все выдумываешь, Эвангер. Я видел все то же, что и ты, и не нашел никакой системы.

--- При всем моем уважении, хормейстер, ты не живешь в мире остатков видений, как это делаю я, и ты не можешь видеть того, что я вижу. Я не одно столетие изучал Схему, и в течение многих лет она превращается в нечто ужасное. Всё говорит об огромном красном глазе, смотрящем на Терру, о колоссальной разрушительной силе, которая бесповоротно изменит ход истории.

Зи-Менг остановился.

--- И ты еще говоришь о Схеме? Чтобы объяснить это значение, мне не

потребуется заглядывать в онейрокритику Юна. Любой новичок скажет тебе, что красный глаз означает Хоруса Луперкала. Если это все, что ты обнаружил, ты напрасно тратил свое время, Эвандер.

--- Глаз не означает Хоруса, --- возразил Григора.

--- Кого же он означает? --- спросила Сарашина.

--- Я уверен, что это Магнус Красный, --- ответил криптэстезианец. --- Я думаю, что к Терре приближается Алый Король.

--- Не смей нас, Эвандер, --- прошипел Ви-Менг. --- Магнус все еще остается на Просперио, залечивает раны, нанесенные его гордости на Никейском соборе.

--- Ты в этом уверен? --- спросил Григора.

Глава 7

КОГНОСЦИНТЫ

НЕЩЕРА

ВРАТА РАЗВУТЫ

Даже в лишенной солнечного света и тихой Башне Шенотов убежище криптэстезианцев казалось невероятно мрачным и даже зловещим. Кай и Афина торопливо пробирались по туннелям, пробитым мелта-резакатами, но время от времени останавливались, чтобы нащупать на стенах высеченные метки. Астронавты быстро привыкали ориентироваться в переходах своей башни, но глубокие подземные уровни, где занимались своим ремеслом криптэстезианцы, никто не старался посещать без веской причины.

--- Не нравится мне эта идея, --- сказал Кай, чувствуя, как пульсирующие шепчущие катни перекачивают остаточные видения в катеры-ловушки.

--- Я понимаю, но это твоя идея, ---

напомнила ему Афина. В туннеле гул мотора ее кресла казался необычно громким. -- Я точно помню, как несколько раз говорила тебе, что это плохая идея. Не стоит разыскивать криптэстецианцев, они сами тебя найдут.

В сотне метров под землей стало холодно, и каждый выдох Кая сопровождался облачком пара. Тускло освещенный коридор тянулся перед ними на сотни метров, двери без вывесок почти не нарушали монотонности стен, и лишь редкие зарубки давали представление о том, как далеко они забрались.

-- Ты всегда можешь вернуться, -- сказал Кай.

-- Чтобы лишиться возможности увидеть, как Эвангер Тригора тебя уничтожит? Ни за что.

-- А я думал, Сарашина приказала тебе оказывать мне помощь.

-- Это верно, -- согласилась Афина. -- Я и теперь хочу тебе помочь -- выбраться с этого уровня с мозгами в черепе.

-- Ты преувеличиваешь.

-- Посмотри, что ты скажешь.

когда Гризора подключит тебя к своим
машинам.

Кай знал, что Афина права. Глупо
связываться с криптэстезианцами, чьи
силы породили множество пугающих
слухов в башне астронавтов. Кое-кто
говорил, что они способны вытащить
секреты из самых потаенных уголков
человеческой психики, другие утверждали,
что они могут зомбировать любую
личность и заставить сделать все, что
угодно. И почти все были уверены, что они
умеют читать мысли мертвецов.

Но слухи слухами, а Кай не имел
четкого представления о работе этой
самой скрытной группы астротелепатов.
Он подозревал, что их работа связана с
безопасностью Города Зрения и
заключается в фильтрации всех
приходящих посланий на предмет порчи
варна. Кай верил, что в отличие от
Черных Часовых, обеспечивающих
физическую охрану, криптэстезианцы
заняты охраной психики.

Он поднял руку и провел пальцами по
стене. Обнаруженная метка показывала,

что они находятся на нужном уровне и
всего в нескольких метрах от цели.

--- Вот и пришли, --- сказал он,
остановившись перед непримечательной
дверью из матовой стали.

--- Тебе не обязательно это делать, ---
сказала Сарашина. --- Я же тебе говорила,
это просто сон. А в снах может произойти
все, что угодно. Особенно в снах тэлепата.
Они ничего не значат.

Кай тряхнул головой.

--- Да ладно, ты же оракул, ты должна
понимать.

--- Ты прав, я все понимаю, но еще я
точно знаю, что открывать дверь опасно,
потому что закрыть ее намного труднее.
Если позволить криптэстезианцу
исследовать структуру твоего разума, он
бесповоротно изменится, наружу выйдут
самые секретные, самые глубокие части
твоего сознания. Когда криптэстезианец
проникает в чью-то голову, для него не
остается ничего тайного.

--- Мне нечего скрывать, --- сказал Кай.

--- У всех нас имеются тайны, ---
возразила Афина. --- Есть то, что мы не

хотели бы открыть миру. Можешь мне поверить. Я видела астронавтов, подвергшихся исследованию криптэстезинцев, и все они рано или поздно были сосланы в Пустую гору.

— Что ж, в конце концов я все равно туда попаду, так что какая разница?

Афина подняла искаленную руку и тронула его локоть.

— Разница есть, — сказала она. — Госпожа Сарашина приказала мне тебя вернуть, но я не смогу этого сделать, если криптэстезианцы превратят твой разум в кучу осколков. Кай, подумай. Подумай хорошенько, что ты собираешься сделать.

— Я уже подумал, — ответил Кай и костяшками пальцев постучал по латовой стальной двери.

На стук в глубине коридора отозвалось нагнетенное эхо, и Кай, затаив дыхание, ждал, когда откроется дверь. Наконец створка скользнула в стену, и он оказался лицом к лицу с Эвангером Григорой.

Одного взгляда на узкое и землисто-бледное лицо было достаточно, чтобы

понять, почему люди избегают его общества. С этого спокойного и абсолютно не запотинающегося лица смотрели такие пронизательные глаза, что Кая показалось, будто он очутился под микроскопом.

— Шепчущие камни захлебываются от вашей непрерывной болтовни, и мне необходим отдых, — сказал Григора. — Зачем вы меня потревожили?

Его появление на несколько мгновений ошеломило Кая, так что он не смог сразу ответить. Позади Григоры он увидел комнату, совершенно не подходящую этому человеку с невыразительным лицом, но Григора быстро шагнул вперед, заслонив собой помещение.

— Я занятый человек, Кай Зүлан, как и все мы в эти беспокойные времена, — продолжил Григора. — Назови мне хоть одну причину, почему бы мне не сделать тебе выговор и не отослать тебя обратно.

— Я хочу спросить тебя о когносцинтах, — произнес Кай.

Сердитое выражение в глазах криптэстеуанца сменилось

заинтересованностью.

--- О когносцинтах? Почему? Ведь их давно уже нет.

Кай перевел дыхание и оглянулся на Афину. Он понимал, что готов переступить очень опасную грань. Затем сдвинул одеяние с плеча и продемонстрировал желто-фиолетовый синяк, оставленный сильной рукой.

--- Мне кажется, я встретил одного из них.

На первый взгляд комната криптэстезианца ничем не отличалась от скромной кельи неопита: холодные каменные и металлические стены, узкая койка и шепчущие камни в медных оправах. Но на этом сходство заканчивалось. Комната Григоры была намного больше любой из келий, и большую часть стен занимали полки. И если полки в кельях начинающих астропатов были почти пустыми, ожидая заполнения нейрокритиками, на что требовались время и опыт, у Григоры они ложились от весьма внушительной коллекции.

Переплетенные в кожу тома,

инфостержни и скрученные пергаменты
перетежались стопками листов,
звездными картами и рукописями.
Десятки онейрокритик в беспорядке
валялись на полу, а все свободные участки
стен были исписаны мелом, и извилистые
кривые диаграмм, пересекающиеся
плоскости и закорючки показались Каю
ужасно знакомыми и в то же время
абсолютно непонятными.

Кай слышал об Эвандере Григоре еще
до того, как покинул Город Зрения, но
встречаться с этим человеком ему не
приходилось.

И сейчас ему остро захотелось, чтобы
так оставалось и дальше.

--- Сбвиль какие-нибудь книги, если
хочешь присесть, --- предложил Григора,
просматривая какие-то записи,
разбросанные по широкому столу из
поцарапанного темного дерева. --- К тебе
это не относится, госпожа Дийос, не
стоит беспокоиться.

Кай удивился его грубости, но затем
решил, что Григора просто
констатировал факт. Он переложил

стонок пергаментов на кровать, чтобы освободить себе место, а затем, выгнувшись, стал рассматривать записи на стене. Кай заметил, что почерк был тем же самым, что и на пергаментах. На первый взгляд рисунки казались либо астрономическими картами, либо сложнейшей генеалогической схемой, но ни та, ни другая интерпретация при ближайшем рассмотрении не оправдывалась.

— Не пытайся это понять, Кай. Зулан, — произнес Григора после того, как стахнул слой пыли с лежащей на столе книги. — Я бьюсь уже второе столетие, но постиг лишь малую часть.

— А что это? — спросила Афина, направляя к нему свою коляску.

Ее манипулятор выбивал на посеребренном подлокотнике непрерывную нервную дробь.

— Прекрати, пожалуйста, стучать, госпожа Динос, меня это раздражает! — воскликнул Григора. — Я называю это Схемой, а что до ее значения...

Григора выдвинул из-за стола кресло

и уселся перед Каем, положив книгу себе на колени. Он поднял глаза к символам и линиям на стене и рассматривал их некоторое время, словно человек, впервые увидевший пейзажи Козарски.

— Я уверен, что это отрывочные видения грядущего апокалипсиса. Видения будущего, пережитого человечеством миллиарды лет назад. Видения, разбившиеся на осколки, которые сотни тысяч лет сохранялись в сознании народов. А я пытаюсь составить из них общую картину.

В его голосе прозвучала убежденность фанатика, и Кай спросил себя, какие именно слухи о криптэстезианцах справедливы по отношению к этому человеку.

— И когда же произойдет апокалипсис? — спросил Кай. — Надеюсь, не очень скоро?

— Он уже начался, — ответил Григор.

Кай едва не расхохотался, но, взглянув на серьезное выражение лица Григоры, удержался.

--- Ты шутишь? --- спросил он.

--- Я никогда не шучу, --- сказал Григора, и Кай ему поверил.

--- Ты говоришь о Хорусе? --- предположила Афина.

--- Возможно. Или об одном из его братьев. Вариантов интерпретаций слишком много, и я не могу найти точное определение. Есть еще множество вероятностей, и те, что я смог подогнать... мягко говоря, остаются под вопросом. А теперь скажите мне еще раз, зачем вы прервали мой отдых.

--- Когносцинты, --- наполнила Афина. --- Что ты можешь о них сказать?

Григора откинулся на спинку кресла, вздохнул и покачал головой.

--- Последний из когносцинтов был зарезан несколько тысяч лет назад, --- сказал он. --- Почему вас заинтересовала эта исчезнувшая ветвь?

Кай немного помедлил. Несмотря на то что в облике Григоры не было ничего угрожающего, за его суровой отчужденностью таилась реальная угроза. Такой человек поднишет сотню смертных

приговоров с той же легкостью, с какой попросит чашку свежего кофеина. Его холодный и властный взгляд словно предостерегал Кая, чтобы тот не терял бдительности и не лаянул какой-нибудь глупости.

--- Как я уже говорил, я встретил одного из них, --- произнес он.

Раздался сухой лающий смех Григоры.

--- Это невозможно, --- возразил он.

--- А как тогда возможно вот это? ---

спросил Кай, спустив с плеча край одежды и продемонстрировав синяки, явно оставленные человеческими пальцами.

Криптэстезианец отложил книгу и осмотрел кровопотек. Желтовато-фиолетовые пятна были хорошо видны на бледной коже.

Григора приложил к плечу свою ладонь, и она легко закрыла все пятна. Затем он поднял руку Кая и поднес к плечу. Его кисть оказалась намного меньше.

--- Крупный мужчина с большими ладонями, --- сказал Григора. --- Ты уверен, что это не оставил кто-то из Черных

Часовых Головки, когда тащил тебя в
келью? Не пытайся меня обмануть, я сразу
отличу ложь.

--- Я клянусь, что синяков не было,
когда я ложился спать, --- сказал Кай. --- Я
увидел их, когда одевался на следующее
утро. И не могу объяснить, откуда они
взялись.

--- Кроме как присутствует особого
рода псайкера, чьи силы угасли более
тысячи лет назад, --- добавил Григора. ---
Это не согласуется с логикой.

--- Как же ты можешь это
объяснить? --- спросила Афина.

--- Я не должен ничего объяснять, ---
сказал Григора, сплетая на коленях свои
тонкие пальцы. --- Это вы пришли ко мне.
Я мог бы войти в твой разум и поискать
следы присутствия чужой психики, но это
опасная процедура и весьма неприятная.
Ты уверен, что готов подвергнуться
болезненному вторжению в сознание?

--- Я должен точно знать, был ли это
сон или реальность.

--- Конечно, ты все это видел во сне, ---
заявил Григора, словно такое положение

все объясняло. -- Это сон, Зулан, и ничего больше. Мало того, что ты вернулся со сломленной психикой, неужели ты еще и утратил способность отличать сновидения от фантазии?

-- Это был не простой сон, -- настаивал Кай.

-- То же самое может сказать любой новичок.

-- Кай не новичок, -- заметила Афина.

-- В самом деле? -- настаивал переспросил он, поворачиваясь в ее сторону. -- Тем не менее он живет среди новичков и, насколько мне известно, не в состоянии осуществить передачу. Да и принять астропатическое сообщение он тоже не может. Он годится только для Пустой горы. Или я допустил хоть одну ошибку?

-- Сказать по правде, допустил, -- ответила Афина. -- Каю еще предстоит пройти долгий путь, пока он окончательно не оправится после происшествия на «Арго», но его способности крепнут с каждым днем. Можешь быть уверен, в самое ближайшее время я верну его в зал

мысли.

Речь Афины в его защиту вызвала у Кая теплое чувство. Они совсем недолго знали друг друга, и первая встреча не закончилась крепкой дружбой, но пережитые обоими страдания их сплотили. Григора мгновенно заметил их солидарность, и на тонких губах появилась легкая улыбка. Криптэстезианец слегка вздохнул, стряхнул со своего одеяния приставшую нитку, а затем открыл лежащую на коленях книгу.

--- Когносцинты были могущественными псайкерами и обладали очень специфичными способностями, --- сказал Григора. --- Им было бы трудно воспользоваться на Терре своим талантом, чтобы хоть кто-то из хранителей Города Зрения этого не заметил.

--- Значит, ты мне не веришь? --- спросил Кай.

--- Скажем так, я сохраняю изрядную долю скептицизма, --- ответил Григора. --- Но пока я проявлю снисходительность к вашим заблуждениям и расскажу о

когносцинтах.

На гругом конце Галактики, в сверкающей пещере в недрах великоленного мира, который они называли своим домом, встретились два человека. Стены пещеры источали музыку неведомой гармонии, и музыка мира вторил приглушенный гул дремлющих психических сил, скрытых под поверхностью сознания планеты.

Одним из двух был гигант в белом одеянии, поверх которого на поясе висела тяжелая книга в кожаном переплете, небольшая кадульница и несколько полосок пергамента. Это был Азек Ариман, и среди смертных он считался полубогом, наделенным таким могуществом и интеллектом, что с ним могли сравниться лишь величайшие умы Терры. Его голова склонялась ко второму, сидевшему, скрестив ноги, на каменном полу в самом центре пещеры.

Хотя Ариман был настоящим гигантом, тот, кто сидел, все же превосходил его ростом. Он тоже был в белых одеждах, не закрывающих полностью

золотисто-бронзовой кожи, а на голове, словно у разъяренного льва, полыхала грива багровых волос.

В этом мире, в этот момент, только одно существо могло притягивать к себе весь свет и энергию пещеры.

Магнус Красный. Алый Король, примарх легиона Тысячи Сынов, повелитель Просперо.

Все, кто когда-либо встречался с примархом, по-разному описывали его лицо, каждый раз называли другой цвет глаз, и никто не мог определить его характер. Магнус был таким же непостоянным, как ветер или океанская гладь, и свет блестящих кристаллов в руках соцветий трэллов, стоявших вдоль стен пещеры, одновременно отражался и поглощался его кожей.

Слабый мерцающий луч соединял Магнуса с загадочным устройством, подвешенным к потолку пещеры. Поверхность похожего на гигантский телескоп прибора покрывали неизвестные за пределами этого мира символы, а из платинового кольца вокруг центрального

огромного кристалла зеленого цвета
выступали серебряные лопасти.

Две последние ночи Магнус провел в
медитации, а до этого он долгое время
сидел неподвижно под бронзовым
устройством, в то время как его
помощники читали отрывки из книги —
бесконечные серии формул, заклинаний и
числовых алгоритмов.

Если бы в это время здесь оказался
кто-либо из энциклопедистов Терры,
сложная и стройная красота этих
уравнений исторгла бы у него слезы
восторга. Но результаты многих
десятилетий исследований и научных
трудов Магнуса были уникальны и
известны только Тысяче Сынов. Страницы
книги в руках Аримана заключали в себе
бесконечное знание, ценность которого
было невозможно измерить.

Главный библиарий Тысячи Сынов ни
разу не зевнул при чтении, и каждый
слог прозвучал с безукоризненной
четкостью, какой не смог бы похвастаться
самый безупречный из капитанов легиона
Детей Императора. Ариман смотрел на

примарха с сыновней любовью, и, хотя он
верил в гениальность и мудрость Магнуса,
предстоящая миссия не могла его не
тревожить.

Тело Магнуса не шелохнулось в
течение четырех дней, тогда как его дух,
стремясь к судьбоносной встрече,
преодолевал неизмеримые и непознанные
просторы Илматериума.

В своем сердце Магнус нес
предостережение отцу о судьбе
Илматериума, но своими действиями он
посеял семена его гибели.

Тригора развернул книгу на коленях,
чтобы показать ил, и Кай увидел цветную
гравюру, занимающую обе страницы и
изображавшую батальную сцену. И это
было не просто вооруженное столкновение,
а схватка воинов Старой Земли,
сражавшихся под злобещим штормовым
небом, расколотым стрелами молний, и с
отвратительными лицами,
выглядывающими между туч.
Беспощадное солнце заливало сцену
дьявольским светом, и лица бойцов

искажала не ярость, а ужас и тучительная тоска.

--- «Саргон Аккадский у врат Урук», ²³
--- прочитал Кай подпись под картиной. ---
Не могу сказать, чтобы я слышал об этой
бумбе.

--- Ничего удивительного, --- заметил
Тригора. --- Хотя, я полагаю, вы должны
были слышать о пси-войнах?

Кай кивнул. Кивнула и Афина.

--- Конечно слышали, иначе вы были бы
невежественными псайкератами. Но правде
говоря, достоверных сведений об этих
войнах почти не сохранилось, только
фрагменты рукописей, пережившие
последующие чистки. Мы убеждены, что
эти войны, как и все остальные, начались
из-за амбиций и алчности, но вскоре стало
ясно, что воюющих правителей
натравливали друг на друга одержимые
жаждой власти личности, державшиеся в
тени.

--- Когносцинты? --- спросил Кай.

Тригора кивнул.

--- Псайкеры появляются в результате

очень редкой мутации. Лишь один ребенок из миллиона может родиться с какой-либо латентной силой. И лишь каждый десятый из них обладает талантом, достойным приложения. Геноког когносцинтов встречается в сотни раз реже. Я хочу, чтобы вы поняли, что это означает, поскольку это не просто гиперболический оборот. Когносцинты рождаются намного реже, чем обычные псайкеры, и тот факт, что в какой-то период на Старой Земле их появилось довольно много, должен означать какое-то событие, настолько уникальное, что оно могло бы дать название целой эпохе. Но ничего подобного в исторических записях нет, поскольку о некоторых временах лучше не вспоминать.

Кай слышал сокращенную версию истории начала пси-войн, но его знания были, мягко говоря, поверхностными. Этому периоду истории псайкеров в Городе Зрения не уделяли большого внимания. Никто не хотел вспоминать о том периоде, когда психические силы едва не уничтожили мир, и меньше всего сами псайкеры.

--- Со временем стало известно, что великие мировые державы были просто пешками для могущественных личностей, которые по собственной прихоти бросали в сражения целые народы. На это не способен ни один тлепат, кроме когносцинта, наделенного уникальным талантом.

--- Но зачем это кому-то понадобилось?

Тригора пожал плечами.

--- Зүлан, тебе известны искушения психических сил. Несмотря на опасность, каждый астропат стремится использовать свой дар. Как только разум соприкасается с илматериумом, в нем просыпается непреодолимое желание снова испытать из этого неиссякающего источника. Ты помнишь свой первый опыт?

--- Да, --- ответил Кай. --- Это было опьяняющее чувство.

--- Госпожа Ди́йос?

--- Моя мысль достигла небес, и я чувствовала себя частью Вселенной, --- сказала Афина.

--- Все верно. И не важно, сколько раз вы достигали общности после того первого

раза, такого ощущения больше не было, ---
сказал Григора. --- Каждый сеанс опасен, но
вы добровольно швыряете свой разум в
царство ужаса, чтобы снова и снова
ощутить тот первый восторг,
порожденный его могуществом.

--- У этого никогда не происходит, ---
добавил Кай.

--- Не происходит, --- согласился
Григора. --- А если вы прекращаете
попытки...

--- Мы получаем расстройство
психики, --- продолжила Афина. --- Разум
испытывает мучительную жажду. Я
прошла через это, когда меня
переправляли сюда с флотилии
феникийца и я несколько недель не могла
воспользоваться своими силами. Я бы не
хотела повторения того опыта.

--- Когносцинтам удается
поддерживать именно то, первое
ощущение, --- сказал Григора. --- Каждый
раз, когда они прикасаются к варну, все
происходит как в первый раз. Они пьянеют
от своего могущества, кроме того,
говорят, что в варне они практически

неуязвимы. Ни одна сущность из империума не может их тронуть. Таким образом, они получали неограниченную силу, и вместе с силой росли их амбиции. Когносцинты уверовали в свое превосходство над остальными людьми и решили, что только они вправе решать судьбы народов. И для этого они обладали достаточным могуществом.

--- До меня доходили слухи о том, насколько они способны, но эти сведения кажутся мне преувеличенными, как слухи о наших способностях, распространяющиеся среди обычных людей.

--- То, что ты слышал, скорее всего, соответствует действительности, --- сказал Григора. --- Для когносцинтов не было почти ничего невозможного. В конце концов, если ты можешь контролировать мысли людей, ты сможешь сделать все, что угодно.

--- Они могли проникнуть в сознание... и изменить его? --- спросил Кай.

--- Они могли проникнуть в сознание и сделать все, что им угодно, --- повторил Григора. --- К примеру, я не в состоянии

заставить тебя заглушить господжу Дийос или совершить самоубийство. И я подозреваю, что, как бы я ни старался, мне не удалось бы убедить тебя в противоречивом великолении «Антисимфонии» Дага. Внутренние понятия большинства людей о самосохранении и справедливости слишком сильны, чтобы с ними совладать, но когносцинт с легкостью мог превратить в послушную марионетку любую личность. Он мог бы заставить тебя совершать ужасные вещи и смеяться при этом. Он мог стереть воспоминания и заменить их другими, он мог бы заставить тебя видеть то, что ему хочется, и чувствовать то, что ему хочется. Для него были доступны любые уголки сознания, определяющие тебя как личность.

При мысли о таком агрессивном псайкерстве у Кая мурашки побежали по коже.

— Неудивительно, что и мы внушаем страх людям.

— Нас боялись всегда, еще до начала

пси-войн, — сказал Гризора. — Люди так устроены, что испытывают страх перед всем, чего не понимают, и они стремятся устранить все непонятное. И последствия пси-войн были тому прекрасным оправданием. В результате мы и оказались заперты в унылом железном городе посреди величайшей в этом мире крепости.

— А как закончились пси-войны? — спросила Афина.

— Легенда гласит, что восстал великий воин с золотыми глазами, единственный из людей, кто мог противостоять могуществу когносцинтов. Он собрал немногие оставшиеся армии и научил солдат быть быстрее, сильнее и крепче, чем все воины прошлого. Они штурмовали одну за другой крепости когносцинтов, передвигаясь на огромных серебристых летающих машинах. Против воина с золотыми глазами были бессильны даже сильнейшие из когносцинтов, и каждый раз, когда он убивал очередного пси-дьявола, поработанные армии освобождались от своих оков и добровольно

вступали в войско великого героя. Борьба длилась больше тридцати лет, но в конце концов его армия свергла последнего когносцинта, и люди обрели свободу.

--- А что стало с великим воином? --- спросил Кай.

--- Никто точно не знает. В каких-то легендах говорилось, что он погиб в сражении против последнего когносцинта, в других --- что он сам попытался овладеть их могуществом и был убит своими же людьми.

Тригора замолчал, а по морщинке у его губ Кай догадался, что он улыбается. Гримаса получилась пугающей, словно помертвевшая ухмылка трупа.

--- Кое-кто даже утверждал, что воин и сейчас живет среди нас в ожидании того дня, когда власть когносцинтов вернется.

--- Но ты не веришь в это? --- спросила Афина.

--- Нет, конечно, не верю. Существование подобного существа можно допустить только в детских сказках да в сагах плохих поэтов. Нет, этот воин, если только он в самом деле жил на этом

свете, давно обратился в прах.

--- Жаль, --- вздохнул Кай. ---

Ципериүмү сейчас не помешал бы кто-то в роде него.

--- Это верно, --- согласился Григора. ---

А теперь, когда вы узнали о степени подаренности когносцинтов, расскажите о сути дела, заставившего вас искать со мной встречи.

Тогда Кай поведал Григоре о своем видении со всеми подробностями: о пустыне под названием Пустое Место, о безлюдной крепости, о звуках и запахах далекой земли, появившихся прямо из воздуха. Он рассказал о яркой голубизне озера и багровом солнце, лучи которого раскаленными молотами били в пески. И наконец, Кай описал призрачную фигуру, с легкостью скользившую по пустым залам Арзашкүна.

Сидевший напротив него Григора выслушал повествование о встрече, о невидимом незнакомце и мощной руке, державшей Кая за плечо. Напоследок Кай снова продемонстрировал свои синяки.

Кринтэстежуанец облизнул губы, и

Кай не без труда скрыл свое отвлечение. Движение языка напонило ему о ящерице, предвнушающей свежую добычу, кроме того, в позе Григоры было заметно напряжение, которого не было при их появлении у дверей комнаты. Как ни трудно было в это поверить, Кай решил, что криптэстезианец сильно встревожен.

--- Расскажи мне еще раз о солнце, --- потребовал Григора. --- Выражайся яснее. Как оно выглядело? Что ты ощущал, глядя на него? Какое сравнение пришло тебе в голову? Какие возникли метафоры и впечатления? Расскажи все, но не приукрашивай. Опиши точно, что ты увидел.

Кай мысленно вернулся к моменту, предшествующему появлению незнакомца.

--- Я потню струящиеся потоки раскаленного воздуха пустыни, солоноватый привкус воздуха и грожащую линию горизонта. Солнце было отчетливо красное, и казалось, что оно смотрит на мир, как будто это огромный глаз.

--- Красное око, --- прошептал Григора. --- Великий Трон, он уже почти здесь.

--- Кто? --- спросила Афина. --- Кто почти здесь?

--- Алый Король, --- ответил Григор, глядя тимо Кая на сложную схему, начертанную на стене за его спиной. --- Сарашина, нет! Это уже началось. Это происходит прямо сейчас.

В недрах планеты, уроженцы которой странствовали по Галактике на правах будущих хозяев, в огромном зале кипела бурная деятельность. Пространство в сотню метров высотой и в несколько сотен метров шириной было заполнено разнообразными машинами и резким запахом озона. Когда-то давно здесь располагалась главная тюрьма Империи, но с тех пор назначение помещения сильно изменилось.

Теперь здесь стояли огромные машины невероятной сложности и мощности, глинные ряды уникальных приспособлений и механизмов, чье назначение могло поставить в тупик даже самых одаренных агентов Механикум.

Это помещение было похоже на

лабораторию величайшего ученого мира. Оно наводило на мысли о колоссальных свершениях, о еще не раскрытых потенциалах и мечтах, готовых вот-вот воплотиться в реальность. В одном конце зала виднелись массивные золотые двери, похожие на врата неприступной крепости. Снабженные запорным механизмом, створки украшала искусная резьба, изображающая обнявшихся близнецов, грозного лучника, ревущего льва, весы правосудия и многие другие фигуры.

Но бесчисленным проходам зала, словно кровавые клетки по животу организму, сновали тысячи агентов, сервиторов и логиков, служащих сердцу, которым являлся огромный золотой трон, возвышающийся над полом на десять метров. Связки извивающихся кабелей соединяли это сооружение с воротами.

Только одному существу было известно, что происходило за их створками. Существо непревзойденного интеллекта, чье воображение и таланты изобретателя не знали себе равных. Этот человек, одетый в золотые доспехи, сидел

на высоком троне и наблюдал за очередной стадией создания удивительного артефакта, вызванного к жизни его интеллектом.

Это был Император, и, хотя многие из находящихся в зале людей знали его на протяжении очень долгих лет, никто не знал его под другим именем. Никакой другой титул или звание не могли точнее передать достоинства этой личности. Окруженный самыми высокопоставленными преторианцами и наиболее доверенными сподвижниками, Император сидел и ждал.

Несчастье налетело в одно мгновение.

Золотая дверь вспыхнула внутренним светом, словно с другой стороны на нее обрушился невероятный жар, плавящий металл. Установленные по периметру зала орудия повернулись и подняли стволы, готовые к стрельбе. Между машинами стали вспыхивать молнии, возникшие в результате перегрузки тончайших, уникальных цепей. Агенты, совершенно не понимая, что происходит, стали

разбежаться от загадочного портала, спасая свои жизни.

С оплавленных створок начали с треском срываться энергетические разряды, испепелявшие всех, кто оказался слишком близко. Высеченные в камне символы взорвались с оглушительным грохотом. Все источники света, рассыная фонтаны искр, одновременно сгорели, и труд нескольких столетий был безвозвратно загублен в одно мгновение.

Воины Лезио Кустодес обнажили оружие при первых же признаках тревоги, но к тому, что произошло дальше, их не могла подготовить никакая тренировка.

В проеме двери стал проявляться массивный алый силуэт, еще объятый пламенем после полета. В зале материализовывалось существо, окутанное сверхъестественным огнем, сотканное из преломленного света и звездной материи. Его сияние было непереносимо ярким, и ни один человек не мог взглянуть в множество глаз, не осознавая своего смертного ничтожества.

Никто и никогда еще не созерцал

истинный облик этого существа, настолько могущественного, что оно не могло жить только в оболочке из плоти, даже самой исключительной.

Лишь один Император узнал этого таинственного ангела, и его сердце разбилось.

--- Магнус, --- произнес он.

--- Отец, --- откликнулся Магнус.

Их мысли встретились, и в этот остановившийся миг единения Галактика изменилась навеки.

Глава 8

«...ТЫ ОСЛАБИМ

СТРУНЫ...» [\[24\]](#)

ВАРЬЕР ПРОРВАН

СНЫ В КРАСНОМ

ТЕРЕМЕ [\[25\]](#)

День для Аник Сарашины начался неудачно. На рассвете она проснулась от сна, которого не могла вспомнить, но который сводил ее внутренности пульсирующей тошнотворной болью. Похожее состояние она испытывала на корабле, перед самым варп-переходом, только тогда ощущения были сильнее. Тот факт, что она не в состоянии вспомнить сон, тоже беспокоил Сарашину. Старшему оракулу надлежит в точности помнить свои видения, кто знает, какие в них заключены подсказки на будущее?

Утро прошло словно в густом тумане. Ее слепозрение притупилось,

словно накануне они с Нето хлебнули лишнего или переутомились с ментально-раскрепощающими наркотиками. Но уже много дней в ее организм не поступало ничего крепче кофеина, так что подобное состояние было незаслуженным. Впервые с тех пор, как она вступила в ряды Теленатика, Аник Сарашина ощутила дискомфорт, связанный с отсутствием физического зрения.

Она занялась просмотром последних срочных сообщений, прошедших через Город Зрения, и ощутила гнетущую клаустрофобию. После «резни на площади высадки», как многие стали называть события на Усстваане-V, вооруженные силы Империи продолжали отступать, держа оборону, поскольку и легионы, и армейские флотилии были заняты полем сражений еще и реорганизацией собственных рядов в стремлении отделить грузей от врагов.

О тех, кто угодил в предательскую ловушку на Усстваане-V, еще ничего не было известно.

Никаких вестей не поступало от

Гвардии Ворона, и это только усиливало разлетающиеся слухи от загадочных по кристаллам, утверждавших о полном уничтожении легиона вместе с примархом Кораксом. Существовало мнение, что несколькими отрядами Саламандр удалось бежать с Исстваана-V, но известия об их спасении доходили лишь через третьи руки. И судьба примарха Вулкана по-прежнему оставалась неизвестной, хотя многие опасались, что он тоже погиб.

Железные Руки после гибели примарха были истреблены практически полностью. Несмотря на очевидность предательства, Сарашина все еще не могла до конца поверить в смерть примархов. Но вслед за шокирующим известием о мятеже Хоруса Луперкала поступали сведения о таких невероятных событиях, что она уже не знала, чему верить.

Этиссары Розала Дорна постоянно требовали ответов от обитателей Башни Шепотов, но у хортейстера было слишком мало конкретной информации. Флотилия бунтовщиков перекрыла все

погоступы к пятой планете, и система фактически погрузилась в темноту, словно мертвая луна. Из системы Усстваан не поступало никакой информации. И лояльные войска оттуда тоже не возвращались.

Что еще хуже, после поражения на Усстваане трусливые правители некоторых планет и систем открыто перешли на сторону Воителя. Сам факт предательства и ужасающего непонимания парализовал силы Империи как раз в тот момент, когда больше всего требовались слаженные, решительные действия.

И вот блеснул луч надежды. С окраин системы Усстваан поступило сообщение.

Искаженное помехами и неполное, но имеющее все опознавательные коды Восемнадцатого легиона.

Салатандры.

Сарашина немедленно направилась в самый большой зал мысли Башни Шенотов.

Абир Убн Халган, окруженный хором «Прим», уже был на месте. В

приглушенном свете люминесцентных люстр едва
проглядывали обитые железом стены,
глухие и невосприимчивые к белому
психическому шуму, наполнявшему
помещение.

Две тысячи астронавтов, полужелеза на
специальных кушетках, пытались
выделить сообщение, присланное с окраины
системы Усстваан. Абир Убн Халган
сидел в центре зала, напряженно
разбираясь с направляемыми ему
сбивчивыми аллегорическими
концепциями и загадочными символами.

Сарашина на мгновение
подсоединилась к его сознанию, но не
поняла смысла увиденных образов. Горный
дракон, пьющий из золотого озера; орхидея,
произрастающая из трещины в
обсидиановом плато, которое протянулось
на тысячи километров во всех
направлениях; пылающий меч, неподвижно
замерший над миром, лишенным жизни и
географии. Близнецы, объединенные одной
душой, но тянущие в противоположные
стороны.

Что все это значит?

Хор «Прит» Башни Шенотов состоял из сильнейших астронавов второго уровня и в обычных условиях мог с легкостью извлечь суть сообщения, посланного с другого конца Галактики, но то, что они передавали сейчас Убн Халгану, было лишено всякого смысла.

В ее голове раздался приятный уравновешенный голос.

Признаюсь, я в полном недоумении, госпожа Сарашина.

Как и я сама, Абир, призналась она.

Можно подумать, что их астронав сошел с ума.

Это вполне допустимо, кто знает, через что им пришлось пройти, прежде чем отправить нам послание.

Внезапно ей в голову пришла еще одна догадка.

А не было ли это послание перехвачено по пути к нам?

Возможно, но подобное вмешательство в большинстве случаев оставляет четкие следы. В данном сообщении нет ничего подобного. Мне кажется, что причина деформации

находится здесь, на Терре, но я не имею с ней ни малейшего представления.

Продолжай попытки. Лорд Дорн ожидает результатов.

Сарашина разорвала контакт с Уб Ханганом. Для извлечения смысла из этого сообщения ему потребуются все внимание до последней капли. Оознавательный код свидетельствовал о том, что автором послания был астронавт легиона Саламандр, но, кроме идентификации отправителя, в его содержании не было никакого смысла.

Она вздохнула, ощущая нарастающую боль в лобных пазухах. Головные боли не были редкостью для астронавтов, тем более в периоды сильного напряжения, но сегодняшний приступ грозил оказаться особенно сильным. Кроме того, с самого утра в глубине ее сознания поднималось легкое раздражение, создававшее непрерывный гул, словно попавшая в стеклянный сосуд муха.

Неприятное ощущение возникло не только у Сарашины. На грани срыва были все обитатели башни, а не только

страдающие от перегрузки астронавты. Черные Часовые стали чрезмерно раздражительными, словно постоянное напряжение измотанных псайкеров каким-то образом просачивалось сквозь психическую защиту их шлемов и раздвигало агрессию. Ситуация напоминала затишье перед боем, когда напряженность нарастает до непереносимого уровня, а потом единственный выстрел дает сигнал к началу кровопролития.

Контакт с верным Императору легионом должен был бы порадовать Сарашину, но она никак не могла избавиться от ощущения, что это послание стало предвестником чего-то настолько ужасного, что ее разум не в состоянии это постичь. Она сознавала, что слишком поддается своим эмоциям. В конце концов, событие такого масштаба не могут не заметить оракулы. Предсказание будущего не слишком надежное дело, но неужели от их внимания ускользнет то, что внушает ей такой страх?

Однако она ничего не знала наверняка.

и это пугало больше всего.

Что-то коснулось ее верхней губы. Сарашина потрогала кожу, и кончики пальцев стали липкими. Из носа непрерывающейся струйкой текла кровь, и ее вкус уже ощущался во рту. Сарашина негромко застонала.

— О нет, — прошептала она, когда головная боль превратилась в раскаленное копье, пронзающее мозг.

Ее слепозрение внезапно нарушилось, словно картинка пиктера, к которому поднесли мощный магнит. Сарашина покачнулась, на миг утратив равновесие. Но мир, словно обезумев, вдруг стал раскачиваться, и она упала на мозаичный пол зала мысли, сбита с ног невероятно мощным и необъяснимым потоком психической энергии.

Катаклизм был вызван появлением Алого Короля и разрушением колоссальных защитных барьеров вокруг золотых ворот в подземелье. Зародившаяся в горах взрывная волна была подобна той, которая возникает после применения ядерного

оружия. Цунати психической энергии из подземной лаборатории яростным потоком захлестнуло все уровни Дворца, и его воздействия не избежал ни один разум.

Ударная волна потрясла горы до самого основания, позолоченные башни Дворца качнулись, и бесценные статуи упали со своих пьедесталов. Шквал безумия, страха и паники, зародившийся во Дворце, словно давно забытая эпидемия чумы, прокатился по всему миру.

Толпы безумцев, вооруженных палками и камнями, осаждали здания дворцового комплекса и в жестоких схватках сталкивались с другими такими же лунатиками, хотя ни один человек был не в состоянии объяснить причины подобной жестокости. На мраморные полы и золоченые стены залов хлынула кровь, сумасшествие распространялось по роскошным галереям, и Крышу Мира захлестнуло безумие.

Погромы закончились, не успев толком начаться, люди осознали свое безумие и разбрелись зализывать раны, оплакивать потери и удерживать друг

друга от лишения. За считанные минуты психическая ударная волна скатилась с вершин Дворца и со скоростью лесного пожара распространилась по планете.

Те, кто находился на темной стороне планеты, мучились ночными кошмарами, каких не знали с самого мрачного периода Древней Ночи. Генетическая память о тех ужасных временах вызвала у всех спящих сны, в которых залитые кровью города подвергались планетарной бомбардировке и целые народы порабощались жестокими завоевателями.

В городах Терры жители просыпались с воплями ужаса, и миллионы людей, чья психика не выдержала панической атаки, кончали жизнь самоубийством. Многие просыпались совершенно другими личностями, поскольку их мозг претерпевал кардинальные изменения. Ментальные связи стирались без следа, в результате чего отцы, матери и дети забывали друг друга, разрушая семьи.

В тех местах, где барьер между реальностью и варпом был тоньше

обычного, воплощения кошмаров появлялись в природе. С гор спускались волки с черной шерстью, которые вырезали целые селения, и никакое оружие не могло их остановить. Местами катастрофические выбросы энергии варпа приводили к вообще ничем не объяснимому исчезновению обитателей, и после них оставались опустевшие города.

Самонадежная выходка Магнуса затронула всех обитателей Терры без исключения, но нигде последствия его появления не проявились так катастрофично, как в Городе Зрения.

Колоссальный поток необузданной психической энергии вспучился, как перегретая плазма за мгновение до отказа системы охлаждения, и Сарашина закрыла свое сознание от посторонних воздействий, прибегнув к психической защите. Она чувствовала, как шквал энергии варпа, зародившийся в самом центре Дворца, перехлестывает через горные вершины и распространяется по склонам.

Но даже и без связи с внешним миром она ощутила, как волна психической энергии, запертая в зале мысли, нашла

выход через астронатов хора «Прим». Пятьсот человек погибли в первое же мгновение, когда разряд накопившейся энергии превратил их мозг в горстку пепла.

Остальные астронаты одновременно разразились воплями, страдая от мучительной агонии медленной психической смерти. Они еще сознавали, что мозг в их черепах закипает, и были, как смертельно раненные животные. Затем высшие функции сознания отключились, а искаженные рефлексывызывали сильнейшие судороги, от которых ломались кости и раскалывались черепа, и люди бились в судорогах до самой смерти.

Сарашина обладала едва ли не самой сильной ментальной защитой во всем Городе Зрения, но и она с трудом сдерживала натиск загадочной атаки, когда многослойные барьеры подверглись ударам ураганных волн. От мучительного спазма, пронзившего внутренности, она не удержалась и взвыла.

Каждый псайкер, даже находясь на расстоянии десяти световых лет,

испытывает определенный дискомфорт, когда варп-двигатели костического корабля разрывают неплотную стену между реальностью и илматериумом.

Она чувствовала себя так, словно была прикована в самом сердце варп-двигателя.

Сарашина испытывала интенсивную боль перехода, но для этого не было никаких причин.

Казалось, словно сама Терра была готова погрузиться в бездну илматериума. Эта идея была абсурдной, но вошла в мозг, словно заноза в нежную кожу. Как только мысль сформировалась, Сарашина ощутила обжигающую боль в желудке. Она вскрикнула и схватилась за живот, а в следующее мгновение ее вырвало остатками вчерашнего проглоченного наспех ужина и желчью.

Нарастающий ураган психической энергии продолжал бушевать с неукротимой яростью, разрушая сознания и тела хористов. Он гасил огни жизни астронавтов с той же легкостью, с какой человек задувает свечи в зале

потинования.

Хор астронавтов не мог утерять
тихо и быстро.

Как ни старалась Сарашина
преградить путь их предсмертному крику,
объединенный вопль оказался сильнее. В
нем слылась агония гибнущих
воспоминаний, безвременно оборванных
жизней и ужас от разрушения. Ужас
распадающегося мозга и осознание своего
бессилия. Любая илеющая защита
против этой атаки была тщетной, любая
мантра, заученная для обороны от
подобных вторжений, была бессмысленной.

Сарашина ощущала все — каждую
эмоцию, каждый всплеск страха, каждую
каплю отчаяния. Чувства текли сквозь
нее, насыщая мучительной болью каждую
клеточку тела. Но астронавты, даже
утирая, старались выполнить свой долг.
Взбывающая убийственная яркость
психического шторма на краткий момент
подняла их силу на невероятную высоту,
сделав хористов — на последнее яркое
мгновение — величайшими астронавтами в
истории Галактики.

Мертвые и умирающие, подобно
безумцам и пророкам, астронавты
погрузились в бесконечное знание,
содержащееся в варне. К самой сути того,
что уже произошло, и того, что
предстояло в будущем. То, чем один из
величайших агентов Марса пытался
овладеть при помощи технологий, они
получили от убивающей энергетической
бурь.

Это была опьяняющая,
шошломляющая, непреодолимая и
стерпительно опасная сила.

Послание Саламандр было
уничтожено, а пение хора завершилось
оглушительным взрывом психического
разряда, жертвой которого пал Абир Убн
Халган. Последнее дыхание астронавтов
хора «Прит» освободило колоссальный заряд
энергии и преобразовало его в
исключительный единственный выброс,
который и прозвучал в предсмертном
воле Убн Халгана, а потом вспыхнул
подобно тысяче солнц в центре зала.

Словно застывшая пульсация
нейтронной звезды, по залу разлился свет

невиданных с сотворения Галактики
оттенков и неограниченное знание. Если
бы кто-то выжил после первоначального
взрыва энергии варна, он мог бы увидеть
всю эту сверкающую красоту, даже не
прибегая к псайкерскому дару.

Из черепов последних оставшихся в
живых астронавтов забили огненные
гейзеры, и люди пронзительно завопили.
Чудовищные существа, порожденные
ночными кошмарами, воспользовались
живыми проводниками и прорвались в
материальный мир. Большая часть
бесформенных порождений варна рассеялась
при виде враждебной реальности, но
остальные принялись поглощать
терцающие останки своих собратьев и
становились сильнее. Сарашина поднялась
с пола, вытирая с подбородка капли желчи
и слюны, и увидела, как они текут в
потускневшем свете грязноватыми
серыми лохмотьями.

По всему Городу Зрения забывали
сирены, а где-то неподалеку загрохотали
выстрелы. По всей видимости, разрывы в
ткани реальности случились не только в

этот зале мысли.

Порождения варна собрались на краю сферы ослепительного света, словно уставшие путники вокруг костра. Сфера образовалась на том месте, где сидел Уб Ханган. Ни одно из этих существ не представляло для Сарашины никакой угрозы, поскольку они были слишком слабыми и хрупкими, чтобы напасть, но их присутствие могло привлечь Черных Часовых. Дверь в запертый зал мысли уже содрогалась под ударами, но Сарашина, сосредоточившись на мерцающей и переливающейся светом сфере, не стала обращать внимание на усилия солдат.

Шар переливался расплавленными драгоценными камнями — голубыми, белыми, зелеными, красными и всеми прочими оттенками, которые только можно себе представить. Непостоянный и нереальный, он в одно и то же время казался плотным, как черная дыра, и неустойчивым, как сгусток тумана. Сладкозвучная песнь его блистательной мощи звала Сарашину, ее притягивало к нему, как разлагающаяся тухляк.

притягивает стаи стервятников. Странное сравнение покорило астронавта своей грубостью, но оно родилось не в его сознании, а вышло из глубины этой сконцентрированной энергии.

Сарашине повезло ни разу не испытать боли пси-слабости, но, оказавшись лицом к лицу с подобным могуществом, ее разум испытывал невыносимые страдания, словно разум новичка, лишенный возможности воспользоваться своей силой. Всем своим существом она стремилась к этому свету и с каждым сделанным шагом все отчетливее понимала, что не в состоянии устоять перед невероятной возможностью.

Сфера покачивалась в воздухе перед ней, а порождения варна расступились, словно занавес Театрика Импералис перед началом представления. Она ощутила ненасытный голод чудовищ и их бездумное стремление высосать всю ее сущность. Но вместе с тем они разбежались от нее, словно гончие под ударами хлыста. За спиной Сарашины прогремел взрыв, но она не замечала

ничего вокруг, кроме удивительного света.

Этот переход в царство неограниченных возможностей таил в себе так много обещаний.

Истина, знание, власть.

Ее дар оракула говорил о возможности увидеть будущее. С таким знанием она могла заблаговременно предупредить армии Императора и стать инструментом для подавления мятежа Хоруса Лунеркала. Она могла бы точно предсказать...

И для этого требуется лишь одно прикосновение.

Тем не менее Сарашина колебалась. На подсознательном уровне она знала, что доверять варну ни в коем случае нельзя. Ее интуиция-слабость усиливалась, отрывательные обрывки существ из варна закружились вокруг в потоках призрачного света. Но какие бы предупреждения ни выдал ее мозг, Сарашина должна была прикоснуться к этой силе, чтобы хоть на одно мгновение ощутить жар в сердце творения.

Она протянула дрожащие пальцы и

дотронулась до необузданной энергии
варна.

И закричала, увидев бесконечный ужас
Красного Терема.

Глава 9

ЧАСОВЫЕ

ТАМ, КУДА ТЫ САМ НЕ ЗАГЛЯНЕШЬ САТУРНАЛИЙ

Эвангер Григора тащил Кая, словно малюго ребенка, по объятной хаосом Башне Шенотов. Кай задыхался от ужаса и едва держался на ногах — к нему с убийственной ясностью вернулись картины, звуки и запахи гибнущего «Арго». Афина гавно отстала где-то по пути, а они торопливо шагали по низким коридорам и узким туннелям, построенным как будто для чужахлых лилипутов. Кринтэстежуанец превосходно знал башню и вел Кая в обход часто используемых помещений и звенящих от криков залов мысли, а в городе астронатов продолжал бешевать ураган психической энергии.

Кай понятия не имел, что произошло, но инстинкт самосохранения утмлял его

отыскать безопасное место. Воздух был полон воплями, и шепчущие камни разносили их по всем уголкам башни, словно страшные секреты. На фоне отчаянных криков вскоре послышался рев тревожных сигналов и грохот выстрелов, сопровождаемый яростными проклятиями Черных Часовых.

--- Раги Трона! --- закричал Григора. --- Шевели ногами, Зүлан.

--- Я не могу, --- всхлипывал Кай. --- Я не могу снова это сделать.

Григора, остановившись, хлестнул его по лицу. Резкий и неожиданный удар прозвенел треском сломавшегося дерева. На верхней губе появилась стешанная соплями кровь, Кай сторщился от боли и рухнул на колени, как побитый раб.

--- Вставай, будь ты проклят, --- бросил ему Григора.

--- Зачем? --- прошипел Кай. --- Все равно мы все здесь погибнем. Приближаются демоны, они никого не пощадят. Я не хочу остаться в живых во второй раз.

Григора рывком поднял его на ноги.

Его равнодушное и невыразительное лицо теперь исказилось от гнева.

--- Я сказал, поднимайся! Это Схема. Вставай, или, даю слово, я сам притащу тебя к Максиму Головно и постеюсь, когда он пустит тебе пулю в голову.

Кай вытер рукавом окровавленный нос. Смысл слов Григоры дошел до него не полностью.

--- Зачем я тебе нужен? --- спросил Кай.

--- Не знаю, --- признался Григора. --- Я бы не хотел с тобой связываться, но вопрос касается дела всей моей жизни. Ты кое-что увидел и сможешь мне это понять. Ясно?

--- Нет.

Григора пожал плечами.

--- Мне все равно, --- сказал он. --- Но, так или иначе, ты пойдешь со мной.

Он схватил Кая за шиворот и потащил по обитому железом коридору, очень похожему на переход между одним из залов мысли и секцией «Онейрокритика Алкера Мунди». Шепчущие катнисточали мысли о насилии и убийстве, о пытках и упадке, и Кай старался не допускать их в свое сознание. Точно такие

же мысли превратили экипаж «Арго» в уродливых монстров, каннибалов и осквернителей трупов.

Кай остался в живых благодаря тому, что заперся в покоях астронавтов, куда не мог войти никто, кроме капитана и его помощника. Они оба погибли в первую очередь, как только рухнули защитные барьеры, а демоны, как ни старались, не смогли до него добраться.

Но если чудовища и обезумевшая команда не могли вытащить Кая из его убежища, то и он был не в состоянии закрыть свой разум от ужасов, разрушавших человеческую сущность. Он слышал каждый вопль жестоких оргий и ощущал отвратительную алчность существ, появившихся в результате кровавых убийств.

На борту «Арго» у него ителось убежище. А здесь он оказался совершенно беззащитным.

Как же он может надеяться выжить?

Он вслепую тащился за Тригорой, не зная, куда они направляются, не понимая, что происходит в башне. Неужели на них

напали? Неужели армии Хоруса Лунеркала
уже добрались до Терры и начали
вторжение с уничтожения Теленатика?

--- Во имя Императора, что
случилось?! --- крикнул он.

Григора не ответил, и Кай увидел,
что криптэстезианец присел на корточки
и ощупывает зарубку на стене рядом с
ним.

--- Ты хоть знаешь, где мы находимся?

--- Конечно знаю, --- огрызнулся
Григора. --- Мы в сливном туннеле под
Зотастикроном.

--- Где?

--- В сливном туннеле, --- повторил
Григора, проводя рукой по
противоположной стене. --- Шепчущие
катки собирают излишки энергии нашей
общины и уносят их в залы-ловушки под
башней. А как, по-твоему, нам избавляться
от психической энергии?

--- Я не думал, что от нее необходимо
избавляться, --- сказал Кай.

--- Тогда ты еще глупее, чем кажешься
с первого взгляда.

Несмотря на неприязнь Григоры, Кай

не соби́рался поки́даты́ еди́нственны́й якорь спасения́ в э́том ура́гане вырва́вшихся на волю́ кошта́ров. До сих пор они не встре́тили ни́кого, кро́ме бе́гающих Черных Часовых, но мелька́ющие в мозгу́ Кая́ ви́дения --- разду́вшиеся тела́, и́зувеченные трупы́ и ли́шенные ко́жи лица́ --- говори́ли Каю́, что Ба́шня Шено́мов о́казалась в бе́де, не усту́пающей катастро́фе «А́рго».

По ту́ннелю про́катился гро́хот вы́стрелов, по́том про́зрел взры́в, сопро́вождае́мый глу́хим у́ханьем грана́тометов. Ка́й у́слышал вопли́, бу́дущие отче́тливое э́хо в у́зком ту́ннеле, но не мо́г о́преде́лить, слы́шал ли он го́лоса на са́мом де́ле, или их при́несли шепчу́щие ка́тани.

--- Что́ же прои́сходит? --- спроси́л Ка́й.

--- Ма́гнус яви́лся, --- отве́тил Три́зора.

--- При́марх Ма́гнус?

--- Конечно́, при́марх Ма́гнус. Кто́ еще в со́стоянии вызва́ть такие мо́щные пото́ки пси́хической э́нергии?

--- Как он мо́г о́казаться на Те́рре? Он же бы́л на дру́гом краю́ Гала́ктики.

--- Этого я не знаю, но Магнус Красный здесь, и его появление высвободило такую мощь, какой ты себе и представить не можешь.

--- Значит, это нападение?

Тригора, обдумывая вопрос, вздохнул.

--- Не совсем. Я не думаю, что Магнус стал предателем, во всяком случае намеренно, но его высокомерные действия непростительны. Императору ничего не остается, как наказать его в наказание другим.

--- Что это значит?

--- Ты и сам это знаешь.

--- Нет, не знаю, --- сказал Кай. --- Скажи.

--- Это значит, что Волки снова будут спущены.

Кай не совсем понял смысл сказанного, но невольно поежился и понял, что продолжать расспросы было бы неблагодарно.

--- Там, в твоей комнате, ты назвала имя госпожи Сарашины, --- заметил Кай. --- Она в опасности?

--- В огромной опасности, ---

подтвердил Григора, наконец-то обнаружив исконную зарубку. — Варп предлагает ей как раз то, чего ей хочется больше всего. Проклятье, я должен это увидеть. Дева и Великое Око. Истина и будущее, единое целое. Серебряная лиса, герольды конечной истины. Теперь все обретает смысл.

Речь Григоры стала бессвязной, слова, срывавшиеся с губ, казались бредом сумасшедшего. Кай счел их совершенно бессмысленными, но где сейчас искать смысл? И кто лучше безумца отыщет смысл в начавшемся безумии?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, но, если госпожа Сарашина в опасности, мы должны ей помочь.

Григора кивнул.

— Если только еще не слишком поздно.

Кай и Григора выбрались из сливного туннеля и попали в один из общих залов на первом уровне башни. Желтый свет аварийных фонарей освещал груду тел, словно гроба, штабелем сложенных у входа

в одну из библиотек. Кая затошнило от запаха крови и едкого дыма лазерного огня. Шеренга Черных Часовых направила в дверь библиотеки резкие лучи.

Еще один отряд собрался у двери в зал мысли хора «Прим», и солдаты уже подключали демонаторы к телта-зарядам. Максим Головно, словно запертый в клетку хищник, расхаживал взад и вперед за их спинами. Из всех Черных Часовых он был единственным, кто не надел шлема, демонстрируя свое пренебрежение к псайкерам.

«Я вас не боюсь и не нуждаюсь в защите от вас» — показывал он всем своим видом.

Несколько Черных Часовых с автоматической четкостью повернулись и навстречу и нацелили свои винтовки.

— Стойте! — крикнул Григора. — Служба криптэстезианцев!

Оружие мгновенно опустилось, и из-за шеренги Часовых появился Головно. Телта-зарядом в дверь библиотеки вновь ударили лучи лазеров. Генерал-майор был очень зол, но Кай почувствовал, что

операция по зачистке доставляет ему немалое удовольствие.

— Я должен был догадаться, что вы в этом замешаны, — произнес он.

— Сарашина там? — спросил Григора, проталкиваясь мимо командира Черных Часовых.

— Вместе с хором «Прим», — ответил Головко. — Тебе известно, что происходит?

— У меня есть некоторые предположения, но обсуждать их некогда. Надо открыть дверь. Быстро.

Взрыв выбросил в воздух удруливые тучи пыли, щепки и обрывки бумаги из библиотеки, а потом изнутри донесся неестественно громкий вой. Шепчущие катки лопались, словно стекло, и Кай почувствовал, как его переполняет неугержимая жажда крови. Он оскалил зубы и сжал кулаки, но все кончилось, как только Григора схватил его за плечо. Охватившая его ярость испарилась, и красная пелена, застилавшая все вокруг, разорвалась.

Григора одной рукой держал его за

плечо, а вторую положил на уцелевший
шепчущий камень.

--- Включи мозги! --- крикнул ему
Григор. --- Воспользуйся своей защитой.

Кай кивнул. Ему стало стыдно, что
из-за собственного страха крепость его
разума настолько ослабела.

--- Бросьте туда пару ноль-гранат, ---
коротко и деловито распорядился
Головко. --- Нельзя допустить рецидива.

Кай всегда недолюбливал Головко, но
этот человек, не грогнув, перенес
психическую атаку. Единственной
признаком его напряжения была
пульсирующая на виске вена. Головко
перехватил его взгляд и с устешкой
тряхнул головой.

--- Такого солдата, как я, этим не
возьмешь.

Кай не стал отвечать и
сосредоточился на поддержании
собственной защиты от хлынувших из
библиотеки сил. Взглянув сквозь дыт,
поверх разорванных тел у входа, он увидел
клубящийся сгусток света и плоти,
чужовищную мозаику, сформировавшуюся

из существ Варна и мертвой плоти людей,
оживленной энергией илматериума. В
ответ на его любопытство к двери
протянулось щупальце света, и Кай
поспешно отвел взгляд.

— Не смотри туда, — прошипел
Тригора. — Ты бы должен это знать, как
никто другой.

В появившееся в библиотеке существо
ударил еще один залп, сопровождаемый
глухими разрывами пси-резонансных
гранат. Воздух мгновенно стал густым и
зернистым, а грозная энергия исчадия
Варна уменьшилась до сносного уровня.

— Идти, живо туда и выгони эту
тварь из моей башни, — приказал Головко,
а затем повернулся к залу мысли хора
«Прил». — Как продвигается установка
зарядов?

— Готово, сэр, — доложил минер,
возвращаясь от разбитой двери и
протягивая Головко коробку детонатора.

Головко встал напротив двери и снял
со спины громоздкий гранатомет, а Кай и
Тригора прижались к стене.

— Не забывай, что там осталась

Аник Сарашина! — крикнул Гризора.

— Я не знаю, что там, — ответил Головко. — Но если оно проявляет враждебность, оно должно умереть.

— Если ты убьешь Сарашину, ты ответишь перед хормейстером.

Головко пожал плечами и нажал кнопку демонатора.

Кай, ожидая оглушительного взрыва, закрыл ладонями уши, но мелта-заряды просто вспыхнули ярким голубоватым пламенем, и единственным звуком было шипение плавящегося от жара металла. Раскаленные капли поползли по гравированной поверхности двери.

Головко бросил демонатор и зарядил гранатомет.

Едва он распахнул дверь ударом ноги, из зала хлынул гул голосов. Плач нерожденных младенцев и стоны тысячелетиями лежащих в холодной земле трунов, вопли умерших и умирающих сливались в один мощный хор, наполняя воздух ужасом и раскаянием. Головко стойко выдержал этот циклон, не дрогнув перед тучениями и тоской

мертвых.

Кай только успел поморщиться, ощутив поток высвободившейся энергии, как его защита рухнула. Он ощутил ужас каждой смерти в зале мысли, и он почувствовал агонию последних мгновений погибших астронавтов по щекам покатились слезы. Далеко в глубине чистого океана, захлестнувшего зал мысли, неверным мерцающим огоньком, словно далекий маяк, зажегся бледный свет. Тень Головки протянулась по полу, и на мгновение Кай был готов поклясться, что лицо командира Черных Часовых превратилось в кровавую маску, как будто внутри его головы лопнул какой-то кошмарный паразит.

— Ну, вы идете? — спросил Головка, и видение Кая рассеялось. — Мне может понадобиться ваша помощь.

Тригора медленно отодвинулся от стены, но Кай заметил его нерешительность.

— Я иду с тобой, — заявил Кай. — Если Сарашина в беде, я хочу помочь.

Тригора молча кивнул, и они оба

встали позади Головки. К ним присоединилась дюжина Черных Часовых, и вся группа погрузилась в колыхающийся неверный свет. В зале было холодно, как в промерзшей тундре, под ногами похрустывал образовавшийся лед. Резные деревянные панели покрылись щеткой инея, а из ранцев Черных Часовых поднимались белые облачка.

Кай держался поближе к Григоре, инстинктивно понимая, что криптэстезианец помогает ему укрепить ментальную защиту. Если бы не его поддержка, Кай вряд ли сумел бы справиться с той силой, что бушевала в башне.

Точно определить, что происходило в зале мысли, оказалось довольно трудно. Источник света в центре был настолько ярким, что затмевал все остальное. Кай видел только темный силуэт и такие же темные очертания рук, протянутых к солнцу, горевшему ослепительным сапфировым огнем.

--- Госпожа Аник! --- крикнул он, и слова вылетели из его рта струйками

разноцветного дыма, которые с ликующим
стехом на мгновение ожили и обрели
форму, а потом так же быстро рассеялись
в насыщенном энергией воздухе. Григор
толча метнул на него взгляд, и Кай
захлопнул рот, опасаясь сотворить еще
какую-нибудь глупость.

Черные Часовые с ружьями наперевес
и приготовленными гранатами рассеялись
по залу. Головка шагал впереди, повоя
перед собой дулом массивного
гранатомета. Он ничего не говорил, но
всем своим видом показывал, что все это
ему уже приходилось видеть раньше, хотя
Кай не мог себе представить, где бы
подобное могло быть. Он слышал о
порождениях варна, использующих
астронатов в качестве проводников в мире
реальности, но чтобы целый зал?

Под потолком зала мысли, словно
стаи птиц, кружились сгустки света, и
Кай заставил себя не смотреть на них. А
когда его аугментические глаза
адаптировались к свету, он, прикрыв
ладонью лоб, взглянул на амфитеатр.

Мертвые астронавы хора «Прим»

лежали неподвижно, а из их бесполезных
глазниц струйками светящегося дыма
поднимались лучи колдовского света. Их
рты распахнулись в помертвевшей улыбке, и
из них исходило то же сияние, как будто
люди кричали светом.

Черные Часовые окружили
светящуюся сферу, и Кай, пристотрепевшись,
замечил, что в ней клубятся какие-то
силуэты, ослепительные потоки и
спиральные завитки пустоты. Шар сиял,
как миниатюрное солнце, но был полной
противоположностью звезде Терры. Это
было мертвое солнце, которое высасывало
вокруг себя всю жизнь.

Перед мертвым солнцем стояла Аник
Сарашина, и пальцы ее руки купались в его
противоестественной энергии.
Светящиеся потоки энергии пронизывали
ее руки и прозрачную плоть, так что
можно было рассмотреть все вены, кости и
мышцы. А из глаз струился тот же самый
свет, что и из глаз астронавтов хора
«Прим».

Печаль охватила Кая с такой силой,
что он едва не разрыдался. Госпожа

Сарашина умирала, это было понятно даже глупцу, но помочь ей уже никто не мог. Кай хотел ее спасти, как она когда-то спасла его от бессмысленной гибели, но мог только стоять и смотреть, как световарна пожирает ее изнутри.

Вокруг Сарашины туманным ореолом вились энергетические призраки — существа слишком легкие, чтобы их можно было рассмотреть в реальном пространстве. Тем не менее эти мерцания сознания, которые едва удерживались в физическом мире, упрямо лبнүли к ее телу, как будто охраняя свою добычу.

— Григора? — заговорил Головко. — Насколько опасны эти твари?

— Это пустяки, — ответил Григора. — Притивные желания, обрешие форму. Они не в состоянии нам навредить.

— Вот как? Но все это выглядит как вторжение чего-то могущественного. Для меня они не кажутся пустяками.

— Это приспособляющиеся паразитирующие существа. Они вторглись, когда рухнули стены.

— А как насчет светящегося шара?

Стоит ли о нем беспокоиться?

--- Когда имеешь дело с варпом, беспокойство оправдано в любом случае.

--- И как его уничтожить?

--- Ты этого не сможешь, --- сказал Григора. --- Я сам этим займусь.

Григора шагнул к шару света, поднял руки, и Кай ощутил нарастание психического потенциала. Григора был могущественным псайкером и обладал способностями, каких Кай не только не надеялся обрести, но и просто понять. А появление Алого Короля значительно увеличило силы криптэстезианца.

--- Мой разум недоступен. Это запертая комната, --- заговорил Григора. --- Ничто не может туда проникнуть без моего согласия. Вы не властны над мной.

Сгустки света разлетелись от него, почуввав существо, неподвластное им. Пульсирующая сфера яростно забурлила, ее яркость немного померкла, но все еще оставалась смертельно опасной.

--- Это не ваши родные просторы, --- продолжал Григора, насыщая каждый слог своей волей. --- Это не ваш мир, и вам здесь

не место. Уходите и больше никогда не
оскверняйте это место.

Существа зашипели, но отогнулись
от него еще дальше. Они еще не сдались,
поскольку имелся источник
подпитывающей энергии. Энергетическая
сфера стала вращаться быстрее, словно
торопилась, словно цель ее появления здесь
еще не была достигнута. А затем зал
мысли содрогнулся от протяжного вопля, и
Кай зажал уши. Даже Головно невольно
поморщился.

Командир Черных Часовых поднял
ствол массивного гранатомета.

--- Нет! --- закричал Кай. ---
Пожалуйста!

Сарашина обернулась на звук его
голоса, и Кай ощутил ее боль. Она знала,
что умирает, но до сих пор еще держалась.
Под тяжестью испытываемой ею вины и
раскаяния Кай упал на колени. Он видел
тучительную жажду, которая толкнула
Сарашину на этот путь, но вместе с тем
видел и непоколебимую решимость не
отступить, словно от ее действий
зависела судьба всей Галактики.

— Не двизайся, — крикнул ей Головко и сделал шаг вперед.

Сарашина как будто не замечала его, она двинулась навстречу Кая.

Несмотря на холод, Кай вспомнил одну мысль о темной силе, пылающей внутри Сарашины. Григора крикнул ему отойти назад, но горящие глаза Сарашины приковали Кая к полу. Они не отрывались от его лица, и тело отказывалось подчиняться.

Григора забормotal слова изгоняющего заклинания, известные только самым могущественным членам Телепатика, поскольку для изгнания требовалось знать сущность порождений Варна, а такое знание не всякому по силам.

Но мере того как Григора продолжал говорить, вкладывая в слова свою волю, Кай чувствовал, как жизнь Сарашины тает. Головко схватил его за плечо, чтобы оттащить назад, но резкий энергетический разряд отбросил генерал-майора назад. С того места, где его коснулась рука Головко, пошел дым, а Кай ничего не почувствовал, лишь ступно

припомнил, что в этом же месте его плечо сжимала рука когносцита, таинственного незнакомца из видения.

--- Прочь от него! --- крикнул Григора, используя для изгнания все свои способности.

--- Я здесь не для того, чтобы ему навредить, Эвангер, --- произнесла Сарашина.

Ее голос затихал, словно женщина с каждой секундой удалялась от них.

--- Зачем же ты здесь?

--- Чтобы высказать ему предупреждение.

--- Какое еще предупреждение?

--- То, которое он должен передать другому.

Григора осторожно приблизился к Сарашине, не зная, продолжать заклинание или отказаться от него в надежде узнать что-то важное.

--- Это Схема? Скажи мне, Аник, это Схема?

--- Да, Эвангер, --- ответила Сарашина. --- Но гораздо больше, чем ты думаешь. Или даже можешь представить.

Даже Императору она до конца неизвестна.

--- Прощу, расскажи, --- утмоял
Григора. --- Что это? Что ты увидела?

--- Ничего, что ты хотел бы узнать, ---
ответила Сарашина, вновь устремляя свой
взгляд на Кая. --- Ничего, что хотел бы
узнать любой из нас и о чем я искренне
сожалею.

--- Сожалеешь о чем? --- переспросил
Кай.

Быстро, как шарик ртути, Сарашина
скользнула вперед и обхватила голову Кая
Зулана обеими руками. Свет в ее глазах
вспыхнул ярче, и в мозг Кая хлынул
колоссальный поток опаляющих,
оглушающих, жестоких и кровавых
видений, переполняя сознание. Его разум с
такой скоростью усваивал мощную лавину
информации, что Кай закричал.
Миллиарды миллиардов картин, событий,
воспоминаний и ощущений пронеслись у
него в голове, создавая оттиск жизни,
глубившейся не одно тысячелетие. Ни
одному смертному не был доступен
подобный мезаурис. Этот объем

информации мог вмещать только разум, существующий вне пределов физического мира, разум, не ограниченный плотью и кровью.

Голос Сарашины словно алмазным клинком прорезал Хаос, переполнявший мозг Кая.

«Это предостережение для одной личности, и только для нее одной. Ты узнаешь, кто это, когда его увидишь. Все будут стараться узнать, что я тебе передала, но ты не должен делиться своими своими знаниями. Они вывернут тебя наизнанку, чтобы получить информацию, но ничего не найдут. Я спрячу ее в единственном месте, куда не заглянешь и ты сам».

Аугментические глаза Кая закатились, и из глазниц брызнули кровавые слезы. Его мир сократился до ослепительно-белой вспышки.

Он услышал грохот тяжелого оружия и горячие брызги на своем лице.

Свет погас, поток жизни, наполнявший Кая, внезапно иссяк, словно из логической машины Механикум выдернули

питающий кабель. Из тысяч мелькающих образов с кристальной ясностью выступило единственное лицо.

Древнее и мудрое лицо беспощадной и целеустремленной личности.

Это было существо, галекно превосходящее человека: воин, поэт, дипломат, убийца, советник, мистик, миротворец, отец и глашатай войны.

И это еще не все.

Именно эти глаза приковали к себе внимание Кая.

Они светились обманчивыми переливами оттенка теплого меда.

Словно монеты из чистейшего золота.

Кай открыл глаза и увидел над собой металлический купол зала мысли. Водянистый свет мертвой звезды уже угас, и помещение с беспощадной резкостью заливал свет дуговых ламп. Кай попытался сесть, но обнаружил, что не может пошевелиться. Голова нестерпимо болела. Мозг периодически пронзал мучительные импульсы, и Кай застонал, не в силах устоять перед жесточайшей

мигренью, захватившей его череп.

Перед глазами вспыхнули мутные и бесформенные разноцветные пятна, от которых к горлу подступила тошнота и желчь грозила вырваться из пищевода. Это уже не пси-слабость, это перегрузка. Астронавт испытывает боль, если слишком мало пользуется своими силами, но стоит ему переусердствовать, и последствия окажутся не менее изнуряющими.

— Что... — сумел произнести он, когда сверху стало приближаться чье-то перевернутое лицо.

— Ты очнулся, — сказал Григора.

— Похоже, что так, — подтвердил Кай. — Что произошло?

— А что ты помнишь? — спросил Григора и обошел вокруг, так что лицо оказалось в нормальном положении.

— Не так уж много, — признался Кай. — И ужасно себя чувствую. А почему я не могу пошевелиться?

Григора кивнул и перевел глаза на тело Кая. Кай проследил за его взглядом и увидел на своих запястьях и лодыжках

блестящие оковы. Он скорректировал зрение, чтобы рассмотреть сложные узоры, вытравленные кислотой на поверхности металла.

--- Охраняющие символы? --- удивился Кай. --- Почему я закован в цепи с охраняющими символами?

Григора вздохнул.

--- Ты действительно ничего не помнишь после того, как к тебе прикоснулась Сарашина?

Кай покачал головой, и Григора посмотрел куда-то вдаль.

--- Сначала Головка выстрелил в голову Сарашины, --- рассказал Григора. --- Хотя я и недолюбливал ее, она такого не заслужила. Быть застреленной, как обычный преступник.

--- Она мертва?

--- Ты что, не слышал, что я сказал? Черный Часовой выстрелил ей в голову. После этого никто не остается в живых, Зүлан.

--- Ты не ответил на мой первый вопрос, --- сказал Кай, чье и без того невеликое терпение сильно истощала

головная боль.

--- Ради безопасности. Твоей и моей.

--- Я не понимаю.

--- Конечно, --- согласился Григора. --- Уполагаю, уже никогда не поймешь.

--- Что все это значит? --- сердито воскликнул Кай.

--- Это значит, что я был прав, утверждая, что от тебя одни неприятности.

Чьи-то руки обхватили Кая сзади и подняли на ноги. У него совершенно не было сил, и оплывшие ноги подогнулись, не выдерживая веса тела. Все мускулы болели, а кожа горела, как будто после ожога электрическим разрядом. Удерживающие Кая руки без усилий предотвратили его падение.

На полу перед Каем появилось продолговатое пятно темноты --- его тень, а по обе стороны протянулись две другие тени, но длиннее и шире его собственной. Кай повернул голову, желая увидеть, что за гиганты его держат, и от этого зрелища у него перехватило дыхание.

На воинах сияли золотые доспехи.

кольчуга отличалась необычайно плотным плетением, килты состояли из прочной кожи и полированной стали. Резные пряжки в виде разящих молний удерживали на плечах воинов алые плащи. Оба были в шлемах, и у одного шлем венчался кроваво-красным султаном в виде конского хвоста, а у второго нащечные пластины имитировали распахнутые крылья.

В руке, свободной от Кая, воины держали высокие алебарды с рукоятью цвета слоновой кости и лезвием глиной с руну, а под лезвием к древку крепилось мощное огнестрельное оружие. На пластинах брони у каждого виднелась гравировка, строчки извивались вокруг наголенников, шли по краю нагрудников, под наплечниками вплоть до самого горжета.

--- Легио Кустодес... --- выдохнул Кай.

Он слышал, что за срок сильно углубленной жизни кустодиям присваивались все новые имена, и, если это было правдой, эти воины были долгожителями даже среди своих собратьев. Они стояли абсолютно

неподвижно, как золотые статуи, по слухам охранявшие подземные пиратиды в пустынях Судафрика, но Кай подозревал, что они могут двигаться со скоростью мысли.

--- Кай Зүлан, --- произнес золотой гигант с серебряными крыльями на шлеме.

--- Да, --- откликнулся Кай, неожиданно успокоившись при виде грозных воинов.

--- Меня зовут Сатүрналий Принцесс Карфагена Инвикт Крон Ушайя Кхолат, и по имперскому закону ты переходишь под мою опеку. Если ты попытаешься сбежать или проявить хоть малую толику своих астронавтических способностей, ты будешь немедленно уничтожен без санкции высшей власти. Тебе что-то непонятно в моих словах?

--- Простите, что?

Гигант слегка наклонился вперед, и Каю показалось, что красные линзы его шлема немого сужились. Он даже склонил голову набок, и Каю стало интересно, какие мысли возникли в мозгу кустодия. А Сатүрналий поверх его головы посмотрел на Григорю.

--- Он стал идиотом? --- спросил
Күстодий.

--- Нет, --- ответил Тригора. --- Я
уверен, он просто растерян.

Его слова, казалось, озадачили
Күстодия.

--- Мне кажется, я выразился
достаточно ясно.

--- И тем не менее, --- настаивал
Тригора. --- Вы позволите мне?..

Сатүрналий кивнул и выпрямился.

--- Я не понимаю, что происходит, ---
сказал Кай. --- Куда они меня забирают? Я
не сделал ничего плохого.

--- К тебе прикоснулась Сарашина, а
она была сильным теленатом. И даже если
она не стала одержимой, она все же
действовала как проводник для существ
варна высшего порядка, воспользовавшихся
ее даром оракула. Что бы через нее ни
прошло, теперь это сокрыто в тебе, и мы
намерены выяснить, что это было.

--- Мы? Кто это --- мы?

На его вопрос ответил Сатүрналий.

--- Чтецы мыслей Легио Күстодес, ---
сказал Сатүрналий. --- Ты будешь

оставлен в подземелье Императорского
Дворца, и все содержимое твоей головы
будет выпотрошено специалистами,
которые могут добыть информацию из
любой головы.

--- Поймите! --- воскликнул Кай,
обернувшись к Григоре. --- Не позволяй им
тебя забирать! Я ничего не сделал!

Но его крики не были услышаны, и
криптэстезианец просто смотрел, как
кустодий нагвинул на виски Кая медный
обруч.

--- Нет! Что это? --- закричал Кай.

Он получил ответ на этот вопрос
секунду спустя, когда услышал негромкое
жужжание и нервная система
отключилась, оставив его послушной
игрушкой в руках кустодия.

--- Не надо! --- хныкал Кай. ---
Пожалуйста, я прошу вас. Я ничего не знаю.
Она ничего мне не передавала, клянусь. Вы
напрасно тратите время. Это ошибка!

--- Легио Кустодес не совершает
ошибок, --- произнес Сатурналий.

--- Григора! --- завопил Кай. ---
Пожалуйста, помоги мне. Я тебя умоляю!

Криптэстезианец ничего не ответил,
и Кая поволокли из зала мысли к стальной
повозке, навстречу дознавателям,
вооруженным скальпелями, грелями,
пилами для трепанации черепа и
активными нейронсихическими
пробниками.

Часть вторая

ГОРОД ПОД ВУАЛЬЮ

Знаете ли вы, что значит быть слепым?

Не лишиться зрения или погрузиться в ночную темноту, а быть истинно слепым, утратившим само понятие зрения. Они думали, что сделали меня именно таким, когда лишили контакта с Великим Океаном, но подобная концепция говорит об ограниченности их мышления и свидетельствует о незнании истинной природы Варна.

Каковы бы ни были намерения моих тюремщиков, он повсюду вокруг меня, но мне доставляет удовольствие позволять им думать, что их демпфирующие обручи и стены с пси-резистивными кристаллами меня уязвили. Я ощутил катаклизм, сопровождавший появление моего генетического предка в подземелье Дворца, и до сих пор чувствую разрушительные последствия, охватившие весь земной шар.

Я прикоснулся к разуму Алого Короля и познал причину его отчаянного поступка.

Хотя я Аменеец, мне не чуждо предвидение Корвигов и тщеславие Павонигов. И я не отвергаю жестокое искусство Ранторов и Пирригов, хотя их вульгарные методы порой раздражают меня. Свободный агент Тысячи Сынов способен на многое и является более опасным противником, чем представляет себе кто-либо из здешних обитателей.

Но вводить врага в заблуждение относительно своей истинной силы весьма полезно.

Я слышу мысли своих плененных собратьев: сдерживаемый гнев Ашубхи и лихорадочную ярость его брата-близнеца. Узрютая мрачность Джитии в небольших дозах даже забавна, как и вздорные диатрибы, сочиняемые Аргентом Кироном. Эти обличительные речи никто не услышит, но его желание оформить свое негодование в слова не знает границ.

Все они разгневаны постигшей нас несправедливостью, но никто не понимает, что иначе и быть не могло. Тагоре до сих

пор негодует по поводу оскорбительности
малых сил, посланных против нас, но его
гнев распыляется: в первую очередь он
злится на наших захватчиков, на тех, кто
убил его грузей, и на свой легион, его
покинувший.

Но больше всего он злится на меня, за
то, что я их не предупредил.

Как я могу объяснить ему причину,
когда сам ее не понимаю?

Удержаться от действий меня
заставили не слова пси-охотника. Его речь
имела столь же мало смысла, как
случайный шум, производимый обрывками
варна. Нет, меня, скорее всего, остановило
видение. Меня заставила задуматься
ледяная, освещенная голубоватым сиянием
гробница.

В этом видении я иду по
обледеневшему подземелью и вижу, что
тропа усыпана блестящими осколками
костей. Дириады фрагментов
непрерывным потоком изливаются из
разбитого склепа и покрывают каменные
плиты сплошным ковром. Я вижу каждый
из них и на каждой стекловидной

поверхности вижу одно и то же
отражение.

В осколках костей отражается
красный глаз.

Я знаю его, прекрасно знаю, и этот
глаз говорит об ужасном преступнике,
хотя я пока не могу понять, о ком именно
он говорит.

Это мрачное место, в котором я
оказался, и мрачный свет затерзанных во
времени факелов, горящих неподвижными
безжизненными пламенем. Меня окружают
мертвые, я чувствую на себе их взгляды.
Тяжесть их обвинений подобна проклятию,
если можно воспользоваться бранными
словом древних.

Это место, хотя и принадлежит
смерти, отличается пугающей красотой.
Величественные статуи жнецов в плащах
с опущенными на лица капюшонами и злых
ангелов с застывшими, но
выразительными лицами украшают
просторные бульвары кладбища.

На границе поля зрения что-то
мелькает, нечто слишком ярко
окрашенное для этого унылого места.

Существо шныряет между высокими статуями, это пагальщик, которого здесь просто не может быть. Я замечаю его вытянутую морду и ржаво-коричневый мех с темными пятнами на кончиках ушей и лап.

Канис люпус. Представители этого вида исчезли тысячи лет назад, и вот один из них оказался здесь.

Я не биолог, но почему-то уверен, что это существо здесь не погибнет. Волчья тень мелькает у меня на пути и приближается с каждым мгновением, хотя я размахиваю руками и громко кричу на него. Убедившись, что волк не намерен отказываться от преследования, я игнорирую его присутствие и сосредоточиваюсь на своей цели.

Моя цель — это чудовищная статуя, которой не было здесь еще секунду назад, но теперь она возвышается над окрестностями, как огромная ракета, поднявшаяся из пусковой шахты. Это фигура крылатого безликого ангела, высеченная из странного матово-черного камня. С широких плеч слетает костяная

пыль, и ее накапливается так много, что
можно засыпать какой-нибудь из
терранских городов-ульев далекого
прошлого. Как каждый, кто посвящен в
учение Магнуса, я понимаю символизм
могущественных сил природы и прекрасно
знаю, что они предвещают времена
великих потрясений.

Я чувствую чье-то присутствие в
статuye, из-под гладкой безликой
поверхности выглядывает нечто злобное.

Раз я чувствую его присутствие, оно
точно так же чувствует мое
приближение.

В небе над только что появившейся
статуйей возникает блеск тусклого
металла и золотых башен. Над городом-
тавзолеем неподвижно повисает
костиный корабль. Его небесно-голубой
корпус сильно обгорел, и только
перламутровые штрихи опознавательного
символа его хозяина напечатают о том,
что судно когда-то принадлежало
Тринадцатому легиону. Название корабля
выгравировано на борту столетровыми
буквами, округлые литеры вытравлены на

адамантиевой броне в доках Калта.

«Арго».

Мне знакомо это судно. Это корабль-призрак, сожженный изнутри кошмарными существами, рожденными непреодолимым ужасом. У них покрытая красной чешуей кожа, маслянисто-черные языки и глаза, в которых отражается любая гүрная мысль. Все, кто был на этом корабле, погибли, и их смерть наваливается огромной тяжестью на сознание остелившегося приблизиться.

Он убежден, что это его вина. Я это знаю, хотя его уверенность так же непоколебима, как и стехотворна. Что он мог сделать такого, чтобы навлечь на огромный корабль столь ужасную гибель?

Но глүно гүмать об этом в таком месте, где истина и ложь в одно мгновение могут перенестись на огромные расстояния. Я прибегаю к околичностям, аллегориям и аллюзиям, но заявляю с полной уверенностью — ирония меня еще не покинула.

Только тогда я замечаю, что не один, что вокруг меня есть другие существа.

Я обращаю на них внимание и вижу, что все они мертвы. Это, должно быть, призраки. Они замедляют шаги и пытаются рассказать о том, как они умерли, но их речи безутны, и я не могу их понять. По своей собственной воле они стали отверженными мертвецами. Каждый пришел к смерти по одному естественным причинам, будь это слава, гордость, тщеславие или жажда знаний.

Исключительно благородные мотивы.

Я вслушиваюсь в их обреченные мантры и отсылаю их к сияющему маяку, свет которого достигает самых дальних уголков Галактики.

Тот, о ком говорило Око, тоже здесь.

Глава 10

ПРЕТОРИАНЦЫ РАСКОНКИ ПСИХИКИ КРОВЬ СЕБЯ ЗАЩИТИТ

Глубоко под вершиной, известной под названием Ракапоши,^[26] находится темница Легио Кустодес, где от всего остального мира надежно изолированы личности, подозреваемые во враждебных намерениях по отношению к Императору. Стены тюрьмы, вырубленные в известняковом массиве, облицованы адамантиевыми пластинами, которые невозможно пробить практически никакими снарядами, и уж тем более их не пронзят вопли невинных.

На древнем, давно исчезнувшем наречии она называлась Кхангба Марву^[27] — весьма точное название, к тому же дающее некоторое представление о возрасте сооружения. Подлинное название использовали лишь самые старшие кустодии, но для обитателей камер, куда

не проникал солнечный свет, она носила более привычное имя.

Они называли ее просто Склепом.

Кхангба Марву всегда была частью горы, по крайней мере, так считали те, кто вообще о ней слышал. Этот комплекс всегда был местом заключения, секретным объектом, куда направлялись самые жестокие, самые опасные и самые отвратительные злодеи, каких только знал мир. Никто точно не знал, кто первым вырубил камеры и коридоры в теле горы, поскольку происхождение темницы уходило корнями далеко за пределы воспоминаний и срока давности любых документов.

Рассказы о гнусных преступниках, запертых здесь, кочевали из тысячелетия в тысячелетие, и теперь их имена уже ничего не значили и преступления были давно забыты. Но и на памяти живущих людей было немало злодеев, занявших своим присутствием стерильные коридоры и умерших в безумии меж бесстрастных стен.

Сюда привезли сподвижников тирана Наннасифика и этнарха Кавказских

Пустынь, так называемого «Первого
Императора», и существо, известное как
Жнец-чудовище, которое в легендах
называлось ангелом, посланным
искоренить человечество с лица земли.
Юлеат Рыжий, деспотический князь-
кровопийца из Альбиона, был привезен сюда
для казни после поражения в битве
Голубого Рассвета. Разъяренные
последователи Юлеата завоевали
четверть земного шара, но в конце концов
были остановлены армией
могущественных воинов из Нордафрика,
которыми командовал полководец по
имени Кибукка. Говорят, что он мог
призывать молнии из туч и наделал своих
солдат сверхчеловеческой силой. Со
временем и сам Кибукка был закован в цепи
в Кхангба Марву, но о том, кто сверг его
власть, история умалчивает.

Ходили упорные слухи о личном
участии Императора в проектировании
катеры для Нартана Дьюла, но она так и
осталась неиспользованной, поскольку
тиран был уничтожен во время
финального сражения против его

бесчеловечного режима. Кое-кто поговаривал о том, что Нартан Дьюм был убит на развалинах его империи по настоятельному требованию Константина Вальдора, считавшего, что оставлять жизнь полубезумцу и полугению слишком опасно.

Затем особая камера была предназначена для кардинала Танга, но, как и Дум, он так и не увидел ее изнутри. Еще до отправки из Нуса Камбаган заключенные, претерпевшие жесточайшие пытки за время его правления, взломали капсулу-изолятор и голыми руками разорвали его на части.

За всю долгую историю существования тюрьмы только одному заключенному удалось убежать из Кхангба Марву. Им был урожденный дворянин имени Замора, который, по слухам, когда-то имел звание майора в прото-Легионе Кустодес, но это обстоятельство не способствует достоверности истории его побега.

После начала Великого Крестового похода в Кхангба Марву не было

недостатка в постояльцах. Это были
глупцы и лжепророки, твердившие о
недальновидности Императора, или
алчные авантюристы, надеявшиеся
воспользоваться наступлением нового
золотого века в собственных интересах. Ни
один из этих заключенных не мог
похвастаться известностью, как печально
прославившийся Танг, или Дьюм, или
Юлеам, но даже Хоруса все мог
изменить.

Наиболее неприступный блок Кхангба
Марву уже был приготовлен для
заключения самой опасной для Галактики
личности.

Но какая тюрьма Терры могла бы
удержать в заключении Хоруса
Лунеркала?

Блок «Альфа-Один-Ноль» никогда
полностью не погружался в темноту. Но
сумочные фазы планеты не имели
значения ни для тех, кто здесь работал,
ни для заключенных. Темнота могла
способствовать попыткам к бегству, а
потому была под запретом. Уттам Лун
Хеи Угар остановился у последнего

контрольно-пропускного пункта перед камерами, давая возможность биометрическим датчикам в стенах, полу и потолке подтвердить его личность.

Анализаторы воздуха проверили его дыхание, датчики массы зарегистрировали вес его тела, а детекторы излучения измерили уровень изотопов в крови и костях. Для предотвращения проникновения на территорию комплекса Кхангба Марву нежеланных гостей регистрировалось больше сотни уникальных признаков и генетических маркеров.

Унтат носил золотые доспехи кустогия, и только закрывающие щеки пластины были повернуты назад, открывая неподвижное и невыразительное лицо. Верхняя правая четверть его головы в результате бактериологического поражения в сражении с зеленокожими утратила способность реагировать на тактильные импульсы.

Усовершенствованный метаболизм его организма помог легко справиться с токсинами, но последствия ранения

понижали рефлексивный отклик в
несколько раз, что делало его непригодным
для службы на передовой.

Гордый Уттам тяжело перенес
увольнение из основного контингента
Легио Кустодес, но вскоре стирился с
ролью тюремщика в Склепе и относился к
своим обязанностям с тем же рвением и с
тем же вниманием к деталям, которые
позволили ему вплотную познакомиться с
Кровавой Узре после недавней попытки
Амона Тавромаха Ленга.

Уттам изучил весь путь молодого
кустодея до самого Дворца и не нашел в
маршруте ни единого изъяна, за
исключением финальной стадии, когда
тот, отбросив осторожность, ринулся в
атаку, словно обычный убийца. Уттам
предпочел бы постепенно опутывать свою
жертву, как паук опутывает паутиной
бьющееся насекомое. Куда эффективнее
предоставить жертве делать всю
подготовительную работу своими руками,
осторожно изолируя ее от возможных
покровителей.

Уттам остановил взгляд на гладкой

пластинке на бронированной двери, давая возможность аналитору сетчатки проверить его глаза. Эта процедура длилась дольше, чем обычно, поскольку из-за поврежденного глаза машине для установления личности приходилось проделывать больший объем работы. В самой глубине Склена подобные меры могли бы показаться излишними, но протокол есть протокол, и Уттам никогда не нарушал правила по своей воле.

С этой мыслью он обернулся на строй сопровождавших его солдат-ветеранов. Они были выбраны из самых надежных подразделений, базировавшихся на Терре, и вооружены необычным арсеналом — паутиники, плазма-сети, изо-разрядники и масс-крusher наряду с более привычными телтаганатами и хеллганатами.

Уттам, на две головы возвышавшийся над самым высоким из солдат, с трудом сдерживал раздражение, ожидая, пока его подчиненные пройдут анализаторы. Эти люди далеко не кустодии, а уровень угрозы, исходящий от заключенных в блоке «Альфа-Один-Ноль», намного превосходит

их способности, каким бы оружием они ни располагали. Значительная часть Лезио Кустодес вместе с Костиическими Волками отбыла с миссией на Просперо. Цель миссии не раскрывалась, но отослать так много преторианцев от Дворца Императора можно было только по одной причине.

Два солдата в темно-красных доспехах с золотистыми визорами сопровождали металлический бокс, похожий на огромный гроб, паривший над полем в репульсорном поле. Это был стандартный раздатчик питания, модифицированный Механикум. Утмат не мог понять, почему этим заключенным сохраняют жизнь. Они считались самыми опасными преступниками Терры, и их дальнейшее существование не могло привести ни к чему хорошему.

Анализаторы подтвердили личности последних солдат, и бронированная створка, зашипев пневматикой, скользнула вверх. Навстречу хлынул поток холодного воздуха, что говорило о наличии впереди открытого пространства. Облицованные

металлом стены тюрьмы за дверью
стенились грубо обработанной каменной
поверхностью подножия горы.
Ослепительно яркие люмосферы прогнали
все тени без остатка.

Через тридцать метров навстречу
вошедшим повернулись управляемые
сервиторами орудия и послышалось
гудение и пощелкивание прицельных
механизмов. Стволы автомашек еще не
успели остановиться, а Уттам уже
шагнул вперед.

— Уттам Луна Хеш Удар, — произнес
он, четко выговаривая каждый слог.

Аугментические глаза сервиторов
поменяли красные огоньки на зеленые, и
Уттам подал знак солдатам, дожидаясь,
пока не пройдет замыкающая пара.

Сумант Гири Фалгүни Тирта был
ветераном Легио Күстодес, и его имя
состояло по меньшей мере из семидесяти
шести заслуженных титулов. Кроме того,
на его полированных доспехах были
выгравированы слова благодарности. Как
Тирта угодил в Кхангба Марву, Уттам не
знал. У этого күстодия не имелось

никаких видимых признаков ранений, и он был в отличной физической форме, но ходили слухи, что однажды он усомнился в верности приказа Константина Вальдора.

Командир Легио Кустогес был строгим и бескомпромиссным человеком, и, хотя Уттам не имел чести встречаться с ним лично, он сомневался, чтобы Вальдор мог быть настолько мелочным, чтобы отослать воина за незначительное оскорбление. В Легио ценили думящих бойцов, упорных и решительных, которые продолжали задавать вопросы, пока не получают ясного ответа.

--- Уттам, какие-то проблемы? --- спросил Турта. --- Почему ты остановился?

--- Все в порядке, --- ответил Уттам, устыдившись своей задумчивости.

--- Тогда давай двигаться, --- сказал Турта. --- Мне здесь не нравится, воздух пропах заключенными.

Уттам кивнул. Воздух действительно стал густым. Благодаря своей уникальной физиологии заключенные

значительно отличались от смертных, даже от Кустогиев. Между ними и телось множество очевидных различий, и еще больше тех, которые не увидеть глазами. Человек, какое бы преступление ни совершил, все же сохранял человеческую сущность и по-прежнему оставался частью человеческой расы. От этих заключенных пахло немного иначе — почти как от чужаков, и это раздражало едва ли меньше, чем их предательство.

Почти.

--- Биометрические данные подтверждены, — произнес Уттам, и надежная дверь закрылась за Тиртой. Затем в свои гнезда скользнули засовы метровой толщины. — Блок «Альфа-Один-Ноль» закрыт и находится под охраной.

--- Подтверждаю, — сказал Тирта, занимая место впереди колонны.

Уттам занял позицию замыкающего и за возглавившим группу Тиртой пошел по широкому коридору. Солдаты, хоть и были набраны из самых прославленных и заслуженных отрядов, все еще остававшихся на Терре, не могли скрыть

своей нервозности, проходя между оруди-ями. По приказу Утмата были введены самые жесткие правила безопасности, и пушки могли мгновенно открыть огонь, а зеленые линзы сервиторов не сулили пощады никому, кто попадал в зону обстрела.

Вслед за Туртой и солдатами Уттам подошел к широкой арке, где были установлены многочисленные лазерные излучатели, слышался басовитый гул колоссальных генераторов, а воздух отличался едким привкусом мощного энергетического поля. За аркой открывалась огромная пещера не менее километра шириной даже в самой узкой части и с головокружительно высоким потолком. Пола в пещере не было, вместо него зияла бездонная пропасть. Уттам понимал, что это не лучшая гипербола, но в данном случае вполне подходящая.

Он остановился на широкой платформе, закрепленной у края пещеры в тени узкого решетчатого стального тоста, вздыбленного, словно стрела гигантского подъездного крана. Турта уже

стоял у панели управления, и Уттам увидел, как мост начинает опускаться к каменному острову, парящему в центре пещеры на едва различимой энергетической подушке.

Тигантские генераторы были закреплены в стенах по всему периметру пещеры, и от статического электричества у Уттама встали дыбом волосы на затылке. В любую минуту эти генераторы могут быть отключены, и тогда остров рухнет в глубины планеты. Таким опасным преступником нельзя оставлять ни единого шанса.

Конец моста коснулся парящей скалы, и в тот же момент глинные дуга всех орудий в стенах пещеры повернулись к острову. В висящей над бездной тюрьме имелось тридцать изолированных камер, но лишь двенадцать из них были обитаемы на сегодняшний день.

Как только переправа была установлена, Уттам шагнул на мост, а вслед за ним двинулись солдаты и Тирта. Кустодий смотрел прямо перед собой, а под тяжелыми ботинками звенел стальной

настиг моста. Уттам отстегнул конье хранителя от ножен на спине и pokrutyл плечом, разминая мускулы.

--- Ожидаете неприятностей? ---
спросил по вокс-каналу Турта.

--- Нет, --- ответил Уттам. --- Просто при встрече с этими ублюдками я лучше себя чувствую с оружием в руках.

--- Я тебя понимаю, --- сказал Турта. --- Я почти надеюсь, что кто-то из них попытается что-то сделать.

--- Не говори так, даже в шутку, --- предостерег Уттам, приближаясь к концу моста.

Первая из катер представляла собой прямоугольный куб из трехслойного пермакрита, усиленного керамитом, что почти никак не характеризовало находившегося внутри узника. Она не имела никаких особых отличий, кроме буквенно-цифрового обозначения у входа и прозрачной двери из артагласа, какой применяется для иллюминаторов в костических кораблях. Это было помещение, в которое никто не мог войти или выйти без санкции Легио Кустодес.

Уттам погосел к двери, ошущая знакомое напряжение в животе: приток эндорфинов и боевых стимуляторов, предшествующий схватке. Хотя Уттам и не собирался ни с кем сражаться, ему нравилось это ощущение.

Сквозь артаглас виднелась сидящая в центре катеры фигура. Тюремный комбинезон ярко-желтого цвета туго обтягивал отлично развитые мускулы. Длинные маслянисто-черные волосы обрамляли широкое лицо с удлиненными чертами, которые могли бы показаться уродливыми, но каким-то образом производили приятное впечатление.

Этот заключенный, хотя и безусловно опасный, проявлял обезоруживающую любезность. Однако Уттам не мог недооценивать исходящую от Атхарвы угрозу только по той причине, что пленник происходил из легиона ученых. Многие из здешних обитателей при малейшей возможности обрушивали на тюремщиков свою ярость и раздражение, тогда как Атхарва, казалось, не затаил на них злобы.

Амхарва открыл глаза -- один
сапфировый, другой цвета бледного
янтаря.

-- Уттам Луна Хеш Удар, --
заговорил воин, -- ты прерываешь мой
подъем к Исчислениям.

-- Тебе пора поесть, -- ответил
Уттам.

Солдаты подсоединили раздатчик
питания к узкому отверстию в прозрачной
двери, и в камеру упал пакет с пайком.
Амхарва взглянул на него со стиренным
отвращением.

-- Еще один день, еще один банкет, --
произнес воин Тысячи Сынов.

-- Радуйся, что мы вообще тебя
кормим, -- заметил Уттам. -- Я бы
заставил тебя поголодать.

-- Тогда ты бы стал главным
злодеем, -- ответил Амхарва. -- А это не
подобаает преторианцам Императора, не
так ли?

-- Ты недостойн произносить его имя,
предатель.

-- Уттам, скажи, кого я предал, за
что меня заперли здесь? -- спросил

Амхарва, поднимаясь с пола огненным плавающим движением. -- Когда Ыасу Нагасена привел три тысячи своих солдат в Общину, кого именно я предал? Тем не менее я заперт в этой камере по соседству с воинами, чьи легионы по праву называются клятвопреступниками.

-- Если в группе появился носитель чумы, станешь ли ты изолировать заболевшего или оставишь в карантине всю группу? -- ответил вопросом Уттам.

-- Позволь мне опровергнуть твое сравнение, -- возразил Амхарва. -- Если у человека появилась опухоль, станешь ли ты удалять ее лечебными способами или просто убьешь больного?

-- Опухоль сама убьет заболевшего.

-- В таком случае остается только радоваться, что ты не медик, преторианец Уттам Лүна Хеш Угар, -- сказал Амхарва.

Все они возвращались к нему в темноте -- каждое лицо, каждый вопль, каждый наполненный ужасом вздох. Кай лежал на каменной скамье, затенявшей

елу кровать, и, свернувшись в клубок, перекашивался взад и вперед, стараясь прогнать воспоминания о боли, которую они снова заставили его пережить. Флаер вывез его из Башни Шенотов и поднял высоко над горами, над залитыми звездным светом грядками облаков, над сверкающими в лунном свете головокругительно высокими вершинами. Это было его вознесение. А затем последовал спуск в темные глубины горы, которая казалась более угрюмой и злобщей, чем могла выглядеть обычная вершина. Как будто на ней лежала печать страданий тех, кто был заточен в ее недрах.

Его повели по гүлким переходам и бесконечным коридорам. На грохочүщих лифтах и пневмокарах его спүскали все глубже и глубже в загадочные недра мрачной горы, пока не заперли в голой камере, высеченной прямо в скале и предусматривавшей удовлетворение лишь базовых человеческих потребностей. Из ржавой трубы в одном үглү камеры капала затхлая вода, а круглое отверстие в

другом углу предназначалось для удаления отходов.

Стены покрывала бледная голубовато-серая краска, матовая и очень прочная. Предыдущие обитатели оставили на ней следы своих сломанных ногтей. Рисунки были примитивными, как наскальная живопись первобытных людей: в основном, разнообразные варианты толний и людей с длинными копьями. Все они содержали единственную мольбу вспомнить о них, тех, кто давно забыт и, вероятнее всего, так же давно мертв.

Кай тоже захотел оставить свою отметину, но ему нечем оказалось поцарапать краску.

На какой-то период его оставили в одиночестве, предоставив воображаемым ужасам сделать всю подготовительную работу. Кай не был храбрецом, и спустя некоторое время он орал, что расскажет все, что они хотят знать, если только ему об этом известно.

Несмотря на беспорядочную суматоху в мыслях, Кай все же сумел поспать. Если ему удастся отдохнуть, будет легче

перенести грядущие испытания. Он увидел сон, но не о Руб-Эль-Хали и огромной крепости Арзашкун, а о холодной бездне, населенной голосами мертвых. Он увидел светловолосую девушку с голубой повязкой на голове, с которой познакомился на «Арго». Он знал ее имя, и они стали почти друзьями, но видение было слишком туманным и насыщенным неумолкающими голосами мертвецов.

Они клубились вокруг него в его сновидении и требовали объяснить, почему он спасся, а их забрал варн. Почему за ними пришли чудовища с медными мечами и хитиновыми когтями, которые срывали плоть с костей и оставляли неизлечимые раны.

Каю нечего было им сказать, но они продолжали требовать ответов.

Почему на корабле с невинными людьми в живых остались двое?

Почему им было позволено жить, когда все остальные обречены на вечные страдания?

Каю рыдал во сне, снова и снова переживая ужас их гибели.

Лишь один голос его ни в чем не обвинял, это был успокаивающий приятный голос без слов, который избавлял его от болезненных воспоминаний, вызывая картины высоких гор, цветущих равнин и прекрасных городов со сверкающими пирамидами, построенными из хрустального стекла.

Проснувшись, он обнаружил в камере двух человек: мужчину и женщину. Женщина была довольно привлекательна, одета в хрустящую белую робу, которую можно было принять и за лабораторный костюм, и за защитную накидку. Приятная наружность мужчины свидетельствовала о дорогостоящих косметических процедурах, тогда как основное обаяние женщины заключалось в ее глазах. словно два бледных изумруда, это были самые чарующие глаза, какие только приходилось видеть Кай.

— Ты проснулся, — произнес мужчина.

«Совершенно бесполезное замечание», — подумал Кай.

— Пора выяснить, что тебе известно, — добавила женщина.

Кай потер лицо ладонями, ощущая обвисшую на щеках кожу и суточную щетину.

--- Я же сказал, что ничего не знаю, --- произнес Кай. --- Если бы знал, даю слово, я бы все рассказал. Я едва помню о том, что происходило в зале мысли.

--- Конечно же, ты не ожидаешь, что у тебя сохранились сознательные воспоминания об информации, заложенной Аник Сарашиной, --- неискренне и бесстрастно заявила женщина. --- Но она осталась в тебе, и в этом мы уверены.

--- А наша работа как раз в том и состоит, чтобы извлечь эту информацию, --- добавил мужчина.

--- Прекрасно, --- сказал Кай. --- Подвесьте меня на пси-дыбу, и покончим с этим.

--- Боюсь, эта процедура будет не такой уж простой, --- заметил мужчина.

--- И не совсем безболезненной, --- добавила женщина.

--- Кто вы такие? --- спросил Кай. --- Вы не из Города Зрения, так скажите, на кого вы работаете?

--- Меня зовут агент Хирико, ---
сказала женщина. --- А это агент Скарфф.
Мы чтецы мыслей, или нейролокаторы.
Если тебе больше нравится --- агеры. ^[28]
Бүрильщики.

--- Это как в борташине, --- добавил
Скарфф. --- Моя роль заключается в том,
чтобы помочь агенту Хирико высверлить
твое сознание и выдернуть любую
заложенную в нем информацию.

--- Вы серьезно?

--- Абсолютно серьезно, --- подтвердил
Скарфф с таким видом, словно вопрос Кая
его озадачил. --- Мы здесь по требованию
Легио Күстодес. Полученные нами приказы
согласованы с высшим руководством и
дают нам карт-бланш на достижение
цели любыми необходимыми методами.

--- Вот только боюсь, что ты вряд ли
переживешь этот процесс, --- сказала
Хирико. --- А если и останешься в живых,
скорее всего навсегда останешься в
растительном состоянии.

--- Это безумие! --- воскликнул Кай и
понялся от этих монстров.

— Если ты хорошенько поразмыслишь, ты поймешь, что для нас это единственная возможность, — сказал Скарфф.

— Мы догадывались, что ты не захочешь нам помочь, — продолжила Хирико. — Что ж, очень жаль.

Кай не мог говорить. Предохраняющий щиток, не дававший прикусить язык, наполнял рот привкусом стерильной резины. В горле торчала дыхательная трубка, а голову, словно летный шлем, плотно охватывала кожаная накладка, усеянная иглами и электродами. Вены и сосуды головы непрерывно закачивались какие-то жидкости, специальное устройство не позволяло закрыть глаза. Под глазами яблочки торчали тонкие иглы, соединенные бронзовыми проводами с записывающим оборудованием.

Комната для дознаний выглядела до ужаса обычной — простой металлический бокс без окон и зеркал. Вокруг лежащего на металлическом столе Кая были

расставлены переносные мониторы, регистрирующие все его внутренние биоритмы.

Позади него к полу было прикреплено гудящее устройство, похожее на блестящий хвост скорпиона, а на его поднятой части болтались многочисленные инструменты, вид которых наводил ужас. Хирико и Скарфф следили за поступлением в его кровеносную систему медикаментов, а в дальнем углу застыла золотая фигура Сатурналия, небрежно держащего алебарду одной рукой.

— Вы готовы начать? — спросил Кустодий.

— Почти, — ответила Хирико. — Это деликатный процесс, и спешка недопустима.

— Нужная вам информация искусно спрятана, Кустодий, — добавил Скарфф. — Нам придется залезть глубоко в его психику, а подобное погружение требует безупречной подготовки. Без надлежащего наблюдения и тщательности мы рискуем разрушить его сознание.

Кустодий сделал шаг к аугерат, и

нальцы на древке алебарды едва заметно напряглись.

--- Госпожа из Теленатика говорила об Императоре, --- сказал Сатурналий. --- А все, что касается Императора, мне чрезвычайно меня интересует. Не тратьте времени. Выясните, что она вложила ему в голову, и сделайте это как можно скорее. Сохранность его сознания меня ничуть не беспокоит.

Кай хотел вмешаться, но его губы были не в состоянии сформировать ни слова. Он хотел крикнуть, что он человек и астронавт, представляющий ценность для Императора. Но если бы даже они его услышали, никто бы не обратил внимания. Сатурналий не испытывал никаких сомнений в силу своего долга перед Императором, а Хирико и Скарфф просто делали свою работу.

Он попытался вырваться, но нуты и медикаменты лишили его возможности даже шевельнуться.

Хирико уселась рядом с ним на вращающийся стул и посмотрела на висевший сбоку инфопланшет.

--- Отлично, --- сказала она. --- Ты прекрасно справляешься, Кай. Еще немного, и можно будет начинать.

Agent Скарфф занял место напротив Хирико, и Кай увидел, как он вставляет разъем в свой затылок, где блеснул когнитивный имплантат. Второй конец кабеля Скарфф подключил к неприметной черной коробочке, прикрепленной к каталке. Улыбнувшись Каю, он вытащил из коробочки еще один кабель и подсоединил к гнезду на кожаной накладке на его голове. На мгновение зрение затуманилось, и в этот момент Кай ощутил давление на лобные доли мозга.

--- Ты проник в затененную часть? --- спросила Хирико.

--- Да, --- словно откуда-то издалека донесся ответ Скарффа. --- Готов к твоему внедрению.

--- Хорошо, --- сказала Хирико.

Она точно таким же образом подключилась к черной коробочке, подсоединила еще один кабель к аппарату на голове Кая, и он снова ощутил вторжение в свой мозг.

--- Пора, --- скотанговала Хирико. ---
Начинает.

Она нажала оранжевую кнопку на боковой поверхности коробки, и в мозгу Кая вспыхнул яркий свет.

Свет усилился до невероятной интенсивности, подобно вспышке звезды, грозящей выжечь глаза. Кай закричал, и свет начал слабеть, пока не стал вполне терпимым. Он обнаружил, что стоит посреди пустыни и вокруг на многие сотни километров нет ничего, кроме песка. Горячий ветер трепал гребни дюн, а яркое опалаяющее солнце после стерильного помещения внутри горы принесло долгожданное облегло.

Это его убежище, это Пустое Место.

Что бы они с ним ни сделали, их попытка не удалась.

Кай осознал, что ландшафт видений создан искусственно, что ему не следовало сюда приходить. Именно этого они и хотели. Они намеренно привели его сюда, где обнажаются самые потаенные мысли, где можно обнаружить его самые сокровенные тайны.

Несмотря на его заявление о желании рассказать Хирико и Скарффю все, что они захотят узнать, в его сознании возникло неожиданное предостережение. Сохраняя секрет, он сохраняет свою жизнь. Открыть тайну он может только воину с золотыми глазами, а это будет возможно только в том случае, если Хирико и Скарфф ничего не узнают.

Едва только он вспомнил их имена, как ощутил их присутствие в своем сознании. Он никого не видел, но знал, что они здесь. Затаились и ждут, когда он приведет их к истинной цели.

Из песка перед ним появилась фигура женщины в глинном одеянии, с глинными серебристо-седыми волосами, с глазами, излучающими тепло и доброту. Он знал эту женщину, но не такой, не с настоящими глазами. А сейчас они сверкали изумрудами и искрились жизнью. Отказаться от таких прекрасных глаз только ради защиты от порождений варпа казалось Каю неправильным.

--- Аник, --- произнес он. --- Ты мертва.

--- Тебе лучше знать, Кай, ---

ответила Сарашина. — Никого из нас нельзя считать окончательно мертвым, пока живы воспоминания. Как сказал великий поэт, «то, что можно вообразить, никогда не умрет».

[29]

— Сарашина говорила мне об этом, но ты не Сарашина.

— Нет. А кем бы ты хотел меня видеть? — спросила женщина.

Черты ее лица вдруг стали меняться, и через мгновение перед ним предстала его мать. Глаза остались такими же изумрудными, но вместо теплоты в них плескалась печаль.

Кай отвернулся, вспомнив полные горя взгляды, которыми обменялись он и его отец на другой стороне земного шара. Кай старался оставаться бесстрастным, но в присутствии женщины, которая вырастила его и сделала таким, как он есть, это оказалось очень трудно.

Вот только это не она.

Его мать мертва, как мертва и Сарашина.

— Ты агент Хирико, верно?

--- Конечно, --- ответила его мать.

--- Тогда прими соответствующий
bug! --- крикнул ей Кай. --- Нечего
скрываться под чужой маской.

--- Я и не скрывалась, --- сказала
Хирико, принимая знакомое Каю обличье. ---

--- Я просто стараюсь помочь тебе
расслабиться. Эта процедура пройдет
намного легче, если ты перестанешь нам
сопротивляться. Я понимаю, что тебе
неизвестно, что сказала тебе Сарашина,
но я должна это выяснить.

--- Я не знаю, где спрятано послание.

--- Мне кажется, это ты знаешь.

--- Нет, не знаю.

Хирико вздохнула, взяла его за руки и
повела к положому склону песчаной дюны.

--- Тебе известно, сколько я провела
психических гонок? Нет, конечно, ты
этого не знаешь. Но их было очень много, и
те объекты, которые сопротивлялись,
всегда оставались с мертвым мозгом. Ты
этого хочешь?

--- Что за глупый вопрос?

Она пожала плечами и продолжала,
словно не слышала его слов:

--- Человеческий разум --- это
чрезвычайно сложный механизм,
хранилище всех воспоминаний, устройство
вывода и вывода информации,
осуществляющее автономные функции.
Туда трудно проникнуть так, чтобы не
нанести непоправимых повреждений.

--- Так не проникай, --- предложил Кай.

--- Я бы хотела без этого обойтись,
правда, так было бы лучше, --- с улыбкой
сказала Хирико. --- Ты мне нравишься, но
если потребуется, я голыми руками
разберу твой мозг на кусочки. В конце
концов все выдают свои секреты. Всегда.
Все зависит от того, с какими утратами
м после этого приходится жить.

Они поднялись на вершину дюны, и
Кай вдруг обнаружил, что смотрит на
мерцающую под солнцем крепость
Арзашкун. Высокие башни дрожали в
раскаленном воздухе, и от отраженного
блеска золотых минаретов ему пришлось
прикрыть глаза ладонью.

--- Впечатляющее сооружение, ---
заметила Хирико. --- Но оно мне не
помешает. Даже и не думай об этом.

Кай остановился и, развернувшись, покинул взглядом пески в поисках постороннего присутствия. Под слоем песка далекой дюны, на краю поля зрения, он заметил наметк на движение.

--- А где же Скарфф? --- спросил он. --- Он к тебе не присоединится?

--- Он тоже здесь, но это дознание веду я.

Интуиция озарила разум Кая, словно восход солнца, и неторопливая улыбка углубила морщины на его лице.

--- Он здесь, чтобы вытащить тебя, если станет слишком опасно, верно?

Проблеск раздражения в изумрудных глазах подтвердил его догадку.

--- Ты не уверена, что тебе все удастся сделать, не так ли? --- продолжил он.

Пальцы Хирико крепче сжали его руку.

--- Можешь поверить, я это сделаю. Тебе остается только решить, насколько это будет тяжело. Я в мгновение ока уничтожу эту крепость до последнего воображаемого камня и кирпичика. Я

сопругу ее в пыль, и тебе не удастся даже
отыскать ее останки в песках пустыни.

Она протянула вперед руку, и самая
высокая башня в крепости начала
осыпаться. Еще недавно казавшееся
прочным, сооружение таяло, словно дым.
Хирико щелкнула пальцами, и рухнула
еще одна башня. Разрушив в одну секунду
то, что Кай сооружал в течение
нескольких лет, Хирико обернулась к нему,
но его взгляд был устремлен вдаль, где
появилось нечто, рожденное мрачными
воспоминаниями и ужасом. Хищник,
почувавший кровь, быстро скользил к нему
пог слоем песка.

Позади глазных яблок Кай снова
ощутил всплеск давления. Хирико
обернулась как раз в тот момент, когда
рожденная темными силами мощь
поднялась из-под поверхности песка. Она
вылетела в потоке крови, словно
вырвавшаяся наружу подземная река. Эта
река ревела и вопила тысячами
предсмертных криков в последние
моменты агонии. Она разлилась по
пустыне, словно густая красная нефть.

заполнила впадины между дюнами
обратительно пахнущими выделениями
смерти и омыла склоны яростным
прибоем.

--- Это твое творение? --- резко
спросила Хирико.

--- Нет, --- ответил Кай.

--- Прекрати, --- приказала она. ---
Быстрее.

--- Я не могу.

--- Нет, можешь. Все это существует
только в твоём сознании и подчиняется
твоей воле.

Кай только пожал плечами.
Бурлящее море маслянисто-вязкой крови
поднялось выше, его поверхность рябила от
тысяч рук и лиц, стретившихся вырваться
из глубины на поверхность. До сих пор Кай
всегда боялся скрывающегося под песками
ужаса, рожденного его гневом и чувством
вины, но сейчас его вид стал для него
настоящим благословением. Тягучий
прибой вопреки законам гидродинамики
рвался к вершине дюны, и студенистые
формы наконец прорвали вонючие слои
жидкости. Высокие и тонкие, с

костлявыми конечностями в красной
чешуе, изрыгающие огонь, они
распрямлялись в реальном мире, оглашая
воздух высокими пронзительными
криками. Раздвигшиеся черепа
приобретали блеск и роза, а в разинутых
ртах заблестели зазубренные клыки.

Да, это были существа из его
воспоминаний, но в мире видений они
представляли немалую опасность.

— Что ты делаешь? — воскликнула
Хирико.

— Я же говорил, что это не я, —
ответил Кай. — Это «Арго».

Лавина рожденных варпом монстров
устретила к ним, и Хирико подняла
взгляд к небу.

— Вытаскивай меня отсюда, —
сказала она. — Быстрее.

Agent Хирико исчезла, а волна тьмы
с шипением и ревом захлестнула вершину
дюны, поглотила Кая и потащила его в
бездну, выбраться из которой невозможно.

— Что произошло? — потребовал
разъяснений Сатурналий.

Хирико лежала на полу комнаты для дознаний, ее глаза закатились, а из носа непрерывной струйкой текла кровь. Скарфф приподнял ей голову и торопливо ввел в вену полный шприц какой-то прозрачной жидкости.

--- Я задал тебе вопрос, --- настаивал Сатурналий.

--- Помолчите! --- откликнулся Скарфф. --- Я только что вывел ее из враждебного видения без належащей декомпрессии. Ее разум в шоке, и если я не сумею вернуть ее назад, мы можем окончательно ее потерять.

Резкая отповедь подчиненного разозлила Сатурналия, но он сдержался. Разборки по поводу неподобающего тона в разговоре с воином Легио Кустодес могут подождать.

--- Что я могу сделать? --- спросил он.

--- Ничего, --- ответил Скарфф. --- Теперь дело только за ней.

Скарфф стал говорить с Хирико негромким успокаивающим тоном, поглаживал ее по щеке и держал за руку. В конце концов ее веки дрогнули, глаза

открылись и взглянули на Сатурналия с такой ясностью, какой трудно было ожидать от человека, вырванного из транса.

--- Это будет сложнее, чем я ожидала, --- произнесла Хирико.

Глава 11

САМОРАЗРУШЕНИЕ ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ ЭЛИАНА

Время для Кая потеряло всякий смысл. В его видениях проходили недели и месяцы, но они не имели никакого отношения к отрезкам времени в мире бодрствования. Он вспоминал выложенные плиткой полы, вырубленные в скале коридоры и льдисто-голубые стены своей камеры, но что из всего этого было реальным, он определить не мог. Психическая слабость отступила, слитая ежедневными испытаниями его способности погружаться в астронавтический транс для приема и передачи сообщений.

Его кормили и мыли, поскольку нарушение привычных циклов вызвало нарушение жизненных функций тела. Он проводил так много времени в царстве ощущений, недоступных счастливым

смертным, лишенным псайкерских способностей, что с трудом отличал реальные события от вымышленных.

Ему казалось, что у двери камеры стоит его мать и с тоской смотрит на сына. Взгляд ее зеленых глаз настойчиво звал его, но как только он открывал рот, чтобы заговорить, возникающая за спиной матери темная фигура перерезала ей горло. Из рассеченной шеи выплескивался океан крови, и в темноте слышались тысячи кричащих голосов.

Однажды он бродил по пепельно-серой пустоши, и вдали показался сверкающий силэт воина в красных доспехах с кантом цвета слоновой кости. Он звал Кая на непонятном ему языке, но голос то усиливался, то пропадал, уносимый порывами призрачного ветра. Кай хотел побежать к воину, он чувствовал, что тот в силах дать ему избавление, но каждый раз, как только он поворачивался в ту сторону, воин отступал, словно еще не был готов к встрече.

Нейролокаторы снова и снова вторгались в сознание Кая. Иногда это был

Скарфф, иногда Хирико, но каждый раз их прогоняло маслянисто-черное существо и забывающие призраки с «Арго». В редкие моменты прозрения Кай испытывал к Аник Сарашине одновременно ненависть и восхищение. Скрытие послания в воспоминаниях о проклятом корабле было гениальным решением. Несмотря на все успехи Кая, Сарашина знала, что он еще не готов встретиться с ужасами корабля-призрака.

Кай чувствовал растущее раздражение своих тюремщиков, и это доставляло ему удовольствие.

Они быстро отказались от прямых атак на его психику и перешли к более осторожным и щадящим вторжениям. Если Скарфф пытался его уговорить, Хирико выбрала тактику обольщения. Видения наслаждений и власти, видения исполнения тысяч самых фантастических желаний мелькали перед Каем в бесконечном разнообразии вариантов. Некоторые из них маскировались под реальность, другие оставались красочными фантазиями, но ни одному не

удалось проникнуть в тайну, похороненную среди мрачных ужасов «Арго».

--- Мы не можем их удалить, --- сказала Хирико после особенно изматывающего сеанса.

Лицо Кая блестело от пота, тело, лишившееся почти половины своей прежней массы, превратилось в скелет, обтянутый полупрозрачной кожей.

--- Почему?

--- Информация спрятана в глубине воспоминаний, с которыми он не в состоянии встретиться, --- сказал Скарфф.

--- «Арго»?

--- Конечно, --- ответила Хирико. --- Сарашина, или то, что действовало через нее, знала, что делает. И это печальнее всего.

--- Если уж вы не в состоянии вытащить послание, кто на это способен? --- спросил Сатурналий, и Кай услышал в его голосе едва сдерживаемое желание убить астроната и покончить наконец с этим делом.

--- Только у одного человека имеется ключ, открывающий доступ к нужной вам

информации, — сказала Хирико.

— И кто же это?

Хирико опустила руку на плечо Зулана.

— Сам Кай.

Кай застеснялся, но предохранительная пластина во рту превратила стех в сдавленный всхлип.

Больше всего его злили их топорные методы. Хирурги, пытающиеся провести операцию на мозге посредством двуручной пилы и зубила. Бурельщики вторгались в тонкую эфирную структуру ментальной архитектуры без всякой надежды на успех. Атхарва ощущал каждый жестокий натиск аугеров, каждую неуклюжую попытку пробиться к искомым информации, каждую наивную лесть, которой они старались соблазнить своего пленника. И их жестокие методы, словно скрип бронированной перчатки по школьной доске, причиняли ему страдания на любом из уровней Исчислений.

Его, как истинного мастера, оскорблял такой дилетантский подход, и

хотя он сам далеко не был уверен, что сумеет бы вытащить намеренно скрытую информацию из мозга пленника, но всяко имел больше шансов на успех, чем эти два тасника, которые с ним работали.

Скрестив ноги, Амхарва сидел посреди камеры, позволив мысли странствовать по лабиринтам Кхангба Марву, и с привычной легкостью исследовал границы своего узилища. Ему доставляло удовольствие позволять тюремщикам думать, что их пленник, подобно своим товарищам по несчастью, постепенно сходит с ума в одиночном заточении. После визита Ыасу Нагасены прошло уже несколько месяцев, и в течение этого времени заключенные воины Воинства Крестоносцев не видели никого, кроме двух Кустогиев и их удручающе некомпетентной свиты из смертных солдат.

В пределах подземной темницы Амхарва пытался исследовать любое сознание, действуя то легкими прикосновениями, то более настойчивым натиском. Разум подобен сложному замку,

и всякая психика, прежде чем открыть свои секреты, требует точного рассчитанного давления. Весь вопрос в том, чтобы правильно рассчитать точку приложения этого давления, выбрать нужные воспоминания, желания и надежды, и тогда разум раскроется, словно распускающийся цветок.

Для Атмелейца не составило бы труда перехватить мысли с поверхности сознания. Куда сложнее и интереснее было погружаться сквозь слои смертного разума, опускаться под корку незначащего тусора, мимо основных желаний и инстинктов, мимо тайных пороков и жалких грехов, притаившихся в уголках каждого мозга, к самому стержню личности. Только здесь можно было обнаружить истину, только в этой беспроектной тьме пряталось лишенное покровов существо и ничем не защищенные помыслы.

Немногим было дано достичь этого уровня и не обнаружить себя, но Атхарва за долгую работу в качестве искателя истины сумел отточить свое мастерство.

С тех самых пор, как Алый Король спас свой легион от уничтожения, искатели истины первыми встали в строй, отыскивая в сознании воинов, избежавших ужаса перерождения плоти, скрытые признаки слабости.

Амхарва изучил своих смертных тюремщиков лучше, чем они сами себя знали. Он узнал об их страхах, желаниях, постыдных тайнах и амбициях. Он знал о них все, и ему нравилось то, насколько примитивно устроены их разумы. Как только может живое существо, претендующее на самосознание, функционировать при столь ограниченных чувственных возможностях?

Но вот кустодии...

Их разумы были прекрасными произведениями искусства, великолепным сочетанием психической инженерии и генетического совершенства. Как у некоторых сложных исчислительных машин, их разум был защищен ловушками, готовыми захлопнуться при первых же признаках неосторожного вторжения. Подобно когитатору, защищенному от

излома опытными инфоцитами, разум Кустогиев обладал способностью самостоятельно отразить атаку, и Амхарва не осмеливался на что-то большее, чем осторожное приближение к внешней границе великоленной психики.

Несмотря на все великоление Кустогиев, мысли Амхарвы постоянно возвращались к разуму, который подвергался атакам аугеров. На первый взгляд эту личность мало что отличало от сотен других заключенных, разве что малая толика псайкерских способностей да гладкий шрам, оставленный обрядом присоединения души.

Затем Амхарва рассмотрел эгоизм и высокомерие, приобретенные за годы службы с легионом Жиллимана. Это вполне объяснимо, хотя и не соответствует истинной сущности этого человека. Он лучше, чем сам о себе думает, но раскрыть настоящий характер будет весьма трудно, и, хотя процесс уже начался, скорее всего, он так и останется незаконченным из-за скорой смерти несчастного.

Для этого человека было Кай Зүлан, и о нем говорил Глаз, хотя Атхарве оно было неизвестно. Воспоминания Зүлана, уже исследованные, ничем не оправдывали проявленного интереса, хотя в глубине его разума скрывалось нечто, невидимое даже Атхарве, нечто, укрытое мрачным ужасом эфирной ярости и чувством вины, с которыми невозможно справиться без особых инструментов.

Сила здесь бесполезна, поскольку его страх сильнее любого насилия. И точно так же бесполезно взывать к его разуму или обещать награды. Это сложное задание может быть выполнено только изнутри. Но какое же сокровище может хранить столь надежно охраняемая крепость?

Атхарва ненавидел тайны, и этот секрет тоже должен быть открыт. Его мозг ученого должен распутать эту загадку. Алый Король поступил неблагоразумно, появившись на Терре, но его вторжение подсказало Атхарве, что нужно сделать. Кай Зүлан каким-то загадочным образом имел огромное

значение для будущего, но если кто-то и способен открыть его разум, то только мистики Тысячи Сынов.

Амхарва открыл глаза, когда мимо стеклянной двери его камеры проходил отряд охраны. Все, кроме одного, избегали смотреть в его сторону, поэтому Амхарва забросил мысленный крючок в разум этого человека.

Его звали Натараджа, [\[30\]](#) и адекватность его имени вызвала у Амхарвы улыбку. Этот солдат состоял в отряде Уральских Владык Шорма — элитном десантном подразделении, которое служило Империи с самых первых дней войны Объединения. Его жена растила пятерых сыновей на гидроферме, расположенной у горы Аркас, а все его братья погибли. Натараджа был хорошим и честным человеком, вот только он больше не хотел служить в имперской армии.

Преданность своим товарищам-солдатам и клятвы, принесенные перед отрядным Ковчегом Крыльев, обязывали

его выполнять долг солдата и тюремщика, но Натараджа приближался к своему четвертому десятку и хотел вернуться домой, к семье, чтобы видеть, как его мальчики становятся мужчинами. Простое желание. И вполне понятное. Открытая дверь для Атенеяца.

Кай лежал на полу своей камеры, потел с него градом, а сердце стучало так, словно он бежит поднялся до самого верха Башни Шепотов. У него болело все тело, а глаза были готовы вывалиться из орбит, словно удерживающие их мышцы почему-то ослабели. Во рту все склеилось от остатков рвотной массы, а его одежда пропахла мочой и экскрементами.

Боль захватила каждую клеточку его организма, а судороги, сотрясающие каждую мышцу, никак не давали расслабиться. Камеру заливал яркий свет, из невидимого громкоговорителя доносился непрерывный треск статики. Кай хотел подняться, чтобы отважно и с достоинством встретить своих мучителей, но у него уже не осталось сил

для защиты.

Его скрюченная рука царапнула пол, и Кай слабо устехнулся: наконец-то и он оставил собственную метку в этой камере. Пересохший язык прошелся по потрескавшимся губам, и он сторгнул капельки гноя, собравшиеся в уголках воспаленных глаз.

Кай не имел понятия, сколько времени он провалялся на полу в луже собственных выделений, да его это уже и не интересовало. Он наблюдал, как выдыхаемая им струя воздуха морщит поверхность рвотной массы, и вспоминал рыбь на огромном озере, изнемогающем от жара под раскаленным красным солнцем.

Затем что-то изменилось. Он уловил движение воздуха. Услышал, как открывается дверь камеры.

Кай попытался пошевелиться, но тело его не слушалось. Он увидел пару туфель — с высокими каблучками, сшитых из дорогого материала, доступного только самым богатым и влиятельным персонам Терры. Женский голос донесся словно откуда-то издалека, потом кто-то

обхватил его под мышки и поднял. Кая на
ноги. Он вздрогнул от прикосновения рук.
Его тело, превращенное в желе из боли,
отвергло любой контакт. Но его
протащили по полу и уложили на скатью.
Две фигуры в черных доспехах, состоящих
из чередующихся полос керамики и, как
ему показалось, кожи, расступились, когда
между ними появилась самая
очаровательная женщина, какую Кай
когда-либо видел.

От яркого света, заливающего
камеру, Кай прищурил глаза. Его
посетительницей была незнакомка явно
благородного происхождения. Ее лицо
носило едва заметные следы
косметической хирургии. Ярко-зеленые
глаза в результате вмешательства
хирурга прекрасно дополнялись высокими
скулами. Светлые волосы были стянуты в
асимметричный пучок, украшенный
аметистовыми бусинами.

Стройное тело незнакомки облегал
черный костюм с мерцающей пурпурной
полосой, обвивающей туловище, словно
застывший стержень. В таком наряде ей

следовало появиться в бальном зале
Мерики, но никак не в тюрьме под
мрачной горой. Кай не мог даже
предположить, зачем он ей понадобился.

--- Ты знаешь, кто я? --- спросила
женщина.

Кай попытался сточить губы
скудными остатками влаги,
сохранившейся во рту.

--- Нет, --- ответил он едва слышным
шепотом.

--- Конечно, откуда бы тебе меня
знать? Я вращаюсь в кругах, тебе
совершенно недоступных, --- сказала она,
осторожно обошла блевотину на полу
катеры и присела рядом с Каем. Ее одежда
сдвигалась вместе с ней, скользила вокруг
тела, словно змея, и предохраняла даже от
случайного соприкосновения с полом.

Женщина заметила, что он обратил
на это внимание, и улыбнулась.

--- Наноткань, запрограммированная
всегда оставаться в одном положении и на
одном расстоянии от моего тела.

--- Дорогое удовольствие.

--- Чудовищно дорогое, --- согласилась

она.

--- Чего ты хочешь?

Женщина щелкнула пальцами.

--- Дайте ему напиться. Я едва могу его расслышать.

Один из телохранителей женщины опустился на колени и протянул Кайю пластиковую трубочку, вытянутую из наплечника. На конце ее повисла капля влаги, и Кай с наслаждением втянул прохладную жидкость из армейского рециркулятора. То, что влага была получена из пота и прочих выделений тела воина, его ничуть не беспокоило. Кай ощущал, как влага растекается по его гортани и возвращает силы, словно впрыск стимулятора.

Уже через мгновение его мысли пришли в порядок, а давно гонимавшая тошнота пропала.

--- Так-то лучше, --- заметила женщина. --- Теперь мне не придется наклоняться к тебе, чтобы разобрать слова.

--- Это была не вода, --- сказал Кай, показывая на воина, уже убравшего

пластиковую трубку обратно в наплечник.

--- Нет, не вода, но ведь тебе стало лучше, не так ли?

--- Намного лучше, --- согласился Кай.

Женщина наклонила голову набок и стала его внимательно рассматривать. У нее были великолепные глаза --- естественные и, вероятно, генетически доработанные еще в утробе матери. Аугментическое зрение позволило Кай заметить слабый контур электры под третьим слоем эпидермиса, и он бессознательно навел резкость. Это была заглавная буква К, выполненная курсивом и украшенная знакомыми завитками. Кай застонал и дотронулся пальцами до своего запястья, где имелась идентичная татуировка.

--- Ты из Дома Кастана, --- догадался он.

--- Я и есть Дом Кастана, --- заявила женщина. --- Я Элиана Септимия Вердучина Кастана.

--- Дочь патриарха, --- добавил Кай.

--- Именно так, --- подтвердила Элиана. Приподняв челку, она

продемонстрировала украшенную драгоценными камнями повязку, прикрывающую третий глаз. -- А ты, Кай Зүлан, обуза моего Дома.

-- Я совсем этого не хотел, повелительница, -- сказал Кай, быстро отводя взгляд и пользуясь формальным обращением.

Взгляд глаза навигатора означал смерть, а в глазах семьи Кастана из Навис Нобилите он давно заслужил эту участь.

-- Я здесь не для того, чтобы тебя убить, -- сказала Элиана. -- Хотя, Трон-свидетель, это решило бы кучу проблем. Я пришла, чтобы дать тебе второй шанс. Шанс возместить убытки за потерю «Арго» и колоссальный ущерб репутации моего отца в Конклаве Навигаторов.

-- Почему ты это делаешь?

-- Потому что ненавижу расточительность, -- сказала Элиана. -- При всех неприятностях, которые ты доставил, ты все же опытный астронавт, и я хочу возместить значительные издержки, которые понес отец, желая заполучить тебя в наш Дом.

--- У ты можешь вытащить меня из этого места? --- спросил Кай.

Элиана улыбнулась, как будто услышала наивный вопрос неслышленного ребенка.

--- Я Навис Нобилите, --- сказала она. --- Я говорю, а остальной мир слушает.

--- Даже Легио Кустогес?

--- Даже преторианцы, --- сказала Элиана. --- При условии, что я никогда не позволю тебе вернуться на Терру. Небольшая цена за то, чтобы покончить с этими... неприятностями. Ты согласен?

Кай кивнул. Никогда больше не увидеть родную планету --- разве это цена?

--- У ты сможешь меня вытащить?

--- Смогу. Но сначала ты должен кое-что для меня сделать.

--- Что? Все, что угодно, повелительница, --- сказал Кай и потронулся до руки Элианы.

Ее кожа была гладкой, но особая плотность говорила о подкожных связательных имплантатах. Глаза Элианы смотрели на него в упор, и сверкающий изумрудный блеск безупречной

рагужной оболочки снова поразил Кая.

--- Мне нужно, чтобы ты, глядя на меня, понял, что Дом Кастана не считает тебя ответственным за гибель «Арго». Это был старый корабль, и срок его реконструкции давно прошел. Генераторы поля Геллера пострадали в процессе пересечения пояса астероидов вокруг Кнора, и их полный отказ был только вопросом времени. К тебе это не имеет никакого отношения.

--- Как раз перед аварией я был занят отправкой сообщения.

Кай произнес эти слова так тихо, что и сам не мог понять, сказал ли он их вслух.

--- Что?

--- Я погрузился в передающий транс, --- пояснил Кай. --- И отправлял сообщение на Терру, когда защита рухнула. Я стал мостиком гля... чудовищ... этих порождений варна. Возможно, щиты были повреждены, но решающим ударом стал я. И весь экипаж погиб по моей вине!

Элиана крепко сжала его руки и заглянула в глаза.

--- Это не твоя вина, --- сказала она. --- Обитатели Варна очень опасны, но никто не винит тебя за то, что произошло. Я видела заключение корабельных мастеров о повреждениях и считаю, что «Арго» только чудом вернулся в реальное пространство. В конце концов, своим возвращением корабль обязан только тебе и Роксанне.

--- Роксанна! --- воскликнул Кай. --- Да, именно так ее и звали... Я вспомнил. Мы были знакомы. А что с ней стало?

--- С ней все в порядке, --- ответила Элиана, но Кай уловил едва заметное замешательство. --- После короткого восстановительного лечения она вернулась к своим обязанностям. И ты должен поступить так же, но сначала надо рассказать о том, что передала тебе Сарашина. Нет никаких причин утаивать информацию. Как глава Дома Кастана, я даю тебе слово, что тебе ничего не грозит, какими бы ни были эти сведения.

Кай запрокинул голову и взглянул на ярко освещенный потолок. Никаких источников он не видел, но стены сияли

отраженным светом. Шум статик
усилился, и теперь он узнал в нем
пустынный ветер, проносящийся над
дюнами и впадинами, изменяющий пейзаж
каждым своим порывом.

— Очень хорошо, — сказал он. — Ты
почти поймала меня.

Пальцы Элианы судорожно сжались, и
ее великодушная фигура на долю секунды
изменилась. Но осознание обмана привело к
тому, что остальное видение стало
рассеиваться со все возрастающей
быстротой, и стены катеры упали, словно
изношенный занавес в дешевой театрике.

Вместо тюрьмы во все стороны до
самого горизонта раскинулись просторы
Руб-Эль-Хали. Телохранители в черных
доспехах развеялись, словно песчаные
скульптуры, а Кай обнаружил, что сидит
на каменном выступе и смотрит на
крепость Арзаашкун.

— Где я ошиблась? — спросила Хирико,
сбросив обличье Элианы.

— Для начала — глаза, — ответил
Кай. — Ты никогда не сможешь их
изменить, и, хотя я все время об этом

забываю, ты не умеешь их спрятать.

--- Это все?

--- Нет, --- сказал Кай. --- Ты сделала еще одну ошибку.

--- Да? И какую же?

--- Элиана Кастана конченная стерва, --- объяснил Кай. --- Она никогда не отнеслась бы с подобным участием к тому, кто принес ее Дому огромные убытки.

Хирико пожала плечами.

--- Я слышала об этом, но не рассчитывала на то, что вы никогда не встречались.

--- Не встречались, но ходят такие слухи.

Хирико все еще держала его за руки и теперь наклонилась ближе. От ее кожи пахло дешевым травяным мылом, и от этой обыденности Каю хотелось заплакать. Если бы он только мог.

--- Веришь ты в это или нет, мир видений нематериален, --- сказала Хирико. --- Но слова, которые я говорила тебе губами, от этого не теряют своей правдивости. Тебя не обвиняли в катастрофе «Арго». Только когда ты сам

это осознаешь, ты сможешь избавиться от
того, что тебя здесь удерживает.

--- А может, я не хочу от этого
избавляться. Может, я чувствую, что
заслужил наказание хотя бы тем, что
остался в живых. Об этом ты не думала?

--- Зачем ты стремишься к
самоуничтожению? --- спросила Хирико. ---
Это дознание убивает тебя каждый день.
Ты должен знать об этом.

Кай кивнул.

--- Я это знаю.

--- Зачем же ты так поступаешь?

--- Аник Сарашина приказала мне
передать информацию только одному
человеку, и никому другому.

--- Кто же это?

--- Я не знаю.

Кай набрал горсть песка и позволил
ему свободно просачиваться между
пальцами. Ветер подхватывал падающие
песчинки и бросал на склон дюны, где они
бесследно растворялись в пустыне. Кай
представил себя одной из таких песчинок,
представил, как его уносит теплый
сирокко, как он теряется, чтобы никогда

не быть обнаруженным.

--- Это бессмысленно, --- заявила Хирико.

--- Вероятно, --- согласился Кай. --- Но обещание есть обещание.

--- Ты хочешь умереть здесь?

Кай задумался. Действительно ли он жаждет смерти? Хорошо было бы навсегда избавиться от ночных кошмаров и гнетущего сознания вины, но он был слишком труслив, чтобы так легко сдаться смерти. Или цепляться за жизнь его заставляла сила и стремление оправдать свое выживание?

--- Нет, --- ответил Кай, как только понял ответ. --- Я не хочу здесь умереть.

--- Но единственный способ остаться в живых --- открыть послание Сарашины, --- напотнула Хирико.

--- Ты не права, --- возразил он, не понимая, откуда взялась эта уверенность. --- Я намерен выполнить то, что мне поручено.

Хирико тряхнула головой.

--- Сатурналий убьет тебя раньше.

Поток продолжал бұшевать, но чего еще можно ждaть после такого мощного взрыва психических сил, какой сопутствовал появлению на Терре Алого Короля? Магнус лично явился с другого конца Галактики. И Эвангер Григора не мог себе даже представить, какого напряжения сил стоило примарху это путешествие.

Как же он это сделал?

Да, конечно, Магнус примарх, но даже у этого богоподобного существа, в совершенстве овладевшего управлением психическими силами, есть свои пределы. Ни одна известная Григоре наука не обеспечивала перенос физического тела на столь огромное расстояние. Как же он это сделал? Легенды гласили, что когносцинты умели открывать врата между пространством и временем, но даже в самых нелепых сказаниях говорилось только о путешествиях с одной стороны планеты на другую. Странствие между мирами требовало мощнейшего разума, которого не знала Галактика...

Поток ревел и клокотал, как самый

мощный атмосферный шторм, выплескивая свою ярость в ночных кошмарах и коллективных видениях тысяч травмированных астронавтов. Психическая ударная волна, все еще сотрясавшая эфир, убила сотни псайкеров, и еще тысячам уже никогда не удастся в полной мере восстановить свои способности. Подобное явление стало бы бегством в любое время, но сейчас, в преддверии полномасштабной гражданской войны, оно граничило с катастрофой. Город Зрения практически ослеп, и Тригора не мог не отметить мрачной иронии этого обстоятельства. Однако лорд Дорн не нашел в нем ничего забавного.

Пережить кошмары целого города было само по себе делом нелегким, а криптестезианцам приходилось повторно переносить ужасы, от которых страдали их собратья. Шепчущие камни, уберегавшие от психической перегрузки, покраснели от нематериальной крови, разбухли от мрачных видений и страхов. С кристаллической решетки купола потоками света на Тригору сочились

самые невообразимые ужасы, и как бы ни укреплял он себя ритуалами изоляции и мантрами защиты, каждое новое видение, образующееся в тумане психических выбросов, вызывало у него рыдания.

Он видел, как разлучаются влюбленные, видел сны, полные колючих и ползающих чудищ. Боль разлуки и одиночества. Он видел детские страдания, воображаемые мучения и ужасы, не поддающиеся классификации. Все это и многое другое сочилось из шепчущих катней, как гной из раны. Город Зрения восстановит свои силы не раньше, чем изгонит все последствия шока, и только криптэстезианцы обладают достаточными навыками, чтобы это сделать.

Нето Зи-Менг лично обратился к Эвангеру с просьбой очистить город от наваждений, образовавшихся в зале мысли хора «Прит».

— Прогони эти кошмары, — просто сказал он.

Легко сказать.

Энергия, овладевшая Аник Сарашиной,

была настолько мощной, что не только уничтожила весь хор «Прим», но частично просочилась в коллективную психику Башни Шепотов. Ее бесконечно малые фрагменты отложились в сознании каждого, кто услышал пронзительную, сладкозвучную песню, и те же фрагменты были поглощены шепчущими камнями.

А оттуда они просочились в сутрачные владения криптэстезианцев.

Для того, чей разум не был настроен на тайную схему, поддерживающую Галактику, эти фрагменты могли показаться ничего не значащими потехами в виде случайных образов, абсурдных метафор и стазанных аллегорий.

Но Эвангер Тригора все понимал, и в каждом новом кошмарном видении, извлеченном из Потока, он замечал крохотные элементы Схемы, словно пророки и безумцы всей Галактики в едином вопле выплеснули все свои бредни и стремления. Схема разворачивалась здесь, прямо перед ним, а ключ к разгадке тайны, которую он изучал на протяжении всей

своей сознательной жизни, был скрыт в
мозгу Кая Зулана.

Сарашина говорила, что она передает
предостережение. Но кому оно
предназначено? И что это за
предостережение, если его не огласили с
самой высокой башни во весь голос, а
спрятали в сознании больного телената?

Истинная суть была где-то рядом,
скрывалась в ночных кошмарах
астронавтов, и Григора был твердо
намерен ее отыскать. Нейролокаторы
Легио Кустодес не добились успеха,
пытаясь вытащить секрет Сарашины из
головы Зулана, но этот секрет оставался
и в самой Башне Шепотов, в этом Григора
не сомневался.

Чтобы его отыскать, нужно только
время.

Глава 12

ВНУТРЕННИЙ ВРАГ БРАТСТВО ТЩЕСЛАВИЯ ОБЕЩАНИЕ ВЫПОЛНЕНО

Уттам Луна Хеш Угар наблюдал за смертными солдатами, катившими раздатчик питания по мосту на парящий в центре Кхангба Марву остров, и, несмотря на защищавшие от подземного холода доспехи, ощущал неприятный озноб. Со скрывавшегося во тьме потолка пещеры сыпалась теплая морось, капли влаги конденсировались на лезвии его алебарды, мгновенно испарялись силовым полем и шипели при этом, словно невидимые змеи.

Так недолго и разрядить оружие, а в окружении врагов несколько секунд, требуемых для подзарядки, могут стоить ему жизни. Рядом с ним стоял Сумант Тири Фалгун Тирта, и его алебарда тоже шипела в туманной сырости пещеры. Кустодий поднял голову, и по золотым пластинам шлема покатились капли воды,

похожие на слезы.

--- Дождь внутри горы, --- заговорил он. --- Никогда не видел ничего подобного.

--- В мире над нами похолодало, --- заметил Уттам. --- Что бы это значило?

--- Гора плачет, --- сказал Турта.

--- Что?

Турта пожал плечами, словно сомневаясь, стоит ли продолжать.

--- Выкладывай, --- приказал Уттам. --- Что тебя беспокоит?

--- Я читал историю Кхангба Марву, --- сказал Турта. --- Там говорится, что в день побега Заторы гора плакала.

--- Сегодня никто не сбежит, --- заверил его Уттам. --- Только не в нашу стену.

--- Как скажешь, --- согласился Турта.

Хотя его лицо скрывалось под шлемом, Уттам чувствовал в его позе томительное напряжение.

--- Пошли, --- сказал он. --- Не позволяй подземному конденсату отвлекать воинов Легио Кустодес от службы.

--- Конечно, --- ответил Турта, увидев, что солдаты подтянули раздатчик на

островов.

Неожиданно блуждающая волна от мощных генераторов, удерживающих на весу скалистый остров, вступила во взаимодействие с репульсорным полем, и массивный раздатчик качнулся. Солдат в сером плаще Уральских Владык Шморта, незначительно пострадавший от разряда, сердито выругался и выпустил свою ношу.

--- Проклятье, смотрите, что вы делаете, --- огрызнулся он.

--- Держи нормально свой конец, и ящик не будет раскачиваться, --- сказал его напарник, ветеран-сержант Цитанского Эскорта, элитного подразделения пилотов, базировавшегося в Байконурском кратере.

--- Я и так держу половину твоего веса, --- сказал солдат.

Уттам вспомнил, что его зовут Натараджа и что до сих пор он считался одним из самых надежных членов команды.

--- Тихо, --- приказал Уттам. --- Вам запрещено разговаривать во время дежурства.

--- Прошу прощения, кустодий, --- ответил Натараджа. --- Это больше не

повторится.

--- Мы все единое целое, --- добавил его напарник.

Но Уттам понимал, что возникающая между ними неприязнь не исчезнет и после выхода на поверхность.

--- Как только закончим дела здесь, вы подниметесь на поверхность и получите приказы об увольнении. Мне не нужны люди, которые не выполняют приказов, --- сказал он.

--- Кустодий... --- встревожился Натараджа.

--- Мой лорд, пожалуйста...

--- Затолчите оба, --- приказал Уттам. --- Я не потерплю разногласий. Вы не понимаете, чем занимаетесь здесь, не понимаете опасности преступников, к которым приставлены. Ваши старшие офицеры узнают о нарушении дисциплины.

Оба солдата уставились на него, и стимулирующие железы Уттама набухли, готовые впрыснуть медикаменты, поскольку его боевой инстинкт распознал проявление гнева и вероятность проявления агрессии. Уттам крепче

стиснул древко алебарды, но гнев, едва только возник, мгновенно исчез без следа, как будто кто-то перевел тумблер выключателя.

— Следуйте за мной, — приказал он, развернулся и повел отряд по проходу между камерами.

Боевые стимуляторы все же попали в его кровь, и Уттам пристально всматривался в промежутки между камерами, отыскивая неприятелей. Все враги, имеющиеся на острове, были надежно заперты, но перебранка между мертвыми солдатами вывела его из равновесия. Он не верил в приметы, но инцидент на мосту вкупе с торосащим дождем заставил его насторожиться и приготовиться к бою.

Не самое лучшее состояние, когда требуется внимание и негантичность.

— Кто у нас первый? — спросил Турта.

— Тагоре, — ответил Уттам и показал на камеру с правой стороны.

Уттам ненавидел Тагоре. Прежде чем его задержали, он убил триста

пятьдесят девять человек, и это делало его почти таким же опасным, как кустодий. Солдаты развернули раздатчик, а Уттам тем временем занял позицию у двери.

Заклученный метался по кабере, по кожей перекатывались напряженные мускулы, челюсти были сжаты, а зубы ощерены, словно у взбесившегося волка. Физическая мощь узника поражала воображение: настоящий гигант, одетый лишь в потрепанную набедренную повязку. Прежде у него имелся стандартный тюремный комбинезон, но великан разорвал его в клочья. Все его тело покрывала сеть шрамов, пересекающих генетически усиленные мышцы и укрепленные кости, а на коже красовался сплошной узор татуировок. Топоры и мечи соседствовали с черепами и распахнутыми челюстями, готовыми проглотить целые пиры.

Затылок воина был чудовищно изуродован вмонтированными металлическими пластинами, а во взгляде сверкало безумие, которого не

могли скрыть никакие остатки
самоконтроля.

--- Отойди от двери, предатель, ---
скомандовал Уттам.

Воин вздрогнул от слова «предатель»
и злобно оскалился, но повинился. Он
прислонился спиной к дальней стене,
однако напряженные мускулы выдавали
готовность к бунту. Тагоре был
Пожирателем Миров, и когда бы Уттам
его ни видел, он всегда был готов к атаке.
Такими же были все воины его легиона,
так что оставалось только удивляться,
как они могут сохранять самообладание.
Кое-кто называл Пожирателей Миров
недисциплинированными киллерами,
психопатами, склонными к бессмысленным
убийствам, но Уттам придерживался
иного мнения. В конце концов, разве это не
проявление дисциплины --- постоянно
поддерживать высокий уровень агрессии, но
держат ее под контролем?

Пожиратели Миров были более
опасными противниками, чем кто-либо
мог предположить.

Тагоре уставился на него со злобной

устешкой, но ничего не произнес.

--- Ты хочешь что-то сказать? --- резко спросил Уттам.

Тагоре кивнул.

--- Однажды я убью тебя, --- пообещал он. --- Пробью грудную клетку и вырву позвоночник.

--- Пустые угрозы, --- устехнулся Уттам. --- Я ожидал от тебя чего-то большего.

--- Ты еще больший глупец, чем я думал, если считаешь это пустыми угрозами, --- ответил Тагоре.

--- Но ты все-таки остаешься в заключении.

--- Тюрьма? --- Тагоре посмотрел, как раздатчик питания забросил в его камеру два пакета с пайками. --- Это ненадолго меня удержит.

Уттам невольно улыбнулся его хвастовству.

--- Ты и в самом деле в это веришь? Или это говорит скверна, вбитая в твою голову?

--- Я Пожиратель Миров, --- с гордостью зарычал Тагоре. --- Я не

занимаюсь абстракциями, я живу в абсолютно реальном мире. И я знаю, что однажды убью тебя.

Уттам, сознавая бессмысленность дальнейшей дискуссии, покачал головой и направился в глубь тюремного комплекса. Остальные заключенные бросали в его сторону взгляды, наполненные ледяной ненавистью, но сильнее всего, как обычно, Уттама рассердил Атхарва.

Колдун стоял в центре своей камеры, опустив руки вдоль туловища и слегка приподняв подбородок, словно чего-то ждал. Глаза у него были закрыты, и губы слегка шевелились, словно в беззвучной молитве. Как раз в этом месте дождь был сильнее всего, поскольку капли собирались и стекали с края пермакритового блока. Уттам прищурил глаза; тот холод, который удивил его при входе, стал намного сильнее. Боевой инстинкт, пробудившийся от небольшой дозы стимуляторов, предупреждал об опасности.

Глаза Атхарвы открылись, и Уттам, мгновенно повернув алебарду, ахнул: они

больше не были янтарным и голубым, теперь они мерцали светом белого зимнего солнца.

--- Всем назад, --- приказал он, отступая от двери камеры. --- Немедленная эвакуация.

--- Слишком поздно, --- произнес Амхарва.

--- Тирта! --- закричал Уттам. --- Нам грозит опасность!

Звонким ударом хлыста хлопнул заряд перегретого воздуха, и Уттам резко развернулся на месте. Натараджа из Уральских Владык Шторма еще держал у плеча плазменное ружье, и вокруг дула немедленно расходилось облачко газов.

Кустодий Сумант Гири фалгун Тирта с дымящейся дырой в животе опустился на колени.

--- Гора плачет, --- прошептал он, прежде чем упасть ничком.

В комнате для дознаний было холодно, как и всегда, но Кай ощутил напряженность в воздухе, которая не имела ничего общего с очередной

неудачной попыткой Хирико и Скарффа добратся до информации, заложенной в его голову Аник Сарашиной. Несмотря на свою слабость, Кай все еще был прикован к каталке, а напротив него сидела агент Хирико. Под глазами женщины залегли темные круги, которых не было еще при их последней встрече в реальном мире. Процесс дознания давался ей почти так же тяжело, как и ему самому.

— Неужели мы должны повторять все это снова и снова? — спросил Кай. — Я не в состоянии дать вам то, что вы требуете.

— Я тебе верю, Кай, правда верю, — сказала Хирико. — Но если Легио Кустодес не получит скрытых в твоей голове секретов, их удовлетворит только твоя смерть. Эта организация ничего не прощает. А раз уж ты не выдаешь информацию добровольно, я вынуждена вырвать ее у тебя, ничего другого мне не остается.

— Что это означает?

Хирико остановила на нем свой взгляд — одновременно грустный и сердитый.

--- Именно то, что я сказала, Кай.
Этого ты не переживешь.

--- Прошу тебя! --- взмолился Кай. --- Я не хочу умирать. Я не хочу умирать таким образом.

--- Это больше не имеет значения, --- сказала Хирико. --- За тебя уже все решили другие. И если это послужит тебе утешением, знай, что очень скоро ты потеряешь сознание и уже ничего не почувствуешь.

Кай не успел ответить, как распахнулась дверь каюты. Вошел агент Скарфф, по его виду можно было предположить, что он не спал несколько недель подряд. Он слегка улыбнулся Каю и поймал на себе озабоченный взгляд Хирико.

--- Ты опоздал, --- сказала она. --- А ведь ты никогда не опаздываешь.

--- Я плохо спал. Мне снился воин в темно-красной броне с отделкой цвета слоновой кости, --- сказал Скарфф, и что-то в его объяснении привлекло внимание Кая. --- Он меня звал.

--- Что он говорил? --- спросила Хирико.

--- Не знаю, я не слышал ни единого слова.

--- Остаточные явления после вторжения в затененные участки? --- предположила Хирико. --- Мне тоже надо подготовиться к неприятностям?

Скарфф покачал головой.

--- Нет, я думаю, это последствия психической травмы, вызванной появлением притарха Магнуса. В конце концов, темно-красный и слоновая кость --- это цвета Тысячи Сынов.

Хирико кивнула.

--- Звучит правдоподобно.

Скарфф занял место рядом с пленником и занялся изглати катетеров, торчащими из бледной кожи Кая. Зүлан не мог повернуть голову, чтобы посмотреть, чем он занимается, но его периферийное зрение оказалось таким же ясным, как биноклярное. Кай заметил, что взгляд Скарффа слегка расфокусирован, как у человека, резко пробужденного от глубокого сна. Руки агента не попадали в поле зрения, но слух Кая уловил негромкое шипение, что означало добавление в

капельницу какого-то нового компонента.

Он ожидал, что лишится сознания, и нежданно удивился, когда ощутил легкое покалывание в конечностях. Кай перевел взгляд на Хирико, но ее прекрасные зеленые глаза были прикованы к строчкам текста на инфопланишете. Тогда он снова взглянул на Скарффа. Он уже мог поворачивать голову, поскольку новое средство, введенное Скарффом, блокировало действие релаксантов и анестезии, лишивших возможности шевелиться.

Кай прикусил губу, сознавая, что к нему вновь возвращается контроль над собственным телом. Он мог двигать руками и ногами, но не только. Его тело наливалось жизненной силой, и все функции быстро восстанавливались. Кай хотел узнать у Скарффа, что он делает, но осторожность подсказала держать рот на замке. Изменения не могли долго оставаться без внимания Хирико. Приборы наблюдения уже зафиксировали возросшую активность мозга Кая и учащение сердцебиения.

Хурико посмотрела поверх

биодисплеев в виде двух линз, морщивших ее гладкую кожу на переносице. Одного взгляда хватило, чтобы отметить выход Кая из состояния полудремы.

--- Скарфф? Ты видел эти показатели? --- спросила она, откладывая инфопланишет и поднимаясь на ноги.

Ее напарник не отвечал, Хирико наконец повернулась к нему, и удивление на ее лице сменялось раздражением.

--- Скарфф? Что ты делаешь? Для этой процедуры Кай должен быть без сознания.

--- Нет, --- откликнулся Скарфф.

--- Нет? --- переспросила Хирико. --- Ты лишился разума? Перестань сейчас же.

--- Я не могу, агент Хирико, --- ответил Скарфф.

В его голосе без труда угадывалось бессильное желание выполнить приказ. Тем временем пальцы Скарффа продолжали порхать по клавиатуре черного ящичка, который за последнее время был источником кошмаров Кая. Хирико обогнула стул и взяла Скарффа за руку. Кай увидел, что и она поняла то, что

сам он осознал мгновение назад.

--- Agent Скарфф! --- резко
воскликнула Хирико. --- Немедленно оставь
заключенного. Я уверена, что твой разум
дискредитирован.

Скарфф потнул головой, вены на
висках вздулись, словно ему угрожал
немедленный сердечный приступ.

--- Если объект покидает комплекс, он
должен быть в сознании и мобилен.

--- Он не покидает комплекс, Скарфф, ---
настаивала Хирико.

Металлические оковы,
удерживающие Кая на кушетке, с тихим
шипением пневматики разошлись, и в тот
же момент и Кхангба Марву завыла
тревожная сирена.

--- Нет, он уйдет, --- произнес Скарфф
каким-то чужим голосом.

Голова Тирты еще не успела
коснуться пола, как Натараджа уже был
мертв. Алебарда кустодия выплюнула из
ног клинка болт, и тело солдата
превратилось в облако испаряющейся крови
и осколков костей. Двое стоявших рядом

солдат разлетелись в разные стороны, отброшенные ударной волной, а Уттам начал движение в тот же момент, когда пещера наполнилась ревом тревожных сирен. Намараджа дискредитировал себя, а значит, верность его товарищей тоже оказалась под вопросом. Поэтому все они должны быть ликвидированы.

Уттам увернулся от выстрела из хеллгана и ударил алебардой по нагруднику темно-красных госпехов. Золотистый визор его шлема забрызгала кровь из тела, рассеченного от бедра до самой ключицы. Сбоку прогремел выстрел винтовки, но пуля срикошетила от наплечника брони. Уттам, низко пригнувшись, описал алебардой широкую дугу, так что острое лезвие разрубил колени сразу четверых противников. Раскаленный шар плазмы на мгновение ослепил его, но заряд пролетел мимо шлема, и Уттам согнулся еще ниже, приняв оборонительную позицию, а алебарда в его руке завертелась так быстро, что превратилась в мерцающее пятно блистающего серебра и адамантия.

Пули отлетали от лезвия, ни одна не преодолела барьер. Зрение через секунду восстановилось, и Уттам остановил вращение и прижал древко к корпусу. Прыгнув вперед, он перекатился через голову, вскочил на ноги, и следующий выстрел насквозь пробил воина в зеркально-черной броне. На стене ближайшей камеры расплзлось кровавое пятно его распыленных останков.

Боевой регистратор определил цели: Уральский Владыка Шторма с хеллганом. Угроза минимальная.

Двое Витрувианских Комиссаров, один с ионным генератором, второй с гранатометом. Угроза средняя.

Трое Багровых Драгун — паутинник, плазменный карабин и масс-крusher. Угроза непосредственная.

Они двигались и атаковали и в качестве бойцов проявили себя намного лучше, чем в качестве тюремщиков, но с воином Легио Кустодес не могли справиться даже шестеро отличных тренированных и вооруженных смертных. Уттам в развороте взмахнул алебардой и

убил Драгуна, вооруженного масс-
крusherом. Клинок легко снес человеку
голову и даже прижег рану раскалившимся
металлом. Раздался еще один хлопок
плазменного карабина. Утмат
горизонтальным ударом отбил заряд, так
что раскаленный шар отлетел в груды
Комиссара с гранатометом. Солдат
вскрикнул и упал, а затем пронзительно
завыл, когда воспламенился воздух в его
легких.

Сбоку в шлем ударил луч хеллгана.
Кустодий развернулся лицом к стрелку, но
двое оставшихся в живых Драгун
заслонили цель. Они выстрелили
одновременно, однако Утмат уже был
между ними. Лезвие алебарды сначала
отсекло руку одному, а возвратное
движение рукояти раздробило Драгуна все
ребра.

Затем на кустодия обрушился
теплый ливень густой слизистой
жидкости, и Утмат ощутил, как
паутинный гель начинает быстро
застывать на его доспехах. Любой, кто не
обладал сверхъестественно быстрыми

рефлексами генетически
модифицированного организма, был бы
опутан паутиной сетью в одно мгновение,
но Уттам успел сбросить большую ее
часть, пока гель не застыл окончательно.
Рука, держащая алебарду, покрылась
липкими жгутами геля, но левая осталась
свободной и все такой же опасной для
врагов.

Стремительный прямой толчок
кулака стял лицо стрелка, а последующий
удар локтем сломал шею солдата с
плазмаганом, несмотря на то что он
пытался защититься, выставив перед
собой разряженное оружие. После этого
остался только Уральский Владыка
Шторма в серой накидке, и Уттам,
страхивая с руки остатки паутины,
устрелился в погоню.

— Теперь твоя очередь умереть, —
произнес Уттам, огибая угол камеры.

Ужасное потрясение приковало его к
полу; Уральский Владыка Шторма стоял
у открытой двери камеры, все еще
прижатая к панели затка окровавленный
перстень-ключ Сутанта Гири Фалгун

Сироты. Огромная фигура, состоящая из ширатов и ярости, стояла у выхода, и под натуживанной кожей перекатывались бугры мускулов.

--- Я тебя убью! --- взревел Тагоре, Пожиратель Миров. --- Я пробью тебе грудную клетку и вырву позвоночник!

Амхарва, скрестив ноги, сидел на полу и с удовлетворенной улыбкой наблюдал за танцем своих марионеток. Движение мысли заставило солдата броситься к его камере, оставив позади схватившихся Тагоре и Уттама. Надо было сторониться. Нельзя позволить Пожирателю Мира убить кустодия, иначе побег закончится, даже не начавшись.

Другой его раб в это время поднимал Кая Зулана, хотя поддерживать контроль над Скарффом было немного труднее. Этот человек владел некоторыми способностями сопротивления ментальному вторжению --- примитивные навыки по сравнению с агентом Тысячи Сынов, --- но у него имелся еще и врожденный талант, и потому управление было не вполне

надежным. Попытки Скарффа разрушить контроль Амхарвы были удивительно наивными, однако он получал поддержку своей напарницы, а это была хитрая бестия.

По лицу Амхарвы, словно слезы, струились капли пота. Поддерживать контроль над мертвыми было бы несложно, но, чтобы сделать это сквозь толщу психически укрепленного пермакрита, не видя своих пленников, требовалось немало усилий.

У двери его камеры появился еще один человек — солдат в сером плаще, украшенном молниями и изображением пикирующего крылатого хищника. Он был очень бледен, из глаз текли слезы, а руки дрожали от усилий избавиться от воли Амхарвы.

— Не пытайся нам сопротивляться, Теджас, — сказал Амхарва. — У тебя нет для этого сил.

Теджас Дожня уже шесть лет служил в отряде Уральских Владык Шторма и трижды был обойден в повышении. Старшие офицеры называли его слишком

безрассудным — в случае воина, которому приходилось прыгать с борта воздушного судна всего лишь с неуклюжим гравишютом, это говорило о многом.

Его назначение в помощь Легис Кустодес имело целью укрепить дисциплину в суровой среде преторианцев Императора, но возмущение солдат, отстраненного от боевых действий, оказалось настолько сильным, что его разум словно сам напрашивался стать объектом чужой воли.

Теджас с бессильным стоном приложил перстень кустодия к контрольной панели, и дверь послушно скользнула в стену. Электронный ключ, сорванный с руки убитого и сохранивший при этом свои свойства, свидетельствовал о выскомерии Кустодиев, не допускавших мысли, что один из их драгоценных перстней может попасть в руки врагов.

Амхарва быстро и плавно поднялся с пола, словно атакующая змея. Сразу за порогом камеры его охватило радостное ощущение клубящихся вокруг течений Великого Океана. Охватывающий его шею

обруч с пси-глушителем треснул и развалился надвое, как будто разорванный невидимыми руками. Обломки с лязгом упали на пол, и Атхарва застонал, когда потоки Великого Океана стали наполнять его тело.

— Теджас, дай, пожалуйста, ключ, — произнес Атхарва, протянув руку.

Перебуганный солдат положил перстень на развернутую ладонь Атхарвы, и тот поднес кольцо к губам, словно намереваясь его поцеловать. Его язык ловко слизнул кровь с перстня, и насыщенный вкус генетически усиленного существа наполнил гортань Атхарвы ароматами амброзии.

— Да, Теджас, это настоящее чудо, — сказал Атхарва. — Какие секреты можно открыть, если заняться их изучением? Какие удивительные вещи мог бы создать Хатхор Маат, обладай он подобной палитрой гения?

Теджас ничего не ответил, и Атхарва протянул ему очищенное кольцо. Затем, положив огромную руку на плечо солдата, запечатлел в его сознании образы

пяти воинов. Пяти. Тех пяти из двенадцати, которые могут оказаться полезными.

--- Теджас, я хочу, чтобы ты освободил этих узников. Только этих, --- приказал Амхарва.

Человек кивнул. Его разум раскалывался на части от необходимости подчиняться Амхарве и осознания своих собственных поступков. Всеми фибрами души он стремился освободиться от чужого контроля, но оставался всего лишь слабым листком, несомым могучим ураганом. Амхарва проводил его взглядом до следующей катеры, а сам направил свои мысли к среднему уровню Исчислений, что больше соответствовало его усилиям в биоманипуляциях. Органы на задней стенке его гортани все еще оставались напряженными от тщетной попытки определить состав крови кустодия, но даже то, что они были в состоянии усвоить, могло принести много пользы.

Искусство Павонидов, усвоенное Амхарвой, безусловно, не могло сравниться с талантом Хатхор Маата, но, общаясь с

тищеславным братством, он приобрел достаточно богатый опыт, чтобы изыскать возможность покинуть место заточения.

Если только Тагоре не убьет Уттама Лүна Хеи Угара слишком быстро.

В ход пошли кулаки, локти, колени и ступни. Оглушительные удары с головокружительной быстротой следовали за сокрушительными пинками и мощными толчками. Два воина, представлявшие собой апофеоз воинского совершенства, с яростью атаковали друг друга, и каждому помогали нейрокортикальные имплантаты и особые генетические свойства.

Тагоре оскалил зубы и яростно сверкал глазами. Он дрался без оглядки, не думая о собственных ранах и смерти. Уттам Лүна Хеи Угар наносил точные, выверенные удары и двигался с ловкостью ветерана, прошедшего высокую школу Легио Кустодес.

Два великодушных воина, два солдата.

несущие смерть каждый в своей манере.

Утмата защищала броня, Тагоре был почти обнажен и истекал кровью.

Алебарда кустодия валялась между ними, сломанная, словно спичка, могучей рукой Тагоре. В сыром воздухе пещеры ее лезвие шипело и разбрасывало искры. Тагоре зашел сзади и ударил Утмата по колену. Кустодий со злобным рычанием пригнулся и перехватил летящее в лицо колено. Резкий рывок Утмата лишил Тагоре равновесия, и он упал, а удар ногой едва не разбил череп Пожирателя Миров.

Тагоре перекатился по полу и, приподнявшись, лягнул Утмата в бедро. Пластины ножей треснули, а поврежденный нервный узел заставил кустодия опуститься на одно колено. Удар справа сбил с него шлем, а последующий апперкот опрокинул навзничь. Тагоре рывком поднялся на ноги и бросился к упавшему кустодию. Его прыжок был остановлен мощным ударом кулака, от которого Тагоре рухнул, словно подбитый штурмовик. Но он успел откатиться в сторону от неизбежного продолжения

контратаки в виде удара локтем в голову, а затем и вскочить, чтобы парировать новую атаку кустодия.

Они уже дрались, как дерутся уличные хулиганы. Удары по почкам, подножки и захваты — любые приемы, лишь бы свалить противника с ног. Металлические пластины, закрепленные на черепе Тагоре, покраснели и плевались крупными искрами, в кровь хлынул поток боевых стимуляторов, а в мозг поступали электрические импульсы, распалаящие ярость. Его гнев впервые с момента заключения приближался к критическому уровню, и разрядить его можно было только в бою.

Первым преимущества добился Уттам. Каждый удар Тагоре встречала броня, вручную изготовленная ремесленниками в оружейных кузницах под Анатолийскими горами, тогда как Уттам бил по незащищенной плоти. От постоянных ударов костяной щит в груди Тагоре треснул, и он невольно застонал, когда следующий сокрушительный апперкот пробил его до внутренних

органов. Короткий миг слабости, но, тем не менее подаривший шанс.

Уттам с разворота врезал локтем по челюсти Тагоре. Из рта Пожирателя Миров брызнула кровь и полетели осколки зубов. Но Тагоре, выплюнув зубы, встретил кулак Уттама открытой ладонью. Следующий выпад он перехватил на полную, а затем ударил лбом по лицу Уттама. У кустодия сломался нос и треснули обе скулы. Кровь залила ему глаза, но уже через мгновение он тряхнул головой, чтобы прояснить зрение. Только этого мгновения Тагоре и не хватало.

Окровавленный кулак, движимый ненавистью и яростью, врезался в грудь Уттама.

Кератин рассыпался, агамантий лопнул, кости сломались.

Тагоре взревел в первобытном восторге и вогнал кулак глубже. Мощные пальцы раздвигали плоть, пока не сошлись на крепкой, как железо, кости.

Глаза кустодия расширились от боли, но его тело еще боролось за жизнь даже тогда, когда Тагоре вырывал из него

позвоночник. Тагоре плюнул в противника кровью, и его лицо превратилось в искаленную маску.

— Все еще считаешь это пустыми угрозами, кустодий? — зарычал он.

Уттам силился ответить, но из раздробленной груди вырвалось лишь жуткое бульканье. Кость треснула. Кустодий был силен и вынослив, но не так силен и вынослив, как костогесантник.

За спиной Пожирателя Мировозникла высокая фигура, и вместе с ней пришел запах холодного металла и льда.

— Проклятье, Тагоре, он нужен мне живым, — раздался голос, который мог принадлежать только Атхарве из Тысячи Сынов. — Он еще может выжить, Тагоре. Не убивай его.

— Только Ангрон и его капитаны могут указывать мне, что делать, — прошипел Тагоре. — Я не стану слушать какого-то ублюдка из стаи Магнуса.

С отвратительным хрустом, который, казалось, никогда не кончится, Тагоре вытащил окровавленную по локоть руку из груди Уттама. В кулаке его были

зажаты выломанные костяные узлы, с них сочилась густая кровь и спинная жидкость. В последние минуты отпущенной ему жизни Уттам осознал, что смотрит на фрагмент своего позвоночника.

--- Я пробил твою грудь и вырвал хребет! --- завопил Тагоре и швырнул кость на пол. --- Я убил тебя, убил, убил, как и обещал!

Күстодий завалился на бок, хотя его организм еще пытался сопротивляться неминүемой смерти. Но даже невероятная выносливость его организма уже не могла преодолеть последствия столь ужасного ранения. Уттам Лүна Хеш Удар закончил жизнь в луже собственной крови, у ног воина, для которого каждый побежденный враг был знаком отличия.

--- Раги Ока, Тагоре! --- воскликнул Атхарва, опускаясь на одно колено рядом с изувеченным күстодиет. --- Ты понимаешь, что натворил?

--- Убил сильного врага, достойного памяти, --- ответил Пожиратель Миров.

Атхарва отмахнулся от его слов.

--- Бесполезно, --- сказал он, оглядывая

потолок и стены пещеры, где появилась сотня блистерных огневых установок, готовых мгновенно уничтожить все живое на парящем в воздухе острове. Обоим воинам было понятно, что такого обстрела им не пережить.

--- Лучше Багряная Трона, чем железные оковы! --- взревел Тагоре и раскинул руки, намереваясь встретить смерть лицом к лицу.

Этот кодекс чести, гарантирующий бесстысленное самоуничтожение, породил устешку на лице Амхарвы. Агент знал, что пережить следующие несколько секунд поможет лишь одно средство.

--- Прошу прощения за нагругательство, Уттам Лүна Хеш Угар, но мне она сейчас нужнее, чем тебе, --- сказал Амхарва, отрывая голову мертвого кустодия от туловища.

Глава 13

ВОИНСТВО

КРЕСТОНОСЦЕВ

СВОБОДА

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ЖИТЬ

Свободный агент Тысячи Сынов, имея в своем распоряжении могущество Великого Океана, был способен на многое, но создать кайн-щит против такого множества орудий было бы трудновато даже для фозуса Т'Кара. Атхарва мог создать такой щит для себя, но остальное Воинство Крестоносцев тогда неминуемо погибнет, а ему — в настоящее время — эти воины необходимы живыми.

Избавившись от ограничительных барьеров камеры, сила Атхарвы вновь наполнила его тело. Ему хотелось насладиться этим моментом, постаковать полное возвращение всех способностей и ясности мысли, подчиняющейся его любым приказам, но

пока время было не на его стороне, и Оно требовало от него быстрых действий.

Кровь кустодия Уттама капала из разорванной шеи, стекала по лагони. Израны торчал раздробленный позвонок, и серое вещество уже через несколько мгновений превратится в бесполезную массу.

Драгоценных мгновений.

Орудия в пещере открыли огонь, вой тревожных сирен потонул в грохоте залпов. На парящий в воздухе остров обрушился шквал лазерных и разрывных снарядов. Атхарва бросился в катеру, еще недавно служившую клеткой Тагоре, но Пожиратель Миров, то ли из гордости, то ли просто по глупости, не пожелал туда вернуться и распростерся на полу у внешней стены.

— Ты можешь это прекратить? — заорал Тагоре, и его голос был едва слышен в оглушительной канонаде.

Воздух наполнился едким дымом и пылью раздробленного пермакрита. Снаряды били в стены катер и разносили их на части.

— А это мы сейчас посмотрим! — крикнул в ответ Атхарва и направил свою мысль в голову кустодия, подпитывая энергией варна миллиарды гибнущих кровяных сосудов, чтобы сохранить жизнь мозга.

С омертвевших губ сорвался беззвучный вопль. В сугорожно возбужденных синансах Атхарва уловил всплеск нейронной активности и тогда приоткрыл свое сознание для утирающего мозга. Он вернул его к жизни и импульсом материальной энергии, и мощью Великого Океана реанимировала клетки, уже находившиеся на грани распада. Атхарва ощутил ужас, испытываемый Утматом, и на мгновение задумался, что могло так сильно встревожить мертвого кустодия.

Чем быстрее возвращался к жизни мозг Утмата, тем сильнее становился его безумный ужас, но Атхарва пока предпочел от него отгородиться. Он настроил свое сознание на ритмы Павонидов в шестом уровне Исчислений и, воспользовавшись приобретенной информацией о Легио

Кустодес, представил собственной крови
менять биометрическую структуру в
соответствии с данными об организме его
бывшего тюремщика. Хотя тело Амхарвы
внешне не изменилось, внутри его плоть на
клеточном уровне приобрела облик
Уттама Луна Хеи Угара. Грубая копия,
произведенная в спешке, не способная
надолго ввести в заблуждение ни один
генетический анализатор. Но возможно,
будет достаточно и кратковременного
превращения.

Теперь Амхарве предстояло узнать
много из того, что хранилось в памяти
кустодия: план Кхангба Марву, секретные
коды, расстановку сил и, что наиболее
важно, расположение входов и выходов. Но
первым по срочности извлечения из мозга
убитого воина для Амхарвы был сигнал
отключения оружейных установок в
пещере.

Он набрал в грудь воздуха и,
прикрывшись самым примитивным кайн-
щитом, вышел из катеры. На него
обрушился ураган снарядов, способный
уничтожить целую роту Умперской

Армии, но щит держался. Казалось, что на Амхарву нацелены все установленные в стенах пещеры орудия, так что времени на раздумья у него не было.

--- Прекратить стрельбу и отключить энергоустановки орудий! --- крикнул он. Голос его был такой прекрасной имитацией голоса Утмата Луна Хеш Угара, что ни один вокс-анализатор не усомнился бы в личности говорившего. --- Код подтверждения омега-микрон-девять-три-прим.

Канонада мгновенно стихла, и все орудия спрятались в своих бронированных гнездах. Ветер, поднятый струями раскаленных газов и движением сотен снарядов, разогнал дым и пермакритовую пыль. Завывание сирен после оглушительной стрельбы казалось тихим.

Амхарва сбросил кайн-щит и с облегчением вздохнул, увидев, как из клубов пыли поднимаются темные силуэты. Их было пятеро, и по сравнению со смертными они, благодаря невообразимым достижениям науки, были настоящими гигантами, однако двигались

с ловкостью, явно унаследованной от homo
sapiens. Первыми показались близнецы
Шубха и Ашубха,^[31] палач и убийца. Оба
они были Пожирателями Миров, хотя не
обладали устрашающей аугментикой
своего собрата сержанта Тагоре, но все
своим видом выражали крайнюю степень
агрессивности.

Следом вышел Джития, воин легиона
Мортариона, чья массивная и крепкая
фигура обеспечила ему в Воинстве
Крестоносцев прозвище Голиаф, по имени
гиганта из древнего мифа. Рядом с ним
шагал Аргент Кирон, высокий и
широкоплечий мечник. Этим двоих бойцов
объединяла странная дружба, хотя никто
и предположить не мог, что общего
нашлось у Астартес из Демей
Императора и Гвардии Смерти.
Последним показался Севериан, прозванный
своими товарищами Волком за
склонность к скрытности и уединению.
Атхарва с ним был едва знаком, но в
Воинстве Крестоносцев Севериан являлся
единственным Астартес из легиона

Хоруса Луперкала.

«Воинство Крестоносцев... Теперь это название звучит как насмешка...»

Трое Пожирателей Миров приветствовали друг друга вскинутыми вверх кулаками и первобытной демонстрацией силы, но Атхарва заметил в этом ритуальном танце проявление четкой субординации. Вожака можно было легко отличить от подчиненных по разному наклону головы и степени открытости шеи. Атхарва постарался сдержать усмешку, Тагоре вряд ли понравился бы столь откровенный анализ их взаимоотношений.

Тагоре поднял алебарду первого из убитых Кустогиев и удовлетворенно заворчал, опробовав остроту клинка. Он отломил большую часть древка, превратив алебарду в некое подобие топорика с глинным лезвием, а Шубха подобрал обломок алебарды, разломанной Тагоре в схватке с Утталом.

--- Как ты оказался на свободе? --- спросил Кирон, поднимая упавший плазменный карабин. Оружие в его руках

казалось нелепо маленьким, но щелчок предохранителя свидетельствовал о его пригодности к бою. — Это твоих рук дело, Амхарва?

Джития и Ашубха не соизволили снизойти до оружия мертвых, но Севериан выдернул клинок из спинных ножен мертвого солдата в темно-красных доспехах. В руках погибшего это был огромный двуручный меч, а для Лунного Волка не больше чем гладиус.

— Да, это я устроил, — ответил Амхарва, уже спешивший к мосту, по которому можно было покинуть остров. — Но с объяснениями придется подождать, пока ты не выберется из горы.

Тагоре, беспокойно оглядываясь на затолчавшие оружие, побежал рядом с ним.

— Как ты это сделал? — спросил он, хотя его речь еще была неразборчива из-за действия боевых стимуляторов.

Амхарва тряхнул головой.

— Долго объяснять.

Пожиратель Миров мощной рукой сжал его плечо.

— Амхарва, я не глупец. Расскажи.

Атхарва на мгновение задумался, как можно было объяснить Пожирателю Миров тонкости биопсихического строительства. Это было бы так же трудно, как объяснять себе несовершенство трудов Пандора Зенга по сравнению с достижениями Азека Аримана.

Он поднял оторванную голову кустодия.

--- Мне удалось добыть коды деактивации из мозга кустодия, пока он не прекратил функционировать.

Тагоре взглянул на убитого ил воина с транным удовлетворением.

--- Ты говорил точно как он, --- заметил Пожиратель Миров.

«Значит, он не такой уж и варвар...»

--- Я талантливый имитатор, --- произнес Атхарва после того, как усилием воли изменил плотность и глину голосовых связок, подстраиваясь под кустодия Уттата.

Мост прозвенел под тяжелыми шагами костодесантников, и вскоре они оказались на краю выступа над бездонной

пропастью. За мостом воины
остановились, сознавая важность
момента. Они вырвались из камер, но,
чтобы добыть окончательную свободу, им
предстоит много сражаться.

Атхарва почувствовал на себе взгляд
Кирона.

--- Эта голова еще живая? --- не
скрывая отвращения, спросил Астартес из
Детей Императора.

В его бытность почетным
представителем воюющего легиона
искусственный цвет волос придавал воину
вид альбиноса, но в заключении волосы
отросли и черные корни отчетливо
просматривались на висках.

--- В некотором роде, --- ответил
Атхарва. --- Я могу воспользоваться
головой, чтобы пройти мимо орудий, но
нам надо торопиться, пока синансы не
разрушатся до такой степени, что я
больше не смогу поддерживать их
функции.

--- Это бесчестье для нашего врага, ---
заявил Шубха.

Атхарва метнул на Тагоре

раздраженный взгляд, и сержант Пожирателей Миров, хотя и разделял мнение Шубхи относительно насилия над телами убитых противников, с понимающим видом кивнул. Он стукнул себя по груди кулаком, демонстрируя старинный жест приветствия и уважения времен Объединительных войн, более подходящий этим изгоям, чем императорская аквила.

— Шубха, мы Пожиратели Миров, — заговорил Тагоре. — На твоих глазах распались наши оковы. Помнишь, мы поклялись, что больше не будем рабами людей?

— Полню, — ответил Шубха, при этом он злобно оскалился и сжал кулаки.

— Мы все это помним, — добавил его близнец. — Лучше Багряная Трона, чем железные оковы.

— Хорошие слова, — продолжил Тагоре, показывая на каменную арку. — Слова со значением. Слова, по которым надо жить.

— Слова Ангрона, — сказал Шубха, словно это все объясняло, и Атхарва не

пропустил их взаимных взволнованных
взглядов.

--- За этой аркой нас ждет свобода, но
за нее еще придется заплатить кровью. ---
Тагоре поднял обломок алебарды. --- Мы
покажем нашим врагам, что значит
заковать в цепи Пожирателей Миров.

--- Мы напрасно теряем время, ---
вмешался Севериан. --- Надо выбираться
отсюда. И поскорее.

--- Первые разумные слова, которые я
сегодня слышу, --- проворчал Джития. ---
Может, мы и погибнем, пытаюсь
вырваться из тюрьмы, но, по крайней мере,
схватится с врагами лицом к лицу.

--- Погибнем? --- воскликнул Кирон. ---
Какая сила в состоянии одолеть Голиафа?
Друг мой, ты слишком велик и упрям,
чтобы умереть.

--- Мы все можем погибнуть, Кирон, ---
сказал Джития. --- Даже я.

При первых галекных звуках сирены
Кай вскочил с каталки. Не надо иметь
никаких особых талантов, чтобы понять,
что происходит нечто ужасное, нечто

такое, чего никогда не случилось в
театре Кустодиев. Необъяснимое
поведение Скарффа и вой сирен могли
означать только одно. Кто-то затеял
побег из горы, и Кай, хоть и не знал
почему, был уверен, что побег касается и
него.

Он стал выдергивать из своего тела
изгибы капельниц и вскрикнул, в спешке
сильно оцарапав кожу. По руке побежала
кровь, а брошенные пластиковые трубки
продолжали качать разноцветные
жидкости, теперь прямо на выложенный
плитками пол. Почуввав резкий химический
запах, Кай согнулся при мысли, что вся
эта дрянь предназначалась для него.

Он попытался от агента Хирико,
так чтобы между ними оказалась
каталка. Кончики рук и ног у него все еще
пощипывало, и в голове сохранялась
ясность, за что, несомненно, надо
благодарить стимуляторы, введенные
Скарффом. Из-за психических нагрузок,
которые его подвергала Хирико, тело Кая
страшно ослабело, и он не имел
представления, как долго сохранится его

нынешнее бодрое состояние.

--- Вернись на стол, --- приказала Хирико, но Кай только растеялся.

--- Ты серьезно? Ты хочешь, чтобы я добровольно лег и подвергся процедуре, которая меня убьет?

--- На карту поставлена не только твоя жизнь, --- сказала Хирико, сверля его взглядом своих зеленых глаз. --- Но жизни более важные, чем твоя.

--- Ну за что, --- отказался Кай.

--- Жизнь Императора, --- добавила Хирико.

Эти слова заставили его задуматься, поскольку Кай все еще был верным слугой Императора.

--- Ты не можешь требовать от меня такой жертвы, --- утворяющим тоном произнес он.

--- Почему? --- спросила Хирико, огибая кушетку. --- Ты ведь уже отказался от своих глаз. Послушай, Кай, все приносят жертвы Императору: солдаты Имперской Армии, воины легионов Астартес, астронавты, утирающие в Пустой горе. Почему ты отказываешься? Все жертвы

имеют значение, и ты в состоянии способствовать важному делу, куда более важному, чем ты можешь себе представить. Ты будешь героем.

Кай тряхнул головой и тотчас ощутил подступающую тошноту.

— Я не герой, — сказал он. — Я не могу сделать то, что меня убивает. У меня не хватает смелости.

— Нет, ты сможешь, — настаивала Хирико. — Ты думаешь, героям не бывает страшно? Еще как бывает. Именно потому они и считаются героями. Они испытывают страх, но преодолевают его. И продолжают делать свое дело, хотя и сознают, что на этом их жизнь закончится.

Покалывание в конечностях Кая начало слабеть, сменяясь постепенным онемением. Он оглянулся на Скарффа, но тот стоял неподвижно, уставившись глазами куда-то вдаль, словно манекен. С его стороны бесполезно ждать дальнейшей помощи.

Хирико взяла с серебряного подноса на кушетке шприц для подкожных инъекций и

воткнула иглу в бутылочку с прозрачной жидкостью. Набрав требуемую дозу, она постучала по нему пальцем, чтобы удалить воздушные пузырьки.

--- Ну, ладно, Кай, --- сказала она, когда на игле повисла капелька влаги. --- Если ты сам не решаешься стать героем, я тебе помогу.

Яркие осветительные трубки разгоняли тени в вырубленном в скале проходе. Отряд возглавил Атхарва, Шубха и Ашубха прикрывали с флангов своего сержанта, следом бежали Кирон и Джития, а Севериан занял место в арьергарде. Навстречу им, негромко загудев сервоузлами, развернулись два управляемых сервиторами орудия, лязгнули снаряды, автоматически поступающие в многоствольные пушки.

Красные прицельные линзы установились на Атхарву глазами демонов.

--- Атхарва, --- окликнул Тагоре.

--- Я вижу их, --- ответил агент.

Атхарва поднял перед собой голову кустодия, предоставляя прицельным

когитаторам сканировать ее контуры и электрический заряд, а затем подпитал энергией клетки мозга, как медик вводит лекарство пациенту, не рассчитывая, что тот сможет выжить после полученных повреждений.

— Уттам Луна Хеш Угар, — произнес Амхарва, снова прибегая к искусству павонигов, чтобы воспроизвести голос погибшего кустодия.

— Не помогает, — прошептал Кирон, прижимаясь к стене.

— Поможет, — сквозь стиснутые зубы бросил Амхарва.

В автоматических системах орудий кустодии применяли самые передовые анализаторы, и он мог лишь надеяться, что они не сумеют отличить теплое живое тело от облика, поддерживаемого силой мысли. Амхарва заметил, что сканирование повторилось, и только тогда он «вспомнил», хоть и не своей памятью, о том, что зеленокожие уничтожили часть лица Уттама, что привело к его увальнению из действующих частей и трудностям при опознавании.

— Уттам Лүна Хеш Угар, — уверенно повторил он.

На этот раз оружейные автоматы поняли, что перед ними стоит их начальник. Стволы медленно опустились, и красные огоньки сервиторов стенились зелеными.

— Взять их, — приказал Атхарва.

Трое Пожирателей Миров рванулись вперед, словно спущенные с цепи охотничьи псы.

Ашубха потчался к левому оружию и ворвался на трап, ведущий к пульту управления. Его рука с растопыренными пальцами устремилась вперед, и в следующее мгновение голова сервитора была снесена так чисто, как будто Пожиратель Миров воспользовался силовым клинком.

Его брат-близнец вместе с Тагоре занялся правым оружием. Клинки обрушились на сервитора яростным вихрем, и от кибернетического существа уже через секунду не осталось ничего, что хотя бы отдаленно напоминало человеческое тело. Только темные куски

плоти с влажным стуком посыпались на пол. Но в этой кровавой атаке не было никакого неистовства, только точные, строго контролируемые удары, ни единого лишнего движения.

— Можно двигаться дальше, — сказал Тагоре, спрыгивая на пол.

Амхарва, невольно восхитившись тщательной и молниеносной атакой Пожирателей Миров, повел отряд тиморудий. Позади него шагали Кирон, Джития и Севериан, и он чувствовал, что скорость и ловкость братьев произвели впечатление и на них тоже.

В конце коридора путь им преградила массивная металлическая дверь, окрашенная в черный цвет и отмеченная золотистыми цифрами цифрового кода, по которому Амхарва точно определил, в какой части тюремного комплекса они находятся. Джития прислонился к двери и прикрыл глаза. Неужели он надеется открыть ее сам?

— Не меньше двух метров толщиной, — произнес он, расслабляя вздвигшиеся

плеч и рук. -- Если бы у меня было время и подходящий рычаг, я смог бы ее открыть.

-- Но у тебя нет ни того ни другого, -- заметил Кирон, нацеливая на дверь плазменный карабин.

-- А этим ты даже краску не поцарапаешь, -- с презрительной усмешкой ответил Джития.

-- Чтобы ее взломать, не хватит даже наших объединенных усилий, -- сказал Ашубха. -- Атхарва, в этой голове еще осталась жизнь? Она поможет нам открыть дверь?

-- Хорошо бы, -- добавил Шубха. -- Иначе наше бегство уж слишком быстро закончится.

Атхарва не стал и отвечать, а просто поднял голову кустодия к темному окошку опознающего устройства, установленного над дверью. Держащие ее пальцы уже слились от крови, и он чувствовал, как синапсы мозга все сильнее увлекают сознание кустодия во тьму забвения.

-- Я должен попросить тебя еще об

одной услуге, кустодий Уттам, -- произнес

Амхарва и поднес голову ближе к сканеру.

Он начал вливать энергию Великого
Океана в утирающий орган внутри головы,
и дыхание стало коротким и
прерывистым. Эта энергия не знает
преград, но что умерло, то умерло, и из
черной бездны нет возврата. Амхарве
оставалось только надеяться, что Уттам
Луна Хеш Угар не слишком глубоко туда
погрузился. На это преображение он бросил
все имеющиеся силы, заставляя свои гены
приобретать другую конфигурацию, а
мускулы изменять плотность, чтобы
соответствовать массе кустодия.

Анализатор защелкал, машинный
тоизг за темным экраном начал оценку
стоящего перед ним живого существа.

-- Не срабатывает, -- услышал он
голос Кирона. -- Зачем надо было скрывать
нас оттуда, если твоего плана хватило
только до первой двери? Я-то думал, в
легионе Тысячи Сынов огни утники.

-- Помолчи, -- зашипел на него
Северуан.

-- Я высказываю свои мысли, когда

захочется, Волк, -- ответил Кирон, окидывая Севериана злобным взглядом.

-- Хватим! -- прикрикнул Ашубха. -- Дайте ему возможность закончить, прежде чем говорить о неудаче.

Шипение гидравлики открывающихся запоров не гало возможности Кирону поспорить с Ашубхой. Дверь медленно отворилась на стазанных петлях, а Атхарва бессильно прислонился к стене. Великий Океан -- мощный инструмент для достижения невозможного, но он также и требовательный повелитель. Как только открылся проход, Севериан бросился вперед.

Тагоре, наклонившись, заглянул в глаза Атхарвы.

-- Ты стожешь идти дальше? -- спросил он.

Атхарва кивнул, сделал глубокий вдох и поднялся.

-- Стогү.

-- Отлично, -- сказал Тагоре. -- Не хочется утирать здесь, когда чистое небо так близко.

-- А ты бы остался утирать со

льной? — спросил Атхарва.

Тагоре был убийцей, но убийцей преданным, как боевой пес, который будет сражаться рядом с хозяином до самой смерти.

Пожиратель Миров холодно посмотрел на него, словно вопрос не заслуживал внимания.

— Атхарва, ты мне не нравишься, и между нами есть кое-какие счеты, но ты мой брат Астартес. Мы сражаемся и умираем вместе.

Атхарва сомневался, что остальные члены отряда так же верны принципам братства, но не стал высказывать эту мысль вслух.

— Кроме того, — добавил Тагоре, показывая на голову в руке Атхарвы, — только ты сумеешь вывести нас отсюда.

— Да, кстати, — сказал Атхарва. — Прежде чем выбраться на поверхность, нам придется сделать небольшой крюк.

— Крюк? О чем это ты?

Атхарва бросил голову кустодия Уттама и вытер со лба холодный пот.

— Есть еще один пленник, которого

наго освободить, прежде чем мы покинем тюрьму.

— Скоро здесь будет толпиться армия, — заметил Тагоре. — У нас нет времени на экскурсию.

— Это не экскурсия! — равкнул Амхарва. — Мы освободим этого пленника, иначе можно сдаться прямо сейчас.

— А кто он такой? И зачем нам нужен? — поинтересовался Тагоре.

— Это более важная личность, чем ты можешь себе представить, — сказал Амхарва. — Настолько важная, что от нее будут зависеть наши судьбы.

Кай не мог отвести взгляд от капельки, повисшей на острое иглы флакон, откуда была набрана жидкость, был повернут этикеткой в другую сторону, но он не сомневался, что в шприце мощное снотворное средство. Доза достаточно большая, чтобы мгновенно вывести его из строя, а возможно, и убить.

— Агент Скарфф, кем бы ты сейчас ни был! — воскликнул Кай. — Неужели ты позволишь ей это сделать?

При упоминании своего имени Скарфф вздрогнул, но больше ничем не показал, что услышал призыв Кая. Незвестно, какая сила заставила его помогать заключенному, но ее воздействие явно закончилось, хотя желания помочь своей бывшей напарнице он тоже не проявлял.

— Говорит агент Хирико, требуется немедленная помощь. — Хирико включила вокс-передатчик, закрепленный у ворота ее костюма. — Комната дознаний «четыре-сечь, приг-ноль». — Она улыбнулась. — Через пару секунд здесь будет целый отряд солдат, возможно, вместе с кустодиями, так что ты можешь сдать ся прямо сейчас.

— Я попробую использовать свой шанс, — ответил Кай, бросившись к двери.

Он нажал кнопку затка, но дверь осталась закрытой. Глупо было надеяться, что она не заперта. Кай обернулся как раз в тот момент, когда Хирико, выставив вперед шприц, бросилась к нему. Защищаясь, он вскинул руки и по счастливой случайности сумел перехватить ее запястья, когда игла была

на лагерь от вены в шее. Невысокая и хрупкая на вид Хирико была гораздо сильнее, чем казалось с первого взгляда, и изгла медленно приближалась к его коже. Впрыснутое Скарффом снадобье, блокирующее седативные препараты, явно переставало действовать.

Кай вдруг обнаружил, что смотрит в лучистые зеленые глаза, и успел подумать, что даже если ему суждено сейчас умереть, он хотя бы увидит перед собой нечто красивое.

Он почувствовал, как изгла касается кожи, но острое еще не успело проколоть ее, как агент Скарфф вдруг схватил Хирико за плечи. Он рывком поднял ее в воздух и швырнул на каталку, на которой связанный Кай пережил так много кошмарных сеансов.

--- Скарфф! --- закричала Хирико. --- Что бы в тебя ни вселилось, сопротивляйся!

Ее бывший напарник не обратил на крик никакого внимания, и Кай, соскальзывая по стене на пол рядом с дверью, увидел, как агент ударил женщину

в лицо. Хирико дернулась от удара и снова упала на каталку, а Скарфф, подскочив, обхватил руками ее шею и сдвинул, хотя его лицо побагровело от усилий освободиться от чужой воли, толкающей на убийство коллеги.

Кай понимал, что должен помочь ему, но руки и ноги налились ледяной влагой и свинцом.

Руки Скарффа выдавливали жизнь из тела Хирико, и как только она поняла, что он не в силах противиться одержимости, уважение, которое она питала к своему коллеге, было забыто.

Кай увидел, как в ярком свете лампы блеснула игла, и кончик, описав короткую дугу, вонзился в глаз Скарффа. От боли нейролокатор взвыл и выгнулся дугой, а потом отскочил от Хирико, словно расстояние могло уменьшить его мучения. Остатки злобещей жидкости потекли по его щеке, но что-то уже попало в мозг, и Скарфф рухнул на пол.

Тело его забилося в судорогах, изо рта полетели брызги слюны, а потом вырвался жуткий булькающий звук, сопровождаемый

ключьями пены и сгустками желчи. Скарфф бил ногами и царапал пол скрюченными пальцами, ломая ногти и оставляя на плитках кровавые следы.

Пока тело Скарффа билось и извивалось, расставаясь с остатками жизни, Хирико упала с каталки на пол, а Кай боролся с приступом тошноты. Он выгел, как утирали астронавты хора «Прим», чувствовал на своем лице кровь Сарашины и слышал предсмертные крики экипажа «Арго», но страшные мучения утирающего рядом с ним человека привели его в ужас.

В камере дознавателей стало совсем тихо, слышалось только низкое гудение приборов, затрудненное дыхание Хирико и стук капель отравленной слюны из открытого рта Скарффа.

Кай испуганно выдохнул. У него оставалось лишь несколько мгновений, чтобы воспользоваться шансом, который обеспечил ему Скарфф. Но едва он успел осознать этот факт, как дверь камеры дознавателей дрогнула от мощного удара. За первым ударом последовал второй, и на

лице Хирико появилась улыбка.

--- Они пришли за тобой, --- чуть слышно прохрипела она.

Раздался еще один удар, и на этот раз запоры не выдержали мощного толчка и дверь распахнулась. Сквозь проем, пригнувшись, вошел настоящий великан в облегающем желтом комбинезоне, и Кай понялся от нового ужаса.

Длинные черные волосы обрамляли крупное, слегка приплюснутое лицо, в целом производящее приятное впечатление. Воин протянул к нему руку, и Кай вдохнул резкий запах, исходящий от его кожи.

--- Кай Зүлан, я Атхарва из легиона Тысячи Сынов, --- произнес гигант. --- Следуй за мной.

Слова гиганта не сразу просочились в его сознание, но и тогда Кай не смог уразуметь их смысла. В том, что перед ним воин Астартес, не было никаких сомнений: огромный рост и грозная внешность не могли принадлежать кому-то другому. Но было в нем и что-то еще. Кай смотрел на мир искусственными глазами, и каждый выступ, изгиб или выпуклость огромного лица казались ему более плотными, чем у любого из мертвых.

--- Ты легионер Астартес, --- едва слышно пролепетал Кай.

--- Я так и сказал, --- проворчал гигант, схватил его за плечо и легко, словно пушинку, поднял на ноги.

Атхарва был таким же высоким, как Сатурналий, но шире и массивнее кустогия.

--- Почему?.. --- спросил Кай.

--- У меня нет времени на объяснения и

нет терпения отвечать на такие неопределенные вопросы, — произнес Амхарва. — Наш побег не прошел незамеченным, и скоро появятся воины, с которыми нам не справиться. Надо торопиться.

Кай, пошатываясь, прошел мимо сорванной двери камеры. Оглянувшись через плечо, он посмотрел на лежащую на полу Хирико, загадая, жива ли она или погибла. Несмотря на все причиненные ей страдания, Кай надеялся, что агент выживет.

В вестибюле за дверью камеры, в которой он провел неизвестное количество времени, было тесно от шести воинов — огромных, но разных по характеру, что было бы очевидно, даже если бы на раздутых бицепсах и бугристых плечах, превосходящих бедра Кая, не ителось татуировок и символов легионов. Теперь Кай понял, кто вытащил его из камеры.

— Вы Воинство Крестоносцев, — сказал Кай.

— Вернее, то, что от него осталось, — ответил воин со светлыми волосами.

темными у корней. -- Ты не видел нас в лучшие времена.

-- Название теперь не имеет для нас значения, -- бросил второй воин, с обнаженной грудью и грубо выполненными татуировками в виде клинков и оскаленных клыков. -- Для Империи мы мертвецы.

-- Мы отверженные, -- добавил стоящий рядом Астартес, и Кай заметил, что их сходство обусловлено не только общими улучшениями в генетическом строении.

-- Отверженные Мертвецы. -- Атхарва криво устехнулся. -- Если бы вам было известно, что означало это в древности, вы бы оценили иронию.

-- Отверженные Мертвецы, -- повторил угрюмый воин, настоящий гигант даже среди гигантов. -- Постыдное имя для воинов, но более подходит нам, чем то, что было раньше.

-- Что здесь происходит? Я ничего не понимаю, -- вмешался Кай.

-- А что тут понимать? -- буркнул воин, у которого половину лица закрывала

кованая чугунная пластина с торчащими медными проводами. -- Мы деремся за свою свободу. Ты пойдешь с нами.

-- Почему?

-- Опять расплывчатые вопросы, -- сказал Атхарва, качая головой. -- Тагоре, Ашубха и Шубха -- Пожиратели Миров, Кирон из Детей Императора, Севериан -- Лунный Волк, а этот громила с бритым черепом -- Джития, истинный сын Мортариона. Мы сидели в тюрьме, как и ты, и, как сказал Тагоре, деремся за свою свободу. И было бы намного проще, если бы ты оставил свои вопросы до более удобного времени. Понятно?

Кай кивнул, и Атхарва показал на коридор за спиной воина, которого он называл Кионом. Севериан тотчас встретился туда, двигаясь быстрее и тише, чем можно было ожидать от существа с такой массой.

Атхарва обернулся к одному из Пожирателей Миров.

-- Шубха, позаботься, чтобы с ним ничего не случилось.

-- Я тебе не котнатная собачка.

колдун, — огрызнулся воин.

— И все же ты это сделаешь, —
требовательно произнес Амхарва.

Кай ощутил мгновенную вспышку
психической энергии, но ничего не сказал, а
Шубха кивнул и взял его за руку. Пальцы
Астартес легко обхватили его плечо, и
Кай поторщился, ощутив их железную
силу.

Амхарва улыбнулся ему с
заговорицким видом, словно у них
имелись общие секреты, а затем бросился
вдогонку за Северианом. Остальная группа
последовала за ними, двигаясь легко и
размеренно, что свидетельствовало о
десятилетиях тренировок.

За годы службы на кораблях
Тринадцатого легиона Кай много раз
видел Астартес, но если Боевые Короли
Макрагге были образцами во всем, что
касалось чести, эти воины были похожи
скорее на пиратов или наемников.

Ули предателей, решил Кай,
вспомнив, почему они оказались в
заключении.

Он оказался в компании лжежеников.

чем же ему это грозит?

Воины шли с такой скоростью, что Кай не успевал переставлять ноги и просто тащился за костюмодесантником. Вырубленные в скалах туннели, стерильно-пустые коридоры и каменные переходы мелькали мимо с невероятной быстротой, и вскоре он потерял чувство направления.

--- Враги, --- донесся спереди голос.

Звук был не громче шепота, но показалось, что говоривший находится совсем рядом. Кай увидел, что Севериан остановился перед перекрестком и показывает на уходящий вправо коридор.

--- Тагоре, --- произнес Атхарва.

--- Сгелает. Ашубха, быстро и тихо.

--- Сначала я, --- вмешался Кирон.

Он вышел на перекресток и поднял оружие, казавшееся в его руках забавно маленьким. После двух последовательных выстрелов он снова отошел в укрытие.

--- Вперед, --- сказал он.

Тагоре оскалил зубы и вместе с Ашубхой бросился за угол. Кай слышал тяжелый топот и яростный рев,

абсолютно не похожий на человеческий крик. Пальцы на его плече сжались, заставив застонать от боли.

--- Моя рука! --- воскликнул Кай. --- Мне больно.

Шубха опустил взгляд с таким видом, словно своим обращением Кай его глубоко оскорбил.

--- Мои братья убивают врагов, а я вынужден нянчиться со смертным, --- прошипел он, но пальцы немного разжались.

Эхо донесло до них вопли, полные страха и муки, так что Кай и сам подпрыгнул в испуге.

--- Путь чист, --- сказал Атхарва.

Он обогнул угол и жестом позвал остальных. Ашубха снова потащил Кая за собой. Картина бойни, представшая в конце коридора, настолько ужаснула Кая, что его рвало, пока горло не начало саднить от боли.

Перед следующим перекрестком в жутком беспорядке валялось множество тел --- невозможно даже определить, сколько именно. Оторванные конечности, раздавленные черепа и изувеченные торсы

были повсюду, стены алыми дугами
украшили струи крови. Кай, разумеется,
знал о том, что костогесантники способны
убивать людей, но представшая перед ним
реальная картина их неуправляемой ярости
производила гнетущее впечатление.

Кай не сделал ничего плохого, но эти
легионеры изменили Императору, и одно
их общество делало предателем и его
самого. Но они спасли его от смерти, а
этих людей убили по неизвестной ему
причине. Хотя кровавая сцена и вызывала
у него тошноту, Кай все же был
достаточно разумен, чтобы понять,
что лучше воспользоваться любым шансом
и остаться в живых, чем остаться в
катере и погибнуть.

Только два тела избежали мясорубки,
учиненной Пожирателями Миров,
уничтожившими отряд из дюжины солдат
всего за несколько секунд. Два солдата,
вооруженные крупнокалиберными
энергетическими ружьями, были просто
обезглавлены парой выстрелов.

— Ты отличный стрелок, — сказал
Атхарва, обращаясь к появившемуся из

Коридора Кирону.

--- Снайпер первого класса, --- ответил Кирон, похлопывая себя по плечу. --- На турнирах меня мог превзойти только Веспасиан.

--- На турнирах?! --- воскликнул Тагоре. --- Вы тратите время на игры, когда еще не все войны выиграны?

--- Чтобы отточить мастерство, Тагоре, --- с обидой ответил Кирон. --- Отработанные навыки всегда предпочтительнее грубой силы.

Тагоре стиснул в кулаке обломок алебарды.

--- В другое время я бы доказал тебе ошибочность этого заявления.

--- Собираетесь пограться? Сейчас? Вы с ұта сошли? --- одернул их Джития.

Тагоре с хохотом стукнул рукой Кирона по плечу, так что Астартес из Детей Императора невольно поморщился.

--- В другой раз, --- бросил он.

Кай выдохнул удерживаемый в груди воздух. Эта мимолетная стычка вызвала колоссальное напряжение. Воинские качества имели огромное значение для

каждого костодесантника, и усомниться в них значило нанести тяжелейшее оскорбление. В братстве равных подобная перепалка могла иметь форму дружеского соперничества, но среди тех, кого вместе удерживала только необходимость, она могла вылиться в опасную стычку.

--- Куда теперь? --- спросил Тагоре. --- Петля затягивается.

--- Сюда, --- сказал Севериан, указывая на коридор, ведущий наверх.

--- Ты узнал мысли кустодия, --- обратился Тагоре к Амхарве. --- Волк прав?

--- Прав, --- согласился Амхарва. --- Чутье не подвело Севериана.

Они снова отправились в путь, и каждый раз, когда костодесантники натыкались на сопротивление, они уничтожали противников с такой целеустремленностью, какая могла бы показаться жестокой, если бы не сочеталась с клинической точностью. Удовольствие от схваток получали только Пожиратели Миров, но и для них это был скорее способ показать свою силу.

чем радость от пролития крови.

Группа продолжала продвигаться вперед и вверх, порой уничтожая врагов, порой просто избегая с ними встречи. Севериан и Атхарва знали тюрьму ничуть не хуже солдат, отправленных на их задержание, но каким путем они получили эту информацию, Кай не мог себе даже представить.

— А где же Легио Кустогес? — спросил Кай в промежутке между стремительным бегом и жестоким кровопролитием.

Никто из кустогесантников ему не ответил, но он видел, что этот вопрос интересует каждого из них.

— Их нет, а это самое важное, — буркнул Джития.

— Они направляются на Просперо, — сказал Атхарва. — Если только уже не там.

— На Просперо? — удивился Кирон. — Зачем?

— Чтобы убить моего примарха, — с мрачным стирением в голосе ответил Атхарва.

Все были настолько потрясены столь

откровенным утверждением, что даже Тагоре не нашелся что сказать. Эти воины явно не испытывали большой симпатии друг к другу, но последние слова напомнили им о том, как много они потеряли, оказавшись в тюрьме.

— Разве это возможно? — спросил Кай.

Амхарва посмотрел на него, словно услышал явную глупость.

— К сожалению, возможно, — сказал он после небольшой паузы. — Все мы созданы из материи звезд и Великого Океана, но даже звезды могут умереть, а океаны превращаются в пыль.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Ашубха.

— Я знаю, потому что знает примарх Магнус, — сказал Амхарва.

Больше на эту тему не было сказано ни слова, и стремительный и кровавый подъем к поверхности тира продолжился. Там, где их поджидали засады, Севериан действовал исподтишка, в случае прямых атак Тагоре и Ашубха контратаковали со всей своей яростной мощью. Если солдаты

встречали их огнем своих оружий, Кирон отвечал точечными ударами, от которых в черепе закипал мозг, а потом головы взрывались, словно переполненные воздушные шары, забрызгивая все вокруг кровью и серым веществом.

Местами их путь преграждали баррикады, и тогда Джития шел сквозь огонь, чтобы их разрушить, а на пути противника обращал внимания не больше, чем на укусы насекомых. Грудь легионера Гвардии Смерти покрылась коркой засохшей крови, а в боку у него зияла дыра величиной с кулак Кая. Герметичные двери тоже не могли их остановить, поскольку Атхарва сохранил золотой перстень, похожий на тот, что Кай видел у Сатурналия, и этот ключ открывал перед ними все замки.

Наконец была открыта последняя дверь, и на Кая пролился самый красивый свет, какой он только видел и о котором, казалось, давно забыл, -- свет терранского солнца. Благодаря своей аугментике Кай заметил в солнечном свете камуфляжный покров защитного поля и понял, что они

оказались на высокогорной посадочной площадке. Вдоль стены пещеры выстроился ряд челноков и десантных кораблей, сверкающих золотыми значками, а со стороны нескольких более скромно окрашенных судов доносился свист сжатого воздуха, используемого сервиторами для очистки грузовых трюмов.

--- Надо торопиться, --- сказал Севериан, оглядываясь назад. --- Им уже известно, где мы находимся, и скоро поднимутся воздушные патрули.

Увлекаемый Ашубхой Кай и все остальные побежали в ангар. Их встретили удивленные лица экипажей, техножрецов и слуг. Но никто даже не попытался остановить неожиданных посетителей, все поняли, что эти окровавленные дьяволы не остановятся перед убийством людей.

Джития, покрытый шрамами и кровью, хромал впереди. Следом за ним тянулась цепочка липких капель, а в груди колокотало ворчание, вызванное гневом и болью. Рядом с ним бежал Кирон. Он был наготове, чтобы помочь приятелю в

случае необходимости, но пока не приближался, чтобы гордый воин не счел его вмешательство оскорбительным. Занятии следовали Тагоре и Севериан. Ашубха подбежал к ближайшему кораблю --- изыщному катеру, который только недавно приземлился, судя по раскаленному воздуху, угрожающему над решеткой двигателя.

--- Ты можешь его поднять, брат? --- крикнул Шубха.

--- Эту машину? Даже с закрытыми глазами, --- ответил его брат-близнец.

Техножрец в темно-красном одеянии с набором вращающихся зрительных линз попытался вмешаться, но Шубха отделался от него небрежным движением своей алебарды. Половинки убитого тарсианина уже упали на землю, но верхняя часть еще продолжала протестовать, и из заплочных акустических раздавались визгливые тирады бинарного наречия.

Где-то наверху завывала тревожная сирена, вслед за ней раздался лязг герметичной бронированной двери, грозящей перекрыть широкий

прямоугольник свободного от защитного
поля пространства. Предупредительные
вращающиеся огни залили ангар адскими
оранжевым светом и вызвали бешеную
пляску теней, а наземные рабочие
бросились наутек.

--- Все на борт! --- закричал Кирон. ---
Поторапливайтесь, сейчас
активизируются орудия ближнего боя!

Шубха бесцеремонно подхватил Кая,
словно непослушного ребенка, и рванул к
трану, по которому уже поднимались
остальные Отверженные Мертвецы.

--- Амхарва! --- закричал он. --- Лови!

Кай испуганно вскрикнул, оказавшись
в воздухе, но Амхарва без труда поймал его
и перебросил точно на сиденье гля
экипажа. Каю показалось, что у него
раздроблены все кости, но когда Амхарва
вдавил его в кресло, он прикусил язык и
удержался от жалоб.

--- Не двигайся, --- приказал Амхарва. ---
Полет будет нелегким.

Шубха проворно запрыгнул на борт, и
Ашубха запустил двигатели,
пронзительно взывшие от резкой подачи

энергии. Створка кабины экипажа, шипя гидравлическим приводом, закрылась, и катер свечой устремился вверх.

--- Давай! --- закричал Кирон. --- Уноси нас отсюда, Пожиратель Миров!

Корабль пугей помчался вперед, и, если бы не рука Атхарвы, Кай отлетел бы в самый задний конец отсека. Затем последовали толчок и громкие удары по корпусу.

--- Они стреляют в нас? --- закричал Кай, изо всех сил напрягая голос, чтобы перекрыть вой двигателей и грохот снаружи.

Атхарва кивнул и свободной рукой уперся в потолок. Джития привалился к переборке, Кирон рядом с ним ухватился за металлическую стойку. Шубха лежал плашмя прямо на палубе, Тагоре держался за переборку у входа в рубку, а Севериан стоял посреди отсека, расставив ноги, словно подобный взлет был самым обычным делом.

Катер резко вильнул, Ашубха сбросил газ, а Кай не удержался от крика. Краем левого крыла судно задело крошку

закрывающейся двери, отчего его и швырнуло в сторону. Центробежная сила вдавила Кая в кресло, а потом, когда катер вырвался на простор, Зулан окончательно утратил чувство ориентации.

Кай уже не различал, где верх, где низ. Стены и пол бешено плясали перед глазами, и он даже не мог понять, падают ли они или поднимаются выше. За закаленными стеклами иллюминаторов мелькали горы и небо, и Кай закрыл глаза. В любой момент корабль может разбиться на тысячи кусков, а их окровавленные останки разлетятся на сотни квадратных километров по горным склонам.

Зажглись аварийные огни, и из рулевой рубки раздался писк тревоги. Кай услышал, как Ашубха осыпает проклятиями пульт управления и полетный координатор.

— Простите, простите... — сквозь стиснутые зубы заборкотал он, снова и снова повторяя одно и то же, пока судно квыркалось в воздухе, словно

подстреленная птица.

Внезапно он ощутил, что давление руки Атхарвы на его плече заметно ослабло.

--- У кого ты просишь прощения? --- спросил Атхарва.

Кай открыл глаза и вдруг понял, что корабль идет ровно. А при виде высоких золотых шпилей и обрывистых склонов гор в нем вспыхнула надежда, смешанная с удивлением.

--- У мертвых, --- не задумываясь, ответил он.

--- Мертвым не нужны твои извинения, --- сказал Атхарва. --- Прощение нужно только живым.

Он произнес эти слова почти безразличным тоном, но Кай уловил скрытую за ними горечь. Атхарва производил впечатление ученого, запертого в теле солдата, но в его груди было место и для жестокости.

--- Хороший полет, Ашубха! --- крикнул Тагоре.

--- Это еще только начало, --- ответил Ашубха. --- Устремители уже засекли нашу

позицию. Судя по скорости, это «Огненные
копья».

--- Они близко? --- спросил Атхарва.

--- В ста восьмидесяти километрах,
но быстро приближаются.

--- Сворачивай на восток и держи
этот курс, --- скомандовал Атхарва.

--- Это нам не поможет, ---
предупредил его Ашубха.

--- Знаю, но у меня в запасе есть
прием, которого ты пока не поймешь, ---
ответил Атхарва и закрыл глаза.

Командир звена Птелос Реквер
сбавил обороты двигателя, позволив
«Свету Востока» выровнять курс на
взлете со сринагарской базы. Шум
двигателей «Огненного копья» был подобен
реву огромного дикого зверя, а сила
тяжести так возросла, словно его в спину
ударил ногой какой-то обезумевший тигр
из тех, что работали у стен дворца.

У его правого крыла держался «Искра
Прометея», которым управлял Тобиас
Мошар, а слева шел «Догорающий закат»,
пилотируемый Осиринот Фальком. Три

истребителя, на общем счету которых имелось более двух сотен сбитых вражеских кораблей. Большая часть боевых вылетов состоялась около двух столетий назад, но память пилотов сохранила их все, и каждый полет впоследствии не раз воспроизводился во всех деталях.

Реквер был прирожденным летчиком, и, если не имел возможности поднять в воздух боевой самолет, чувствовал себя не в своей тарелке, а время, проведенное на земле, считал потраченным зря. В эти дни ему не оставалось ничего другого, как перехватывать каперские суда, перевозившие в горы контрабанду, но это были всего лишь винтовые машины, построенные в самом начале Объединительных войн.

Сегодняшний вылет обещал быть совсем другим.

С высоты упал сигнальный огонек, и Реквер первым вырвался на взлетную площадку, в кратчайшее время закончил предполетную проверку, махнул рукой наземной команде и включил форсаж.

чтобы оторваться от земли. Операторы дали координаты цели, но, как только он просмотрел информацию на полетном мониторе, первоначальное возбуждение быстро улеглось. Намеченная цель двигалась с очень невысокой скоростью.

--- Факел, ты взял цель? --- раздался голос наземного оператора.

--- Взял, --- ответил Реквер. --- Направление два-семь-девять, дистанция сто шестьдесят семь километров, высота одна тысяча метров.

--- Все верно, Факел, --- подтвердил оператор. --- Приказано приблизиться и уничтожить цель. Требуется визуальное подтверждение уничтожения.

--- Понял, оператор, --- ответил Реквер. --- Каков характер цели?

--- Насколько мне известно, это катер сопровождения «Карго-9».

--- Катер сопровождения?

--- Да, так мне доложили, --- сказал оператор. --- Задаче по его уничтожению присвоен высший уровень важности.

--- Я думаю, мы справимся с катером эскорта, --- сказал Реквер.

--- Вас понял. Удачной охоты.

Реквер выключил связь с землей и активировал вокс-канал для своих товарищей.

--- Вы все слышали? --- спросил он.

--- Кому-то очень хочется, чтобы этот катер был уничтожен, --- откликнулся Мошар.

--- Интересно, кто там на борту? --- спросил Фальк.

Реквер проглянул вектор движения катера в обратную сторону и удивленно присвистнул.

--- Похоже, что он поднялся с Кхангба Марву, надо полагать, на борту какие-то беглецы, --- ответил он. --- Наверно, катер угнали какие-то очень плохие люди, так что надо постараться. Мы находимся над его отправной точкой, так что набираем оптимальную высоту и по моему сигналу спускается на пару тысяч метров.

Мошар и Фальк щелчками вокса подтвердили получение приказа, и Реквер сосредоточил все свое внимание на обратном отсчете дальномера. Как только на табло выскочил ноль, он

потянул штурвал на себя и стал набирать высоту. Судя по скорости сближения, уже через пару минут они достигнут дистанции, позволяющей сбить цель ракетами, но Реквер не собирался стрелять, пока сам не увидит катер с безлюдцами.

Горы, сверкая ледяными вершинами, остались справа от него, хотя при такой скорости рассмотреть их было невозможно. Несмотря на то что побег из Кхангба Марву случился на его памяти впервые, в остальном эта миссия, вероятно, будет такой же обыденной, как и все предыдущие. В конце концов, «Карго-9» не смог бы устоять даже против одного «Огненного коня», а уж против трех тем более. Внизу под ним сверкающим ковром из золота, серебра и белого тратора распростерся дворцовый комплекс. Реквер сотни раз пролетал над Дворцом в самых разных направлениях, но каждый раз не переставал удивляться какому-нибудь новому чуду. Но сейчас не время любоваться величественной картиной, сегодня он на боевом задании, и все

внимание должно быть сосредоточено на цели.

Отметка лоатора приблизилась к центру дисплея, и Реквер, взглянув вниз, заметил на фоне черных скал серебристый блеск. Катер держался вдоль склона горы и отчаянно петлял, видимо надеясь этим маневром сбить охотников со следа. Катером, похоже, управлял опытный пилот, и он искусно маневрировал между выступами скал, поддерживая достаточно высокую скорость, чтобы не упасть в прицел «Огненного копья», но, чтобы ускользнуть от Ителоса Реквера, этого мало.

Пилот в последний раз взглянул на приборы. Направление правильное, сигнал лоатора устойчивый. Реквер выгнул шею и посмотрел во все стороны, чтобы убедиться, что в воздухе поблизости никого нет. Меньше всего ему хотелось бы случайным выстрелом сбить какое-нибудь гражданское судно, оказавшееся слишком близко к зоне поражения.

Убедившись, что под ним только «Карго-9», который приказано

уничтожить, Ителос Реквер активировал оружейную систему, и почти сразу в наушниках послышалось неприятное гудение ракетного затвора.

Он подвинул штурвал вперед, направляя «Свет Востока» вниз по плавной дуге для атаки.

--- Цель захвачена, --- передал Реквер и поднял руку к тумблеру на колонке управления.

Кай смотрел на Амхарву, чувствуя, как нарастает мощь психической энергии, наполняя воздух пронзительным холодом и кислородным привкусом металла. Астропатический транс для передачи сообщений казался ничтожным по сравнению с этим процессом, и даже транс оракулов не требовал столь выдающихся усилий. Амхарва владел боевой псайканой, он был воином-мистиком и имел в своем распоряжении средства насилия и разрушения, а Кай ощутил это только однажды, в зале мысли хора «Прил».

Не думая о последствиях, Кай слегка приоткрыл свое сознание для этой силы, и

гар Атхарвы увлек его за собой. Он увидел проносящиеся внизу горы, словно стали птицей и летел по воздуху с невероятной скоростью. Затем под ним раскинулась величественная панорама Дворца, десятки тысяч зданий и башен, великоленных колоннад и роскошных парков, где обитали миллионы верных слуг и слуги Агминистрата.

Кай превратился в комету, в падающую звезду, управляемую мыслью и волей. Он несся по небу, пока не увидел три силэта, похожие на летучих мышей, которые мчались ему навстречу. Их очертания быстро увеличивались, и вскоре он ясно увидел три истребителя, те самые «Огненные коня», о которых говорил Ашубха, великоленные боевые машины, способные маневрировать и вращаться в воздухе подобно танцорам.

Их объединенная сущность проникла в сознание ведущего пилота, и мысли Кая тотчас заполнились сводками о траекториях, векторах сближения и углах отклонений. Все это для него ничего не значило, но доминирующее сознание

Атхарвы мгновенно усвоило информацию.

Через глаза пилота Кай увидел призрачно-зеленоватый светящийся монитор и ощутил давление его герметичного полетного скафандра. Он почувствовал тяжесть шлема и волнующее предвкушение гибели противника. Услышанная негромкая трель подсказывала, что ракеты под крыльями судна уже нацелены, и его палец лег на гашетку.

Но не успел пилот выстрелить, как в его мозгу возник противоречивый импульс.

Ителос Реквер вдруг почувствовал уверенность в том, что цель, которую он готов уничтожить, вовсе не вражеское судно, а корабль верных слуг Империи. Он отдернул палец от гашетки и восстановил предохранители ракет.

Реквер растерянно моргнул, подняв свой истребитель и пролетел над целью. Он тяжело дышал, а полетный скафандр начал посвистывать, компенсируя его учатившийся пульс и повышенное кровяное давление.

— Реквер? Что случилось? — спросил

Мошар. — У тебя проблемы с оружием?

Он попытался ответить, но не мог вспомнить, что же произошло, осталось только непреодолимое желание не открывать огонь. В голове все как будто затянуло серым туманом, и он никак не мог собраться с мыслями. В мозгу мелькали отрывочные видения, настойчивые и тягостные, но совершенно непонятные.

— Птелос? — окликнул его Фальк. — Ответь, что произошло?

Реквер потряс головой, стараясь прогнать какофонию непрошенных мыслей, и даже стукнул кулаком по шлему, чтобы прояснилось в голове, но мелькающие образы не отступали.

— Я в порядке, — произнес он, хотя туман в сознании стал еще гуще. — Произошел сбой системы наведения на цель. Угел на второй заход. Держите дистанцию.

Он поднял свое «Огненное копье», сделал плавный разворот и снова оказался наг «Карго-9». «Ускра Прометея» и «Догорающий закат» шли вслеп за

катером, и их двигатели выбрасывали пламя, словно в предвечернем небе зажглись пульсары. Огонь был настолько ярким, что мешал Рекверу сосредоточиться. А затем кровь отлила от головы, и рот непроизвольно открылся.

Реквер еще раз проверил приборы и застал дыхание. На дисплее появились еще две метки. Два вражеских корабля прямо перед ним. Он летит над кораблями противника, и его никто не видит! А вот оба ведомых судна пропали, по всей видимости, уже сбиты, а у него колоссальное преимущество над врагом, уничтожившим его грузей.

Он спокойно и методично зарегистрировал все цели, обозначив их как «две новые и "Карго-9"», а затем снова нацелил ракеты.

— Реквер! Что ты делаешь? — донесся искаженный потехами голос, который хоть и показался ему знакомым, но был абсолютно чужим.

Наверняка это ловушка врагов.

— У меня отличный слух, — пробормотал он, услышав в шлеме трель

системы прицеливания.

--- Ителос, у тебя опять сбой системы наведения! --- закричал Мошар, разворачивая и поднимая свой истребитель.

--- Реквер, дай отбой, --- раздался другой, совершенно незнакомый ему крик.

Три ракеты, окутанные клубами дыма, рванулись с салазок и устремились к намеченной цели. Первая по безукоризненной траектории догнала «Ускру Прометея» и ударила в двигатель. Боеголовка взорвалась в самом сердце «Огненного копья», превратив истребитель в оранжевый шар пламени и серебряные искры обломков. Остатки горящего фюзеляжа рассыпались по горному склону, оставляя за собой струи черного дыма и ослепительные искры взрывающихся боеприпасов.

Второй вражеский пилот выжал все из своих двигателей, но ускользнуть от ракеты, запущенной с такого близкого расстояния, у него не было ни единого шанса. Система самонаведения учитывала каждый его рывок и поворот, скрыться

было негде. Пилот перекрыл подачу энергии и выбросил заглушки аэродинамического торможения, надеясь на перелет, но ракета уже была слишком близко, и дистанционный взрыватель вызвал детонацию меньше чем в десяти метрах от воздухозаборников.

Пламя и тысячи острых вращающихся фрагментов ираннели немедленно были втянуты в двигатели и через мгновение вызвали чудовищный взрыв, разорвавший судно на куски. Взрыв вражеского корабля, так бесповоротно уничтоженного, обычно приводил к выбросу адреналина, но на этот раз Реквер смотрел на падающие обломки своей жертвы и ничего не чувствовал.

Он отпустил тумблер запуска ракет и посмотрел на дисплей в поисках следов третьей цели. Она уже сбита его ракетой? Он этого не видел, но та цель была поблизости от второго взрыва. Реквер помнил, что от него требуется визуальная проверка третьей цели, но ничего не мог обнаружить и потому постоянно смотрел вниз. Мысль о том,

что вражеское судно могло нацеливать на него свое оружие, даже не приходила ему в голову. На его лице появилась рассеянная улыбка. Серый туман, заполнивший голову, успокаивал его и не пропускал никаких мыслей о сбитых кораблях.

Довольная улыбка не покинула лица Интелоса Реквера до тех самых пор, пока он не направил свой истребитель в горный склон.

Отсек наполнился дымом и пламенем, Кай закашлялся, и его сознание с резким толчком вернулось в тело. Собственная плоть показалась ему чрезвычайно тяжелой, он выдохнул облако пара и взглянул в лицо Амхарвы. В глазах агента сверкнули искры морозной зимы, но быстро угасли, уступив место обычному разноцветью.

Длинная пробоина в носовой части корабля дымилась, а на обломке крыла встречный поток трепал толстые кабели и обрывки растяжек. Катер грозил всем корпусом и кренился, как подстреленная птица, падая с неба навстречу

безжалостной земле. У Кая перехватило дыхание, а горный морозный воздух хлестнул по лицу. Свирепый ветер метался по отсеку, раздувал пламя и из всех сил старался выбросить оттуда пассажиров.

Кирон и Джития прильнули к сломанному стойкаму, Севериан прижался к борту, Тагоре и Шубха вцепились в переборку, а Амхарва остался возле Кая. Астартес из Тысячи Сыновей держался за толкучку над его головой и прижимал астронавта к креслу, чтобы тот не вывалился.

--- Я не могу больше держать машину в воздухе! --- крикнул из рубки Ашубха. --- Мы падаем!

--- Как ты это сделал? --- закричал Кай сквозь завывание ветра.

Амхарва проигнорировал его вопрос.

--- Никогда больше так не поступай, --- сказал он. --- Из-за тебя оба наши сознания могли остаться в черепе пилота вплоть до его удара о скалу.

--- Ты заставил пилота расстрелять свои корабли.

Амхарва покачал головой.

— Нет, я только показал ему кое-что, наиболее близко отвечающее его представлениям о вражеской цели, а решение принимал он сам. Я ничего не изменил в его собственном мыслительном процессе. Я силен, но не настолько.

Кай вспомнил рассказ Эвангера Тригоры о когносцитах, но затем понял, что Амхарва только подтолкнул пилота к решению, а не подчинил его своей воле.

Разница небольшая, но существенная.

Впрочем, сейчас, когда земля с убийственной неотвратимостью неслась им навстречу, все это казалось несущественным. Башни, еще недавно казавшиеся такими маленькими и далекими, теперь оказались ужасно близко, и Кай уже мог различить отдельные улицы и обветшавшие строения, мелькавшие, словно в калейдоскопе, хотя Ашубха насколько возможно старался контролировать снижение.

Катер из последних сил старался вырваться из цепких объятий гравитации, но в этой борьбе он победить не мог. С

оторванными крылом и пробойной в корпусе,
он вспорол землю с оглушительным
грохотом и скрежетом разрываемого
металла, который, казалось, никогда не
затихнет.

Глава 15

СБОР ОХОТНИКОВ ВЫНУЖДЕННЫЕ ПРОСИТЕЛИ ГЛАВА КЛАНА

В этом городе хорошо знали Ёасу Нагасена, и никто не осмеливался его задерживать, когда он проходил под Обсидиановой аркой. Много времени прошло с тех пор, как он впервые прошел по пустынным городским проспектам, с удивлением рассматривая высокие сооружения, о существовании которых за их стенами никто даже не догадывался. Дворцовые строители, возможно зная о том, что жители Города Зрения редко покидают стены своей тюрьмы, не жалели средств и употребили все свое умение, чтобы сотворить город настолько же красивый и гармоничный, насколько изолированный.

— Интересно, кто дал имя этому

Городу, --- пробормотал Нагасена, разглядывая позолоченные капители и расписной цоколь Узутрудного Склепа.

Внутри покоятся останки астронавтов Терры, а также тех, кто не пережил заключительного ритуала, чтобы приступить к службе. Это место печали, построенное в весьма жизнерадостном стиле.

--- Склепу? --- спрашивает Картоно.

--- Нет, Городу Зрения.

--- Наверное, кто-то с довольно извращенным чувством юмора.

--- Возможно, --- соглашается Нагасена. --- Или тот, кто по достоинству оценил истинную пользу этих несчастных слепых душ.

Картоно пожимает плечами. Ему здесь не нравится, и вопрос о названии его не интересует. Нагасена его не винит. Для его слуги это проклятое место. Большинство людей испытывают к Картоно ненависть, хотя и сами не в состоянии ее понять, а в этом месте каждый, кто его встречает, ненавидит по вполне понятной причине.

Картоно заставляет их ощутить свою слепоту.

Улицы города безлюдны. В Городе Зрения все знают, что они здесь, ощущают как пузырь пустоты в непрерывном гуле невидимых голосов, наполняющих воздух. Они олицетворяют молчание в городе голосов и не могут остаться незамеченными.

Нагасена видит их первым.

--- Черные Часовые, --- говорит он Картоно, глядя на отряд облаченных в доспехи солдат, марширующих и на встречу с винтовками на плечах. --- Люди Головки. И под его личным предводительством, --- добавляет Нагасена, заметив во главе отряда массивную фигуру генерал-майора. --- Нам оказана большая честь.

--- Я бы с радостью обошелся без этих почестей.

--- Максим тоже полезен, --- отвечает Нагасена. --- В каких-то случаях охота требует скрытности, в других охотникам приходится выгонять свою жертву на открытое место... менее деликатными

методами.

Картоно кивает и занимает позицию позади Нагасены, а Головка останавливает перед ними своих людей, и тяжелые ботинки в унисон ударяют в мостовую. Это отличные солдаты, хорошо обученные и дисциплинированные, не знающие жалости к врагам, но по сравнению с хирургической точностью Нагасены их можно считать весьма грубым инструментом.

--- Максим.

Нагасена приветствует Головку поклоном достаточно глубоким, чтобы продемонстрировать уважение, но в то же время с видом собственного превосходства. Довольно простой жест, но он восхищает Картоно, хотя Головка никогда не понимает его значения.

--- Нагасена, --- отвечает Головка. ---
Что ты здесь делаешь?

--- Я пришел охотиться.

--- Ты получил вызов?

Нагасена качает головой.

--- Нет, но мои услуги пригодятся, не так ли?

--- Мы сумеет поймать этих предателей и без твоей помощи, --- заявляет Головка. --- Я уже собираю команду, и к концу дня все будет закончено.

Нагасена поднимает голову и смотрит на глинное облако, закрывшее солнце.

--- Покажи мне свою команду, --- просит он.

Трое из них достойны внимания, и Нагасена обдумывает каждую кандидатуру.

Сатурналий, воин Легио Кустодес, чья ярость может сравниться только с его стыдом. Астронат Кай Зулан и Астартес из Воинства Крестоносцев сбежали из его тюрьмы, и этот постыдный промах можно исправить только их немедленной поимкой. Он зол, но уравновешен. Нагасена знает, что может рассчитывать на дисциплинированность кустодия, и Сатурналий единственный, кто может противостоять преследуемым воинам, если они вздумают оказать сопротивление.

Агент Хирико чувствует себя

неловко, и Нагасена догадывается о причине ее смущения. После того как ее бывший коллега попытался задушить женщину, у нее остались на шее синяки, а глаза покраснели от лопнувших сосудов. Несмотря на ее старания сохранить равнодушный вид, Нагасена видит, как глубоко потрясла ее смерть напарника. Ее нельзя считать охотником, но женщина владеет одним ценным качеством. Хирико обладает способностью читать чужие мысли и верит, что сумеет добраться до тайны, которая делает Кая Зулана такой ценной добычей.

Афина Дийос, астронат-калека, оракул. Ее участия в охоте Нагасена ни за что не допустил бы. Тело этой женщины изувечено, и инвалидное кресло будет их только задерживать, но она смотрела в сознание Кая Зулана, и это дает ей уникальное преимущество. Она может привести к нему, если беглецы окажутся поблизости, и, хотя оракул не вызывалась участвовать в охоте, она понимает, что ее желания роли не играют.

Все они собрались в покоях

хормейстера, Нето Зи-Менг нервно расхаживает взад и вперед по своей роскошной комнате, а белое одеяние плещется вокруг его ног, словно крылья испуганной птицы.

— Ты должен привести его обратно, Цасу, — говорит он, остановившись ровно настолько, чтобы произнести эти слова.

У него распушенные глинные волосы и всклокоченная борода. Последние несколько дней дались ему нелегко, и напряжение, требуемое для поддержания межгалактической связи, сказывается и в каждом его движении, и в отрывистой манере разговаривать.

— Я верну его, Нето, — обещает Нагасена и кланяется с большим уважением. — А теперь скажи мне, почему этот человек так важен для вас. Почему семь костодекантников рискнули свободой ради того, чтобы забрать его с собой? У них не было в том никакой необходимости.

Зи-Менг не сразу решается ответить, и Нагасена пытается не истолковывать эту паузу.

— До гибели «Арго» Кай Зүлан был

огнит из лучших астронатов, — говорит хормейстер. — Он владеет опознавательными кодами каналов связи на самых высших уровнях. Если он отправит информацию предателям, вставшим на сторону Хоруса Луперкала, вся наша коммуникационная сеть будет скомпрометирована.

— В дэле Зулана сказано, что он больше не в состоянии выполнять обязанности астроната, — говорит Нагасена, почував обман в объяснении хормейстера.

Его пальцы сжимаются на рукояти Шүдзики. Этот клинок для него служит индикатором искренности.

— Так и было, — подтверждает Зи-Менг. — Но госпожа Дийос работала над восстановлением его способностей.

Нагасена поворачивается к Афине. Дийос и опускается рядом с ней на колени, откинув назад полы одеяния. Ее глаза не могут его видеть, но он знает, что астронавт ощущает его присутствие.

— И насколько успешна была ваша работа? Может ли Кай Зулан отослать

за пределы этого мира какую-либо информацию?

Афина медлит с ответом, но Нагасена верит в ее искренность.

--- Нет. Пока еще нет. Он поправляется, но я уверена, что он еще боится посылать свои мысли в варп.

--- Это может не иметь значения, если он находится в компании Атхарвы, --- вмешивается Сатурналий. --- При помощи колдовства можно вытащить секретные коды из его памяти.

--- Он на это способен? --- спрашивает Нагасена, снова обращаясь к Зи-Менгу.

--- О способностях воинов Магнуса нам известно не так уж много, --- признается Зи-Менг. --- Но я бы не стал исключать такую возможность.

--- Значит, нам необходимо в первую очередь задержать Кая Зулана, --- говорит Нагасена.

--- А нельзя ли просто поменять коды? --- спрашивает Картоно.

--- Ты себе представляешь, что для этого потребуется? --- сердито восклицает Зи-Менг. --- На разработку новой системы

когов для целой Галактики потребуются не одно десятилетие, и пойти на такой шаг в разгар лютнежа было бы безумием. Нет, мы должны вернуть Кая Зулана раньше, чем изменники извлекут из него информацию.

--- Если только они еще этого не сделали, --- замечает Сатурналий.

--- Из всех мест, где они могли упасть, --- заговорил Головка, --- наиболее вероятным остается этот проклятый Город Просителей. Для него нет ни карт, ни планов, зато там илеются тысячи мест, где безлецы могли укрыться.

--- Астронауту и семерым космогесантникам трудно будет остаться незамеченными даже в таком лабиринте, как город Просителей, --- говорит Нагасена.

--- Надо добраться до места катастрофы, --- предлагает Головка. --- Взять след.

--- Согласен, но для успешной охоты мы должны понимать свою дичь, --- говорит Нагасена. --- Мы преследуем астронаута и семерых космогесантников. Хотел бы я знать, почему их только семь? Почему при

побеге они не освободили всех остальных?

--- Разве это важно? --- спрашивает Сатурналий. --- Семь предателей на Терре --- это уже слишком много.

--- Важно все, --- заявляет Нагасена. --- Были освобождены воины только тех легионов, которые перешли на сторону Хоруса. Я уверен, что Атхарва встал во главе этой группы, а он знает достаточно, чтобы понять, кто из заключенных пойдет за ним. Тогда возникает вопрос: почему побег организовал Астартес из Тысячи Сынов? Его легион до сих пор считается верным Трону, разве не так?

Сатурналий, стиснув древко алебарды обеими руками, шагает вперед.

--- Нет, это не так.

Хирико и Дийос удивленно ахают, и даже Картоно резко втягивает воздух.

--- Не потрудитесь ли это объяснить? --- спрашивает Нагасена.

--- Император во всеуслышание осудил Тысячу Сынов и их примарха, --- говорит Сатурналий. --- И мои братья кустодии совместно с Руссом и его воинами уже приближаются к Просперо. Примарх

Магнус должен быть доставлен на Терру в
ценах.

--- Почему? --- спрашивает Нагасена.

--- Потому что он нарушил Никейский
эдикт и воспользовался колдовством,
лично запрещенным Императором, ---
поясняет Сатурналий. --- Сам Вальдор
обнажил оружие.

--- В таком случае Магнусу повезет,
если он покинет Просперо живым, ---
говорит Нагасена и видит, что
Сатурналий не знает, оскорбил ли он
Кустодиев или нет.

--- Мы зря теряем время, ---
напоминает им Головка. --- Я за тридцать
минут могу наводнить Город Просителей
Черными Часовыми. Мы разнесем в клочья
эту чертову дыру, разберем по кирпичику
все до последнего дома и отыщем беглецов.

Нагасена качает головой.
Бесцеремонность Головка уже начинает
его раздражать.

--- Максим, выбери три десятка своих
лучших людей, --- говорит он. --- Больше
количество нам будет только мешать.

--- Тридцать? Ты ведь видел, как

сильно они нас помяли при первом столкновении.

--- На этот раз все будет иначе, --- обещает Нагасена.

--- Как это?

--- Сейчас им придется выбирать между жизнью и смертью, --- говорит он.

Часом раньше Кай Зүлан с мучительной болью очнулся в горящем стальном гробу. Казалось, что у него исковеркано все тело, а какая-то тяжесть на груди не дает вдохнуть. Слабый ветерок дохнул на него едким дымом, и Кай закашлялся, а потом среди рева и пламени услышал скрежет искореженного металла и треск искр, рассыпаемых оборванными кабелями.

Он повернул голову, чтобы посмотреть, но даже это малое усилие заставило его поморщиться от боли.

Кабина катера сплющилась от удара и теперь представляла собой овальную трубу, пронизанную обломками металлических стоек и увешанную гофрированными трубами, из которых с

шипением выходил газ или сочилась
жидкость гидравлических систем.
Атхарва лежал рядом с ним, и Кай понял,
что это его рука лежит у него на груди и
прижимает к земле.

Сквозь клубы дыма в кабину проникал
свет, фюзеляж катера был полностью
оторван, и Кай удивился, как ему удалось
выжить после такого ужасного удара.
Напротив него из обломков поднялась
голова с грязно-белыми волосами.

--- Так вот как Пожиратели Миров
представляют себе посадку, ---
пробормотал Аргент Кирон.

В передней части катера из-под
груды оторванных панелей выбрался
почерневший силуэт.

--- Всякая посадка хороша, если ты
можешь сойти на землю на своих ногах, --- с
широкой ухмылкой заявил Ашубха.

Каю даже показалось, что крушение
катера доставило ему удовольствие.

--- А если ты можешь только
ползти? --- спросил Шубха, поднимаясь на
колени и сплевывая осколки зубов.

--- Главное, что жив, --- заметил

Сагоре.

Он вытер кровь с многочисленных царапин на груди и размазал ее по лицу и плечам, словно нанося ритуальную боевую раскраску. Кай попытался освободиться от руки Атхарвы, но был еще слишком слаб, а рука Астартес слишком тяжела. Над ним нависла фигура Севериана. Волк разглядывал Кая с таким видом, словно перед ним был угодивший в капкан зверек.

— Меня придавило, — пожаловался Кай.

Севериан сдвинул руку Атхарвы с его груди и отошел, прежде чем Кай успел его поблагодарить. Движение потревожило Атхарву, и он со стоном перевернулся на бок. Его лицо и руки были покрыты уже свернувшейся кровью, а из раны в боку Астартес выдернул осколок металла величиной с хороший кинжал.

Неожиданный возглас так испугал Кая, что он подпрыгнул и стукнулся головой в стятую стенку. Он увидел, что Кирон стоит на коленях рядом с глиняной трещиной в корпусе катера, образовавшейся то ли при взрыве ракеты,

то ли при ударе о землю. Сквозь заваленный обломками отсек Кай стал пробираться к свету и наткнулся на Джитию, лежащего в луже собственной крови с торчащими из живота и груди обломками металла.

--- Похоже, что Голиаф говорил правду, --- произнес Шубха. --- Он может умереть.

--- Не смей так говорить! --- злобно бросил ему Кирон.

Севериан присел рядом с воином Гвардии Смерти и осмотрел кровавую мешанину его внутренностей.

--- Рана смертельная, --- сказал он. --- Нам придется его оставить.

--- Он прав, --- с болезненной гримасой произнес Джития.

--- Я его не брошу, --- возмущился Кирон.

--- Я знал, что рана смертельная, --- заговорил Астартес Гвардии Смерти. --- Я утру, но не оставляйте меня этим проклятым охотникам.

--- Мы никого не оставляем охотникам, --- согласился Тагоре.

Эти сентиментальные слова из уст Пожирателя Миров удивили Кая. Судя по доходящим до него слухам, воины Ангрона были жестокими убийцами, не знающими сострадания и жалости. Трудно было поверить, что воин столь грозного вида способен на милосердие, но сталь в голосе Тагоре исключала вероятность каких бы то ни было возражений.

Севериан тоже это понял и в знак согласия пожал плечами.

--- Тогда придется снять его с этих железных кольев, --- сказал он.

--- Давайте его поднимем, --- согласился Тагоре и махнул рукой близнецам.

Когда Шубха и Ашубха наклонились над Житией, Кай отвернулся.

--- Сделайте это быстро, Пожиратели Миров, --- попросил Жития.

--- Не беспокойся за нас, --- сказал ему Шубха. --- Думай о себе.

Кай зажал уши руками, но все равно слышал ужасный скрип металла по костям и жуткие всхлипы израненной плоти. Пожирателям Миров пришлось напрячь

все силы, чтобы сдёрнуть тело Джитии с обломков стоек, но, к чести Астартес Гвардии Смерти, с его губ сорвался только сдавленный стон.

Кай почувствовал, как кто-то взял его за плечо, и позволил вывести себя из-под обломков. Джития часто и тяжело дышал, его организм пытался бороться с неизбежностью. Увидев чудовищные раны на теле воина, Кай вскрикнул от ужаса.

— Не понимаю, о чем вы так беспокоились, — заговорил Джития, поднимаясь на ноги с помощью Кирона. — Вот он я, только со сквозной дыркой.

— Прости, — прошептал Кай, пробираясь между разлетевшимися обломками катера.

Он поторгал аугментическими глазами и улыбнулся, ощутив на лице солнечный свет. Катер упал в просторном внутреннем дворе между несколькими заброшенными на вид зданиями, которые когда-то, наверное, служили складами. Под ногами была твердо утоптанная земля и щебень, а окружающие строения стояли вплотную друг к другу, словно любопытные

зеваки, столпившиеся поглазеть на несчастный случай.

Все дома были разными, но все построены из ржавых листов железа и грубо обработанных камней. А в воздухе даже сквозь вонь раскаленного металла и горящего топлива чувствовались запахи человеческих отходов, пота и промучившей нищеты. Как далеко они улетели от Кхангба Марву? Это место никак не может быть частью Императорского Дворца.

--- Где ты? --- спросил Кай у Атхарвы.

--- Насколько я понимаю, это, должно быть, Город Просителей.

--- Невероятно, --- изумился Кай. --- Здесь действительно живут люди?

Атхарва кивнул:

--- И очень много людей.

--- Хорошее местечко, чтобы спрятаться, --- сказал Северная, направляясь к краю площадки.

--- Спрятаться? --- повторил Тагоре. --- Я не собираюсь больше ни от кого прятаться.

--- Нет? А что ты собираешься сделать?

--- Мы доберемся до ближайшего костюпорта и захватим другой корабль, на котором можно будет выбраться на орбиту без риска быть сбитым.

--- И что потом? --- спросил Севериан.

Тагоре пожал плечами.

--- У нас есть астронавт, --- сказал он. --- Пусть пошлет сообщение нашим братьям.

--- Как все просто, --- криво устехнулся Севериан. --- А я-то беспокоился, что нам будет трудно вырваться с Терры.

--- Я Пожиратель Миров, --- грозно предостерег его Тагоре. --- Не пугай простоту с глупостью.

Севериан кивнул и отвернулся к Шубхе и Ашубхе, помогавшим Джитии выбраться из катера. Следом из обломков показался обнаженный по пояс Кирон. Воин напомнил Каю прекрасные мраморные статуи на ступенях Амфитеатра Атлетов на скале посреди Эгейской впадины. Другие костюгесантники были настолько массивными, что казались почти уродливыми и громогдыми, однако фигура Кирона сохранила пропорции человеческого тела в его

идеализированном варианте. Обрывки
оранжевого комбинезона теперь стягивали
рану в животе Джитии, и Кай видел, что
на ткани уже проступили алые пятна.

Воин Гвардии Смерти обнял
близнецов за плечи, окинул взглядом
окрестности и пожал плечами.

— Значит, это и есть Город
Просителей, — проворчал он. — Полагаю,
здесь вряд ли можно надеяться на помощь
легионного апотекария.

Тремя выстрелами из плазменного
карабина Кирон сжег остатки катера, а
затем беглецы углубились в лабиринт
извилистых улиц. Возглавил отряд
Севериан, и он старался как можно
быстрее увести их от места крушения,
хотя тяжело раненный Джития и
ограничивал скорость их продвижения. Они
старались держаться в тени, и, по мере
того как отряд углублялся в город, Кай
чувствовал, как слабеет связь с тем
временем, в котором он жил.

Сутрачные закоулки дышали холодом
и были наполнены тенями, здания,
обступившие их со всех сторон, выглядели

древними и заброшенными, каменная кладка фасадов осыпалась и покрывалась копотью, на которой виднелись следы случайных беспорядочных ремонтов. Между крышами домов протянулись переплетения проводов — ненадежная сеть нелегально получаемой энергии, которая выглядела не прочнее шелковой паутины. Между связками проводов тонкими штрихами проглядывало темнеющее голубое небо.

Постепенно запах гари и копоти ослаб, а запахи специй, благовоний и сладостей стали более насыщенными. Звук тоже изменился: слышались звонкие голоса детей, декламирующих считалки, размеренный голос мужчины, читающего молитву, жужжание катня по катню, крики точильщиков ножей и уличных торговцев.

Беглецы свернули в совсем древний район с такими узкими улочками, что костодесантники с трудом могли пройти по ним по двое. Провисшие навесы и ветхие балконы загораживали небо, да и улица простатривалась не больше чем на пару

метров. Мысленная карта, составляемая
Каем, кружилась, вертелась и
выворачивалась наизнанку. Все здесь
казалось настолько незнакомым и чужим,
что картина сливалась перед глазами в
мутное пятно, и вскоре он уже совершенно
не представлял, в каком направлении
двигается.

Встречные прохожие удивленно
поглядывали на гигантов и прижимались к
стенам домов, а некоторые, развернувшись,
убегали, словно спасая свои жизни.
Ребятишки в цветастых тряпках и с
кляушечками на лицах таращились на
Астартес, разинув рот, пока женщина в
оранжевой шали не загнала их с улицы в
дом. Здесь встречались все оттенки кожи
и одеяния из самых дальних уголков мира —
тюрбаны, широченные шелковые
шаровары, балахоны, закрывающие всю
фигуру до самых глаз, рабочая одежда и
костюмы, достойные парадных залов
королевского дворца. Кай гадал, что
думают все эти люди о гигантских
воинах, шагающих сквозь тучи.

Успытывают ли они перед ними

такой же страх, как он сам?

Кай словно в тумане брел вслед за Северианом, уже не обращая внимания на окрестности. Тюремщики истощили его психику и накачали колоссальным количеством препаратов, которые вытопали его организм почти до полного изнеможения. Все тело казалось ему огромной раной, и Кай, слишком уставший, чтобы отслеживать маршрут, просто механически переставлял ноги.

Тагоре надеялся отослать сообщение своим братьям, но, если он рассчитывал на помощь Кая, его ожидало большое разочарование. Во время последнего тестирования, устроенного Афиной, Кай едва смог достучаться до принимающего астронаута в соседней башне. Стоит ли надеяться, что ему удастся выйти за пределы мира? А Пожиратель Миров не похож на человека, который легко смирится с разочарованием, и при мысли о его гневe Кай цепенел от ужаса.

Как же его жизнь могла так странно измениться?

Кай удостоился чести служить при

Сринадцатом легионе, был счастлив
стать частицей колоссальной миссии по
завоеванию Галактики и был уверен, что
во всей Астра Теленатика нет лучшего
астронаута. А теперь он беглец, лишенный
всех своих способностей, да еще в обществе
воинов, считавшихся самыми опасными
предателями Империи.

Он мысленно вернулся к самому
началу печальных перемен, к тому
моменту, когда вся его жизнь пошла
прахом.

--- «Арго», --- произнес он, не сознавая,
что говорит вслух.

--- Корабль Ультрамаринов, ---
откликнулся Атхарва. --- Построен в доках
Калта сто шестьдесят лет назад.

--- Что? --- переспросил Кай.

--- «Арго», --- пояснил Атхарва. --- Ты
служил на нем одиннадцать лет.

--- Откуда тебе это известно?

--- Мне многое о тебе известно, Кай
Зулан, --- сказал Атхарва, постучав себя по
лбу.

--- Ты читал мои мысли?

--- Нет, --- возразил Атхарва. --- Мне

все рассказал мой примарх.

Кай встопрелся в лицо Атхарвы, отыскивая следы насмешки, но что-либо прочесть в лице агента Тысячи Сынов было непросто. Несмотря на в основном сходную физиогномику, лица костодесантников слегка отличались от лиц смертных, и потому мимика тоже отличалась, поэтому невербальные сигналы Астартес с трудом и зачастую ошибочно воспринимались обычным человеком.

— В самом деле? Алый Король говорил обо мне?

— Говорил, — подтвердил Атхарва. — А как бы я узнал, где тебя искать? Как еще я мог узнать, что ты был на борту «Арго», когда произошло катастрофическое отключение поля Геллера и на борт ворвалась тьма порождений варна, уничтоживших всю команду, кроме тебя и Роксанны Ларисы Джойанны Кастана.

При упоминании о массовой гибели людей на борту «Арго» Кай ощутил подступающую тошноту, и ему пришлось

опереться рукой о стену, чтобы остаться на ногах. Желудок подпрыгнул к самому горлу, и, хотя Кай не помнил, когда в последний раз ел, он был уверен, что его сейчас вырвет.

--- Пожалуйста, --- взмолился он. --- Не надо говорить об «Арго».

Амхарва помог ему выпрямиться.

--- Кай, поверь мне, я лучше многих других знаю об опасностях Великого Океана и могу тебя заверить, что в гибели «Арго» нет твоей вины.

--- Ты не можешь этого знать, --- возразил Кай.

--- Нет, могу, --- заявил Амхарва. --- Мое тонкое тело странствовало по самым дальним течениям и погружалось в глубочайшие вихри варна. Мне знаком его беспредельный потенциал, и я сражался с чудовищами, которые прячутся в самых темных уголках. Тебе не понять, насколько они опасны, но считать лишь себя одного виновным в гибели корабля по меньшей мере слухотворно. Ты слишком много на себя берешь.

--- Ты думаешь, что мне от этого

легче?

Амхарва нахмурился.

--- Это просто констатация факта. А
бюджет тебе от этого лучше или нет, не
имеет значения.

Кай присел на корточки и вытер
рукой лоб. Кожа стала липкой от пота, и
внутренности нисколько не успокоились.
Он оторыгнул плотный сгусток едкой
слюны и сплюнул на землю.

--- Мне нужна передышка, --- сказал
он. --- Пожалуйста. Я не могу больше идти.

--- Не можешь, --- согласился Амхарва.
--- Подожди здесь немного.

Кай сделал глубокий вдох и
попытался побороть тошноту. Через
несколько минут ему стало легче, и он
поднял голову. Севериан и Тагоре о чем-то
спорили, но он не мог разобрать слов.
Ашубха поддерживал Джитию. Лицо
Гвардейца Смерти побледнело и стало
землисто-серым, а кровь стекала по
бедрал, так что даже Каю стало понятно,
что жить ему осталось недолго. Кирон со
своей винтовкой наблюдал за крышами, а
Ашубха осматривал рану Джитии.

Кай был убежден, что Пожирателям Миров известно о боевых ранах больше, чем воинам других легионов. Что те, кто в совершенстве овладел искусством калечить тела, должны также понимать, как их восстанавливать.

--- Он умирает? --- спросил Кай.

--- Да, --- кивнул Амхарва. --- Умирает.

Запахи жареного мяса и горящего дерева наполнили помещение склада, и дым плотным слоем собрался под крышей, окутывая стальные балки густым туманом. Стены были покрыты глиняными плоскостями ткани, металлическими листами и перлом. В глиняной канавке, вырытой посреди пола, терцали угольки костра, а над ними, шипя жиром и потрескивая кожицей, жарились куски сомнительного мяса.

В стенах склада собрались безжалостные люди. Они сидели на грубых деревянных скамьях, чистили оружие и негромко переговаривались. Все они были широкоплечити, с неестественно развитыми мышцами, закаленными в

непрерывных стычках и испытаниях, вполне уместных даже в тренировочных залах Агентус Астартес. Они намного превосходили прислуживающих им рабов, хотя среди тех несчастных, кто был связан с кланом Дхакала, никто не отличался миниатюрным сложением.

Большинство суровых воинов были вооружены пистолетами крупного калибра, а на поясе у них висели глинные боевые ножи заводского изготовления. Самые высокие мужчины пользовались оружием ушедшей эпохи: топоратами с листовидными лезвиями, глинными кривыми саблями и кистенями на цепях. Они были похожи на воинов, что сражались на просторах Старой Земли, и в золотой век научного прогресса и технологий казались анахронизмом. Однако этот анахронизм держал Город Просителей в железном кулаке.

Одну стену полностью занимали стойки с оружием, а в дальнем конце помещения имелась неглубокая яма, окруженная металлическими щитами. Это сооружение было похоже на арену, и

дно покрылось коричневой жижей, оставшейся от многих тучин и женщин, которых бросали туда утирать на потеху жестоких обитателей и их хозяина.

О невероятной кровожадности этих бандитов свидетельствовала не только страшная яма. С потолка свисало около десятка железных цепей, соединенных с лебедками, и на каждой болтался почерневший труп, державшийся на огромном мясницком крюке. От трупов уже тянулись тизмы, но никто не позаботился снять мертвецов. Более того, все делали вид, что не замечают их. Со временем останки выбросят на съедение бродячим собакам, но для опустевших крюков всегда найдутся новые жертвы.

Хозяин этого склада восседал в конце зала на огромном троне из кованого железа, и никто из присутствующих не смел даже взглянуть в его сторону.

Смотреть без разрешения на главу клана запрещалось под страхом смерти, и об этом знали все.

Открывшаяся в одной из стен дверь впустила в полутрак помещения неяркий

свет. Лишь несколько человек обратили на это внимание. Все прекрасно знали, что никто не посмеет прийти в это место с дурными намерениями. Этот склад обходили стороной даже арбитры Императора.

На пороге возникла огромная фигура Тхоты, тащившего заплаканного человека в рабочей одежде. Несколько голов приветственно кивнули пришедшему. Мясистые пальцы полностью охватывали шею мужчины, хотя это был крепкий, плотно сбитый каменщик. На плечах Тхоты висел плащ из медвежьей шкуры, а толстая плотного комбинезона была растегнута, демонстрируя выпуклые мышцы груди и живота. Красноватый свет костра блеснул на множестве ножей на поясе, крест-накрест пересекавшей грудь бандита, и стог придать бледной коже почти естественный оттенок.

При каждом движении Тхоты на его теле шевелились и извивались многочисленные татуировки. Он сплюнул на пол и потащил свою жертву к железному трону. Люди избегали

смотреть на него, поскольку этот человек отличался непредсказуемым нравом, легко впадал в ярость и был скор на расправу. Определить выражение его налитых кровью глаз было невозможно, а каждый контакт с ним был равносителен танцу со смертью.

Гхота остановился перед троном и стукнул себя в грудь кулаком в шипованной перчатке.

--- Что ты мне принес, Гхота? --- спросил сидевший на троне, перелегая слова влажным кашлем, вызванной злокачественной опухолью в горле.

Ни один отблеск из костровой ямы не достигал лица Бабу Дхакала, словно понимая, что некоторые вещи лучше оставить в тени.

Гхота швырнул рабочего на пол перед троном.

--- Этот тип говорит о прошедших неподалеку войнах, мой субадар, [\[32\]](#) --- сказал он.

--- Войны? В самом деле? Неужели Дворец настолько остелел...

--- Не совсем обычные воины, --- добавил
Гхота, тилоходот пнув в живот лежащего
у его ног человека ногой в тяжелом
ботинке.

Пленник перекатился на бок и
закашлялся, разбрызгивая кровь. Удар
Гхоты повредил что-то у него внутри, и
даже если Гхота не прикончит его сразу и
не бросит в яму для развлечения, этому
человеку не дожить до утра.

--- Говори, ублюдок, --- приказал
главарь и слегка наклонился вперед, так
что в полутраке едва заметно блеснул
гладко выбритый череп и шесть золотых
шпифтов над широкой бровью. ---
Расскажи об этих воинах.

Человек всхлипнул и приподнялся на
локте. Он едва мог дышать и говорил
отрывистыми фразами.

--- Увидел, как они выходили с пустыря
на восточной окраине, --- сказал он. ---
Свалились с неба на подбитом катере.
Похоже, «Карго-9».

--- Они рухнули и все же вышли
оттуда невредимыми?

Работяга покачал головой.

--- Один был весь в крови, и его пришлось выносить на руках. Большой воин, я таких никогда не видел.

--- Больше, чем Гхота? --- спросил скрытый в тени трона человек.

--- Ага, больше. Они все огромные. Как костодесантники у Врат Прил.

--- Интересно. И сколько же было этих гигантов?

Человек снова закашлялся, сплюнул алую кровь и качнул головой.

--- Шесть или семь, я точно не знаю, но с ними был еще какой-то тщедушный человечек. Ничего особенного, но один из великанов о нем явно заботился.

--- Где сейчас эти люди?

--- Я не знаю, они могут быть где угодно!

--- Гхота...

Гхота наклонился и стал поднимать пленника, пока его ноги не повисли в воздухе. Он держал мужчину на вытянутой руке, но подобное усилие, казалось, не составляет ему никакого труда. Второй рукой Гхота вытащил из кобуры огромный пистолет.

--- Я тебе верю. В конце концов, зачем тебе лгать перед неизбежной смертью?

--- Когда я их видел, они направлялись к Вороньему Двору, клянусь!

--- Вороний Двор? Интересно, что и там понадобилось?

--- Я не знаю, правда, --- захныкал его пленник. --- Может, хотят показать раненого Антиоху.

--- Этому старому дураку? --- В тихом голосе с трона послышался смех. --- Что он может понимать в сверхъестественной анатомии прославленных костодесантников?

--- Если уж они свалились здесь, могли и к нему обратиться, --- сказал Гхота.

--- Могли, конечно, --- согласился сидящий на троне. --- У я должен выяснить, что привело таких воинов в мой город.

Человек встал и стал спускаться к подножию трона. При виде уродливого гиганта, намного превосходящего размеры даже Гхоту, несчастный рабочий зарыдал от страха. Из под пластин кованого металла и керамики, очень похожих на доспехи легионеров

Астартес, массивными буграми торчали колоссальные мышцы.

Бабу Дхакал подошел к плачущему пленнику и стал нагибаться, пока между их лицами осталось не больше нескольких сантиметров. Одно лицо было совершенно ничем не примечательно, с печатью усталости от бесконечной работы, другое — бледное, словно у мертвеца, обтянутое высохшей кожей, с множеством бугорчатых трубок и крестообразных металлических скоб, сдерживающих рост раковой опухоли. Узкая полоска жестких волос с треугольного выступа над лбом повелителя клана тянулась до самого затылка, а вниз от нее до самых плеч расходились татуировки в виде молний.

Его глаза, как и у Гхоты, покраснели от внутренних кровоизлияний и не выражали ни малейшего намека на человеческое сочувствие или понимание. Глаза убийцы, глаза воина, который с боями прошел весь мир и убивал каждого, кто вставал у него на пути. Взгляд этого человека завораживал целые армии, распахивал ворота крепостей и повергал в

страх великих героев.

На спине у него висел меч глиной врос в плоть взрослого мужчины, и Бабу Дхакал медленно и осторожно вытащил его из спины, словно хирург, готовящийся к операции.

Ули палач, приступающий к пыткам.

Но кивку Дхакала Гхота разжал руку.

Меч взметнулся вверх, блеснула сталь, потом на пол ударила мощная алая струя. Отдельные капли зашипели и затрещали, попав на угли, и наполнили воздух запахом горелой крови. Несчастный рабочий умер, даже не успев почувствовать удара меча. Его тело, рассеченное от плеча до паха, словно туша в лавке мясника, рухнуло на пол, а Бабу Дхакал вытер меч о медвежью шкуру Гхоты.

— Подвесь это на цепь, — приказал он, показывая на безжизненные останки.

Бабу Дхакал убрал меч обратно в ножны, вернулся на свой трон и снял с установленного на его торце крючка огромное оружие.

Штурмовая винтовка ручной сборки, изготовленная на одном из военных

заводов, блестяла и лоснилась, свидетельствуя о заботе своего владельца. На прикладе красовался точно такой же орел, как и на пистолете Тхомы, и, хотя винтовка была на много больше, оба предмета явно принадлежали к одной серии огнестрельного оружия.

Это был болтган, хотя такой архаичной моделью после объединения Терры и Марса не пользовались уже ни в одном легионе Астартес.

--- Тхома, --- с нескрываемой алчностью произнес Бабу Дхакал. --- Отыщи этих воинов и приведи ко мне.

--- Бүдет сделано, --- ответил Тхома, стукнув себя кулаком в грудь.

--- У, Тхома...

--- Да, мой субадар?

--- Они нужны мне живыми. Геносема в трупях мне ни к чему.

Глава 16

ИДУТ ДРУГИМ ПУТЕМ ЯСНОВИДЕНИЕ СЛЕННОЙ

Севериан вел их дальше, к обветшавшей оболочке сооружения, которое когда-то было многоквартирным домом, но развалилось, когда на собранном на скорую руку фундаменте возвели слишком много этажей. Амхарва чувствовал остаточный гнев тех, кто погиб при обвале, слышал психическое эхо их криков, еще не рассеянное и не поглощенное Великим Океаном.

В этом месте царила печаль, и даже те, кто не был чувствителен к движениям эфира, предпочитали держаться подале. В многомиллионном городе Севериан сумел отыскать для беглецов укромное местечко, где они могли спрятаться и перевести дух. Лунный Волк утверждал, что по пути в убежище их никто не видел, но Амхарва сомневался,

что их появление осталось незамеченным.

Сквозь трещины в полу верхнего этажа просачивалась вода, да и сама «крыша», представлявшая собой беспорядочное нагромождение деревянных брусьев и листов металла, казалась крайне ненадежной, но Джития заверил, что непосредственной опасности обрушения нет. Воин Гвардии Смерти сидел, прислонившись к стене, и о чем-то тихо разговаривал с Кироном, а близнецы из Пожирателей Миров исследовали алебарды, взятые у убитых Кустодиев. Они открыли аккумуляторные блоки и, похоже, старались восстановить энергетические поля.

Севериан опустился на колени у самой большой трещины в стене и осматривал окрестности в поисках каких-либо признаков преследователей, поскольку никто не сомневался, что охота на них уже начата. Кай ничком упал в самом сухом углу помещения, и его грудь ритмично поднималась и опускалась, как у мирно спящего человека. Этот смертный был истощен до предела, физически и

морально, но Атхарва знал, что Кай выдержит. Сила, коснувшаяся его разума, не даст ему пропасть, и Атхарва был твердо намерен выяснить, что это за сила. Как и все остальные в легионе Тысячи Сынов, Атхарва презирал невежество, считая его проявлением слабости и недостатком целеустремленности. Что бы ни было заложено в мозг Кая, информация была достаточно важной, чтобы Легион Кустодес привлёк специальную команду дознавателей, поэтому Атхарва считал делом чести вытащить этот секрет.

Атхарва прикрыл глаза и позволил своей сущности покинуть плоть, ощущая легкость бытия, не сдерживаемого физическими оковами. Но надолго покидать свое тело он не мог, поскольку охотники наверняка применят пси-гончих, для которых его тонкое тело послужит ярким маяком.

Ментальный фон Города Просителей обрушился на Атхарву неумолчным гулом мыслей миллионов людей. Он просеивал их банальные и несущественные надежды

когда-нибудь попасть за стены Дворца, выиграл их страх перед уличными бандами, их отчаяние и духовное оцепенение. То здесь, то там мелькали безошибочные признаки дремлющих псайкеров, талантливых личностей, способных творить чудеса.

Он с грустью подумал о том, что этим огаренным людям на Терре никогда не выпадет шанса проявить свои способности. Если бы они родились на Проспекте, их таланты постарались бы сохранить и развить. Огромная работа, начатая Алым Королем до предательского Никейского собора, предоставляла ослепленному человечеству шанс раскрыть потенциал блестящего разума, но Атхарва знал, что эти хрупкие мечты, едва оформившись, были безвозвратно погублены и возродить их уже не удастся.

Вскоре он отвлекся от ментального фона города и нащупал в его глубине нечто чуждое и могущественное. Тонкое тело ощутило его близость, и он с трудом подавил желание направить туда свои мысли. Где-то неподалеку от него обитало

существо, которое обнаружило лазейку в барьере, отделявшем реальность от Великого Океана, незаметную для обитателей материального мира.

Но как только Атхарва обратил внимание на загадочный разум, его присутствие тоже было немедленно обнаружено, и чужая мысль спряталась в раковину физической оболочки. Он все еще ощущал его, поскольку столь мощную силу было невозможно скрыть полностью. Она похожа на незаживающую царапину в материи окружающего мира.

Атхарва не стал его преследовать, а вместо этого обратился мыслями к Каю Зүлану. Тонкое тело проникло в верхние слои разума астроната, оставив позади сгустки мыслей его бодрствования и панический страх последних недель. Грубые шрамы, оставленные нейролокаторами, рассердили его, и Кай тревожно вздрогнул во сне, когда гнев Атхарвы просочился и в его сознание.

Перед Атхарвой мелькнули картины бесплодной пустыни и величественной крепости, в которой он узнал Арзашкун.

построенный в царстве Урарту. Крепость была описана сухим, но информативным языком примарха Жиллимана, и копия этого труда имела в библиотеке Корвидов в Тизке. Почему это место снится Каю Зүлану? Он, конечно, служил Астартес Тринадцатого легиона и, вполне возможно, видел оригинал описания где-нибудь на Ультратаре, но почему он выбрал эту крепость для своих видений?

Атхарва глубже погрузился в видение и ощутил запахи базара — дым кальянов и ароматы специй, ароматы давно ушедшей цивилизации. Он не мог оценить эти ощущения, но чувствовал их важность для тайны, скрытой в мозгу Кая.

Что потребовалось Оку от этого смертного? Какую важную тайну поместили в этот хрупкий сосуд, вместо того чтобы выбрать для ее охраны нечто более прочное?

Атхарва устехнулся, отметив в своих размышлениях оттенок ревности.

Он сильнее нажал на границу видений Кая, применяя при этом метод, недоступный пониманию простаков.

которые пытались взломать его сознание. Амхарва увидел пустыню и оценил ее колоссальную пустоту. Он постиг значение укрепленной твердыни и крадущуюся тень, что кружила под стенами с терпением истинного хищника. Здесь было убежище Кая, но надолго удержать искателя истины такого уровня, как Амхарва, оно не могло.

Небольшое усилие мысли привело Амхарву к массивным воротам Арзашкуна, и он остотрел сверкающую белизну многочисленных башен и позолоченные крыши. Часть строений была разрушена, и он представил, как нейролокаторы уничтожали здания, пытаясь запугать своего пленника.

--- Вы только загнали его тайну еще глубже, --- сказал Амхарва.

Он протянул руки к огромным воротам и приказал им открыться. Не дождавшись результата, Амхарва повторил приказ. И снова ворота остались для него закрытыми наглухо, а Амхарва ощутил приближение опасности. Внезапно песок вокруг него завихрился черными

зловещими струями. В уши ударила волна
предсмертных воплей, и к его тонкому
телу потянулись скрюченные пальцы,
состоящие из черного блестящего
вещества. Они отрывали клочья света от
его имматериального тела, и физической
плоти это грозило черными болезненными
отметинами.

Амхарва поднялся над бурлящей
трясиной ужаса и отчаяния, раздраженный
тем, что позволил себе поддаться столь
примитивным эмоциям. Его тонкое тело
поплыло над Арзашкуном, а темные струи,
словно лианы по стене здания, поднимались
вслед за ним. Теперь он был уверен, что
тайну, скрытую в голове Кая, защищает
его собственное ощущение вины, и Амхарва
улыбнулся, восхищенный искусным выбором
того, кто прятал информацию.

--- Очень разумно, --- сказал он. ---
Подобную защиту можно преодолеть
только изнутри.

Он направил тонкое тело в
оставленную в материальном мире плоть,
застонал и открыл глаза. Освещение в их
открытии значительно изменилось ---

солнце уже склонялось к западному краю горизонта, и горы окутывал вечерний сумрак.

— Где ты был? — спросил его Тагоре.

Амхарва вздрогнул, только сейчас увидев рядом с собой Пожирателя Миров.

— Нигде, — ответил он.

Тагоре растаял.

— Для утника ты слишком много лжешь.

Амхарва не мог не отметить справедливость этого замечания.

— Тагоре, я ученый. Я оперирую фактами, а факты всегда правдивы. Ложь нужна для низших утов, которые не в силах взглянуть в лицо истине.

— А я воин, Амхарва, — сказал Тагоре. — И ты прежде всего был создан ради войны. Не забывай, что это тоже истина.

— Я прошел немало войн, Тагоре, — ответил Амхарва. — Но это слишком грубое занятие, и оно не учит ничему, кроме разрушения. В процессе войны знания могут быть бесповоротно утрачены, а такая потеря для меня недопустима.

Тагоре ненадолго задумался, потом показал пальцем на Кая.

--- Утак, мы вытащили его из тюрьмы, и он остался жив. Ты не собираешься мне рассказать, чем он так ценен, что мы рисковали ради него своими жизнями?

--- Я и сам еще точно не знаю, --- сказал Амхарва. --- Я пытался проникнуть в его сознание и выяснить, что искали там Легио Кустодес, но секрет спрятан очень глубоко.

--- Что-то касающееся Императора, --- предположил Тагоре. --- Это единственное, что может интересовать Кустодиев.

--- Возможно, ты прав, --- согласился Амхарва.

--- А теперь скажи, почему ты разговаривал с охотником на ступенях Общины.

Амхарва ждал этого вопроса. Он безошибочно определил вибрирующую струну гнева в ауре сержанта Пожирателей Миров и понял, что при всей своей прямоте Тагоре быстро заметит любую попытку обмана.

— Это трудно объяснить, — начал Атхарва и тотчас поднял руку, предваряя гневные возражения Тагоре. — Я говорю это не затем, чтобы уклониться от ответа. Многие воины моего легиона посвятили себя предсказаниям. Они исследуют течения Великого Океана — Варна, как его называют многие, — и ищут нити, соединяющие прошлое, настоящее и будущее. В его глубинах можно прочесть обо всем, что было и что может быть, но для того, чтобы выбрать то, что будет, требуются долгие годы работы, и даже в этих случаях нельзя ручаться за точность.

Атхарва улыбнулся, вспомнив высказывания главного библиария Аримана.

— Я достиг ранга свободного агента — а в моем братстве это высокое положение, и я изучал все науки, применяемые в моем легионе, но я недостаточно опытен, чтобы с уверенностью предсказывать будущее.

— В тот день ты что-то увидел, не так ли? — спросил Ашубха, держа в руке

потрескивающее энергетическим полем
оружие. -- У это заставило тебя остаться
в стороне, вместо того чтобы
предупредить о приближении противников.

-- Да, это верно, -- подтвердил
Амхарва. -- Я увидел перевернутую
Галактику и ожидающий нас другой путь.
Я увидел нас хранителями тайны,
способной изменить последствия мятже
Хоруса Лунеркала.

-- Хватит загадок, -- потребовал
Шубха. -- Говори ясно, что ты увидел.

-- Я могу говорить только о
возможностях, ничего другого у меня нет, --
сказал Амхарва. -- По причинам, о
которых никто из нас даже не
догадывается, Хорус восстал против
своего отца, и на его сторону перешли
три его братьев. Примархи Ангрон,
Фулгрим и Мортарион присоединились к
мятежу, но я не думаю, чтобы это дело
ограничилось.

-- Почему? -- спросил Тагоре.

-- Потому что Хорус неглуп, и он не
стал бы рисковать всем в единственном
раунде в песках мертвого мира. Нет,

Устваан-пять это лишь начальная
стадия плана Лүперкаля, и в изру
встүпили еще не все участники.

--- Какое отношение все это имеет к
нему? --- спросил Кирон, ткнүв пальцем в
сторону Кая.

--- Я үверен, что Каю Зүланү известен
результат грандиозного замысла Хорүса, ---
сказал Атхарва.

Он помолчал, предоставляя своим
спутникам представить возможные
варианты исхода событий и задать
неизбежные вопросы. Первым заговорил
Ашүбха.

--- Что же произойдет? Неужели
Хорүс свергнет Императора?

--- Я не знаю, --- ответил Атхарва. ---
Но в любом случае Кай Зүлан сейчас самый
важный человек во всей Галактике. Его
жизнь дороже жизни любого из нас, и
потому я постарался освободить его из
заключения.

--- Но ты говорил, что информация
похоронена внутри, --- заметил Тагоре. ---
Как ты собираешься ее выудить?

Атхарва вздохнул.

— Я не уверен, что смогу это сделать, — признался он. — Информация скрыта в глубине его вины, и это чувство достаточно сильно, чтобы устоять перед твоими попытками.

— Тогда какой с него толк? — сердито спросил Шубха. — Надо его убить и покончить с этим. А то он будет нас задерживать, пока нас не перебьют.

— В словах Шубхи есть смысл, — заметил Кирон. — Если будущее предопределено, какая разница, погибнет этот астронавт или выживет? Результат останется тем же самым.

— Я не верю в предопределение, — возразил Атхарва. — Узнавая будущее, мы получаем возможность его изменить. Я не позволю себе пропустить возможность сформировать будущее.

— Это понахивает высокомерием, — заметил Севериан, развернувшись на своем наблюдательном пункте.

— Разве? — Атхарва покачал головой. — Если я хочу изменить ход войны, которая грозит унести сотни тысяч, а то и миллионы жизней, разве это

высокомерие? Представьте себе потенциал армии, которая отправляется в бой, зная, что не может проиграть. А теперь вообразите, что та же самая армия узнает, что не сможет одержать победу, как бы она ни старалась. Знание — сила, это известно Механикум и моему легиону тоже. Тот, кто овладеет информацией, скрытой в голове этого астронаута, станет победителем в этой войне.

— Что же ты будешь с ним делать? — спросил Кирон.

— Возьмем с собой на Усстваан-пять, — сказал Шубха. — Разве это не очевидно? Наше место рядом с братьями в наших легионах, и если Красный Ангел связал свою судьбу с Хорусом, значит, у него были на то веские причины.

Тагоре, соглашаясь с ним, кивнул, и Атхарва видел, что Кирон тоже считает эту идею разумной. Ашубха оставался безучастным, а Севериан не поднимал глаз. Атхарва набрал в грудь воздуха, зная, что следующие его слова могут оказаться опасными.

— Но если так рассуждать, то у Императора, назвавшего их изменниками, тоже могли быть свои причины. А вдруг ваши легионы недостойны вашей преданности?

Тагоре вскочил на ноги, и в его руке сверкнул клинок.

— Сначала меня называют изменником Легио Кустодес, а теперь еще и ты? Я убью тебя на месте.

— Фениксиец предатель? — воскликнул Кирон, нацелив плазменный карабин в голову Атхарвы. — Я был бы тебе благодарен, если бы ты тщательнее выбирал слова, колдун.

Атхарва понимал, что пути назад нет, но при такой эмоциональной реакции отстаивать свое мнение было бы неразумно.

— Как вы можете с уверенностью ругаться за свои легионы? Сколько лет прошло с тех пор, как вы в последний раз встречались со своими братьями? Пятьдесят? Сто лет? Кто может знать, что за это время произошло с вашими легионами? Я больше сорока лет не

смотрел в глаза Алого Короля, а Тагоре, насколько мне известно, почти сто лет не преклонял колени перед Ангроном. Нас бросили в самое глубокое подземелье Терры только из-за наших значков, а не за истину. В наших сердцах, так кто же может определить, кому мы теперь верны? Наш первейший долг служить Империи, верно?

--- Любой повелитель, заковавший меня в цепи, не достоин моей преданности, --- заявил Тагоре.

--- Возможно, это и так. Но как быть с нашими братьями-легионерами? Что может разрушить узы братства, выкованные в боях? Или теперь мы верны только им? Или мы верны зарождающемуся братству среди нас? Подумайте об этом, нам представился уникальный шанс самостоятельно выбрать того, кому мы принесем клятву верности.

--- Хорошая речь, --- произнес Тагоре, постукивая себя по голове. --- Но я и так знаю, кому принадлежит моя преданность. Только притарху, чьим словам и поступкам я следовал в пожарах войны и

кто подарил мне возможность стальной хваткой обузывать свою ярость.

--- От тебя, Тагоре, я и не ожидал ничего другого. Ты сражался рядом с Ангроном еще со дней Боевых Гончих, со времен Дешеа, а как насчет вас? --- спросил Атхарва, обращаясь к Шубхе и Ашубхе. --- Ни у одного из вас нет такой аугментики, как у Тагоре. Что вы скажете?

--- Я согласен с Тагоре, --- последовал ожидаемый Атхарвой ответ Шубхи.

--- А ты?

Близнец Шубхи ответил Атхарве взглядом, не уступавшим в твердости его собственному. Его лицо стало задумчивым, и Атхарве понравилось, что этот воин не отвечает сгоряча.

--- Мне кажется, у нас недостаточно фактов для такого важного решения, --- сказал Ашубха.

--- Ответ труса, --- бросил Тагоре.

Атхарва отметил в глазах Ашубхи сдерживаемый гнев. Тагоре был его сержантом и заслуживал уважения, но блюсти субординацию в нынешних условиях было сложно, а произносить столь

оскорбительные слова в адрес могучего воина — неразумно.

— Тагоре, ты ошибочно принимаешь за трусость обычное благоразумие, — сказал Ашубха. — Нельзя отрицать, что у Хоруса и наших примархов были причины для восстания, но Атхарва прав, говоря о том, что никто из нас больше не знает своих легионов. Может, они пали жертвой зависти или позволили высокомерию затмить клятву верности?

— Верность для меня превыше всего, — заявил Шубха, отвернувшись от своего брата. — Я найду способ добратся до своего легиона и буду сражаться бок о бок со своим примархом.

— Слова истинного Пожирателя Миров, — похвалил его Тагоре и хлопнул по плечу. — Мы все должны вернуться к своим легионам. Если ты, Атхарва, решишь остаться на Терре, дело твое, но я буду искать любую возможность вернуться к своему примарху. Со мной моя сила и боевые братья, охраняющие фланги. Я найду способ вырваться с Терры. Может, я и пройду по Багряной Тропе, прежде чем

попаду на Усстваан-пять, но я не сверну с
этого пути.

--- А что потом? --- спросил Атхарва. ---
Что, если ты, добравшись до Ангрона,
обнаружишь, что он пограз в скверне и не
достоин твоей верности?

--- Тогда я обнажу меч и погибну,
пытаясь его убить.

--- Ты слышишь? --- спрашивает
Сатүрналий. --- Бүйство этих звуков меня
поражает.

--- Я слышу, --- отвечает Нагасена. ---
Ох печаль едва не разбивает мне сердце.

Сатүрналий смотрит на него, но не
может понять выражение его лица, и
Нагасена понимает, что тот старается
угадать, не шутит ли он.

--- Следи за своими словами,
охотник, --- говорит гигант Сатүрналий, ---
иначе тебя самого упрячут в Кхангба
Марву вместе с этими бунтовщиками.

--- Ты меня не понял, груг
Сатүрналий, --- говорит Нагасена. --- Я буду
охотиться за этими людьми до последних
дней Терры. Без пощады, без отдыха. Но

если бы мы слышали их страх и замешательство, если бы мы знали, что они могут сражаться на нашей стороне... Если бы не издержки генетики... Они растеряны и не знают, что делать.

— Я не знаю, к какому каналу вы подключились, — говорит Головка, отрывая взгляд от инфопланшета в руках Картоно, — но я слышал, что они намерены покинуть этот мир и воссоединиться со своими легионами. Мы обязаны остановить их.

— Согласен, — отвечает Нагасена.

Он кивает, но не сводит глаз с зернистого изображения на инфопланшете. Сигнал слабый и неустойчивый из-за обилия металла и нелегальных антенн, которыми усеяны крыши соседних домов, но его достаточно, чтобы охотники впервые взглянули на свою добычу.

За спиной Нагасены в пурпурных лучах вечернего солнца гылятся обломки разбитого «Карго-9», окруженные Черными Часовыми с оружием наготове. Спускается ночь, а Город Просителей особенно опасен в темное время суток, но им не остается

ничего другого, как продолжать поиски. Большую часть катера уже растащили, даже крылья кто-то отрезал ацетиленовой горелкой, и обнажившиеся внутренние стойки торчат вверх, словно несущие колонны.

Кто-то из бродяг пытался и помешать, приняв за конкурентов в сборе металлолома, но теперь они мертвы, расстреляны Черными Часовыми. Сатурналий и Головка потратили драгоценное время, осматривая обломки машины, но Нагасена знал, что они ничего не найдут.

Севериан позаботился об этом, и Нагасена понимает, что из всех безлецов это будет поймать труднее всего. Это волк-одиночка, который без колебаний покинет своих товарищей, едва почуввав, что охотники дышат им в затылок. Agent Хирико стоит у искореженного фюзеляжа, проводит ладонью по теплоту металла и пытается обнаружить остаточные следы психики безлецов. Напрасное занятие. Слишком много людей пользовались этим катером, слишком

многие прикасались к нему уже после крушения, чтобы остался нужный след, но надо использовать каждую возможность, исследовать каждую мелочь.

Сатүрналию не терпится продолжить охоту, а Нагасена понимает, что в ближайшее время их добыча галеко не уйдет и, наблюдая за ними, можно многое узнать. Пока сбежавшие костодесантники обсуждают свое будущее, не зная, что за ними следят — благодаря вынужденному содействию Дома Кастана и техническим талантам Картоно, — они постепенно раскроют все свои сильные и слабые стороны, и исход охоты будет неизбежным. Так Нагасену учили охотиться, так он работал много лет, и никакое давление со стороны Сатүрналия и Головки не заставит его изменить свои методы.

Сатүрналий поворачивается к Картоно и говорит отрывисто, почти грубо:

— Ты можешь определить их местоположение по этому сигналу?

Картоно оглядывается на Нагасену,

медленно кивает и лишь потом говорит:

--- Не точно, но в пределах нескольких сотен метров.

Сатурналий переключается на Афину Ди́ос.

--- А на такой дистанции можно будет сориентироваться точнее?

Афине Ди́ос не нравится в этом участвовать, но она понимает, что выбора у нее нет. Из того, что Нагасена о ней слышал, можно заключить, что она беспощадный наставник, но преданный друг, кто заслужил ее доверие. Нетрудно понять, почему ей хочется защитить Кая Зулана.

--- Думаю, да, --- отвечает она.

--- Тогда нам пора двигаться, --- командует кустодий.

Нагасена шагает вперед и становится на его пути.

--- Не забывай, кустодий, --- говорит он. --- Это моя охота, и я здесь командую. Ты на свою беду недооцениваешь этих людей. Они опасны в любой ситуации, а загнанные в угол будут драться, как горюховые воины прошлой эпохи.

--- Ух всего сего, и я сомневаюсь, чтобы воин Гвардии Смерти дожил до рассвета, --- с улыбкой вставляет Головка. --- Одному Трону известно, чего ты добиваешься своей медлительностью.

--- Я хочу постичь истину, --- говорит Нагасена, касаясь правой рукой камня в рукоятке меча. --- А это самое важное.

--- Истину? --- переспрашивает Сатурналий. --- Какую истину ты хочешь узнать у этих изменников?

Нагасена колеблется, но он не будет лгать Сатурналию, потому что ложь унижит его.

--- Я надеюсь понять, должен ли я вообще ловить этих людей, --- говорит он.

Кай проснулся от ужасного сна, в котором его голову постепенно облепляла глина, твердевшая с каждым вздохом. Казалось, что он заключен в душную пещеру, полностью соответствующую размерам и форме его тела, и каждый глоток воздуха дается труднее, чем предыдущий. Как только он вернулся в реальность, на него снова навалилась

усталость, как будто и не было никакого отдыха.

Он потер кожу вокруг болезненно воспаленных глаз. Боль вибрировала внутри черепа, на щеках и на лбу остались кровоподтеки от зажимов дознавателей, применяемых для расширения глаз, чтобы можно было вставить датчики записывающей аппаратуры. На месте крепления контактов кожа безумно чесалась.

Кай почувствовал на себе взгляды Отверженных Мертвецов. Он набрал полную грудь воздуха и выглянул наружу. Небо над входом в их убежище стало желтовато-пурпурным, как старый синяк.

— Что случилось? — спросил он, чувствуя напряженность среди воинов. — У нас неприятности?

Севериан растаялся, а Пожиратели Миров широко осклабились.

— Нас обвиняют в измене, за нами погоня... Наверное, это можно считать неприятностями.

— Я не это имел в виду, — сказал Кай.

— Мы решаем, как поступить с

тобой, --- пояснил Амхарва, и от его бесстрастных слов Кая пробрала дрожь.

--- Ох, --- вздохнул он и опять почесал кожу вокруг глаз. --- Вы уже пришли к какому-то решению?

--- Еще нет, --- признался Амхарва. --- Кое-кто из нас стремится покинуть Терру и доставить тебя к Хорусу Луперкалю, другие настаивают на том, что тебя надо просто убить.

--- Убить? Почему?

--- Ты представляешь весьма реальную опасность, Кай, --- сказал Кирон, опустив руку на его плечо.

Кай ощутил грозную силу его хватки. Кисть костодесантника была настолько большой, что охватывала все плечо полностью --- от ключицы до самой лопатки. Стоило Кирону чуть усилить нажим, и он мог свободно переломать ему все кости.

--- Какую опасность?

--- Я подозреваю, что в твоей голове содержится информация о будущем, --- сказал Амхарва. --- А истина --- это самое опасное оружие в любой войне.

--- Но я ничего не знаю, --- возразил Кай. --- Я и им об этом говорил!

--- Это так, --- согласился Кирен и едва заметно усилил давление, но этого оказалось достаточно, чтобы заставить Кая поморщиться от боли. --- Ты сам не знаешь того, что тебе известно. Армия, несущая истину своим знаменем, не может проиграть. Представь идеальную войну, которую ведут воины, абсолютно уверенные в победе. В тебе заключена как раз эта уверенность, и, чтобы овладеть этой информацией, великие и важные люди готовы на все, лишь бы заполучить тебя в качестве знамени.

--- Мы будем драться за то, чтобы вырваться из этого мира, и ты нам поможешь, --- заявил Тагоре.

--- Покинуть Терру? --- Он устехнулся и потер виски костяшками пальцев. --- Проклятье, глаза так и горят.

--- Что с ним такое? --- поинтересовался Шубха.

Ашубха присел рядом с Каем на корточки и обхватил руками его голову. Пожиратель Миров внимательно

пристотрелся, повернул голову и оттянул кожу в том месте, где был вживлен аугментический глаз. По щеке Кая пробежала кровавая слеза.

--- Кровь Ангрона! --- выругался Ашубха. --- Затолчите все, они нас видят и слушают.

Кай попытался высвободиться из рук Пожирателя Миров, но это было невозможно. Он не мог ни повернуть голову, ни шевельнуть плечом. Ашубха уставился прямо в глаза Кая, и, если бы не вынужденная неподвижность, тот бы непременно поежился от переполнявшей взгляд злобы.

--- Умно придумано, --- произнес Ашубха, прикладывая пальцы к щекам Кая. --- Но на этом все и закончится.

--- О чем ты говоришь? --- выдохнул Кай.

--- Что ты делаешь? --- воскликнул Амхарва.

--- Заметаю следы, --- ответил Ашубха, погрузил большие пальцы в глазницы и вырвал глаза астронавта вместе с окровавленными проводами.

Глава 17

СМЕРТЬ ПРИБЛИЖАЕТСЯ СОСКОЛЬЗНУВШИЙ ПОВОДОК АНТУХ

Лицо Кая закрывала маска из крови, масла и охлаждающей жидкости. Шубха взял его за руку, и отряд снова отправился к центру города с той скоростью, на какую был способен раненый Джития. Несмотря на просьбы оставить его и дать умереть спокойно, Тагоре и Кирон с двух сторон поддерживали слабеющего костодесантника. Кай уже перестал кричать, хотя ужасная боль и не думала утихать. Он считал, что это плохой признак.

Оборванные провода шлепали его по щекам, и, хотя Кай погрузился в мир, привычный для большинства астронавтов, после перенесенной травмы он никак не мог с этим освоиться. Тем не менее

операция по удалению глаз, несмотря на всю свою жестокость, была проведена с такой же точностью, с какой бы ее осуществил хирург-аугментик.

Его слепозрение с трудом приспособлялось к тому, чтобы снова стать главным среди его чувств, и пока вокруг Кая мелькали только размазанные световые пятна. Он блуждал в мире обоняния и слуха, вкуса и осязания. Он ощущал твердые камни мостовой под ногами и холодный ночной воздух. В открытых переходах витали ароматы кулинарного жира и горящего дерева, но преобладающим ингредиентом оставался теплый запах скученной человеческой общины.

--- Почему он это сделал? --- прошипел Кай между сдвоенными всхлипываниями и вздохами, когда Севериан остановил отряд на пересечении трех улиц.

--- Что сделал? --- переспросил Шубха. --- Кто?

--- Твой брат-близнец. Почему он вырвал мои глаза?

Шубха виделся ему злобным

всплеском пурпура и золота, беспорядочным нагромождением резких граней, так что его неустойчивая аура содрогалась под воздействием ощущения обособленности. Шубха страдал от разлуки со своими братьями по легиону, и эта слабость разрушала его изнутри.

--- Ты был шпионом, --- ответил воин.

--- Что? Нет! Я не шпион! Ничего не понимаю...

--- Твои глаза, --- пояснил Шубха. --- Люди, которые нас преследуют, наблюдали за нами через твои глаза. Они видели и слышали все, что происходило в том разрушенном здании.

Он сделал глубокий вдох и постарался отвлечься от боли.

--- Как они сумели это сделать?

Шубха пожал плечами.

--- Я не знаю. Ашубха умнее меня. До нашего назначения на Терру его собирались отправить на Марс, чтобы выучить на технодесантника.

--- Твои аугментические имплантаты были получены из Теленатика? --- спросил Амхарва.

Он погосел, обхватил голову Кая и заглянул в зияющие пустоты глазниц. Кая хотелосъ закрыть глаза, но у него не было век, и отвернуться от сияющего золотистого силуэта Амхарвы он тоже не мог. Весь окружающий мир был для него совокупностью нечетких линий, тогда как воин Тысячи Сынов поражал кристальной чистотой мерцающего света и чуждым Амхарва казался настолько реальным, что у Кая снова начался приступ головокружения.

--- Нет, --- ответил он. --- Ух предоставил Дом Кастана.

--- Дом навигаторов?

--- Да.

Кай кивнул и сразу же пожалел об этом. Резкое движение головы вызвало тошноту. Цветовые пятна и свет закружились вокруг него радужным вихрем, он схватился за руку Шубхи, но колени подогнулись, и он сплюнул густую желчную слюну.

Шубха уложил его на землю и предоставил кашлять, пока слюна не кончится. Кай почувствовал себя слабее

новорожденного младенца, остатки сил покидали его с каждым рвотным позывом. Амхарва опустился рядом с ним на одно колено.

--- Наши преследователи очень хитры, -- сказал он. -- Похоже, что они получили из Дома Кастана спецификацию всех имеющихся у тебя устройств и сумели перехватить сигнал с оптических трубок. Только Оку известно, что они успели услышать и увидеть, но придется признать, что они уже близко.

Кай лежал на земле, прислонившись к грубо сложенной стене из необожженных кирпичей. Ее неровная поверхность отлично подходила для короткого отдыха. Он оперся головой на кирпичи, ощущая за нити пульсирующую жизнь. Это было обитаемое помещение, где люди жили, любили и мечтали. Кай соскучился по своему дому на вершине пологого холма, когда-то давно бывшего бровью божества. Он соскучился по грустной улыбке матери и теплой домашней атмосфере.

--- Я хочу домой, -- пробормотал он, ощущая долгожданный мир в своем

сердце. -- Я соскучился по дому... Мой
милый дом... Он бы тебе понравился,
Афина. Там полы, выложенные блестящими
мрамором, и сводчатые потолки,
расписанные копиями работ Усандула
Веронского.

-- О чем это он толкует? -- раздался
грубый голос, который он должен был бы
знать. -- Что это за Афина?

К его лбу прикоснулась рука --
шершавая и мозолистая от тяжелой
работы и слишком большая для руки
обычного смертного.

-- Силы в его теле иссякают, --
произнес другой голос. -- Он и так был
фактически мертв, когда мы до него
добрались, а крушение и хирургическое
вмешательство Ашубхи совершили дело.
Ему требуется медицинская помощь.

-- А что мы знаем о телах
смертных? -- прозвучал звонкий голос, в
котором проскальзывало раздражение. --
Среди нас нет апотекариев.

-- В городе должен быть медик,
возможно, и не один.

-- И ты знаешь, где их искать?

--- Нет, но знает кто-нибудь из живущих поблизости.

--- А он сумеет помочь Джитии?

--- Не говори глупостей, --- прохрипел резкий голос ангела в красном, закованного в цепи. --- Джития встал на Багряную Тропу, и никто не в силах помешать ему пройти ее до конца.

Кай слушал голоса, но ему казалось, что они принадлежали собравшимся вокруг него мерцающим призракам, словно к нему слетелись ангелы из древней легенды. Он вспомнил обнаруженные агентами Хранилища резные барельефы в затопленных залах на дне фиорда в Скандии, на которых воинственные девы валькирии уносили души погибших в загробную жизнь, к бесконечным пирам и сражениям.

При мысли о девах-воительницах ему стало смешно. Чем он мог бы заслужить их внимание? На щеках выступила теплая влага. Кай поднял руку к одному из гигантов --- золотому великану, окутанному мерцающим сиянием.

--- Я тебя видел... --- произнес он. --- В

Арзашкүне. Ты появился в моем видении...

--- Правда?

--- Да, то есть я думал, что это ты. ---

- И без того ослабленное тело уступало под натиском новых повреждений, и его голос перешел в тихий шепот. --- Полню, я еще подумал, что у тебя есть тысяча более важных дел, чем разговоры со мной.

--- Ты со мной разговаривал?

Золотая фигура наклонилась ближе.

Кай кивнул.

--- Ты сказал, что хочешь узнать свое будущее, а я ключ к его пониманию...

--- Это действительно так, --- с нескрываемым интересом подтвердил голос. --- И ты можешь рассказать о нем, как только будешь готов.

--- Я расскажу, --- пообещал Кай.

Его тело с каждой секундой становилось все легче. Наверно, эти существа как раз этого и ждут. Его легче будет унести, когда он расстанется с физической оболочкой. Но прежде чем они его заберут, Кай хотел задать еще один вопрос.

--- Отверженные Мертвецы... ---

прошентал он. — Почему он сказал, что это подходящее название?

Кай ощутил улыбку золотого гиганта и порадовался, что смог ему помочь.

— Когда-то этот мир принадлежал богам, и люди верили, что молитвы и жизнь по законам безумных пророков помогут им заслужить прекрасную загробную жизнь после смерти. Их похоронят в освященной земле, и в назначенный час они восстанут, чтобы продолжить жить в новом чудесном мире. Но тех, кого проповедники объявляли отверженными, считали недостойными этого благословения, их тела хоронили на заброшенных пустырях, без памятников и склепов. Неглубокие ямы и негашеная известь. Забытые и обездоленные. Они были Отверженными Мертвецами, как и ты.

— Понимаю... — произнес Кай, довольный полученным ответом на свой последний вопрос.

Рядом с золотым ангелом возник еще один силуэт, но его аура сильно потемнела

и казалась едва уловимой. Для угасающих чувств Кая она была очень красивой, но больше подходящей какому-то животному, а не человеку.

--- Он сможет идти? --- спросил призрак волка.

--- Нет, --- ответил Кай. --- Я думаю, со мной все кончено.

По щеке снова прокатилась капля влаги, и чей-то палец ее осторожно стахнул.

--- Я плачу? --- спросил Кай.

--- Нет, --- ответил волк-одиночка. --- Ты утираешь.

Охотники расходятся по всему помещению, разыскивая малейшие следы, способные подсказать, в какую сторону направились беглецы. Головно мечется, словно разъяренный медведь, проклиная Пожирателя Миров, обнаружившего слежку, а Черные Часовые переворачивают обломки мебели и охапки сгнившего тряпья.

Сатурналий опускается на колени перед влажным участком потрескавшегося

пермакрита и касается его пальцем. Его золотая броня сверкает каплями влаги, а красный плюмаж тяжело свисает до самого плеча.

— Они здесь были, будь они прокляты, — ворчит Головка. — А теперь мы их упустили. Кто-то же должен был их заметить, так что теперь придется разбить несколько голов, пока кто-нибудь не начнет говорить.

Сатурналий и Нагасена молча обмениваются взглядами, достаточно красноречивыми, чтобы понять их отношение к высказыванию Головки. Сквозь трещины в плитах капает вода, размеренный стук успокаивает нервы, и Нагасена обходит помещение, словно крадется за добычей. Ноги у него немного согнуты, а голова наклонена набок, как будто охотник прислушивается, не зашуршат ли сухие листья, не треснет ли упавшая ветка.

Нагасена остатривает пролом в стене, потом опускается на пол, наклоняется и ложится, ощущая остатки тепла человеческого тела.

--- Проклятье, мы на охоте, а ты решил прилечь! --- взрывается Головко. --- Они только что были здесь, надо немедленно выяснить, где их теперь искать.

Нагасена игнорирует оклик, и к нему направляются Черные Часовые.

--- Ты меня слышишь? --- окликает его Головко.

Картоно занимает позицию между ними, и Головко брезгливо морщится.

--- Пошел прочь, урод, --- бросает он.

--- Назови его так еще раз, и я позволю Картоно проучить тебя за грубость.

--- Пусть только попробует.

--- Улис Картоно --- ученик магистратского округа Күлексүс, --- произносит Сатүрналий таким тоном, словно обращается к ребенку. --- Ты утреешь раньше, чем успеешь поднять свою винтовку, Максим Головко.

Головко сплевывает на пол, но отворачивается, предпочитая ничего не отвечать.

Күстодий опускается на колени рядом с Нагасеной и прослеживает его взгляд.

--- Здесь лежал Кай Зүлан? ---

спрашивает он.

--- Да, --- подтверждает Нагасена.

Сатүрналий кивает.

--- Я обнаружил у выхода кровь. Кровь мертвого, она еще не свернулась.

--- Это кровь Зүлана, --- соглашается Нагасена.

Он просовывает руку под груды обломков пертабетона, неизвестно когда свалившихся сверху. Пальцы осторожно исследуют мелкие камешки и песок, но потом он ощущает холодное прикосновение металла и гладкую поверхность стекла и вытаскивает пару еще влажных оптических имплантатов. С тонких кабелей еще стекает биомасло и слезозаменяющая жидкость.

Нагасена поднимает свою находку, и на лице Сатүрналия появляется улыбка.

--- Как ты узнал?

--- Здесь Ашүбха вырвал у Кая глаза, --- говорит Нагасена. --- Но он левша, и было бы логично искать их с этой стороны.

--- Итак, у тебя имеются его глаза. Поможет ли это нам поймать беглецов? --- спрашивает Сатүрналий.

Нагасена поднимается, отряхивает одежду от пыли.

--- Возможно. Это мелочь, по которой ни ты, ни я не сумеем взять след, но, может, сумеет кто-то другой.

--- Теленаты?

--- Верно, --- соглашается Нагасена.

Сатурналий машет рукой Афине Дийос и Хирико, приглашая их войти в полуразрушенное здание. Обе женщины испуганы, и им не нравится ни участие в охоте, ни Город Просителей. Подобное окружение им совершенно незнакомо, и Нагасена не уверен, сумеет ли добиться от них сотрудничества.

Афина Дийос осматривает просевшую крышу, готовую рухнуть в любой момент, а агент Хирико смотрит прямо перед собой и движется словно автоматон. Смерть ее коллеги висит на плече женщины свинцовым грузом, но на охоте нет времени для утешений. Нагасена протягивает Хирико вырванные имплантаты, и она невольно морщится.

--- Это глаза Кая? --- спрашивает Афина Дийос.

— Да, это они, — говорит Нагасена, а Хирико кладет их в руку-манипулятор оракула с такой осторожностью, словно передает пару ядовитых змей.

Астронавт подносит аугментические устройства к лицу и напряженно их изучает.

— И что, по-вашему, мы должны с ними делать?

— Я надеялся, что с их помощью вам удастся установить местонахождение Кая Зулана, — говорит Нагасена. — Насколько я понял из вашего личного дела, вы не специализировались в искусстве метрона, [\[33\]](#) но обладаете в этом отношении определенными способностями.

— Возможно, когда-то так и было, — говорит Афина. — Но после катастрофы на корабле Фениксийца я не в состоянии видеть вещи в том виде, к которому привыкла. Вам лучше бы вызвать одного из городских метронов.

Нагасена не в состоянии определить, говорит ли она правду или лжет, поскольку шрам исказил черты лица и

обычные признаки обмана не проявляются. Он решает, что астронавт хитрит.

— Вам придется сделать попытку прочесть информацию на этих имплантатах, иначе последствия будут ужасными.

— Если вы читали мое личное дело, вы должны знать, что мои психологические способности плохо сочетаются с угрозами.

— Я не имел в виду лично вас, — говорит Нагасена. — Я говорил об Умпериуме.

— Вы преувеличиваете, — отвечает она, но Нагасена видит, что ее защита дала трещину.

Он опускается на колени рядом с ее креслом и кладет ладонь поверх ее руки. Кожа кажется искусственной, поскольку полностью лишена волосков.

— Вы думаете, что мы охотимся за Каем Зуланом? — говорит он. — Это не так. Мы преследуем семерых воинов, чья опасность переоценить невозможно. Эти преступники убили не одну сотню верных солдат Умпериума. Кая они захватили в

ПЛЕН и намерены доставить к Хорусу
Лунеркалю. Вы понимаете? Что бы ни
было скрыто в голове Кая, будет известно
Воителю. Никто из нас не знает точно,
что вложила в его разум госпожа
Сарашина, но готовы ли вы рискнуть и
предоставить эту информацию нашему
злейшему врагу?

--- Это действительно так?

Нагасена одним плавным движением
поднимается и обнажает свой меч. В
сумраке развалин его лезвие слабо
поблескивает полированной серебристой
дугой, а черно-золотая рукоять скрыта под
мягкой кожей, оплетенной медной
проволокой. Глаза Афины и Хирико
расширяются при виде оружия, но Нагасена
достал клинок не ради насилия.

--- Это Шудзики, --- говорит он. ---
Много лет назад его создал мастер
Нагамицу, и его название на древнем
наречии давно исчезнувшего народа
означает «честность». До того как меч
попал мне в руки, я был глупцом и
хвастуном, без моральных устоев, но с
неуемным темпераментом. А когда

мастер Нагатицу подарил мне этот меч, и его правдивость стала частью меня, и с тех пор я никогда не лгу. И сейчас я тоже не лгу, госпожа Дийос.

Он видит, что слова достигли цели. Астронат медленно кивает, а потом перекладывает вырванные глаза из манипулятора в другую руку.

— Хирико, — говорит она. — Мне нужна твоя помощь.

— Конечно, — откликается агент. — Что я должна сделать?

— Приложи пальцы к моим вискам и сосредоточься на том, что ты узнала от Кая. Вспомни все ваши разделенные видения, все произнесенные слова. Абсолютно все.

Хирико кивает и делает то, что было приказано. Она встает позади Афины и обхватывает руками ее голову с обеих сторон. Пальцы Афины стыкаются на угментических глазах Кая и ловко перекачивают их, как это делают фокусники. Хлопья высохшей крови остаются на ее коже, и Нагасена загадает, поможет ли это определить

местонахождение Кая.

--- Сколько времени займет этот процесс? --- спрашивает Сатурналий.

--- Столько, сколько потребуется, --- отвечает Афина. --- Может, хотите попробовать сами?

Сатурналий не отвечает, и Афина погружается в транс, ее голова опускается на грудь. Дыхание становится глубже, и Нагасена, ощутив неожиданный холод невидимого царства, куда устремилась ее мысль и которое ему абсолютно непонятно, отходит в сторону.

Пока солдаты Головки вышибают двери ближайших домов и забрасывают вопросами немногочисленных обнаруженных обитателей, Нагасена обводит взглядом жалкое убежище и не чувствует ничего, кроме горького сострадания к судьбе побывавших здесь людей, осужденных за измену.

Нагасена прячет в ножны меч, завидев приближающегося Сатурналия. Хотя их объединяет одна цель, в присутствии кустодия все же не обнажают оружие.

--- Как мог Пожиратель Мира догадаться, что за ними наблюдают?

Нагасена пожимает плечами.

--- Я не знаю, да это и неважно. Это костюмодесантники, а я начинаю понимать, что мы их недооценивали.

--- Как это?

--- Они были созданы, чтобы стать лучшими солдатами, и нетрудно предположить, что они всего лишь генетически выведенные палачи, для которых существует одна цель --- убивать и разрушать. Но они намного больше, чем просто солдаты. Их разум усилен до непостижимых смертным пределов, а их мозг работает так, что я не в состоянии уследить за ходом мысли.

--- Ты хочешь сказать, что не в состоянии охотиться на них? --- спрашивает Сатурналий.

Нагасена позволяет себе слегка улыбнуться.

--- Нет, ничего подобного. При всем их генетическом совершенстве и физическом превосходстве в глубине души они все же просто люди.

--- Что ты хочешь этим сказать?

--- Скажи, что сильнее всего их задерживает? --- спрашивает Нагасена.

--- Они несут раненого человека, --- отвечает Сатүрналий. --- И Астартес Гвардии Смерти долго не протянет. Умного было оставить его в этой развалине. Рисковать всем ради того, чтобы под него подстраиваться, нелогично.

--- А ты бы оставил раненого кустодия? --- спрашивает Нагасена.

--- Нет, --- признает Сатүрналий.

--- Они все еще связаны узами братства, --- печально произносит Нагасена. --- Они руководствуются понятиями чести. Не такого поведения я ожидал от предателей.

--- Что это значит?

--- И ты ошибаешься, --- продолжает Нагасена, игнорируя вопрос Сатүрналия и показывая на прерывистый кровавый след. --- Они несут двоих раненых.

Атхарва постучал кулаком по разрисованной металлической двери и стал ждать ответа. Дом оказался

обычной пристройкой под односкатной крышей, выходящей на заваленную мусором площадь. Здесь сходилось несколько узких улочек, и на крышах многих домов сидели металлические вороны, бесстрастно наблюдавшие за площадью, словно безмолвные часовые. Хотя безлецы и старались держаться в тени, Амхарва понимал, что на них смотрят не меньше сотни пар глаз.

— Да вышиби ты эту дверь! — воскликнул Тагоре.

Амхарва смотрит, как на виске Пожирателя Миров пульсирует вена. В холодном воздухе нейромплантаты в его черепе негромко шипят, и Амхарва гадает, чем это грозит такому деликатному механизму, как мозг.

— Нам необходима помощь хирурга, — ответил Амхарва. — Как, по-твоему, он отнесется к пациенту, если ты высадит дверь?

— А мне плевать, — огрызается Тагоре.

Он прицелился в центр двери и одним движением снес ветхую створку. Дверь

упала внутрь скудно освещенной комнаты, где горела единственная лампа, распространявшая запах низкогокачественного масла и животного жира. Кроме того, воздух был насыщен ароматами хитикалий, сушеных трав и испорченного мяса.

Ашубха и Кирон затащили Джитию внутрь и уложили на широкую кушетку, жалобно закрипевшую под весом костодесантника. Шубха нес на плече Кая. Тело астроната бессильно обмякло, словно он уже умер. Его аура съежилась и потускнела, но Кая еще можно было спасти, и тогда бы она вновь засияла.

— Положи его сюда, — сказал Атхарва, показав на деревянную скамью у стены.

Шубха осторожно опустил Кая на скамью, а Атхарва воспользовался моментом, чтобы внимательно осмотреть помещение. Из-за их присутствия комната казалась тесной, но из того, что Атхарва видел в городе просителей, она, вероятно, считалась просторной.

На стенах были развешаны связки

сухих трав, гниющие куски соленого мяса и помятые листы бумаги, на которых выднелись химические формулы и анатомические схемы. Несколько столов занимали тяжелые стопки книг и подносы с хирургическими инструментами. Шкафы с треснувшими стеклянными дверцами содержали сотни неподписанных флаконов с жидкостями, порошками и раскрошенными таблетками. В одном углу помещался ряд биомониторов и генератор, хотя Амхарва сомневался, что какое-то оборудование тут еще пригодно для работы.

— Ты уверен, что это то самое место? — сердито спросил Тагоре. — По мне, так это еще одна развалюха. Ты думаешь, хирург может здесь жить?

— Все признаки указывают именно на это, — сказал Амхарва, взяв с ближайшего стола пыльный том «Прогностики». Он уже заметил и другие работы Гиппократов, разбросанные по столу как попало, а также труды Галена Пергамского, Абасканта и Менодота. [34]

Эти древние фоллианты, хотя и безнадежно устарели, представляли собой огромную ценность.

— Какие еще признаки? — спросил Кирон, стирая со своего плеча пятно столы. — Как тут можно жить?

— Люди живут так, как должны жить, — сказал Атхарва. — А признаки заметны всякому, у кого есть глаза, чтобы их увидеть. Это Дом Змея.

— Что? — удивился Шубха.

— Место исцеления, — пояснил Атхарва, показывая на рисунок, украшавший выбитую Тагоре дверь.

Створка раскололась на две половинки, но на них еще можно было разобрать изображение борогатого человека в глинном одеянии и с посохом, вокруг которого обвивалась змея.

— И кто это такой? — поинтересовался Кирон.

— Эскулан, — раздался из тени хриплый старческий голос. — Древнее божество грекийцев. По крайней мере, это был он, пока твой проклятый дружок не трюбил его ногой.

Человек в лохмотьях скатился с незамеченной кровати в задней части комнаты, и Амхарва мгновенно отметил среди запахов хиликатов еще и запах давно немытого тела. В тот же миг Тагоре бросился к старику, схватил за шею и прижал к стене. В его глазах сверкнула убийственная ярость, и кулак Пожирателя Мира угрожающе взметнулся вверх.

--- Тагоре, не убивай его! --- крикнул Амхарва.

Кулак Тагоре ударил в стену, выбил тучу пыли и осколков кирпичей и оставил глубинную трещину.

--- Кто ты такой? --- зарычал он.

--- Вы ворвались в мой дом, --- злобно бросил человек. --- Я хирург, кто же еще?

--- Тагоре, отпусти его, --- сказал Амхарва. --- Он нам нужен.

Тагоре неохотно отпустил старика и подтолкнул его к Амхарве.

--- Прошу прощения, медик, --- заговорил Амхарва. --- Мы не хотели причинить тебе вред.

— Ты уверен, что он с этим согласен? — проворчал тот, оглядываясь на Пожирателя Миров и потирая шею. — У воинов Императора, кто вы такие?

Медик, одетый только в тонкую ночную рубашку, производил довольно жалкое впечатление. Судя по запаху и состоянию его глаз, он был пьяницей, да еще и баловался наркотиками, но указатели привели их сюда, а другого практикующего целителя поблизости вряд ли можно было найти.

— Меня зовут Атхарва, и нам нужна твоя помощь. Как тебя зовут, дружище?

— Зовут меня Антиох, но я тебе не дружище, — заявил хирург. — Сейчас слишком поздно для подобных дел, чего ради вы ломаете мою дверь и оскорбляете мое жилище? Я уже пьян и расслаблен, чтобы заниматься вами прямо сейчас.

— Это вопрос жизни и смерти, — сказал Атхарва.

— Я только это и слышу, — буркнул Антиох.

— На этот раз так и есть, — сказал Тагоре, нависая над плечом Антиоха.

— Угрожаете мне? — воскликнул Антиох. — Прекрасно. Достойный метод добиться помощи.

Амхарва взял миниатюрного хирурга за плечо и отвел туда, где лежали Кай и Джития.

— Что с ними случилось? — спросил Антиох, едва на них взглянув.

— Я думал, это ты хирург, — бросил ему Кирон. — Разве сам не можешь сказать?

Антиох вздохнул.

— Послушайте, передайте Бабу Дхакалу, если он будет продолжать пичкать своих людей гормонами роста и мудрить с их генокодом, пусть не рассчитывает, что я буду и дальше ставить их на ноги. Он зашел слишком далеко.

— Бабу Дхакал? — переспросил Амхарва. — Я такого не знаю.

Антиох фыркнул и пристально посмотрел на него, словно видел впервые. Слезающиеся глаза из-под кустистых бровей внимательно изучили лицо Амхарвы и его спутников.

--- Так вы не от Бабу?

--- Нет, --- подтвердил Амхарва. --- Мы не от него.

Антиох подошел ближе, задрал голову, и только тогда рассеялся наркотический туман, окутавший его мозг. Грязным рукавом он протер глаза, а потом яростно заморгал, словно пытаясь стряхнуть пыль.

--- Вы легионеры Астартес... --- выдохнул он, переводя взгляд с одного воина на другого.

--- Да, --- ответил Амхарва и подвел Антиоха к Каю. --- А ему нужна твоя помощь.

--- Помогите сначала Джитии, --- сказал Кирон.

--- Нет, --- заявил Амхарва. --- Джития может подождать, а Кай --- нет.

--- Джития легионер, --- возразил Кирон. --- Неужели ты предпочтешь ему мертвого?

--- Я предпочту его всем нам, --- ответил Амхарва и повернулся к Антиоху. --- Теперь займись его лечением.

Антиох кивнул, и Амхарва почти

пожалел этого человека, вырванного среди ночи из наркотического сна разъяренными гигантами, требующими спасти две жизни, висающие на тончайших волосках.

Надо отдать ему должное, хирург-геометр быстро собрался и взял поднос с инструментами, бактерий на которых было ничуть не меньше, чем в биогенном лабораторном комплекте, стоявшем на соседнем столе. Нагнувшись над Каям, он принялся обследовать его окровавленные глазницы.

--- Антисептические рубцы. Имплантаты удалены, кровооттеки вокруг глазных впадин, --- заборотал Антиох, стирая со щек пациента загустевшую кровь рукавом своей ночной рубашки.

Затем он достал из шкафа запечатанный флакон и сорвал стерильную крышку, чтобы достать содержимое. Не поднимая головы, Антиох разложил на груди Кая небольшие тампоны и с точностью и осторожностью, каких Атхарва никак не мог ожидать, ввел в глазницы антисептический гель, а

затем накрыл их талпоном, от которых
пахло физиологическим раствором,
смешанным с нефтью.

— Как это произошло? — спросил
Антиох. — Это не хирургическая операция,
но сделано очень аккуратно.

— Я вырвал ему глаза, — ответил
Шубха.

Антиох поднял голову, пытаясь
понять, не шутка ли это. Затем покачал
головой и вздохнул.

— Не буду спрашивать, зачем это
сделано, — сказал он. — Уверен, что ответ
мне не слишком понравится.

— Люди, которые нас преследуют,
использовали их, чтобы шпионить за
нами, — сказал Шубха.

Антиох потеглил, покусывая нижнюю
губу.

— И кто же может преследовать
семерых легионеров Астартес? — Не
дожидаясь ответа Шубхи, он поднял руку.
— Кстати, это был риторический вопрос, я
совсем не хочу услышать ответ. А теперь,
если вам важно, чтобы этот человек
выжил, заткнитесь все.

Он открыл набор для шитья и стал ловко орудовать иголкой, быстро и методично зашивая обе глазницы Кая. На лбу Антиоха крупными каплями выступил пот, стало ясно, каких усилий стоит ему сохранять сосредоточенность и точность. Как только швы были наложены, Антиох наложил на глазницы повязку, на которой каким-то чудом не оказалось ни единого пятнышка.

— Как человек с твоим опытом докатился до такой жизни? — спросил Амхарва, когда Антиох, завязав последний узелок на повязке, облегченно вздохнул.

— Это не ваше дело, — последовал немогословный ответ. — Ну, вы собираетесь говорить, что еще с ним не так, или я должен догадываться?

— Он подвергался действию наркотиков и последовательному психическому воздействию дознавателей.

— Да уж, конечно, — снова вздохнул Антиох, вытирая руки подолом рубашки. — И я полагаю, что помощь вам делает меня вашим сообщником, в чем бы вы ни были замешаны, верно?

--- Возможно, --- уклончиво ответил Амхарва. --- Сохрани их жизни, и ты уйдешь. Никто никогда не узнает, что ты здесь были.

Антиох отрывисто и горько расстелялся.

--- Половина жителей уже знает об этом, что вы у меня, а вторая половина узнает об этом к утру. Или вы думаете, что семь таких грохот могучи пройти по городу, не привлекая внимания? Может, вы и супервоины, но для тайных вылазок недостаточно искусны.

--- Он прав, --- согласился Тагоре. --- Не стоит здесь задерживаться.

--- Мы не уйдём, пока он не поможет Джитии, --- заявил Кирон.

--- Я этого и не предлагал, --- огрызнулся Тагоре. --- Не выдумывай.

Антиох не обращал внимания на их перебранку. Он пошарил по шкафам и составил смесь из нескольких хитикатов, набирая их из флаконов без этикеток. Получив желаемое снадобье, он набрал его в треснувший шприц и ввел иглу в обнажённую руку Кая. Прежде чем нажать

на поршень, старый хирургeon оглянүлся на Амхарвү.

--- Ты сын шлюхи, тебе это известно? --- сказал он.

Амхарва үстехнүлся.

--- Мне приходилось воевать вместе с Влка Фенрика, --- сообщил он, --- и тебе придется здорово постараться, чтобы меня оскорбить.

--- Я это үчтү, --- ответил Антиох и опүстошил шприц.

Кай со свистом вдохнүл воздух, а затем его спина выгнулась так, что затрещали все позвонки. Все мышцы у него свело судорогой, а изо рта хлынүл поток злобонной жидкости. Кай извивался, словно казненный на виселице, пятки выбивали гробь по деревянной скамье, а токсины из его тела выделялись үже через все отверстия.

--- На вашем месте я бы повернүл его на бок, --- сказал Антиох, пятясь от содрогаящегося астроната. --- В задней комнате есть относительно чистая одежда, она пригодится, когда чистка закончится.

Тагоре схватил Антиоха за руку.

--- Астронавт выживет, да?

От хватки Пожирателя Миров лицо хирурга болезненно спорщилось.

--- Это слабительное очистит его организм, но он сильно истощен, чудо, что он вообще до сих пор жив.

--- Этого достаточно, --- буркнул Тагоре и потащил Антиоха к Джитии.

--- А теперь займись нашим братом.

Джития едва дышал, его тело, сберегая остатки энергии для восстановления, отключило все второстепенные функции организма. Атхарва знал, что космогесантники выживали и после более страшных ранений, но подозревал, что без аппаратуры апотекариев Джитию вылечить не удастся.

Антиох нагнулся над Астартес Гвардии Смерти и теми же инструментами, какими работал с Каем, стал обследовать кровавые дыры на бледной плоти Джитии. По выражению его лица Атхарва понял, что его худшие опасения подтвердились.

--- Этот человек давно должен был умереть, --- наконец произнес Антиох. --- Для начала, рана свидетельствует о повреждении сердца, и, как я думаю, отключились оба легких. Поврежден еще один орган, которого я даже не знаю. Он поражен силовым оружием, а кроме того, в нем столько пуль, что хватило бы на целый отряд пехоты.

--- Ты хочешь сказать, что не в состоянии его спасти? --- спросил Кирон.

--- Я хочу сказать, что не в состоянии даже предположить, что скрыто под этой кожей, --- ответил Антиох. --- Я не в силах ему помочь. И никто другой, как я думаю. Но мне кажется, вы и сами об этом знаете.

--- Будь ты проклят! --- закричал Кирон, прижав хирурга к стене его собственного дома. --- Ты должен что-то сделать. Ты понимаешь, кто это? Это Джития из Четырнадцатого легиона. Он был первым Носителем Светоча, один из первой Семерки! Этот воин спас мне жизнь, когда мы спускались с экваториального хребта на Япете. Он нес

Императорский штандарт и вонзил древко
в черное сердце властителя Кассини, когда
пал Сатурн. Тебе понятно?

Амхарва и Ашубха разжали пальцы
Кирона, пока его ярость и горе не одержали
верх над разумом.

--- Кирон, пойдете, --- сказал Амхарва. ---
Его смерть не поможет Джитии.

--- Он должен его спасти!

--- Джитии уже ничто не поможет, ---
возразил Амхарва. --- Он уже вступил на
Багряную Тропу.

Кирон отошел от Антиоха, но его
кулаки еще были яростно сжаты, а в серых
глазах бушевал неукротимый гнев. Он не
сводил глаз со съжившегося хирурга, но
горе не успело толкнуть его на убийство,
поскольку в этот момент раздался голос
Севериана, остававшегося у двери для
наблюдения за окрестностями.

--- Приберегите свою ярость, братья, ---
сказал он. --- К нам приближается
достойная ее цель.

--- Наши преследователи? --- спросил
Тагоре. --- Кто там, Имперские Кулаки
или Легио Кустогес?

Лунный Волк тряхнул головой.

--- Я не знаю, кто они, --- ответил Севериан, поглядывая из-за двери на приближающийся отряд. --- Но они вооружены и явно не состоят на имперской службе.

Глава 18

ТЕМНЫЙ ИМПЕРИУМ СПРАЖЕНИЕ В ВОРОНЬЕМ ДВОРЕ

Здесь было все --- все отголоски истины, угасающий свет и невнятное бормотание миллионов безумцев. Все это сочилось из шепчущих камней, кружилось вихрями во всю высоту башни, словно электрический заряд, который должен либо уйти в землю, либо испепелить того глупца, кто осмелился вызвать его к жизни.

Эвангер Тригора шатался от изнеможения, в его исхудавшем теле не осталось ни сил, ни энергии. Несколько дней он не спал и не ел, стремление разгадать тайну загадочного посещения Башни Шепотов неведомым существом повергло его в состояние между одержимостью и безумием. В воздухе витала информация, которую невозможно было перенести на бумагу шрифтом для

слепых, даже если потратить на это целую жизнь, а еще оставались следы эфирного взрыва, произошедшего в библиотеке наверху.

Книги, свитки и все до единой заметки, собранные для составления Схемы, все было здесь, и буквы мерцали, словно начертанные светящейся золотой краской. Стены комнаты изливали свет на неподвижные листы, и едва слово растворялось в воздухе, оно исчезало со страницы и рассеивалось в эфире.

В процессе исчезновения слов Тригора обдумывал каждое из них и сопоставлял со своим пониманием Потока. Он знал, что величайший труд всей его жизни гибнет у него на глазах, но по сравнению с раскрытием носившейся в воздухе тайны эта жертва не казалась ему чрезмерной.

Решетка над ним пульсировала светом, но этот свет не освещал и не согревал кожу. Это был портал, ведущий в кошмары города теленатов. Кошмары были сохранены, разложены по полочкам и препарированы. Самые страшные кошмары были изгнаны прилежными и

методичными стараниями
криптэстезианцев, но их суть... в сердце
каждого коштара... Да, все это Григора
собрал здесь, заключив в сложные
аллегории, в отвлеченные метафоры и
туманные символы, чтобы понять мог
только тот, кто, как сам Григора,
посвятил себя Схеме.

Вот что узнал Кай Зүлан, вот
секрет, заключенный в его сознании,
который мог понять только он сам. Вот
что Сарашина считала настолько
важным, что не могла доверить никому
другому. Ни одна капля этой силы не
могла пройти сквозь башню, не оставив
выбоины, и тот, кто знал, куда смотреть,
мог восстановить источник удара.

Как судебный хирург определяет
орудие убийства по повреждениям на теле
жертвы, так и Эвангер Григора собирал
миллионы фрагментов информации,
заключенной в величайшей катастрофе
Башни Шенотов.

Отдельные частицы цеплялись друг
за друга, но медленно, слишком медленно...

Он видел грязные оттенки...

очертания слов, выражения, ничего для него не значащие, но источающие угрозу во мрачной тьме далекого будущего...

Эпоха войн в беспросветном тысячелетии...

Великий Пожиратель...

Отступничество...

Кровь мучеников...

Поднимающийся Зверь...

Кровавые потоки...

Последние времена...

И во всем этом он слышал еще и скорбный марш уходящих на войну армий, бесконечную череду убийств и кровопролитий, которые закончатся только с уничтожением всего и вся. Эти армии никогда не сдадутся, никогда не простят и сложат оружие только в том случае, если смерть заберет всех воинов и кончится война.

Предвидел ли Кай конец Империиума? Видел ли он окончательную победу Хоруса Луперкала? Григора не был в этом уверен, поскольку все эти слова и видения были невероятно старыми, пыльными и придавленными тяжестью истории.

насчитывающей целые тысячелетия. Всего лишь мимолетные проблески, но они сввергли Гризору в состояние непереносимого ужаса, он ощутил себя сочинителем кошмара, от которого никогда не сможет пробудиться.

«Если узнаешь истину, невозможно вернуться к неведению». [\[35\]](#) Это было одно из любимых изречений Гризоры, но как же ему хотелось, чтобы на самом деле было не так...

Каждый фрагмент истины говорил об ужасах войны и крушении миров, о деградации и гибели. Его собственные заметки, растворяясь в воздухе, добавляли новые гранулы информации, и знания вливались в сознание Гризоры неусыкаемым и недержимым потоком. Видение будущего складывалась все быстрее, каждый кусочек мозаики становился частью общего образа, и наконец во всей полноте стала проявляться картина грядущего Терры, обусловленного безрассудным вторжением Магнуса.

Видение поднималось из потока света мрачным колоссом, являвшим собой одновременно судьбу и кошмар. Разум Григоры был уже не в состоянии охватить всю картину, видение слишком ужасное и всеобъемлющее, чтобы поместиться в хрупком сознании смертного.

Криптестезианец не удержался от крика, увидев мрачный мир, кишущий насекомыми в черно-серых панцирях, копошащихся в сумрачных ульях и подземных гнездах, сеющих страдания и невзгоды. В этом мире ничто никогда не изменялось, ничто не росло и не создавалось ничего, достойного упоминания. И тем не менее столь ужасное состояние представлялось для этого мира не кошмаром, а победой, великой и желанной.

Григора не мог понять, как могут эти насекомые владеть столь жалкое существование, не сознавая итеющихся возможностей, не понимая, что их повседневность просто невыносима. Но они не только продолжали эту жизнь, но и боролись за ее сохранение все в том же

неизменном виде. Неистощимые армии
выплескивались из этого мира, оттесняли
чужаков и захватчиков, но вместо того,
чтобы строить в захваченных мирах новое
общество, они по доброй воле воссоздавали
тот ад, из которого произошли.

Он узнал этот мир, как узнал, что
насекомые вовсе не были насекомыми.

Схема, напитанная всеми эмоциями,
прошедшими через шепчущие камни, всеми
мыслями мертвых и умирающих,
заполнила собой помещение. Последние
книги Григора, поглощенные пламенем
истины, рассыпались неплот и выплеснули
в его разум новые видения. Он не смог
этого перенести и упал на четвереньки.

--- Заберите все это обратно! ---
завопил Григора. --- Пожалуйста, заберите
это обратно! Я не хочу, я никогда не хотел
этого видеть!

Последние сны Красного Терета и его
нагшие ангелы переполнили мозг, и
Григора ничком упал на пол. Он видел все,
что видела Сарашина, --- лязг оружия,
жертвы и потери, благородство и порок.
Он увидел все это в одно мгновение,

растянувшееся до вечности.

И в центре жуткого муравейника на исполинском золотом троне, в чудовищной машине, сконструированной фанатиками и садистами, восседал гигант. Иссохшая плоть давно умерла, гигант был живым трупом из пронизанных метастазами костей и бесконечной агонии. Его окутывало сияние невидимого света, а боль, скрывающаяся в его глазницах, была тупой самой бескорыстной жертвы в мире, жертвы, принесенной по доброй воле и без сожалений.

--- О нет... --- прошептал Григора, не в силах удержать последнюю нить своего разрушающегося разума. --- Только не ты, прошу... Только не ты...

Гигант обратил на него свой взгляд, и из груди Эвангера Григоры, осознавшего первоисточник этого кошмара, вырвался вопль.

Атхарва бросился к выходу из Дома. Змея и выглянул в темноту в поисках новых врагов. Обнаружить их было нетрудно, поскольку люди не пытались

скрываться. Каждый третий нес в руке горящий факел, и пламя отбрасывало отблески на железных ворон, бесстрастно наблюдавших за готовящейся драмой.

Agent насчитал три десятка высоких мужчин, одетых в броню из разрозненных металлических пластин странный знакомой формы. Через мгновение Атхарва уже вспомнил эти силуэты: броня была почти точной копией давно снятых с производства боевых доспехов, которые в сражениях не применялись уже несколько столетий. Похожие образцы запечатлены только в древних книгах да в пыльных хранилищах галереи Единства. И оружие в руках людей напугало Атхарву ружья из той же галереи, несмотря на почтенный возраст все еще представляющие опасность.

В груди Атхарвы разгорелся гнев. Внешность этой черни и ее снаряжение были карикатурой на легионеров Астартес.

То, что они не были костодесантниками, совершенно очевидно. Но кто же они?

--- Во имя совершенства, кто это? ---
раздался у его плеча голос Кирона.

--- Не знаю, --- ответил Атхарва. ---
Собираюсь это выяснить.

Он закрыл глаза и позволил мысли покинуть пределы убогого окружения. Атхарва сразу распознал свет сущности этих людей и последствия биоманипуляций, изменивших строение их тел, увидел исковерканный генетический код. Перед ним были ублюдки, созданные кощунствующим генетиком, лишенным чувства красоты и не понимающим природных функций человеческого тела. Хотя Павониды тоже отступали от базовых принципов физиологии, но они руководствовались задачей усиления и расширения функций тела.

Эти же люди лишились своего природного облика и подверглись обработке, которая не предусматривала долгого функционирования. Все они утирали, хоть и не все сознавали это. Их разумы представляли собой гремучую смесь агрессии, страха и индуцированного психоза. В любом цивилизованном

обществе их бы изолировали от
остального мира или передали Механикум
для переделки в сервиторов самого низшего
класса.

Но в центре группы находилась
совершенно другая личность — человек, чья
плоть в результате аугментации тоже
натного превосходила человеческие нормы,
но без грубых нарушений, присущих
остальным членам банды. Организм этого
человека был произведением гения, подобно
тому как древний печатный станок был
гениальным изобретением на фоне
рукописных манускриптов. Но древний
печатный станок впоследствии
подвергался неоднократному
усовершенствованию, и организм этого
человека тоже...

Атхарва слегка коснулся его сознания
и согрознулся, обнаружив острые
зазубренные кромки этой конструкции.
Подобно вулканической скале, рожденной
чудовищными температурами и
давлением глубинных сил Земли, это
сознание оказалось тусклым и покрытым
шрамами. Для него существовала только

одна цель — завоевать весь мир.

Окаменевшие рубцы в сознании этого человека показались Атхарве знакомыми, и в следующее мгновение он вспомнил, где он встречал такие грубые повреждения.

В сознании Кая Зулана.

Затем он отпрянул назад, ощутив бессознательную психическую защиту, проявившуюся в буйной агрессивности и злобе — словно у бойцового пса, охраняющего порог дома. Искусство Атенеицев не в состоянии подчинить себе этого человека. Атхарва открыл глаза и взглянул на массивную фигуру в грубо изготовленной броне с новым ощущением изумления и неким подобием страха.

— Уничтожить его — все равно что ворваться в бесценное книгохранилище с активированным огнеметом.

— Чего? — удивился Тагоре.

— Это не совсем обычные люди, — сказал Атхарва. — Их нельзя недооценивать.

Тагоре тряхнул головой.

— Они умрут как самые обычные люди, — бросил он. — Тридцать воинов? Да

я один с ними справлюсь, и ты отправится
дальше.

Амхарва предостерегающим жестом
положил руку на плечо Тагоре и едва не
вздрогнул, когда Пожиратель Миров
яростно оскалил зубы, демонстрируя
воинственную агрессивность.

Имплантаты у него на затылке негромко
зажужжали, и Амхарва отметил
опасность, сопутствующую постоянному
применению подобной аугментики. Тагоре
был пленником своей ярости, как сам
Ангрон не мог избавиться от последствий
воспитания в рабовладельческом обществе,
где, как говорят, и обучался искусству
убивать. Интересно, сознает ли Ангрон,
что он поработил своих воинов?

--- Антиох! --- закричал человек, чье
сознание остекленело от шрамов. --- Выдай
нам тех людей, что пришли к тебе в дом.
Ох требует Бабу Дхакал.

--- Мерзкий ублюдок, --- прошипел
Антиох. --- Это Гхота. Помоги мне, Трон,
мы уже покойники.

Амхарва повернулся к старику.

--- Кто это и кто такой Бабу

Дхакал?

--- Ты серьезно? --- удивился Антиох, опускаясь на четвереньки, чтобы забраться под самый крепкий стол. --- Бабу Дхакал это еще одна беда, как будто мне вас было мало.

--- А Гхота?

--- А это его бойцовый пес, --- ответил Антиох, озабоченный только тем, чтобы между ним и дверью было как можно больше мебели. --- Если человек не хочет себе неприятностей, он не связывается с Гхотой. А все, кто ему не угодил, заканчивают жизнь на мясницком крюке.

Ашубха вытащил старика из его убежища.

--- Кто такой Дхакал? Местный губернатор? Представитель власти?

Антиох невесело растеялся.

--- Да уж, можно сказать, представитель. Он главарь банды, одной из последних выжившей после всех разборок. Он контролирует территорию от Вороньего Двора до Арки Глашатаев и югу от своего логова. Если не хотите навлечь на себя беду, делайте то, что

скажет Гхота.

--- Антиох, я устал ждать! ---
закричал Гхота хриплым от злости
голосом.

Тагоре и Шубха встали по обе
стороны от дверного проема, а Севериан
выглянул в щель между подогнанными
кирпичами. Амхарва подошел к скатне, где
лежал Кай. К счастью, астронавт был без
сознания, но его скрюченное от боли тело
покрывал сплошной слой рвотной массы и
выделений и все еще сводило судорогами,
сопровождаящими очищение.

Как только раздался металлический
лязг оружия, означавший готовность к
стрельбе, Амхарва нагнулся и прикрыл
собой Кая.

В следующий миг на жилище
Антиоха обрушился залп из всех
тридцати винтовок, пробивавших
сырцовый кирпич и жестяные листы с той
же легкостью, с какой лазерный луч
рассекает плоть. В комнате
зарикошетили пули, поднялись тучи пыли
из раздробленных стен, деревянных щепок и
осколков стекла. Все это сопровождалось

оглушительным грохотом, не столько причинявшим вред, сколько наводящим ужас.

В прошлую эпоху и против других целей такой залп мог быть вполне успешным.

Амхарва дождался, пока утихнут шум, и погнял голову. Его усиленное зрение помогло мгновенно отыскать фигуры собратьев. Все его спутники отделались лишь легкими царапинами от случайных осколков стекла или камней.

— У какой у тебя план, сын Магнуса? — с устешкой спросил Севериан.

Амхарве никогда не нравились грубые методы, но он понимал, что сейчас не время для дипломатических переговоров. В этой стычке ит могла помочь только одна тактика.

— Убить их всех, — сказал он.

Тагоре устехнулся.

— Первые разумные слова, которые я от тебя сегодня услышал.

Пожиратели Миров выскочили из облака еще не улегшейся пыли и помчались вперед с невероятной скоростью.

казавшейся невозможной для таких массивных созданий. Атхарва смотрел итмвслед со странным любопытством, какое может испытывать человек, наблюдающий за истреблением особой другой расы.

Тагоре первым достиг цели, и первый же его удар пробил нагрудник воина сгвүтя пучками черных волос на голове и раздвоенной бородой. Не дожидаясь, пока враг упадет, Тагоре вырвал из его мертвых рук винтовку и пристрелил из нее ближайшего противника. Доспехи людей Гхоты, хоть и напотинали броню древних воинов грома, не соответствовали ей по защитным характеристикам. Сопровождаемая грохотом яркая вспышка на мгновение закрыла от Атхарвы картину боя, но через секунду он увидел, что следующим выстрелом Тагоре в упор уложил сразу трех человек.

Шүбха и Ашүбха сражались с обеих сторон от Тагоре, прикрывая его с флангов, и энергетические клинки, вырванные из алебард убитых Күстодиев, полыхали голубым пламенем. Удары

Шубхи были подобны ударам молота и разбрасывали противников, словно разрыв гранаты. Зато Ашубха, хоть и орудовал клинком, больше всего походит на тесака зеленокожих, действовал с точностью опытного прозектора. Первые два его противника были аккуратно обезглавлены, третий и четвертый упали, рассыпая по земле внутренние органы, а пятый лишился обеих рук и катался по земле, заходясь криком.

Амхарва покинул прошитый пулями долом Антиоха, прикрывая себя и астронавта кайн-щитом, и смотрел, как его братья по Воинству Крестоносцев громят людей Гхоты. Аргент Кирон посылал заряды плазмы, каждым выстрелом обезглавливая врага и ныряя в укрытие от ответного огня.

Но как ни ощутимы были потери, нанесенные им Отверженными Мертвецами, эти люди, кем бы они ни были, не отступили перед могучим противником. Эти воины, созданные неизвестными генными инженерами, презирали страх и сострадание и

продолжали сражаться с первобытной жестокостью. Тагоре получил пулю в бок, из раны ударил струя яркой крови, а из его горла вырвался рев боли.

— За Ангрона! — заорал сержант и обрушил кулак в лицо стрелка, а затем, развернувшись на месте, выстрелил по его подбежавшим товарищам.

Выстрел свалил на землю еще двух человек. Несколько бандитов, вооруженных глиняными ножами и пистолетами, окружили Ашубху и с маниакальной яростью кололи и резали Пожирателя Миров. Атхарва увидел, как один клинок погрузился глубоко в бицепс Ашубхи, но прежде, чем лезвие добралось до плечевых связок, воин успел развернуться и выдернуть руку.

Ашубха пригнулся, словно атакующая змея, нанес колющий удар, а затем рассек своего обидчика нагвое. Подоспевший к нему на помощь Тагоре успел застрелить двоих нападавших, не дав им даже повернуться лицом к новому противнику. Сержант Пожирателей Миров растеялся, наслаждаясь стертельным танцем, и

пропустил удар, сваливший его на колени.

Над Тагоре навис Гхота, вращая тяжелый кованый молот, словно пушинку. Еще один сокрушительный удар пришелся в бок Тагоре, когда тот пытался встать, и Пожиратель Миров рухнул на землю. На выручку ему бросился Шубха, но резкий удар локтем назад пришелся ему в челюсть и отбросил в сторону.

--- Кирон! --- закричал Атхарва, осторожно продвигаясь к узкому переулку, который мог увести его с поля боя. --- Убей этого!

Яркий заряд плазмы сверкнул из руин Гомы, но то ли Гхота слышал крик Атхарвы, то ли его выручил инстинкт, но он уклонился от смертоносного удара. Астартес легиона Фүлгрита, разъяренный промахом, который нарушил его безупречный подсчет голов и выстрелов, выскочил из укрытия и бросился на Гхоту.

Тем временем Ашубха сделал вынаг, но Гхота отвел потряскивающее энергией оружие и ответил хуком слева. Ашубха покачнулся, а на его лице отразилась не столько боль, сколько изумление. Удар

молота разбил ему лицо, за ним последовал еще один, а затем Гхота стал раскручивать страшное оружие для смертельной атаки.

Амхарва уже достаточно давно отключил кайн-щит, чтобы его мысль поднялась к низшему уровню Исчислений, где он мог воспользоваться базовыми способностями Пурригов. Амхарва сосредоточился, вызвал пылающий шар и швырнул его в Гхоту. Огненный заряд не дал бандиту нанести последний удар по Ашубхе, он покачнулся, а медвежья шкура на его плечах ярко вспыхнула.

Гхота завопил, срывая с себя горящую накидку. На фланге атакующих мелькнул неясный силуэт. Севериан предпочитал держаться в тени, подобно выслеживающему добычу волку. Он убивал неожиданно и молча, оставляя за собой трупы и двигаясь незаметно для врагов.

Кирон отбросил разряженный плазмаган и подхватил выпавший из рук Ашубхи клинок. Лезвие уже не сверкало энергетическими искрами, но Кирону было все равно. С развевающимися за спиной

грязно-белыми волосами он бросился на противников, действуя клинком как несбалансированным мечом.

--- Хоть вы и похожи на нас, вы просто жалкая карикатура на Астартес! --- крикнул Кирон.

--- Ты так думаешь? --- насмешливо ответил ему Гхота.

Дуэль между фехтовальщиком с мечом и бандитом с молотом на глиняной рукояти нельзя было назвать честным поединком, но в этом сражении не было ничего обычного. Севериан безнаказанно убивал врагов исподтишка, Пожиратели Миров перегруппировались и снова дрались в самом центре, а Кирон прыгал и метался, уклоняясь от ударов молота Гхоты. Он был великолепным мечником, безукоризненно двигался, и его атаки всегда были для противника неожиданными. Атхарва видел, что Кирон готовится к решающему удару, натереваясь обезглавить врага.

В этом сражении столкнулись абсолютно противоположные силы: строго контролируемое мастерство и

абсолютная дисциплина против
безудержной ярости и жажды убийства. В
поединке мог быть только один
победитель. Кирон наклонился,
уворачиваясь от смертоносного молота,
летающего по широкой дуге, и вонзил клинок
в узкую щель между нагрудником и
наплечником Гхоты. Лезвие глубоко вошло
в плоть, но Гхота только сердито
заворчал, когда Кирон отдернул оружие. В
тот же момент Гхота обхватил шею
Кирона и лбом ударил в утонченное лицо
легионера Демей Императора.

Удар раздробил нос и скулы Кирона,
превратив лицо в безобразную маску из
кровавленных обломков костей. Атхарва,
ошеломленный ранением Кирона, заметил
шаги. Хотя над площадью по-прежнему
гремели выстрелы и раздавались крики,
тепл схватки заметился, поскольку
поражение столь превосходного мастера
шошарило всех участников боя.

Молот Гхоты, описав размашистую
дугу, раздробил Кирону плечо и достал до
грудной клетки. Атхарва не только
услышал треск ломающегося реберного

цита, но и ощутил болевой спазм Кирона, прорвавшийся в эфир.

Сын Фениксийца сплюнул кровь и вызывающе взглянул в лицо убийце.

Гхота размахнулся молотом, готовясь разнести вдребезги череп противника.

Сокрушительное оружие на полпути перехватила взметнувшаяся рука. Бледная, перетазанная кровью рука, хранящая силу воинов грозного легиона Мортариона.

Джития нанес удар справа в челюсть Гхоты, и помощник Бабу Дхакала покачнулся.

— Ты убил моего друга, — равкнул Гвардеец Смерти.

Атхарва знал, что Джития не может быть жив. Он давно должен быть мертв, и его обескровленный остывающий труп должен лежать на кушетке в хибаре Антиоха. Джития и падения катера не должен был пережить, но все же встал и не сдается до самого конца. Гхота покачал головой, сплюнул кровь и криво устехнулся, оценивая нового противника.

--- Да ты и так уже мертвец, ---
сказал Гхота.

--- Возможно, --- согласился Джития. ---
Но попробуй только подойти к моему
другу, и твоя кровь вместе с моей
впитается в эту прекрасную землю.

--- Я убью тебя раньше, чем ты
подумаешь кулак, --- заявил Гхота.

--- Так чего же ты ждешь, приятель? ---
подразнил его воин Гвардии Смерти. ---
Мне становится скучно.

Джития храбрился, но Атхарва знал,
что ему не выстоять против Гхоты.
Решимость и благородство помогли ему
держаться на ногах, но в бою с таким
серьезным противником этого будет мало.

Стрельба почти утихла, и Атхарва
замечил, что Севериан и Пожиратели
Миров практически закончили битву,
пока продолжалась схватка между Гхотой
и Кироном. Площадь была усеяна телами ---
рассеченными нагвое, обезглавленными
или просто лишенными конечностей.
Перевес в схватке был на стороне
Отверженных Мертвецов, и по налитым
кровью глазам Гхоты было видно, что он

это понимает.

Он закинул молот на плечо, еще раз сплюнул на землю и ушел. Никто не поднял против него оружия, хотя Тагоре держал наготове винтовку, вырванную у кого-то из противников. Шубха и его брат-близнец проводили Гхому взглядами, в которых смешались гнев и невольное уважение, а Севериан подобрал трофейное ружье и оглядывался в поисках зарядов.

Едва Гхота успел скрыться из виду, как силы окончательно покинули Джитию, он упал на колени рядом с Кироном, и голова бессильно свесилась на грудь. Атхарва подбежал к ним, уложил Кая на землю и успел подхватить падающего костогесантника. Он поддерживал умирающего воина и вытирал кровь с его побледневшего лица.

Кирон откашлялся сгустками крови и, преодолевая боль в изувеченном теле, попытался заговорить. Пожиратели Миров, подобно окровавленным ангелам смерти, подошли ближе, чтобы стать свидетелями последних мгновений жизни своих братьев. Из разгромленного дома

высунулся Антиох. Он вышел, чтобы
увидеть зрелище, невероятное для
большинства смертных: гибель
костодесантников.

--- А ты думал... вся честь... погибнуть
достанется... тебе одному? --- прошипел
Кирон, с трудом всасывая воздух.

--- Я вообще не... собирался погибать, ---
ответил Джития. --- А ты сглупил,
связавшись с этим громилой.

Кирон кивнул.

--- Он заставил меня промахнуться... А
я никогда не промахиваюсь...

--- Я никому не скажу, --- прошептал
Джития, и остатки жизни покинули его.

Кирон еще раз кивнул, положил руку
на плечо Джитии, а затем закашлялся и
упал, его дыхание остановилось. Атхарва
увидел, как погас свет его ауры, и опустил
голову.

--- Они ушли, --- произнес он.

--- Они погибли с честью, --- добавил
Тагоре, зажимая рукой рану.

Ашубха склонился и закрыл глаза
павшим воинам.

--- Их Багряная Тропа пройдена, ---

сказал Шубха.

Тагоре взглянул на Атхарву, затем навел оружие на Кая.

--- Ты все еще считаешь, что жизнь астронаута стоит этого?

--- Больше, чем раньше, --- ответил Атхарва и кивнул Севериану, вышедшему из тени с ружьем на плече.

--- Довольно неплохое, --- сказал Тагоре, разглядывая ружье, словно видел его впервые.

Севериан тоже повертел в руках свое оружие.

--- А вам известно, что это за оружие и для кого оно было изготовлено?

--- Да, --- ответил Атхарва. --- Известно.

--- Я слышал, они все умерли, --- сказал Тагоре. --- Мне кажется, они погибли в последней битве за Единство.

--- Так учит нас история, но, возможно, Терра хранит свои собственные тайны, --- заметил Атхарва, наблюдая, как с земли, куда плюнул Гхота, поднимается тонкая дымящая струйка.

--- История может подождать, ---

сказал Севериан. — А охотники ждать не будут, и этот шум привлечет их к нам, словно мотыльков к огню.

— А как мы поступим с Джитией и Кироном? — спросил Шубха. — Нельзя же их просто бросить здесь.

Амхарва повернулся к Антиоху.

— У тебя есть какие-нибудь идеи, хирург?

— Я не могу их спрятать, — ответил старик, качая головой. — Мне и без того хватит неприятностей.

— Нет, но как местный хирург, ты должен знать места, куда отвозят трупы.

Антиох поднял голову, но, если у него и была на языке какая-то дерзость, он сдержался при виде искренней грусти в глазах Амхарвы.

— Вы можете отнести их в храм Печали, — сказал он. — Там есть крематорий.

— Храм Печали? — переспросил Амхарва. — Это еще что такое?

Антиох пожал плечами.

— Такое место, куда люди приносят тела близких, чтобы не оставлять их

знать где попало. Говорят, там все
заправляет какой-то жрец, как ни трудно
в это поверить. Я слышал, что этот
малый лишился разума и теперь считает,
что смерть можно утиlostивить
молитвами.

--- Как нам найти это место?

--- Это в нескольких километрах
отсюда, у подножия скалы, которую можно
увидеть поверх крыши. Вы не ошибетесь, у
стен здания десятки резных статуй.
Оставьте своих друзей у ног Безучастного
Ангела, и о них позаботятся.

В сознании Атхарвы при этих словах
вспыхнул психический импульс, и
воспоминания о повторяющемся видении
вернулись с ясностью пророческого сна.

Населенный призраками склеп,
крадущийся волк и статуя безликого
ангела...

Глава 19

ВРАГ ИМПЕРАТОРА НОЧЬ БЛИЗКА КАЗНЬ

Кай чувствовал тепло на своем лице, а прохладный бриз ласкал кожу, овеивая запахами океана, высоких трав и экзотических специй, предназначенных для пробуждения чувств. Кай хотел открыть глаза, но из-за ступенного страха лишиться этого драгоценного мгновения спокойствия не осмелился это сделать.

Он знал, что видит сон, но не испытывал по этому поводу никакого беспокойства. Жизнь в реальном мире была наполнена болью и страхом, а здесь не было места подобным переживаниям. Кай прислушался к своим ощущениям: шепот волн на песчаном берегу, шорох ветра в ветвях деревьев и бесконечная пустота, такая может быть только в самой безлюдной местности.

--- Кай, ты собираешься делать ход? ---

раздался рядом с ним чей-то голос.

Кай мгновенно узнал его — золотая фигура, за которой он знался по трамборным переходам Арзашкүна. Он нерешительно открыл глаза и почему-то удивился, что это ему удалось.

Он сидел на деревянном стуле перед доской для игры в регигиц, на берегу озера, где плескалось за стеной Арзашкүна. Игра уже началась, перед Каем выстроились серебряные фигурки, а онисовые статуэтки стояли перед высокими человеком в абсолютно черном одеянии. Лицо партнера прикрывал капюшон, и из темной его глубины сверкала пара золотых глаз. На каждой складке одеяния выгнелись слова, вышитые блестящей черной нитью, однако Кай не мог их прочитать и отказался от этих попыток, когда сидящий напротив человек снова заговорил:

— Ты прошел долгий путь с тех пор, как мы беседовали в последний раз.

— Почему я здесь оказался? — спросил Кай.

— Чтобы сыграть в регигиц.

--- Но партия уже началась, ---
заметил Кай.

--- Я знаю. Мало кому из нас дана
привилегия присутствовать при начале
событий, управляющих нашими жизнями.
Цзрок должен посмотреть на
предоставленную ему доску и сделать то,
что в его силах. К примеру, что ты
можешь сказать о моей позиции?

--- Я не большой эксперт в режиссуре, ---
признался Кай.

Его партнер отбросил капюшон и
открыл лицо, мерцавшее в отблесках
солнечных лучей, проникавших сквозь
грожащие листья. Лицо казалось добрым,
даже отеческим, но под наружной маской
скрывалось какое-то неопределимое или,
вернее, неопределенное выражение.

--- Но игра тебе знакома?

Кай кивнул.

--- Хормейстер заставлял нас
играть, --- сказал он. --- Он говорил, что
наго с пользой проводить время,
необходимое для принятия решений.

--- Немо Зи-Менг мудрый человек.

--- Ты его знаешь?

--- Конечно. Но посмотри на доску, --- настаивал партнер. --- Скажи, что ты видишь?

Кай пристотрелся и заметил, что некоторые фигуры тоже были закрыты накидками, так что определить их вид оказалось невозможно. Вспомнив сложные правила игры, он понял, что у партии может быть только один результат.

--- Мне кажется, что ты проигрываешь, --- сказал Кай.

--- Да, так может показаться, --- согласился человек, снятая накидку с одной из фигур. --- Но первое впечатление может быть обманчивым.

Открытая статуэтка оказалась воином, одной из девяти ониксовых фигур, изображающих солдата прошлой эпохи в блестящих доспехах.

--- Это тоже твоя фигура, --- сказал Кай.

--- Сделай свой ход.

Кай обнаружил фигуру, вырвавшуюся вперед в агрессивной атаке, но не поддержанную с флангов. Он передвинул своего дивинитарха с соседней клетки и

положил взятую фигуру на край доски.

--- Ты собирался пожертвовать своим воином? --- спросил Кай.

--- Хорошая жертва не всегда обязательна, но она оставляет противника в растерянности и недоумении, --- сказал его оппонент.

--- А мне говорили, что лучше жертвовать фигурами соперника.

--- В большинстве случаев я бы с тобой согласился, но настоящая жертва может изменить ход игры, чего нельзя достичь, не обладая предвидением и готовностью пойти на риск.

С этими словами он двинул вперед свою крепость и опрокинул гивинитарха Кая. Фигурка в руке блеснула в солнечном свете, став на мгновение серебристой, а затем снова черной.

--- Воинов чаще всего приносят в жертву для достижения цели, --- с грустной улыбкой сказал сидящий напротив человек. --- Наиболее сильные игроки считают эту жертву очень полезной, и одно из преимуществ такого гамбита в том, что средний противник

почти никогда не знает, как защищаться от такого приема.

--- А если твой оппонент --- не средний? --- спросил Кай. --- Если твой противник так же умен, как и ты?

Человек покачал головой и скрестил руки на груди.

--- Если ты позволишь своей робости управлять игрой, ты никогда не добьешься победы, Кай. Перед тобой только будут появляться новые пугающие призраки. Ты слишком часто отступаешь из страха, о котором твой противник даже не догадывается, и это удерживает тебя от решающего шага. Такова суть рецидива.

Кай опустил взгляд на доску, наслаждаясь моментом спокойствия в том тумачительном кошмаре, в который превратилась его жизнь. Если это даже кратковременная фантазия, в данный момент она вполне реальна, и Каю совсем не хотелось возвращаться в безумие бодрствования.

--- Я должен вернуться назад? --- спросил он, передвигая вперед своего храмовника.

--- В Город Просимелей?

--- Да.

--- Это зависит от тебя, Кай, ---
ответил человек и переставил
императора. --- Я не могу выбрать дорогу
за тебя, хотя знаю одну, на которой мне бы
хотелось тебя видеть.

--- Мне кажется, что
предостережение в моей голове
предназначено для тебя, --- сказал Кай.

--- Правильно, --- согласился его
соперник по игре. --- Но ты еще не готов
передать его мне.

--- Я хочу это сделать, --- сказал Кай. ---
Если ты тот, за кого я тебя принимаю,
не мог бы ты вытащить его из моего
сознания?

--- Если бы я мог, думаешь, я бы этого
не сделал?

--- Наверно, сделал бы.

--- Кай, я многое повидал, но
некоторые тайны скрыты даже от меня, ---
сказал человек, показывая на группу
фигурок в накидках, которых --- Кай мог в
этом поклясться --- не было на доске еще
минуту назад. --- Я видел этот момент

многого раз и тысячу раз повторял все наши слова, но Вселенная не открывает свои тайны, пока не наступит назначенный час.

--- Даже тебе?

--- Даже мне, --- сдержанно кивнул человек.

Кай глубоко вздохнул и потер руками глаза. Кожа вокруг них оказалась раздраженной и отозвалась болью.

--- Хормейстер всегда говорил, что в режиссуре познается истина, --- сказал Кай после того, как они обменялись очередными ходами.

--- Он был прав, --- сказал его партнер и передвинул своего императора еще на клетку вперед. --- Казалось бы, в игре нет места фантазиям, нет определенной техники, нет психического предвидения, но множество вариантов, мастерство и способность предугадать ход противника, если и не приведут к истине, позволяют насладиться ее поиском как высоким искусством.

Несмотря на утверждение Кая о недостаточном опыте, игра продолжалась без особого преимущества с обеих сторон.

хотя у него сохранилось больше фигур. После начального размена и основного розыгрыша стало ясно, что близится финал. Оба игрока лишились большей части своих армий, но основные фигуры еще остались на доске.

— А теперь мы пойдём вот так, — сказал Кай и перевел свою императрицу на сильную позицию, подградуевавшую ловушку для императора противника. На ранней стадии игры император Кая уверенно пересек поле, тогда как император партнера постоянно оставался в обороне, и лишь теперь ониковая фигура придвинулась к линии огня.

Фигуры сблизились, и у Кая появилось неприятное ощущение, что его спровоцировали на эту атаку, но он не мог определить, как его соперник собирался этим воспользоваться без крайнего ущерба для себя. Наконец он уверенно передвинул фигуру, не сомневаясь, что ониковый император заперт между его основными фигурами.

И только когда игрок в черном отважно двинул своего императора вперед,

он понял свою ошибку.

--- Регицид! --- объявил его соперник, и Кай с восхищением и изумлением понял, как ловко им манипулировали, заставляя подсунуть голову под топор палача.

--- Невероятно, --- вытолкнул он. --- Ты выиграл с помощью императора. Я думал, что это почти невозможно.

Его партнер пожал плечами.

--- На ранней и средней стадии игры император зачастую становится обузой, поскольку его приходится защищать любой ценой, но в эндшпиле он должен стать важным и агрессивным игроком.

--- Это было кровопролитное сражение, --- сказал Кай. --- Ты потерял много сильных фигур, но одолел моего императора.

--- Так часто бывает, когда встречаются два равных игрока, --- ответил человек в черном одеянии.

--- Будем играть еще? --- спросил Кай.

Человек наклонился вперед и взял Кая за руку. Пальцы уверенно и сильно сжали запястье, и Кай не сомневался, что он без труда может сломать ему кости.

--- Нет, в эту игру можно сыграть только один раз.

--- В таком случае, почему доска уже готова к следующей партии? --- удивился Кай, заметив, что фигуры без чьего-либо вмешательства выстроились в исходную позицию.

--- Потому что мне предстоит игра с другим партнером, с тем, кто изучил все гамбиты, все тонкости и все эндшпили. Я это знаю, поскольку сам его учил.

--- Ты сможешь его победить? --- спросил Кай и ощутил ступенную тревогу, словно на краю оазиса шевельнулась тень.

--- Не знаю, --- признался человек. --- Мне неизвестен исход нашей встречи.

Он перевел взгляд на доску, и на глазах у Кая фигуры снова задвигались, выстроившись в сложную схему, предполагающую реализацию множества вариантов. Он поднял взгляд и впервые отчетливо увидел своего партнера и осознал тяжесть целой цивилизации, давившей на его широкие плечи.

--- Я могу чем-то помочь? --- спросил Кай.

— Ты можешь вернуться назад, Кай.
Ты можешь вернуться в мир
бодрствования и принести мне послание,
переданное Сарашиной.

— Я боюсь туда возвращаться, —
сказал Кай. — Мне кажется, я умру, если
вернусь.

— Боюсь, что ты действительно
умрешь, — согласился человек в черном
одеянии.

Внутри у Кая все сжалось в холодный
ком, и страх, охвативший его на борту
«Арго», вернулся с новой тошнотворной
силой. Небо потемнело, и он услышал, как в
подтверждение его страха откуда-то
далеко забормотали голоса.

— Ты просишь меня пожертвовать
собой ради тебя?

— Нет такой жертвы, которая была
бы слишком велика, если речь идет о
выживании человечества, — сказал
человек.

Холодный туман клубился над
многочисленными полками с
лабораторным оборудованием, и гул

генераторов пробивался сквозь
герметичные стены низкого зала. На
стеллажах с оборудованием, достойным
места в залах марсианского генетика,
жужжали центрифуги, вращающиеся
сосуды с редкими материалами,
инкубаторы оберегали драгоценные
яйцеклетки, а емкости с обогащенной
жидкостью лелеяли сложные протеины и
энзимы.

В самом существовании подобной
лаборатории на Терре не было ничего
удивительного, но обнаружить нечто
подобное в самом сердце Города
Просителей было бы равносильно
обнаружению в археологическом раскопе
Старой Земли полностью
функционирующего костического корабля.

Бабу Дхакал наклонился над
серебряным инкубационным цилиндром, в
котором кипела жизнь, поддерживаемая
особым химическим составом. Оседающая
влага затуманила доспехи владыки клана,
его омертвевшее лицо покрылось морозной
изморосью. Он больше не чувствовал
холода, как не чувствовал ни боли, ни

тепла, ни удовольствия. Радости, придававшие смысл его существованию, утирали одна за другой.

И он сам тоже утирал.

Бывший хозяин Дхакала позаботился о том, чтобы этот человек стал больше, быстрее и сильнее, чем любой гругой воин из варварских кланов, боровшихся за господство над колыбелью человечества. Тогда Дхакал был солдатом, призванным вывести людей из пропасти анархии. Тогда были золотые дни, и зная, украшенное орлом и молниями, вело за собой непобедимые армии воинов грома.

Сражения продолжались недели напролет, счет погибших шел на миллионы, а поединки могущественных полководцев потрясали горы и раскалывали континенты. Сейчас рассказы о тех победах считают хвастливymi гиперболami, и историки отказываются верить в возможность таких крупномасштабных столкновений. Он не мог понять, почему их слепое суждение не повлекло соответствующего наказания, но в глубине души знал, что трагичная новая

эпоха не в состоянии признать правдивость легенд, не осудив бурю и натиск тех бурных и кровавых дней.

Дхакал припомнил, как голыми руками опрокинул Лазуритовую башню. Интересно, как бы отреагировали на его рассказ об этом ярком дне Империята жалкие нынешние летописцы?

Звонок стоявшего перед ним устройства заставил Бабу Дхакала отвлечься от воспоминаний о славных днях и вернуться к насущным проблемам. Серебристая стальная труба зашипела, выпускаемым охлаждающим газом, а затем послышалось бульканье питательной жидкости, уходящей по гофрированному шлангу. Верхняя часть цилиндра приподнялась, открывая подставку из тонкой сетки, на которой поблескивал выращенный орган. Сеть искусственных капилляров насыщала его обогащенной кислородом кровью, но на поверхности уже появились темные некротические пятна.

--- Опять неудача, --- прошептал Бабу Дхакал, сжимая кулаки. --- Я пытаюсь

исправить то, что исправить невозможно.

Он осторожно закрыл инкубационный цилиндр и сделал глубокий вдох, стараясь подавить бьющую в груди ярость. Казалось, он должен был бы уже привыкнуть к таким неприятностям, но такому человеку, как Дхакал, смирение давалось нелегко. Разве прошел бы он через сражение против пяти батальонов Дробильщиков, если бы легко мирился с поражением? Смог бы он устоять против сверкающего молота Железного Царя, если бы не его самоуверенность?

Он сжал могучими руками край столешницы и в яростном разочаровании согнул его. Бабу Дхакалу хотелось дать выход растущей злобе — сбросить со стеллажей все оборудование, разгромить лабораторию, так долго обманывающую его надежды, но колоссальным усилием воли он сдержал этот порыв. Его организм постепенно слабел, и вместе с другими органами слабел и самоконтроль, так что Дхакал оказался на волосок от превращения в того злобного варвара, каким считали его люди. Да, он убивал

людей, он терроризировал население
целого города, оказавшегося в его власти,
но разве все это он делал не ради высокой
цели?

Вспыхнула красная лампа, и вслед за
этим раздался грохот герметичной
заслонки. В это помещение, где были
собраны давно забытые людьми чудеса,
было разрешено входить только одному из
подданных. Бабу Дхакал повернулся
навстречу Гхоте и сразу заметил
угрученный вид бойца. Даже его глаза,
красные от крови, заметно потускнели.

--- Ты пришел с известием о
поражении, --- сказал Бабу Дхакал, и
непривычное слово оставило во рту
привкус печали.

--- Да, мой субагар, --- ответил Гхота.
Опустившись на колени, он поднял голову и
открыл вздувшиеся на шее вены. --- Моя
жизнь принадлежит тебе. И ты волен ее
оборвать.

Бабу Дхакал спустился с постоя,
откуда наблюдал за работой приборов,
достал из ножен на бедре глиняный кинжал
с зубчатым лезвием и приставил его к

пульсирующей артерии на шее Гхоты. Некоторое время он тешил себя намерением довести дело до конца, хотя бы ради того, чтобы ощутить теплую влагу человеческой крови.

--- Еще день назад я бы без колебаний снес твою голову.

--- И я бы с радостью подчинился твоему решению.

Бабу Дхакал убрал кинжал в ножны.

--- Наступила новая эпоха, Гхота, и нас осталось слишком мало, чтобы придерживаться старых методов, --- сказал он. --- Пока я хочу, чтобы твое сердце оставалось в груди.

Гхота поднялся и ударил себя кулаком по груди. Этот салют давно уже вышел из употребления, но для воинов забытых времен он сохранил свое значение.

--- Приказывай, сүбадар! --- воскликнул Гхота.

--- Что с людьми, которых ты повел с собой?

--- Все мертвы.

--- Это не страшно, --- сказал Бабу Дхакал. --- Все они были результатом

неудачных экспериментов. Расскажи мне об этих костогесантниках. На что они похожи?

Гхота усмехнулся и расправил плечи, хотя и не имел на это права.

--- Они нам не ровня, но это воины, достойные нести знак орла.

--- Так и должно быть, --- ответил Бабу Дхакал. --- Они достигли величия, стоя на наших плечах. Без нас их бы вообще не было.

--- Но они лишь бледная тень по сравнению с нами, --- заметил Гхота.

--- Нет, это новая ступень в эволюции супервоинов, это мы --- бледные тени по сравнению с ними. Да, мы сильнее и крепче, чем они, но наше генетическое наследие недолговечно. Хоть Долгая Ночь и закончилась, для нас наступает новая ночь. Мы были созданы не для того, чтобы жить после Объединения. Тебе об этом известно?

--- Нет, мой субадар.

--- Наши гены с самого начала несли в себе изъян, хотя я и не могу сказать, было ли это сделано намеренно или стало

результатом несовершенства технологии.
Я надеюсь на второе, хотя подозреваю
первое. Повелитель этого мира
легкомысленно относится к своим
созданиям. Интересно, знают ли его
примархи, что он откажется от них в
ущерб стертным, едва цель будет
достигнута? Боюсь, они, как ангелы
древности, не могут допустить даже
мысли о такой возможности.

Гхота ничего не ответил, ссылая на
древние легенды ему ни о чем не говорила.

— Сколько же воинов там было? —
спросил Бабу Дхакал.

— Семеро, но двое уже мертвы, мой
субадар, — ответил Гхота. — Так что их
осталось пятеро.

— Ты сам убил этих двоих?

— Только одного, второй и так уж был
почти мертв.

— Тогда мы должны отыскать их,
Гхота, — заявил Бабу Дхакал.

С ближайшего стола он взял
металлическое устройство и прикрепил
его к верхней части рукавицы. Из
многочисленных отверстий с легким

жужжанием показались излы, лезвия и
разные другие хирургические
инструменты. Бабу Дхакал улыбнулся.

--- Мы постепенно утираем, но с их
генетическим материалом я смогу найти
способ преодолеть неминуемое разрушение
наших тел. Ты понимаешь, насколько это
важно?

--- Понимаю, мой сүбадар, --- сказал
Гхота.

Бабу Дхакал кивнул.

--- Где теперь могут быть эти пятеро
воинов? --- спросил он.

--- Они отправились на восток, ---
ответил Гхота. --- За ними следят мои
люди, и они будут нас извещать об их
маршруте.

--- Хорошо, --- одобрил его Бабу
Дхакал. --- Мы все сделаем сами, мой
ямадар. Ты и я. Мы вырвем из их живой
плоти кровоточащие прогеноиды и
обретем то, в чем Император нам
отказал.

--- Жизнь, --- произнес Гхота,
наслаждаясь вкусом этого слова.

Лунный свет заливает площадь, оставляя только черно-белые тона, но он не может скрыть красноты крови, залившей вывороченные камни мостовой, стены ближайших домов и саму землю. Нагасена изучает кровли домов в поисках притаившейся угрозы, хотя и не ожидает встретить здесь никакого сопротивления. Во всяком случае, со стороны беглецов. С карнизов домов и коньков крыши смотрят вниз железные вороны, а по краям площади виднеются кучи мусора — остатки дневной торговли, как полагает Нагасена.

Наряду с мусором на площади разбросаны мертвые тела. Их не меньше двадцати, возможно, больше, и все убиты без намека на милосердие — застрелены, обезглавлены клинками либо разорваны голыми руками.

— Это дело рук костогесантников, — говорит он, и Сатурналий согласен кивает.

Хирико и Афина потрясенно смотрят на результаты резни и ужасаются, насколько чудовищно может быть изувечено человеческое тело. Они не

привычны к проявлениям жестокости, и
свидетельство смертоносных способностей
костогесантников потрясает их до
глубины души.

--- Тяжело на это смотреть, не так
ли? --- не без сочувствия говорит Нагасена.

Хирико поднимает голову и кивает,
она сильно побледнела, губы пересохли.

--- Я знаю, кто такие
костогесантники, --- говорит она, --- но
видеть, как основательно они могут
исковеркать человеческие тела, это...

--- Ужасно, --- заканчивает Афина. ---
Но они для этого и созданы.

--- И для многого другого, --- добавляет
Нагасена.

Хирико смотрит на него с
недоумением, но ничего не говорит.

На эту площадь их привела Афина
Дийос. Астронат следовала за невидимой
нитью агонии Кая, и, как бы ни было ей
неприятно помогать его преследователям,
прежде всего она руководствовалась своей
верностью Империяту. Она доверяет
честному слову Нагасены, но вот ему
самому становится все труднее оправдать

ему охоту.

Он уже знает, что приведенные хормейстером причины поимки Кая не соответствуют истине, и от этого не становится легче. Особенно после того, как они через оптический канал прослушали разговор Атхарвы с его спутниками. Сатурналий и Головки не придают значения словам лжежеников, но Нагасена знает, что человек, осужденный за измену, не обязательно становится лжецом.

Если Каю Зулану известна истина, какое право имеет Нагасена способствовать ее сокрытию?

Он перестроил свою жизнь, положив в основание несокрушимую скалу правды, и на углях старых привычек поклялся никогда не прятаться от истины и не позволять другим ее скрывать. Нагасена не уверен, удастся ли ему сохранить верность своим принципам до конца этой охоты.

— Трупы еще теплые, — говорит Сатурналий. — Мы уже близко.

— Как вы думаете, кто это? — спрашивает Афина и неприязненно

морщится, заметив проходящего мимо Картоно.

Она тщательно следит, чтобы он ее не задел. А раб Нагасены вытаскивает из кучи трупов оторванную руку и вытирает кровь с бицепса. К изображению головы быка добавлены скрещенные молнии. Нагасене известно, что жвачные животные когда-то считались священными в этой местности, но на этом его сведения о символах заканчиваются.

— Это метка клана Бабу Дхакала, — говорит Картоно.

— Ты считаешь, это нам о чем-нибудь говорит? — саркастическим тоном спрашивает Хирико.

Картоно ничем не заслужил ее враждебного отношения, но он давно привык к ненависти псайкеров, так что не обращает внимания на ее неприязненные слова.

— Это преступник, — поясняет Картоно. — Он главарь банды, которая контролирует большую часть Города Просителей. Шлюхи, проговольствие,

наркотики, оружие и тому подобное ---
ничто не проходит мимо его внимания.

--- Каким же образом эти люди могли
столкнуться с беглецами? --- спрашивает
Нагасена.

--- Какая разница? --- заявляет Максим
Головко. --- Они преступили закон
Империи, и чем больше их будет убито,
тем лучше.

--- Посмотри на них, Максим, ---
убеждает его Нагасена. --- Это не обычные
люди.

--- Это мертвецы, --- отрезает
Головко, словно больше его ничто не
заботит.

Сатурналий хватает Головко за руку
и резко разворачивает. Командир Черных
Часовых занимает высокое положение, но
его полномочия не сравнить с властью
Легио Кустодес.

--- Слушай, что тебе говорит Цасу
Нагасена, --- говорит Сатурналий.

Головко кивает и стряхивает его
руку.

--- И что же в них особенного? ---
спрашивает он.

--- Обрати внимание на их рост, ---
предлагает Сатурналий.

--- Ну, высокие, и что из этого?

--- Трудно сказать на первый взгляд, но
я не сомневаюсь, что их рост не уступает
росту тех, за кем мы охотимся, --- говорит
Нагасена, мысленно складывая
разрозненные части тела в единое целое. ---
А скрещенные молнии когда-то были
символом воинов грома, сражавшихся на
стороне Императора в Объединительных
войнах.

--- О чем ты говоришь? --- удивляется
Афина Дийос. --- Неужели это те самые
воины?

Нагасена качает головой.

--- Нет, те давно мертвы, но я уверен,
кто-то хотя бы частично воспроизвел
процесс, превращающий обычного
смертного в такого воина.

--- Это невозможно, --- возражает
Сатурналий. --- Подобные технологии ---
прерогатива одного только Императора.

--- Очевидно, это не так, --- отвечает
Нагасена. --- И теперь предстоит
ответить на вопрос, как эти люди могли

столкнуться с нашими безлецами. Я не верю в простое совпадение. Я уверен, что эти люди пришли сюда с определенной целью. А это означает, что их создатель, кем бы он ни был, осведомлен о природе тех, за кем мы охотимся. -- Он переводит взгляд на мертвые тела и добавляет: -- Или об их способностях.

-- Другими словами, мы не одни в этой охоте, -- говорит Сатурналий, сделав логический вывод из слов Нагасены.

Головка качает головой.

-- Тогда мы напрасно тратим время.

Он приказывает Черным Часовым осмотреть площадь. Солдаты действуют как профессиональные военные, какими они и являются на самом деле. Нагасена идет за ними и сразу намечает цель, как только его взгляд останавливается на еще дымящихся развалинах пристройки, разбитой крупнокалиберными снарядами.

-- Это следы болтера, -- говорит Сатурналий, распрямляя плечи и опуская алебарду.

Нагасена кивает. Он продолжает идти к разрушенному домику, но на ходу

отстегивает винтовку и снимает ее с предохранителя. На земле множество предметов, свидетельствующих о недавней битве: сломанные клинки, клочья одежды и латунные гильзы, достаточно крупные, как для болтера, но очень старые.

После боя остались потеки крови и отпечатки ног, однако побывавшие здесь стародеры уничтожили все улики, по которым можно было бы догадаться о дальнейшей маршруте беглецов. Нагасена доходит до края руин и улавливает запах горящего хаша. На мгновение он вспоминает, как и сам когда-то растворялся в таредре наркотика, лежа в шелковых Домах Дракона в Нипоне, с ружьем в руке и острым желанием приставить его к своей голове.

Он страхивает мгновенное оцепенение и поднимает винтовку, увидев худого старика, сидящего на высоком стуле — единственном предмете обстановки, уцелевшем после обстрела дома. Старик восседает среди моря стеклянных осколков и курит тонкую самокрутку. Струйка дыма извивается в

воздыхе, соблазняя запретными
наслаждениями.

--- Ты хирург, -- говорит Нагасена.

--- Я Антиох, -- немного невнятно и
рассеянно говорит старик. --- Я
перекуриваю. Не хочешь ко мне
присоединиться?

--- Нет, -- отвечает Нагасена.

--- Ну же, давай, -- смеется Антиох. ---

Я заметил, как ты смотришь на
папироску. Я сразу определил, что ты
любитель постолить.

--- Был когда-то, -- признает
Нагасена.

--- Всегда, -- хихикает Антиох.

К развалинам подходят Сатурналий
и Головки.

--- Они были здесь, не так ли? ---
спрашивает Нагасена.

--- Кто?

Головки сбивает старика со стула
одним движением руки, и Антиох падает в
битое стекло. Осколки режут ему кожу, но
старик этого как будто не замечает. Он
сплевывает кровь и даже не пытается
сопротивляться, когда Головки поднимает

его на ноги, схватив за ворот грязной
ночной рубашки.

--- Костогесантники-изменники, ---
равкает Головко. --- Они здесь побывали,
нам это известно.

--- Тогда зачем спрашивать? ---
говорит Антиох.

Головко снова бьет старика.

--- Хватит, --- останавливает его
Нагасена. --- Он курит тигойскую столу и
не почувствует твоих ударов.

Головко смотрит на него
недоверчиво, но на время оставляет
старика в покое. Сатурналий поднимает
прокинутый стол, липкий от крови, и
принохивается, затем кивает.

--- Кровь костогесантника, ---
подтверждает он.

--- Они обратились к тебе за
помощью, --- говорит Нагасена. --- Что ты
для них сделал?

Антиох пожимает плечами и
наклоняется, чтобы поднять выпавшую
папиросу. Он тихонько дует на нее, и снова
появляется соблазнительный оранжевый
огонек. Старик затягивается и выпускает

несколько идеально ровных колец дыма.

--- Да, --- говорит он. --- Они были здесь, но что я мог понять в их анатомии? Я ничего не смог сделать для большого человека. Он начал утирать задолго до того, как его привели ко мне.

--- Один из них мертв? --- спрашивает Сатурналий. --- Кто?

Антиох сонно кивает.

--- Кажется, они называли его Джития.

--- Гвардия Смерти. --- Головка удовлетворенно кивает. --- Хорошо.

--- А что с Каем Зуланом? --- спрашивает Сатурналий. --- С ними ведь был еще и астронавт.

--- А, так вот кто он, --- бормочет Антиох. --- Да, верно, у парня не было глаз. Никогда бы не подумал, что это астронавт. Я думал, они все живут в Городе Зрения, разве нет?

--- Этот --- нет, --- отвечает Нагасена. --- Он тоже был сильно ранен. Он еще жив?

Антиох ухмыляется и пожимает плечами, словно это его совершенно не

болнует.

--- Да, конечно, я его подшмонал. Протыл глазницы и наложил стерильную повязку. Бесполезное дело.

--- О чем ты?

--- О том, что он умирает, --- сердито бросил Антиох. --- Слишком много травм, слишком много боли. Мне приходилось видеть такое, когда служил в армии. Некоторые парни сдаются, когда больше не могут терпеть боль.

--- Но сейчас он еще жив? --- настаивает Нагасена.

--- Был жив, когда я его в последний раз видел.

--- Что здесь произошло? --- спрашивает Сатурналий. --- Почему сюда пришли эти люди, что лежат снаружи?

--- Люди Бабу? Я не знаю, но они требовали, чтобы эти вышли и сдались.

Нагасена кивает. Его предположение, что люди Бабу Дхакала знали о местонахождении солдат, подтвердилось. В таком месте трудно удержать что-то в секрете. Но что заставило главаря бандитского клана вступить в открытую

стычку с костодесантниками? Не мог же он не знать, насколько они опасны? Наверняка ему что-то было надо от них, и ради этого он рискнул своими бойцами.

— А они не сдались, — говорит Антиох и начинает грозить при воспоминании о схватке, несмотря на наркотический угар. — Никогда в своей жизни не видел ничего подобного и, надеюсь, больше не увижу. Я видел, как они разрывали людей Бабу, словно тряпичных кукол. Шестеро против тридцати, и они перебили всех, только Гхота ушел живым.

— Гхота? Это один из людей Бабу Дхакала?

— Да, точно, — подтверждает Антиох. — Большой сучий сын, почти такой же большой, как те, кого вы ищете. Если мне позволено будет сказать, не советую их разыскивать. Хотя их и осталось всего пятеро в живых, мне кажется, у вас недостаточно людей, чтобы с ними справиться.

— Пятеро? — переспрашивает Нагасена.

— Гхота убил воина с белыми

волосами, -- говорит Антиох.

Нагасена встревоженно переглядывается с Сатурналием. Невысказанный вопрос повисает между ними постыдной тайной. Какой смертный мог убить костогесантника?

-- Где они теперь? -- требует Головка. -- Куда они пошли после того, как ты оказал помощь предателям?

-- А, я уже помог вам, но не гугаю, что надо говорить что-то еще, -- отвечает Антиох. -- Мне кажется, это будет неправильно.

-- Мы слуги Императора, -- заявляет Сатурналий, нависая над тощим хирургеоном, который смотрит на него взглядом непослушного ребенка.

-- Может быть, но они хоть были честны со мной, -- говорит Антиох.

Нагасена становится между Антиохом и Головкой, прежде чем генерал-майор снова применит кулаки, и подзывает агента Хирико.

-- Ты можешь отыскать ответ в его голове? -- спрашивает он.

Хирико, осторожно пробираясь среди

обломков, подходит к Антиоху. Старик с опаской смотрит на нее, но не возражает, когда женщина прикладывает ладони к обеим сторонам его головы.

— Что она делает? — спрашивает Антиох.

— Тебе не о чем беспокоиться, — заверяет его Нагасена.

Хирургеон ему не верит и подозрительно следит за женщиной, а веком начинает подергиваться.

— Кто она такая? — спрашивает он.

— Я нейрологатор, — отвечает ему Хирико. — А теперь сиди стирно, а то будет больно.

Хирико закрывает глаза, и Антиох напряженно затирает в ожидании боли.

— На что похож разум человека, одурманенного хашем? Можно ли в нем отыскать что-то полезное, или это крепость с открытыми настежь дверями?

Хирико остается неподвижной почти целую минуту, и Нагасена задает, отразится ли на ее мыслях наркотический торок.

— Ох, — вздыхает она и качает

головой.

--- Ты что-то нашла? --- спрашивает Нагасена.

Она кивает, еще не оправившись от погружения в сознание Антиоха. Старик выглядит напуганным, и Нагасена понимает, что Хирико избавила его от гурмана. Без успокаивающей пелены столистого дыма, за которым он до сих пор прятался, старику становится страшно в реальном мире.

--- Они направляются в место, которое носит название «храм Печали», --- говорит Хирико.

--- Тебе известно, где это? --- спрашивает ее Головко.

Хирико смотрит в глаза хирурга.

--- Да. К востоку отсюда. Теперь я знаю дорогу.

--- В таком случае этот предатель нам больше не нужен, --- ворчит Головко.

Прежде чем Нагасена успевает его остановить, командир Черных Часовых поднимает пистолет и пускает пулю в голову Антиоха.

Глава 20

ЦВЕТА И ОТТЕНКИ КОНЕЦ ВСЕГО ХОРОШЕГО КОМАНДА ЛИКВИДАТОРОВ

Пробуждение удивило Кая неожиданным избавлением от боли и почти невероятным ощущением спокойствия. Подняв голову, он ощутил жесткие металлические грани, впившиеся в живот. Мир вокруг сиял контрастами света и тени, потоками психической энергии и участками мертвых зон. Перед ним отчетливо вставали дома и улицы, весь мир, ясный и зримый, как перед человеком с подаренными природой глазами.

--- Стойте, --- попросил он охрипшим и прерывающимся голосом. --- Остановитесь, спустите меня на землю, пожалуйста.

Несший его гигант остановился, и сильные руки бережно спустили Кая вниз.

Перед ним стоял великан, казавшийся еще больше из-за грубых пластин брони, прикрывающих тело, и торчащих из-за пояса пистолетов. Всю его фигуру окружал легкий золотистый туман, тянувшийся следом, словно обрывки облаков за крыльями самолета.

В памяти Кая на мгновение мелькнуло видение, но воспоминание так же быстро рассеялось без следа, оставив ускользающее ощущение чего-то важного. Он лишь смутно помнил доску для регистра и партнера с опущенным на голову капюшоном, но сути видения осознать так и не смог.

--- Атхарва? --- неуверенно произнес Кай, постепенно возвращаясь в холодную реальность.

--- Да, --- ответил гигант. --- Ты заставил меня беспокоиться. Я не был уверен, что ты выживешь.

--- Я до сих пор в этом не уверен, --- простонал Кай, нетвердо держась на ногах. Удивительно, что он вообще способен стоять после столь напряженного путешествия. --- У меня такое ощущение,

бүдүмө ты үдарил меня в лицо.

--- Это не так уж далеко от истины, ---
признал Атхарва, оглядываясь на заключенную в тяжелую броню фигуру Ашубхи.

Отверженные Мертвецы сильно изменились с тех пор, как Кай видел их в последний раз. Нагрудники из кованого железа, округлые наплечники и архаичные шлемы придавали им сходство с воинами-варварами предшествующей Объединенной эпохи, с кровожадными дикарями, правившими Старой Землей до прихода Императора. Шубха даже нес в руке деревянный щит.

Кай всегда знал, что его спутники-беглецы настоящие воины, но теперь, когда он увидел их полностью экипированными для сражений, Кай не мог не вспомнить, что эти люди будут защищать его только до тех пор, пока это согласуется с их целями. Стоит ситуации измениться, и он им больше не будет нужен.

--- Где вы раздобыли броню и оружие? ---
спросил он, заметив причудливый арсенал, которого хватило бы и на втрое

большой отряд.

--- Какие-то дураки встали у нас на пути, --- сказал Амхарва. --- Но теперь они все мертвы.

На фоне черного металла, серой стали и коричневых кирпичей каждый из воинов выделялся собственным светом. Кай знал каждого из них по цветам и оттенкам ауры: у Тагоре, Шубхи и Ашубхи преобладали агрессивные пурпурно-красные и убийственно-серебристые тона, Амхарва казался золотым, с пятнами цвета слоновой кости и пурпура, а Севериана как будто окутывала серая грозовая туча. На выступе скалы Кай увидел Кирона и Джитию, остатки их ауры растворялись в воздухе, словно тепло затухшего костра.

--- Мы потеряли Джитию и Кирона, --- не скрывая искренней печали, сказал Шубха. --- Среди атаковавших был один мерзавец, утеющий хорошо гратся.

--- Но он сбежал, словно побитая дворняжка, --- добавил Тагоре.

--- Он вернется, --- сказал Ашубха. --- Такие, как он, никогда не сдаются.

--- Значит, в следующий раз ты его прикончил, --- заявил Тагоре, скаля зубы.

Кай үбигел, как аүра наг его головой блеснула холодным металлом, словно кто-то натянул поводок. От всплеска ярости у Тагоре вздүлись и перекатывались түскүлы, но Пожиратель Миров сделал глубокий вдох и отвернулся, восстанавливая контроль.

--- Где ты? --- спросил Кай, стараясь определиться с ощущениями.

--- Все еще в Городе Просителей, --- ответил Атхарва. --- Только теперь в восточной его части.

Кай кивнул. По неясному гүлү жизни и мыслей он и сам догадался, где они находятся. Головная боль стала довольно интенсивной, но терпимой, и он осознал, что с необычной легкостью привыкает использовать слепозрение вместо дорогостоящей аүгментики. Немало времени прошло с тех пор, как он в последний раз ориентировался и познавал мир при помощи своих психических способностей.

Впереди громоздились горы, такие

высокие, что казалось, ит нет конца. Пусть и лишённые своих вершин, горы хранили чувства и переживания всех, кто прошёл их крутыми склонами за все долгие-долгие века, с того самого дня, когда титаническое столкновение материков заставило земную кору выгнуться хребтом из глубин древней морской пучины. Пелену долговечной устойчивости, окутывающую горы, прорезал сверкающий луч психической энергии, тянувшийся от Пустой горы до самых далёких уголков Галактики. Сейчас, когда непосредственная угроза оказаться в её недрах отступила, вид Пустой горы вселял в Кая странную уверенность, словно едва слышный голос старого проверенного друга.

Воздух над городом наполняла плотная смесь запахов: пот, кипящий жир, протухшее мясо, специи и парфюмерия. Но дышалось легко, и ветер, налетавший с высоких склонов, казался не холодным, а приятно освежающим.

Тагоре поднял тело Джитии и забросил его на плечо, и Ашубха, проявляя

немного больше уважения к навшему брату, взял на руки тело Кирона. Севериан молча направился к расщелине между скал, ведущей к крутому откосу, почти вертикально поднимающемуся к окруженной стеной вершине.

--- Пошли, --- сказал Амхарва. ---
Осталось совсем немного.

--- Немного чего? --- спросил Кай.

--- Дороги до храма Печали, --- пояснил Амхарва.

Храм Печали оказался не столь зловещим, как можно было предположить по его названию. Это было внушительное здание, построенное из тысяч разномастных кусков мрамора, значительно возвышавшееся над соседними горами. Здание располагалось в самом конце сужающейся теснины, а его фасад украшало множество статуй --- скорбящих ангелов, матерей с мертвыми младенцами на руках и танцующих скелетов. В глубоких альковах скрывались жнецы, а над мраморными телами навших героев склонялись плакальщики из полированного гранита. Любой мастер из

зильгии строителей, возводивших великолене Дворца, с первого взгляда отверг бы эти эклектичные украшения, но, несмотря ни на что, храм обладал величием и излучал доброту и красоту, с чем нынешние строители Дворца не могли и мечтать.

Вдоль ведущей к храму дороги выдвигались разнообразные приношения: детские игрушки, пикты улыбающихся мужчин и женщин, венки из шелковых цветов и полосы бумаги с поэтическими панегриками и проникновенными прощальными словами. Около сотни скорбящих людей, разбившись на группы вокруг небольших костров, смиренно преклоняли колени вдоль всей дороги вплоть до массивных металлических створок храмовых ворот. Масляные фонари, развешанные на стенах храма, отбрасывали трепещущие тени, и казалось, что статуи танцуют.

— Что это за место? — спросил Шубха.

— Место поминовения и прощания, — сказал Кай.

Он ощущал неимоверный шквал эмоций. Слепозрение астронаута охватило всю полноту противоречивых аур, кружащихся как снаружи храма, так и внутри здания. Невероятная печаль, заполнившая всю улицу, придавила его своей тяжестью и грозила расстроить разум.

--- Какие страшные потери, --- сказал он. --- Горе и боль, они настолько сильны, что, боюсь, я не выдержу.

--- Крепись, Кай, --- откликнулся Атхарва. --- И горе, и чувство вины могут быть невероятно сильными. Тебе это слишком хорошо известно. Но ты так долго продержался, что сейчас не должен испытывать больших проблем.

--- Нет, здесь что-то еще, --- прошептал он. --- Что-то более сильное, чем мои тучения...

Атхарва наклонился ближе, чтобы услышал его только Кай.

--- Ничего об этом не говори, --- предупредил Атхарва. --- От этого зависят наши жизни.

Не пускаясь в дальнейшие объяснения,

он вслеп за Северианом направился к воротам, и Кай сразу ощутил враждебные взгляды скорбящих. Их гнев сдерживался только страхом, и, хотя было ясно, что каждый из них не прочь выпустить снаряд или выкрикнуть ругательство, никто не осмелился поднять голос. Казалось, что их узнали, хотя это было невозможно.

— Не знаю, кто были те люди, которых вы убили, но мне кажется, что их здесь знали, — сказал Кай.

— Наверно, ты прав, — согласился Амхарва.

В этот момент раздался скрип створок, и из храма вышел высокий мужчина с седыми волосами и обветренным лицом. Его аура была пропитана таким чувством вины, что Кай остановился, потрясенный моральной ношей, которая оказалась тяжелее его собственной.

Внезапно Кай заметил, что люди стали собираться вокруг них плотной толпой. Раньше они боялись пришельцев, но появление этого человека словно придало им сил, их гнев нарастал с каждой

минутой. Отверженные Мертвецы
могучи, но неужели они смогут справиться
с такой массой? Вернее, смогут ли они
предотвратить бойню?

--- Убирайтесь отсюда, --- сказал
вышедший мужчина. --- Неужели вы ничему
не научились в прошлый раз?

--- Мы пришли ради мертвых, ---
ответил Ашубха. --- Нам сказали, что сюда
можно принести павших воинов.

--- Вас не приглашали сюда, ---
настаивал он. --- Если вы пришли узнать о
тех, кто здесь остался, можете передать
Бабу, что они отправились в огонь вместе
с другими умершими.

--- Отойди с дороги, или ты умрешь! ---
крикнул Тагоре.

Пulsирующие волны агрессии
закружились вокруг сержанта
Пожирателей Мира. Его ярость, словно
боевой пес, удерживалась тончайшей
нитью, и устройство в черепе ослабляло
эту привязь с каждым ударом
механического сердца.

Атхарва вышел вперед и положил
руку на плечо Тагоре. Его золотистый

свет просочился в красную пелену злости Пожирателя Миров, и агрессивная поза Тагоре стала чуть менее напряженной.

--- Мы не собираемся никого убивать, --- сказал Атхарва, повысив голос, чтобы его услышали все, кто собрался в каньоне. И на разозлившихся людей его убедительный тон подействовал успокаивающе. --- Мы не имеем отношения к Бабу Дхакалу. А оружие и доспехи мы забрали у его людей, когда они напали на нас без всякого повода.

--- Гхота мертв?

--- Нет, --- ответил Атхарва. --- Он трусливо убежал.

Кай чувствовал осторожные манипуляции, применяемые Атхарвой, и поражался силе воина Тысячи Сынов. Он, как и большинство людей, слышал рассказы о легионе Магнуса, но видел, как легко агент использует свои таинственные способности, было удивительно.

Седовласый человек внимательно пристотрелся к Отверженным Мертвецам, и его глаза широко распахнулись, словно он узнал их.

--- Ангелы Смерти! --- воскликнул он. ---

Вы наконец пришли.

Скучно освещенные залы криптэстезианцев и в лучшие времена нельзя было назвать уютным местом, и нервы хормейстера вибрировали, словно камертон, по которому ударили слишком сильно. Он не любил бывать здесь, но Эвангер Григора проигнорировал все его приглашения, а предстоящая работа требовала хотя бы на время отвлечь криптэстезианца от изучения своей драгоценной Схемы.

После психического удара, полученного при вторжении Магнуса, Зи-Менга постоянно сопровождали трое Черных Часовых, хотя что им приказал Головка — убить хормейстера или защитить в случае очередной атаки, — было неизвестно. Впрочем, одно другого не исключало.

Хормейстер шел между голых стен из черного камня, и с каждым шагом, приближавшим его к логову криптэстезианцев, казалось, что стены стыкаются все теснее. Голова еще болела

после особенно тяжелого сеанса связи. Это было сильно искаженное помехами послание от имени Девятнадцатого легиона, но без опознавательного кода. В известии сообщалось о смерти примарха Коракса, и Немо Зи-Менгу отчаянно хотелось, чтобы известие не соответствовало истине, как несколько полученных заведомо ложных сообщений, посланных с целью дезорганизовать верные Императору силы. Несмотря на то что послание могло оказаться правдивым, он предпочел не передавать его в Проводники из страха перед возможными последствиями.

И это была не единственная плохая новость. Из восточного сектора пришли слухи о трусливой засаде неподалеку от Калта, в которую попал Тринадцатый легион, и два десятка астронавтов сошли с ума, пытаясь установить контакт с легионом жестоких Кровавых Ангелов. Какая чудовищная судьба постигла выходцев с Ваала и почему ни одна весточка не проходит сквозь скопление Сигнус, не вызывая видений о безутном

кровопролитии у всех, кто пытался
отправить туда сигнал?

Астронавты Города Зрения были не в
состоянии выполнить все требования,
поступающие из Дворца. Они были на
границе истощения, и ради спасения
остатков информационной сети
хормейстер решил использовать в хорах
криптэстезианцев Эвангера Григоры.
Анализ психического мусора и поиск
скрытого смысла в фоновых шумах может
подождать.

Он наконец подошел к нужной двери и
постучал костяшками тонких пальцев,
стараясь не повредить перстень из
Четвертого Доминиона. Подождал, но
ответа не последовало. Зи-Менг
нахмурился. Он ощущал присутствие
Григоры за дверью и даже слышал шорох
рвущейся бумажки.

— Эвангер! — крикнул он, хотя
ненавидел повышать голос. — Открой
дверь, мне необходимо с тобой поговорить.

Звук за дверью на мгновение
затихли, а затем возобновились с новой
силой.

--- Эвангер, мне нужны твои
криптэстеуанцы, --- произнес Немо. --- Я
должен пополнить резервы, чтобы
поддержатъ коммуникации. У нас
попросту не хватает телепатов, а после
того, как перестали приходить Черные
Корабли, мы лишились всякого пополнения.
Эвангер?

Тригора явно не собирался отвечать,
и хормейстер кивнул сержанту.

--- Откройте дверь, --- приказал он,
раздраженный тем, что хозяин Города
Зрения не может открыть дверь без
помощи Черных Часовых.

Зато перед ними не устоит ни один
замок. Сержант взмахнул перед
контрольной панелью инфожезлом, и
створка отошла в сторону. Немо,
переступив порог комнаты Тригоры,
остановился, пораженный царившим
внутри беспорядком.

Из-за специфики своей работы
криптэстеуанцы зачастую становились
лтрачными и замкнутыми, но склонными к
эксцентричным выходкам. Сам Тригора
сбыл неуживчивым и сварливым типом.

Однако он был лучшим, когда дело касалось
филтрации Потока, и поэтому Немо
терпел его одержимость Схемой. Он видел
промежуточные этапы проделанной
Григорой работы, но там, где
криптоматематик видел порядок и смысл,
Немо находил лишь хаос и случайные
совпадения. Работа Григоры занимала
каждый квадратный дюйм стен его
комнаты, исписанных неразборчивым
почерком, каждую полку, гнувшуюся под
тяжестью книг, все компьютеры и
статистические компьютеры, включала
в себя множество инфопанелей,
картографов и прочих устройств,
собранных для расшифровки картограммы
Вселенной.

Теперь ничего этого не было.

Эвангер сидел на стуле с высокой
спинкой в центре комнаты, с книгой на
коленях. Одной рукой он прижимал
обложку, противостоя попыткам книги
самостоятельно раскрыться, а вторую
опустил вниз, держа перо с капаящими на
пол чернилами. Хортейстер, чувствуя
колоссальное психическое давление, не

и левшее отношения ни к Григоре, ни к его собственным силам, неуверенно шагнул внутрь.

--- Эвангер, --- пронзительным шепотом произнес хормейстер. --- Твои глаза...

Невероятно, но щеки криптэстезианца были исцещены дорожками слез, и потоки света, наполняющего его тело, выплескивались из его глаз сквозь поблескивающие веки.

Эвангер Григора больше не был слеп.

Криптэстезианец ничего не ответил, он только крепко зажмурил глаза, а его лицо исказилось от попытки сдержаться от страха. Все его тело было напряжено, так что на шее под дряблой кожей твердыми гранями выступили натянутые сухожилия. Рука на обложке переплетенной в черную кожу онейрокритики тесно дрожала.

--- Эвангер, что здесь происходит? --- спросил Немо.

--- Я видел все, --- произнес Григора, роняя перо и складывая обе руки на обложке книги. --- Меня заставили все это посмотреть, и мне вернули глаза!

Великий Трон, мне вернули глаза, чтобы я
смог все увидеть.

--- Что увидеть, Эвангер? --- удивился
хормейстер. --- Ты какую-то чепуху несешь.

--- Все бесполезно, Немо, --- сказал
Григор, тряхнув головой, словно пытался
избавиться от ужасных воспоминаний. ---
Ты не можешь этого остановить, и никто
из нас не сможет. Ни ты, ни я --- никто!

--- О чем ты говоришь? --- воскликнул
Немо.

Хормейстер прошел вперед и присел
на корточки перед Григорой. Под плотно
закрытыми веками его глаз, словно
звездный свет, отраженный от
поверхности воды, мерцало слабое сияние.

--- Все напрасно, Немо, --- продолжал
Григора, задыхаясь от рыданий. --- Все, что
мы делали, все напрасно. Все заражено
тленом. Нет никакой реальной жизни,
есть только медленное умирание,
длящееся тысячи лет. Все, ради чего мы
боролись, все, что нам обещано... все
обман...

Суставы его пальцев побелели от
усилий удержать закрытой обложку

нейрокритики, но Гризора все же отвел одну руку, чтобы достать из складок одежды короткоствольный пистолет небольшого калибра.

Хортейстер, резко выправившись, отпрянул от Гризоре, а Черные Часовые мгновенно нацелили на него свои винтовки.

--- Опусти оружие! --- рявкнул сержант. --- Опусти сейчас же, или мы прострелим тебе голову.

Гризора растеялся, но у хортейстера сжалось сердце от прозвучавшей в его голосе боли. Какое же ужасное видение могло заставить его испытывать столь мучительную тоску?

--- Эвангер, --- заговорил Немо. --- Чтобы здесь ни случилось, мы сможем справиться. Мы все выдержим. Помнишь, что было на Черных Кораблях? А того мальчика с Сорок три-девятъ? Он убил почти всех, кто был на судне, но мы сумели его обуздать. И мы справимся, что бы ни происходило.

--- Справимся?! --- воскликнул Гризора. --- Ты не понял? Все уже произошло!

--- Что произошло?

--- Всему хорошему пришел конец, ---
заявил Григора и вложил дуло пистолета
в рот.

--- Нет! --- крикнул Немо, но ничто уже
не могло помешать криптэстезианцу
спустить курок.

Его голова сильно дернулась, и из
открывшегося рта вылетела струйка
дыма. Из носа на обложку онейрокритики
вытекла струйка крови. После смерти
глаза Григоры открылись, и хормейстер
увидел, что они цвета янтаря,
окрашенного в розовое золото.

Книга, выскользнув из мертвых рук,
хлопнулась об пол. Хормейстер сделал
глубокий вдох и почувствовал, как
загадочная мрачная аура, еще недавно
заполнявшая все пространство, начинает
рассеиваться. Он смотрел на тело бывшего
друга и гадал, что же могло подвигнуть
на самоубийство такого рационального
человека, как Григора.

Его слепозрение привлекла упавшая
книга. Капли крови на ее обложке еще
сияли остатками жизненной энергии,
излучавшей невероятную тоску.

— Что же ты увидел, Эвангер? —
спросил Немо.

Немо признавал, что выяснить это
можно только одним способом, но не был
уверен, что ему хватит на это сил.

Хортейстер поднял последний том
онейрокритики Эвангера Григоры и начал
читать.

Вслед за Отверженными
Мертвецами Кай вошел в храм. Воздух
здесь, словно угушливым дымом, был
пропитан тяжелым ощущением вины и
печали. Внутренность здания, как и
наружный фасад, украшали скорбные
статуи, изображающие плакальчиков,
смертные лежа и похоронные процессии.
Горящие факелы, закрепленные в кованых
канделябрах, наполняли храм теплым
сиянием, а ободок огромной шестерни,
когда-то бывшей частью боевой машины
Механикум, служил подставкой для сотен
высоких свечей.

На деревянных скамьях трапезными
группами собрались те, кто дождался
своей очереди внести покойников в храм.

Некоторые люди окидывали вошедших изумленными взглядами, другие, слишком поглощенные своим горем, даже не поднимали головы. Мужчина и женщина рыдали над телом у подножия черной полированной статуи безликого коленопреклоненного ангела. Его крылья окутывала едва заметная темная пелена, а за маской незавершенного лица Кай уловил нечто странное, словно в полумраке на мгновение мелькнул чей-то взгляд.

--- Что это? --- спросил он, зная, что Атхарва смотрит на него и поймет, о чем его спрашивают.

--- Я подозреваю, что у этой статуи много значений, --- сказал Атхарва. --- Великий Океан является отражением нашего мира, и, как говорили древние алхимики, что вверху, то и внизу. Нельзя сосредоточить в одном месте столько скорби и при этом не привлечь внимания с другой стороны барьера.

--- Что бы там ни было, оно кажется мне опасным, --- сказал Кай. --- Ужасным.

--- Верное определение, --- согласился Амхарва. --- И ты прав, считая его опасным.

Кая охватил страх:

--- Великий Трон, надо предупредить людей, чтобы они сюда не входили!

Амхарва устехнулся и качнул головой.

--- В этом нет необходимости, Кай. Эта сущность не настолько сильна, чтобы покинуть каменную тюрьму, в которой она заключена.

--- Вам нравятся мои статуи? --- спросил смотритель храма после того, как закрыл дверь и присоединился к ним.

--- Они великолепны, --- ответил Кай. --- Откуда вы их взяли?

--- Ниоткуда, я сам их высекал, --- сказал он и протянул руку. --- Я Паллагий Новандуо и рад видеть вас здесь. Всех вас.

Кай пожал руку, стараясь сдержаться, ощущив колоссальную ношу горя и вины этого человека.

--- Это настоящий мавзолей, --- произнес Тагоре. --- Зачем собирать в одном месте столько скорби?

--- Это отвращающие изображения, ---

ответил Наллагуй.

--- Что это значит? --- спросил Шубха.

--- Сосредоточие множества изображений скорби скрадывает человеческую печаль, --- внезапно догадался Кай.

--- Совершенно верно, --- кивнул Наллагуй. --- А почитая смерть, мы сдерживаем ее.

--- Мы принесли воинов, прошедших по Багряной Тропе, --- сказал Тагоре. --- Их смертные останки не должны стать добычей мародеров и пагальщиков. Нам сказали, что у вас здесь имеется крематорий.

--- Да, это так, --- подтвердил Наллагуй, указывая на прямоугольную арку в конце зала. За массивной дверью Кай ощутил свет завершенности, а заодно и запах горячей плоти, который не могла сдержать эта преграда.

--- Он нам нужен, --- сказал Атхарва.

--- Крематорий в вашем распоряжении, --- с почтительным поклоном произнес Наллагуй.

Отверженные Мертвецы подняли

своих навших братьев. Пожиратели Миров
взяли Джитию, а Атхарва и Севериан
положили себе на плечи Кирона.

--- Погибших воинов должны
проводить их братья по крови, --- произнес
Тагоре, --- но эти герои пали вдали от
своих легионов, и они больше никогда не
увидят своего родного мира.

--- Их родной мир здесь, --- сказал
Атхарва.

--- А мы теперь их братья, --- добавил
Шубха.

--- Мы почтим их память, ---
заговорил Ашубха. --- Мы породнились в бою
и сохраним верность не своему легиону, а
новому братству.

Кай с удивлением слушал слова
воинов. За то короткое время, что он
провел среди костодесантников, он не
думал об их единстве, но эти речи
свидетельствовали о самых крепких узах,
какие он только мог себе представить, ---
об узах, выкованных в кровавом горниле
стертельной схватки.

--- Угетте, --- пригласил их Паллагий
Новандио. --- Я покажу вам дорогу.

Тагоре дотронүлся рүкой до грудү
Паллагия и покачал головой.

--- Нет, не покажешь, --- отрывисто
произнес он, едва сдерживая ярость и
оскалив зүбы. --- Смерть костогесантника ---
это наше личное дело.

--- Прошү прощения, --- поспешно
үстүпил Паллагий, осознав үгрозу. --- Я не
хотел никого обидеть.

Воины пошли по центральному
проходу, и все рыдания в храме стихли,
когда собравшиеся в знак молчаливого
үважения склонили головы перед
торжественной процессией. Сила Атхарвы
вызвала вспышку, подобную далекой
зарнице, после чего дверь крематория
отворилась, заскрипев на проржавевших
петлях.

Кай провожал их взглядом, пока
костогесантники не скрылись из виду, и
только потом выпустил сдерживаемый в
грудү воздух.

Уже через мгновение он осмыслил
возникшүю ситуацию: он один и на свободе.
Но ощутил при этом лишь холод
одиночества. Он үже не понимал, был ли

пленником Отверженных Мертвецов или их попутчиком в бегстве, но подозревал, что это зависит от скрытой в его сознании тайны.

Кай повернулся к дверям, через которые он вместе с космогесантниками вошел в храм. Отблески факелов, проникавшие через неровный проем, озаряли помещение мягкими теплыми бликами, обещая все, чего он был лишен: избавление от ответственности, выбор между жизнью и смертью и, наконец, шанс освободиться от рабства.

Последнее осознание далось ему труднее всего, поскольку Кай всегда верил, что является хозяином своей судьбы. У него только здесь, преследуемый и одинокий, он понял, насколько был наивен. Провозглашенная ценность каждой отдельной личности была величайшим обманом Империи. Все, от солдата в армии до последнего писца или рабочего, абсолютно все люди служили Императору. Сознательно или нет, но вся человеческая раса была подчинена единой цели — завоеванию Галактики.

И Кай впервые в жизни увидел Имперіум таким, каким он был, --- машиной, которая способна на грандиозные деяния только потому, что топливом ей служат неиссякающие человеческие жизни. И Кай был частью этой машины, крохотной шестеренкой, в которой обломился зубец, и теперь она бесцельно болтается между искусно признанными деталями. Кай достаточно хорошо разбирался в подобных устройствах, чтобы понять, что эту деталь нельзя оставить внутри механизма. Она должна быть либо исправлена и поставлена на место, либо удалена.

--- Друг мой, тебя окружает смерть, --- заговорил Наллагий. --- Ты не зря пришел сюда.

Кай кивнул.

--- Смерть преследует меня повсюду, куда бы я ни пошел.

--- Устинно так, --- согласился Наллагий. --- Ты намерен остаться с Ангелами Смерти?

--- Мне почему-то кажется, что ты не напрасно употребляешь это прозвище,

верно? --- спросил Кай.

--- Легионеры Астартес есть физическое воплощение смерти, --- сказал Паллагий. --- Ты видел, как они убивают, и должен это понимать.

Кай вспомнил кровопролитие, сопровождавшее их побег из тюрьмы, и передернулся.

--- Наверно, ты прав, --- сказал он. --- Ангелы Смерти. В этом есть смысл.

--- Ты не ответил на мой вопрос, --- напомнил Паллагий.

Кай ненадолго задумался, разрываясь между желанием самостоятельно определять свое будущее и настойчивым голосом, убеждавшим его остаться с Отверженными Мертвецами.

--- Я еще не знаю, --- к своему собственному удивлению, сказал Кай. --- Мне кажется, что я хотел бы оставить их, но не уверен, что это будет правильно. Хотя это глупо, поскольку они собираются доставить меня... в такое место, где бы я не хотел оказаться.

--- И куда же, по-твоему, ты отправишься?

--- Я не знаю, --- с усталой улыбкой признался Кай. --- В этом-то и заключается проблема.

--- В таком случае, может, ты уже на месте? --- сказал Налладий.

С этими словами он легонько пожал руку Кая и направился к мужчине и женщине, которые оплакивали старика у подножия безликой статуи.

Едва Кай успел обдумать слова смотрителя храма, как дверь отворилась и вошла девушка, чья аура показала ему знакомой. Кай знал, что под капюшоном у нее скрыты глинные светлые волосы, а лоб повязан голубой косынкой. Он улыбнулся и наконец понял, что привела его сюда не случайность, не совпадение и что любые загадки Вселенной представляют собой лишь мелкие фрагменты общей мозаики.

--- Возможно, я именно там, где и должен быть, --- негромко произнес он, а у девушки, заметившей его, удивленно распахнулись глаза.

--- Кай? --- воскликнула она. --- Великий Трон, что ты здесь делаешь?

--- Привет, Роксанна, --- откликнулся

На приближающиеся машины Нагасена смотрит с раздражением и мучительным ощущением, что события разворачиваются быстрее, чем кто-либо из них может за ними уследить. Шесть приземистых броневинов, воняющих машинным маслом и горячим металлом. Согласно приказу из Города Зрения им пришлось их дожидаться. При этом не последовало никаких объяснений, и их добыча получила девятую минуту, чтобы увеличить расстояние от охотников.

— Не надо было их ждать, — говорит Картоно, но Нагасена ничего не отвечает.

Ответ очевиден. Нет, им не следовало ждать, но против этой охоты восставали все его инстинкты. Он убеждает себя, что глупо верить в приметы, что он должен продолжать, хотя бы и без Головки и Сатурналия.

Он знает, куда направились безлецы, и, если бы не его компаньоны, он мог бы уже быть там. И все же он не пошел охотиться в одиночку. Он ждал. Скорость и

неутомимость в преследовании дают колоссальное преимущество, а он пожертвовал и тем и другим.

Почему?

Потому что охота не служила истине, она направлена на ее сокрытие.

Сатурналий стоит на восточном перекрестке, ему не терпится продолжить преследование, но не хочется нарушать приказ, присланный с подтверждением его командиров. Головка сидит вместе со своими людьми, демонстрируя терпение, какого Нагасена от него никак не ожидал. Этот человек привык беспрекословно подчиняться приказам, и, если ему прикажут, не задумываясь, убьет сотню невиновных людей. Такие солдаты опасны, поскольку они способны на любые преступления, если будут убеждены, что их действия служат высшей цели.

Головная машина, разбрасывая мусор и лязгая траками, останавливается. Ее корпус окрашен в черный и красный цвета, с изображением крепостных ворот, над которыми виднеются скрещенные копья с черным лезвием и лязган. Головка и

присоединившийся к нему Сатурналий
подходят к открывающемуся люку, из
которого появляется младший лейтенант
в черном нагруднике и шлеме. Всем видом
лейтенант демонстрирует, что он
предпочел бы оказаться где угодно, только
бы не здесь.

Он строевым шагом марширует к
Головко и протягивает ему запечатанный
инфопланишет одноразового использования.

Из перчатки Головко появляется
опознавательный щуп, и экран планшета
оживает. На гладкой поверхности
появляются слегка мерцающие строчки, и
лицо Головко расплывается в хищной
улыбке.

Нагасена уже видел такой взгляд, и
это ему совсем не нравится.

--- Что говорится в сообщении? ---
спрашивает он, хотя опасается, что
ответ ему уже известен.

Головко протягивает планшет
Сатурналию, и тот, ознакомившись с
текстом, кивает, невольно подтверждая
опасения Нагасены. Он отворачивается от
протянутого кустодием планшета.

--- Мы больше не охотники, ---
произносит Нагасена. --- Верно?

--- Верно, --- говорит Сатурналий. ---
Теперь мы отряд ликвидаторов.

ОЧИЩЕНИЕ

Я МОГ БЫ ТЕБЯ УБИТЬ ГРОТОВЫЙ ЛОРД

Роксанна бросилась к нему, как к давню потерянному возлюбленному, и обняла так крепко, что едва не сломала ребра. Он тоже обнял ее, радуясь прикосновению знакомого человеческого тела. Вместе с Роксанной они много лет работали на «Арго», хотя, согласно строгому этикету, установленному на всех кораблях Тринадцатого легиона, так и не стали близкими друзьями.

--- Ты сломаеть мне ребра, --- сказал Кай, хотя сам не хотел ее отпускать.

--- Они срастутся, --- ответила Роксанна, еще крепче сжимая руки. --- Я не думала, что снова тебя увижу.

--- И я тоже, --- признался он.

Роксанна наконец отступила на шаг назад, продолжая держать Кая за плечи.

--- Ты ужасно выглядишь, --- сказала

она. --- Что случилось с твоими глазами?
После того как нас разлучили на
«Лемурии», мне не говорили, куда тебя
отправили.

--- Солдаты Кастана забрали меня и
доставили в медицинское учреждение на
Кипросе, а там поручили заботам какого-
то идиота, --- с устешкой рассказал Кай. ---
Но когда патриарх понял, что его могут
обвинить в гибели «Арго», меня бросили
обратно, в Город Зрения.

--- Мерзавцы, --- бросила Роксанна. --- А
меня отвезли в наше поместье в Галиции
и прятали, словно меня никогда не
существовало.

--- Почему?

--- Я стала для них обузой. --- Роксанна
пренебрежительно пожала плечами. ---
Если навигатор не в состоянии привести
корабль домой даже из системы, в которой
находится Астрономикон, он уже не
может называться навигатором.

--- Это чужь, --- возразил он. --- Ты
способна вывести корабль даже из самого
центра бури в Варне.

--- И я им говорила то же самое, ---

сказала она, взмахнув рукой. — Но корабль погиб, и мне никто не верил. Люди всегда в первую очередь обвиняют навигатора.

— Или астронаута, — прошептал Кай.

Он почувствовал на себе ее внимательный взгляд и тоже пристотрелся к ней внимательнее. В последний раз он видел Роксанну буквально развалиной в физическом и психическом отношении, и ее точно так же, как и его самого, преследовали вопли умирающих. Но сейчас в ее ауре почти не осталось следов бывшего потрясения.

Роксанна вывела его из бокового придела и усадила на свободную скамью, не отпуская руки, словно он был слепым или немощным.

— Я теперь вижу тебя, — сказал он. — Вероятно, лучше, чем прежде.

— Это обычное дело, — заметила Роксанна. — Стоит лишиться глаз, и ты начинаешь видеть отчетливее.

Она задержала его исхудавшие руки в своих ладонях. Кай ощутил тепло ее дружеского участия и не отпрянул, а позволил себе окунуться в него, словно в

ванну с целительным бальзамом. С тех самых пор, как его эвакуировали с «Арго», никто не относился к нему как к прокаженному или преступнику, а с Роксанной они разговаривали на равных, и это было для него важнее всего.

— Так что же ты здесь делаешь? — спросил Кай, стараясь увести разговор от воспоминаний об «Арго». — Мне кажется, это место тебе не слишком подходит.

— Наверно, ты прав, но так оказалось, что это именно мое место.

— Что ты имеешь в виду?

— Я ведь Кастана, — сказала Роксанна. — Я никогда ничего настоящего не хотела. То есть, если мне что-то требовалось, я сейчас же все получала. Если я что-то ломала или теряла, вещь мгновенно заменялась новой. Общение с воинами Тринадцатого легиона показало, какой я была эгоисткой. Когда я снова оказалась в наших владениях, я поняла, что не могу быть такой, как прежде. И я ушла.

— И попала сюда? — удивился Кай. — По-моему, это несколько преувеличенный

протест.

--- Я знаю, но, как я уже сказала, я Кастана, а ты не любишь полутер. Сначала я убежала, чтобы проучить своих родных за то, что со мной обращались как с ребенком. Я считала, что они поймут, как я им нужна, и будут искать, а я заслужу уважение.

--- Но они не стали искать, верно?

--- Нет, меня не искали, --- признала Роксанна, и в ее голосе не было грусти, несмотря на отчуждение родных. --- Я нашла место, где остановиться, но все еще страдала от видений гибнущего «Арго», и воспоминания пожирали меня изнутри. Я осознавала, что трагедия произошла не по моей вине, но не могла не чувствовать вины. Однажды я услышала, что в Городе Просителей есть место, куда любой может принести утершего человека и обрести покой. Тогда я и направилась сюда и предложила свою помощь.

--- И тебе помогло? Кошмары прекратились?

Роксанна кивнула.

--- Прекратились. Я думала, что

проведу здесь несколько дней, чтобы
очистить мозги, но чем больше я
помогала людям, тем яснее понимала, что
не могу уйти. Когда из дня в день тебя
окружает смерть, начинаешь по-другому
смотреть на вещи. Я выслушала сотни
историй, которые могли бы разбить
сердце, но благодаря им поняла, что
постигшее меня несчастье не тяжелее
ежедневных страданий этих людей.

— А что ты можешь сказать о
Наллагии Новандио?

В ауре Роксанны появились оттенки
сопротивления, и Кай моментально
пожалел о своем вопросе.

— Он пережил страшную потерю, —
сказала она. — Потерял любимых людей и в
их смерти винит себя.

Кай повернулся и посмотрел, как
Наллагий Новандио негромко
разговаривает с прихожанами своего
храма. Теперь он понимал меру его печали
и вины. Он узнал это всепоглощающее
чувство, как в зеркале отражающее его
собственное состояние.

— Значит, мы очень похожи, —

прошентал Кай.

--- Ты обвиняешь себя в том, что случилось на «Арго», не так ли? --- спросила Роксанна.

Кай попытался подобрать уклончивый ответ, избежать откровений, но не мог найти слов. Он умел читать ауры, при помощи своих психических способностей мог без труда определить эмоции, но не сумел обратить свой талант на себя из страха перед тем, что мог увидеть.

--- Это моя вина, --- негромко произнес он. --- Я погрузился в передающий транс, и потом рухнуло защитное поле. Я стал проводником для монстров. Трещиной в барьере. Это единственное объяснение.

--- Это просто стешно, --- заявила Роксанна. --- Как ты можешь так думать?

--- Это правда.

--- Нет, --- твердо возразила Роксанна. --- Это неправда. Ты не видел, что происходило за пределами корабля. А я видела, как в нас что-то ударило, и никакой корабль не мог бы этого выдержать. Варп-шторм налетел ниоткуда и обрушился со всей мощью

течений, идущих от края Галактики. Никто не заметил его приближения, ни наблюдатели Нобилите, ни стражи Врат. Это было стечение обстоятельств, которое происходит раз на миллион случаев или раз на миллиард. Учитывая то, что творится на Терре, да и по всей Галактике, можно только удивляться, почему такое не случается чаще. В варне происходит нечто невообразимое, и тебе повезло, что ты этого не видишь.

--- Ты, конечно, многое видела, но я слышал, --- сказал Кай. --- Я слышал, как они утирали.

--- Кто?

--- Все. Все мужчины и женщины на корабле. Я слышал каждого из них. Слышал их ужас и боль утраты и все последние мысли. Я слышал, как они взывают ко мне. И до сих пор, стоит мне ослабить защиту, как я снова их слышу.

Роксанна крепко сжала его руку, и он ощутил силу ее взгляда, но у него не было глаз, чтобы на него ответить. Ее аура разгорелась, словно солнечная корона, и он только сейчас понял, насколько сильна эта

девушка. Роксанна происходила из Дома Кастана, а в этом клане никто не страдал от нехватки уверенности.

— Они пытались обвинить в крушении «Арго» нас обоих, разве это не говорит тебе, насколько мало они разбираются в обстоятельствах? Кто-то должен понести ответственность. Случилось нечто ужасное, и человеческая натура так устроена, что кто-то должен за это заплатить. Они день и ночь твердили мне, что я виновата, что я где-то ошиблась и должна пройти переподготовку. А я все отвергала, я уверенно отрицала свою вину. Я знала, что спасти корабль не мог никто и ничто. Он все равно бы погиб, что бы я ни делала. И никто бы не смог его спасти.

Кай слушал ее слова, и каждое из них пробивало броню его уверенности, словно кинжалом, нацеленным точно в сердце. Он и сам говорил себе то же самое, но нет более грозного обвинителя, чем собственное сознание. Кастана сказали ему, что он стал причиной гибели «Арго», и он поверил им, потому что в глубине

души жаждал наказания за то, что остался жив.

Им требовался козел отпущения, и, когда одна из членов клана отказалась принять вину на себя, он стал следующей жертвой, причем добровольной. Черные цепи вины, сковывающие душу Кая, немного ослабли, уменьшили свою тяжесть. Еще не совсем исчезли, такое бремя невозможно снять только дружескими словами, но то, что они стали меньше давить, уже стало для него настоящим откровением.

Он улыбнулся и поднял руку, чтобы потронуться до лица Роксанны. Она настороженно отнеслась к его жесту, как и все навигаторы, не переносившие чужих прикосновений к области третьего глаза. У нее была гладкая щека, а прикосновение волос к его коже вызвало у Кая настоящий восторг. Такого отношения, когда никто ничего не требовал от него, он не знал уже долгие месяцы, и он старался проглотить контакт, наслаждаясь каждым вдохом свободного человека.

--- А ты умнее, чем выглядишь с первого взгляда, тебе это известно? ---

сказал Кай.

— Я же говорила, что здесь по-новому начинаешь смотреть вокруг. Но как ты догадался? Ты даже не можешь меня увидеть из-под этой повязки. Но ты так и не сказал, что случилось с твоими глазами.

И Кай рассказал ей обо всем, что пришлось ему пережить после возвращения в Город Зрения: о его переподготовке, о психической буре, убившей Сарашину, и о какой-то ценной информации, вложенной в его сознание, и о людях, желавших ее заполучить даже ценой его жизни. Он рассказал о побеге из тюрьмы Кустодиев, о крушении катера, об их странствии по Городу Просителей, хотя эта часть повествования была весьма неопределенной, поскольку довольно смутно запечатлелась в его памяти, где сны смешивались с реальностью. Он рассказал Роксанне о намерении Отверженных Мертвецов доставить его к Хорусу Луперкалю, и упоминание Воителя вызвало дрожь ужаса в ее ауре.

Кай закончил рассказ и ждал, что

Роксанна спросит о тайне, помещенной Сарашиной в его голову, но расспросов не последовало, и он почти влюбился в эту девушку. А Роксанна посмотрела на дверь, за которой скрылись кустодесантники.

--- Ты не должен позволять им доставить тебя к Воителю, --- сказала она.

--- Ты считаешь, что после всего, что со мной сделали, я еще чем-то обязан Империи? --- спросил Кай. --- Я ни за что снова не сдамся кустодиям.

--- Я об этом и не говорю, --- ответила Роксанна и снова взяла его за руки. --- Но даже после всего, что произошло, ты ведь не стал предателем Империи, правда? Но станешь им, если позволишь отвезти себя к Хорусу. Ты ведь знаешь, что я права.

--- Знаю. --- Кай вздохнул. --- Но как я могу им помешать? Я не так силен, чтобы с ними бороться.

--- Ты можешь убежать.

Кай покачал головой.

--- Я продержусь здесь не больше десяти минут.

Роксанна протолчала, но другого

подтверждения ему и не требовалось.

--- Что же ты собираешься делать? ---
наконец спросила она.

--- Не имею ни малейшего представления, --- признался Кай. --- Я больше не хочу, чтобы меня использовали, это единственное, что я знаю точно. Я устал от того, что меня таскают то туда, то сюда. Я хочу сам управлять своей судьбой, но не знаю, как этого добиться.

--- Тебе надо поторопиться с решением, --- заметила Роксанна, увидев, как открывается дверь крематория. --- Они возвращаются.

Мертвые стали неплот. Аргент Кирон и Орху Джития больше не существовали, их тела поглотило пламя. Тагоре словно оцепенел. Он понимал, что гибель товарищей должна вызвать горе, но не мог думать ни о чем другом, как о следующих убийствах. После стычки с людьми Бабу Дхакала его тело как будто превратилось в туго натянутую струну, которая вибрировала незаметно для всех окружающих, но в любой момент могла порваться.

Ему нравилось ощущать кровь на своих руках, а устройство, внедренное в его череп, награждало за каждое убийство потоками эндорфинов. Руки Тагоре бессознательно сжимались в кулаки, а глаза обыскивали помещение в поисках угроз, возможных засад и ловушек. Собравшиеся здесь люди были кроткими, эмоциональными и бесполезными. Они проливали слезы, испытывая, как он догадался, печаль, но сам он уже не был способен на это чувство.

Пока Севериан и Амхарва разговаривали с седым стариком об этом месте — Пожиратель Миров не мог заставить себя даже мысленно произнести слово «храм», — Тагоре послал Шубху и Ашубху проверить окрестности. Он часто и неглубоко дышал и сознавал, что его зрачки расширились до такой степени, что глаза кажутся черными. Каждый мускул в его теле звенел от напряжения, и только железная воля удерживала Тагоре от нападения на любого, кто остелился бы посмотреть в его сторону.

Но никто не поднял на него глаз.

Тагоре не встретил ни единого взгляда и
сел на скрипучую скамью, стараясь унять
свои эмоции. Он жаждал боя. Он хотел
убивать. Его ярость не находила цели, а
тело требовало освобождения от
напряжения и награды, которую сулила
аугментика в черепе.

Тагоре говорил о воинской чести, но
даже ему самому слова казались
бесстысленными. Они произносились
механически, и он даже не ощущал
разочарования, и это его тоже не трогало.
Это были хорошие слова, которыми он
привык верить, но перед лицом утраты
все потеряло для него смысл, кроме боевой
ярости. Он точно знал, сколько жизней
отнял, и мог воспроизвести в памяти
каждый смертельный удар, но и это его не
радовало. Ни гордости за точное
рассчитанный выстрел, ни восторга от
победы над достойным противником, ни
радости от битвы ради цели, в которую
верил.

Император создал его солдатом, а
Анзрон превратил в оружие.

Тагоре помнил ритуал разбития

цепей на борту «Завоевателя», этой
могучей крепости, посланной в небеса,
словно спущенный с цепи боевой пес
благородного рыцаря. Сам Красный Ангел,
Ангрон, подошел к опутанной цепями
наковальне и обрушил свой мозолистый
кулак на крепкий узел. Огним ударом он
разбил символические цепи его рабства и
бросил обломки разорванных звеньев
тысячам собравшихся Пожирателей
Миров.

Ради одного из этих звеньев Тагоре
толкался и дрался со своими братьями в
яростной беспорядочной схватке. Он тогда
уже был штурм-сержантом Пятой роты и
достаточно жестоким, чтобы вырвать
железное звено у воина по имени Скраал —
одного из недавних рекрутов, еще не
удостоенного имплантатов. Тагоре
немилосердно колотил его до тех пор, пока
тот не выпустил свою добычу.

Позднее он переделал это звено в
рукоятку Вершителя, своего боевого
топора, но теперь и это оружие для него
потеряно. При мысли о том, что это
оружие осталось в руках врагов, гнев

вспыхнул с новой силой. Тагоре услышал треск ломающегося дерева и открыл глаза, ожидая нападения, но по каплям крови, выступившим на ладонях, догадался, что сломал спинку скамьи.

Он снова закрыл глаза и вспомнил слова песни о Конце Битвы:

Я поднимаю разящий кулак
И салютую одержанной победе.
Я окрещен кровью врага.
Я не отступил перед самой
смертью,
Но теперь огонь должен остыть.
Пусть пируют стервятники,
А мы сочтем убитых.
Я видел, сколь многие пали
сегодня.
Они утирали, но я уверен,
И наша кровь не пропала даром.
Войне безразлично, чья кровь ее
питает.

С последними словами Тагоре судорожно выдохнул, чувствуя, как

напряжение покидает его тело, словно разряд, уходящий по громоотводу в землю. Он разжал кулаки, роняя на пол щепки, и только тогда ощутил чье-то присутствие. Рядом с ним на скамье сидел мальчик. Тагоре не мог определить его возраст, поскольку не помнил своего детства, а хрупкие тела смертных менялись так быстро, что уследить за их возрастом было невозможно.

— А что ты только что говорил? — спросил мальчик, поднимая голову от листовки, которую читал до этого.

Тагоре оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что мальчуган действительно обращается к нему.

— Это слова об остужении пламени в сердце воина, когда сражение уже закончено, — настороженно ответил он.

— Ты ведь костодесантник, правда?

Тагоре кивнул, не понимая, чего хочет этот ребенок.

— Меня зовут Арик, — сказал мальчик, протягивая руку.

Тагоре с подозрением посмотрел на руку, а затем окинул взглядом всю хрупкую

фигурку, бессознательно намечая точки для наиболее эффективных ударов, чтобы переломать кости и убить его. У него шея не толще прутика, ее очень легко сломать, а кости плеч и ребра проступали под тонкой рубашкой.

Чтобы его уничтожить, не потребуется много сил.

--- Тагоре, штурм-сержант Пятой роты, --- наконец произнес он. --- Из легиона Пожирателей Миров.

--- Очень хорошо, что ты здесь, --- кивнув, сказал Арик. --- Если люди Бабу Дхакала вернутся, ты их убьешь, правда?

Тагоре, довольный, что разговор свернул на понятную ему тему, тоже кивнул.

--- Если кто-то придет сюда за мной, я всех убью.

--- Ты умеешь убивать людей?

--- Умею, и очень хорошо, --- сказал Тагоре. --- Здесь никто не умеет этого делать лучше, чем я.

--- Хорошо, --- обрадовался Арик. --- Я его ненавижу.

--- Бабу Дхакала?

Арик грустно кивнул.

--- Почему?

--- Его человек убил моего папу, ---
сказал тальчик, показав на
коленопреклоненную статую в конце зала.
--- Гхота застрелил его прямо здесь.

Тагоре проследил за его жестом,
машинально отнеся серебряное кольцо
на большом пальце, но не определил ни его
ценности, ни значения. Статуя была
высечена из темного камня с серыми и
черными прожилками. У фигуры не было
лица, но Тагоре почему-то мог
представить себе ее черты.

--- Гхота убил и одного из моих...
грузей, --- сказал Тагоре, споткнувшись на
непривычном слове. --- Я должен ему одну
смерть, а такие долги я всегда плачу.

Арик выяснил все, что его
интересовало, и, кивнув, вернулся к
чтению листовки.

Тагоре оказался на незнакомой
территории: его умение разговаривать
ограничивалось боевыми напевами и
командами. У опыта общения со
смертными у него тоже не было, он не

находил нужным вникать в их проблемы и тревоги. Надо ли продолжать разговор, или их отношения на этом закончились?

--- Что ты читаешь? --- спросил он после минутного размышления.

--- Это обычно читал мой отец, --- не поднимая головы, ответил Арик. --- Я почти ничего здесь не понимаю, но ему это нравилось. Он перечитывал текст снова и снова.

--- Можно мне посмотреть? --- спросил Тагоре.

Арик кивнул и протянул лист бумаги. Он был тонким и очень часто складывался, и чернила на сгибах смазались и расплылись пятнами. До сих пор Тагоре приходилось читать только боевые приказы и карты, а этот диалект был ему незнаком, но нейронные связи его мозга адаптировались с быстротой, удивившей бы любого терранского лингвиста.

--- «Благословенны люди, объединенные замыслами Императора, и они будут вечно жить в его памяти, --- прочел Тагоре и озадаченно нахмурился от такого странного заявления. --- Я прокладываю

тропу праведников. Пусть она будет
вытощена битым стеклом, я пройду по ней
босым; пусть она пролегает сквозь льды и
пламя, я все преодолею; пусть она трудна и
извилиста, свет Императора направит
мои стопы. Император един, и он есть
наша защита и опора».

Тагоре поднял взгляд от строчек. От
этих слов веяло суетверием, и это вновь
похлестнуло его гнев, заставив
пульсировать имплантат.

— «Сила Императора в человечестве,
а сила человечества — в Императоре, —
продолжал Тагоре, становясь все мрачнее. —
Если одно отвернется от другого, все мы
станем Заблудшими и Проклятыми. И
если Его слуги забудут свой долг, они
перестанут быть людьми и станут
меньше, чем дикие звери. Им нет места в
плоне человечества и в сердце Императора.
Да будут они отвержены и мертвы».

Сердце Тагоре уже выбивало гробь, а
легкие вбирали воздух сильными
короткими толчками. Он скоткал лист в
кулаке и бросил его на пол.

— Уйди от меня, мальчик, —

прохрипел он сквозь стиснутые зубы.

Арик, заметив произошедшую в нем перемену, поднял на Тагоре широко раскрытые от страха глаза.

--- Что я такого сделал? --- грожащим голосом спросил он.

--- Я сказал, уйди от меня!

--- Почему?

--- Потому что я мог бы тебя убить, --- зарычал Тагоре.

Нагасена остатривает здание с выступом скалы в устье каньона. Он знает, что добыча близка. Позади, на улице, шесть бронированных машин и почти сотня солдат нетерпеливо ожидают его приказов. Приказ может быть только один, но он медлит его отдать. Афина Дийос и агент Хирико ожидают вместе с ним, хотя и в этой охоте больше делать нечего.

Даже Нагасена не отрицает некоторого возбуждения, обычно сопутствующего последней стадии охоты, но сегодня он не чувствует ничего подобного. Слишком много

неопределенностей появилось в его жизни с тех пор, как он покинул свою виллу в горах, и при мысли о встрече с Каем Зуланом и мятежниками его охватывают только мрачные предчувствия.

Через прицел винтовки ему отлично виден вход. Перед зданием собрались сотни людей, которые принесли с собой своих мертвецов. Нагасена разделяет желание оплакать потерю и почтить их память, чтобы никто не был забыт, но ему чуждо обычай молиться за мертвецов и надеяться, что они перейдут в какое-то другое царство.

Превосходная оптика прицела, созданного Механикум Марса и приобретенного по чудовищно высокой цене, позволяет Нагасене проникнуть за императорный фасад и увидеть источники теплового излучения внутри здания. Это изображение по закрытым медной оплеткой проводам передается на инфопланишет Картоно.

В храме собрались около шестидесяти человек, и среди них опознавательными символами и

размерами отчетливо выделяются
легионеры Астартес. Но Кая Зулана
отыскать невозможно. Как сказал Антиох,
костодесантников пятеро, и все они
собрались вокруг личности меньшего
размера. Тепловые символы расплываются
и дрожат. В их огромных телах что-то
сбивает его оптику, и все изображение
мерцает от помех, так что у Нагасены
начинают болеть глаза.

--- Вот они хваленые дорогие
биофильтры, --- раздраженно ворчит
Картоно и хлопает ладонью по ребру
паншета.

Изображение не улучшается, но у них
и так достаточно информации, чтобы
начать атаку на здание.

--- Надо штурмовать этот дом, ---
настаивает Головно. --- Теперь с нами
больше сотни человек. Им ничего не
останется, как спастись бегством. Мы за
час сумеем покончить с этим делом.

--- Он прав, --- говорит Сатурналий,
несмотря на явное нежелание хоть в чем-то
соглашаться с Черным Часовым. ---
Наши беглецы в ловушке.

— И от этого они станут вдвойне опаснее, — говорит Нагасена. — Нет никого опаснее человека, загнанного в угол и сознающего, что ему нечего терять.

— Совсем как Созидательница из Каллайкоя, — говорит Картоно.

— Верно, — коротко соглашается Нагасена, не желая вспоминать сейчас о той охоте, которая оставила ему незаживающие раны.

Сатурналий берет инфопланишет из рук Картоно и подносит Нагасене, как будто тот его не видел. Он постукивает пальцем по затуманенным изображениям пяти воинов, раги убийства которых они сюда пришли.

— Нет причин отказываться от атаки, — говорит кустодий. — Мы получили приказ, и он предельно ясен. Все они должны умереть.

Нагасена читал и перечитывал приказы по несколько раз, отыскивая малейшую возможность интерпретировать их так, чтобы на его памяти не остался пожизненный шрам от убийства такого количества невинных, но

Сатүрналий прав: приказы невозможно истолковать по-другому.

--- Это ведь имперские граждане, --- говорит он, хотя и сознает, что напрасно тратит слова, пытаясь убедить Сатүрналия изменить план действий. --- Мы ведь служим им, нельзя так жестоко их предавать.

--- Предавать? Эти люди приняли мятежников и виновны в соучастии в их преступлениях, --- отвечает Сатүрналий. --- Я воин Легио Күстодес, и мой долг обеспечить безопасность Императора, а в этом деле компромиссы недопустимы. Кто знает, какие предательские идеи беглецы распространили среди обитателей Города Просителей? Если мы оставим жизнь каждому, кто с ними общался, их мятеж будет разрастаться и пускать глубокие корни, как сорная трава, пытаясь тьмой и скверной.

--- Ты не можешь знать этого наверняка, --- возражает Нагасена.

--- Мне ни к чему это знать, достаточно того, что я в это верю.

--- Это и есть Имперская Истина? ---

спрашивает Нагасена, почти выплевывая слова.

--- Это просто истина, --- говорит Сатүрналий. --- Ни больше, ни меньше.

Нагасена заглядывает в глаза Картоно, но не видит там ничего, что могло бы рассказать о чувствах раба. Күзгү Күлексүс об этом позаботился. Нагасена сжимает рукоять Шүдзики, сознавая, что должен уйти, но это равносильно тому, чтобы подписать себе смертный приговор. Хорошо это или плохо, но он обязан участвовать в этой охоте до самого конца.

Он кивает, а при виде торжествующих заговорщицких утешек Головки и Сатүрналия испытывает к ним ненависть.

--- Хорошо, --- говорит он. --- Давайте покончим с этим.

Сигнал к атаке еще не успевает прозвучать, как Картоно потрясенно вытягивает воздух. Он снова смотрит на инфопланишет и растерянно поднимает голову.

--- У нас могут быть проблемы, ---

говорит он. -- Появились новые лица.

Амхарва заметил, что Тагоре поднялся со скалы и скованной походкой направился к тому месту, где они все собрались. Его аура полыхала жарким гневом и жаждой крови. От одного только прикосновения к его разуму пробудилась собственная агрессивность Амхарвы, и, чтобы справиться со своими эмоциями, ему пришлось войти в низшие уровни Усчислений.

-- У нас есть шанс улететь с Терры, -- сказал Ашубха подошедшему Тагоре.

Сержант Пожирателей Миров, все еще бледный от злости, кивнул, не разжимая зубов.

-- Как? -- сумел пробормотать он.

-- Расскажи ему, -- попросил Амхарва Паллагия Новангуо.

-- На вершине той скалы расположено поместье Бадока Сингха, военного архитектора Императора, -- заговорил Паллагий. В его голосе зазвучала такая горечь, что Амхарва внутренне поежился. -- Он руководит всеми строительными

работами во Дворце, наверно, потому и
выбрал себе жилье на такой высоте.

--- И что? --- спросил Тагоре,
окруженный раздражением, словно усеянной
шипами броней.

--- Военный архитектор
предпочитает обозревать самые крупные
сооружения с орбиты, --- пояснил Наллагуй.

Этот человек очень не хотел их
отпустить, и только проникательность
Амхарвы вынудила его поделиться этой
бесценной информацией.

--- Теперь ты понимаешь? ---
воскликнул Севериан.

--- У него есть судно, способное выйти
на орбиту? --- спросил Тагоре, чей гнев
трансформировался в заинтересованность.

--- Да, есть, --- подтвердил Наллагуй.

--- Мы сможем вырваться из этого
мира, --- обрадовался Шубха и стукнул
кулаком по ладони.

--- Более того, --- добавил Ашубха. ---
Если мы доберемся до одной из
орбитальных платформ, есть шанс
попасть на борт корабля с варп-
двигателем.

--- Утак, договорились? --- спросил Амхарва, искоса поглядывая на Паллагия Новандио. --- Двигается к Усттваану?

--- К Усттваану, --- согласился Тагоре.

--- К легиону, --- одновременно добавили братья-близнецы.

--- Значит, к Усттваану, --- сказал Севериан. --- Я разведу дорожку к вилле архитектора.

Амхарва кивнул, и Лунный Волк выскользнул через заднюю дверь храма и исчез в темноте.

--- Куда вы отправитесь, когда покинете этот мир? --- спросил Паллагий Новандио, не в силах скрыть разочарования. --- Вы не хотите остаться здесь? Где же еще обитать Ангелам Смерти, как не в посвященном Смерти храме?

Тагоре резко развернулся к старику и приподнял его над полом.

--- Я должен бы убить тебя за то, что в этом месте пустила корни ересь! --- зарычал Пожиратель Миров. --- Ты называешь этот дом храмом, и люди находят в нем своих богов.

--- Тагоре, о чем ты говоришь? ---
спросил Амхарва.

Тагоре держал Палладия Новандио на вытянутой руке с каким-то брезгливым выражением, словно опасную гадину.

--- Он проповедует ложную веру. Это не место для почитания, а настоящая церковь, где Императора считают каким-то божеством. Все это, все, что он нам говорил, ложь. А сам он главный проповедник. Сейчас я его убью, и мы отправимся в путь.

--- Нет! --- крикнул Палладий. --- Здесь ничего подобного нет, я могу в этом поклясться.

--- Лжец! --- взревел Тагоре и замахнулся кулаком.

Не успел он нанести смертельный удар, как двери храма распахнулись, и на пороге, освещенные снаружи сотнями фонарей и факелов, появились две огромные фигуры. Вместе с ними порывом насыщенного теплом ветра ворвался страх, и в то же мгновение Амхарва ощутил хищные мысли охотников, притаившихся за стенами храма.

В одном из нападавших он узнал Гхоту, которого видел в схватке у дома Антиоха, а от громадного силуэта второго воина у него перехватило дыхание.

Гигант казался громадным даже по сравнению с Гхотой, он был выше Тагоре и шире в плечах, чем погибший Джития. Пластины его доспехов отливали бронзой и непроницаемой чернотой. Этот гигант, похожий на воинов древности, чувствовал себя в доспехах так, словно в них и родился. На боку у него висел болтер, давным-давно снятый с производства, а за спиной торчал меч с широким лезвием.

--- Я громовой лорд, --- произнес Бабу Дхакал. --- У вас есть то, что мне нужно.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ ОКРОВАВЛЕННЫЙ ХРАМ ДОСТОЙНЫЙ ПРОТИВНИК

Стоящий перед ним воин не имел права существовать. Все воины его формации давно умерли, все они погибли в последней битве за Единство. Они принесли величайшую жертву ради последней и самой значительной победы Императора. Но он стоял здесь, огромный и величественный, внушающий ужас и изумление. На мертвенно-сером лице сверкали налитые кровью глаза, а на его ауру было больно смотреть. Его сущность притягивала к себе все внимание и распространяла страх.

--- Ты Бабу Дхакал? --- спросил Атхарва, хотя вопрос был явно излишним.

--- Конечно, --- ответил воин грома.

Все --- мужчины, женщины, дети --- бросились в заднюю часть храма и сгрудились в тени Безучастного Ангела,

словно от Бабу Дхакала и Гхоты исходила
какая-то мрачная сила. Амхарва тельком
заметил среди прихожан и Кая со
светловолосой молодой женщиной, лоб
которой был повязан косынкой. Он
мгновенно понял, кто она такая, и едва не
растекся при мысли, что фортуна
посылает им не только астронаута, но и
навигатора. Кости́ческая головоломка
Вселенной тало-помалу складывалась
перед ним в цельную картину.

Рядом с ним напряженно замер
Тагоре, и его ярость грозила вырваться
наружу в любой момент. Шубха и Ашубха
последовали примеру своего сержанта,
хотя их агрессия проявлялась далеко не
так отчетливо, как у Тагоре.
Присутствия Севериана Амхарва не
ощущал, и он надеялся, что тот уже успел
покинуть храм.

— Ты убил воина легиона Астартес, —
утробным голосом прорычал Тагоре,
обращаясь к Гхоте. — И за это я вырву у
тебя сердце.

Гхота устехнулся, оскалив зубы.

— Я уже побил тебя однажды и стогу

сделать это еще раз, щенок.

Бабу Дхакал поднял руку, опережая ярость Тагоре.

--- Я пришел сюда не для того, чтобы драться с вами, легионеры Астартес, --- сказал он. --- Я хочу вам кое-что предложить. Вы готовы меня выслушать?

Неожиданная речь удивила Атхарву. У него не было ни малейшего желания вести переговоры с Бабу Дхакалом, но в таком случае появлялся шанс прибегнуть к помощи психических сил.

--- Что вы хотите? --- спросил он, успешно скрывая свое изумление.

--- За этими стенами есть люди, которые хотят вас убить, --- сказал Бабу Дхакал.

--- Это мне известно, --- ответил Атхарва, и Дхакал расстелся, издавая булькающие утробные звуки.

--- Ты узнал об этом только сейчас, потому что я тебе позволил, --- заявил воин.

--- Как только я сломаю о колено твой хребет, я займусь ими, --- пообещал Тагоре.

--- Там не меньше сотни солдат.

ассасин и человек, несущий нечто более грозное, с чем не совладеет ни один воин.

--- Оружие? --- спросил Шубха.

--- Нет, истина.

--- Так кто же ты? --- настойчиво спросил Амхарва. --- Я знаю твое имя, но оно ни о чем не говорит. Бабу означает «отец» на древнем диалекте. А Дхакал? Это же просто название области в этой части гор. Так кто ты такой?

--- За долгие годы я сменил много имен, --- сказал Бабу Дхакал, --- но ведь ты не это имеешь в виду? Нет, ты хочешь узнать мое истинное имя, то самое, которое я носил в боях, когда завоевывал этот мир?

--- Верно, --- согласился Амхарва.

--- Очень хорошо. Поскольку я пришел торговаться, я предложу свое имя в качестве жеста доброй воли. Я уже не помню своего смертного имени, но, когда моя плоть переродилась в новой форме, меня называли Арик Таранис.

Имя само по себе произвело удивительно сильное впечатление: своей исторической звучностью оно погасило

ярость Пожирателей Миров и заставило
онеметь Атхарву. Среди присутствующих
не было никого, кто не слышал бы это имя,
не слышал легенд об одержанных
Таранисом победах, о его поверженных
врагах и великой славе.

--- Ты Молниеносец? --- спросил Тагоре.

--- Этот титул был присвоен мне
после сражения на горе Арарат в царстве
Урарту, --- сказал Бабу Дхакал. --- Я
удостоился чести поднять Молниеносное
знамя при декларации Единства.

Атхарва не верил своим глазам.
Этот воин был живой легендой.
Победитель при Тагаре, Последний
Всадник, Палач Скандии, Сокрушитель
Трона...

Эти и сотни других почетных
прозвищ пронеслись в голове Атхарвы,
воскресив в памяти легенду о кончине
прославленного воина на вершине
устоявшей перед наводнением горы.

--- История повествует о твоей
гибели, --- сказал Атхарва. --- Ты умер от
ран сразу после поднятия знамени. После
той битвы не уцелел никто из твоих

воинов.

--- Ты кажешься мне умным человеком, --- ответил Бабу Дхакал. --- Ум должен бы знать, что не стоит буквально воспринимать все, что говорится в летописях. Подобные легенды сочиняет тот единственный, кто выживает во всех сражениях, и Императору не пообает делить победные лавры с кем-либо еще. Да и невелика честь покорять мир, имея непобедимую армию. Победа принадлежит одному, и он всегда позаботится, чтобы ее никто не оспаривал.

--- А кроме тебя кто-то еще выжил? --- спросил Шубха.

Бабу Дхакал пожал плечами.

--- Возможно, кто-то и пережил чистку, но даже в этом случае все они, вероятно, давно умерли от старости. Наши тела были созданы для покорения этого мира, а не всей Галактики, как ваши.

В словах Бабу Дхакала не было ни досады, ни обиды, что не могло не удивить Атхарву, лишь простая констатация фактов и выводы из них. Если все, что он

говорит, правда, значит, Император
забраковал его и таких, как он, ради
Астартес. И несмотря на это чудовищное
предательство, Бабу Дхакал, похоже, не
испытывает ненависти к своему
создателю.

— Как же тебе удалось до сих пор
оставаться в живых? — спросил Атхарва,
начиная догадываться, что могло
понадобиться этому воину.

— Я не дурак, — сказал Бабу Дхакал. —
За годы войны я научился у своего
создателя всему, чему смог, и постиг
основы древней науки. Не настолько, чтобы
полностью остановить процесс
физического старения, но достаточно,
чтобы дожить до того момента, когда
мне улыбнется удача.

— Говори яснее, — потребовал Тагоре. —
Чего ты хочешь?

Бабу Дхакал поднял правую руку, и
Атхарва увидел массивное устройство,
закрепленное на наруче доспеха. Оно сильно
отличалось от изящных приборов,
которыми пользовались апотекарии
легионов, но, вне всякого сомнения, это был

редуктор. Вместе с нартециумом он составлял основу оборудования боевого аптекаря.

Если нартециум излечивал раны, то редуктор предназначался для навших воинов.

Это устройство было предназначено лишь для одной операции — извлечения геносемени костодесантника.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне остаться в живых, — сказал Бабу Дхакал.

Кай заметил, как согрознулась от потрясения аура Амхарвы, но костодесантник не успел ответить, как вдруг над крышей храма загорели взрывы и на пол посыпались обломки горящих строил и куски извести.

— Берегись! — закричал Кай, увидев, как горячей балкой прямо перед ним был убит пожилой мужчина.

Вслед за оглушительным грохотом гранат с потолка на тросах стали спускаться солдаты в черных доспехах, и Кай с Роксанной испуганно попытались вглубь здания.

За стенами слышалось утробное

урчание двигателей и автоматная стрельба. Гудкий грохот разрывов крупнокалиберных снарядов, разносившийся эхом по всему каньону, прерывали пронзительные крики перепуганных людей.

--- Ложись! --- закричал Кай.

Пули винтовок раскалывали доски скамей и крошили трамбор статуй. Кай прижал голову Роксанны к самому полу и попытался оттащить девушку подальше от стрелявших солдат, но все проходило между скамьями были забиты вопящими от страха людьми. Рядом с Каем рухнул на колени мужчина с пробитой грудью и сожженной лазерным разрядом головой.

--- Что происходит? --- вскричала Роксанна, усиленно моргая в слепящих вспышках взрывов и закрывая голову от летящих осколков трамбора.

--- Это Черные Часовые, --- ответил Кай. --- Они охотятся за мной.

Он вздрагивал от каждого выстрела и дезориентирующих вспышек снарядов, но попытался мысленным взглядом окинуть ближайшие окрестности. В храме уже заплясало пламя и стали подниматься

клубы дыма, но для слепозрения эти помехи были несущественными. Кай увидел, что солдаты расходятся веером по всему храму и безжалостно уничтожают всех, кто попадает на пути.

Одна группа солдат целенаправленно двигалась в их сторону, но путь им преградил огромный воин, вооруженный обломком алебарды. Тагоре зарубил трех солдат тремя взмахами лезвия, а двоих других воинов упали замертво с проломленными черепами.

Рядом с сержантом в бой вступил Шубха. Стараясь не отставать от Тагоре, он убивал врагов со слепой яростью. Кай переместил взгляд и в густых клубах дыма заметил Ашубху. В отличие от своего брата тот с хладнокровной методичностью выбирал себе жертву и убивал ее быстро и точно. Первым от его руки упал Черный Часовой, затем аугер, потом солдат с плазменным ружьем. Ашубха явно придерживался какого-то определенного порядка, что контрастировало с нерассуждающей яростью его брата.

В хаотических вспышках психической энергии появлялись все новые и новые фигуры, но пространство заволочено красной пеленой ярости, не менее густой, чем дым, и в пульсирующем пламени боевой агрессии солдат стало труднее выделять отдельные личности.

Среди красного тумана Кай заметил три силуэта, чьи энергетические и жизненные ауры не поддавались воздействию общего яростного безумия. В одном он узнал Амхарву, а двое других были Бабу Дхакал и его спутник. Амхарва, черная энергию из илматериума, уничтожал десятки солдат убийственными зарядами ослепительного света. Бабу Дхакал действовал с такой скоростью, какой Кай не наблюдал ни у одного из людей, он переносился с места на место словно одной лишь силой мысли. Он без труда убивал каждого, кто пытался оказать сопротивление, но, если люди не нападали, Бабу Дхакал отвечал им тем же и оставлял в живых.

Шквал стрельбы не утихал, и больше всего страдали обычные люди, собравшиеся

в храме. Кай и Роксанна, отчаянно пытаясь убраться из центра сражения, пробирались через завалы из мертвых тел и сломанных скамей. Оглянувшись через плечо, Кай заметил, как в зал ворвался гигант в тяжелой полированной броне. На фоне багровых сполохов ярости и агрессии его аура сверкала убийственным холодом серебра. Кай согрознулся всем телом, узнав непреодолимую и злобную целеустремленность Сатурналия.

Следом за ним вошел человек, внешне уступающий ростом кустодию, но не менее яркий и опасный. От ощущения чего-то отвратительного, постыдного, что никогда прежде не тревожило его сознание, внутри у Кая все сжалось в тугой болезненный комок. Он остановился и сжал голову руками, а тело затряслось от крупной дрожи. Он ничем не мог объяснить свои ощущения, но инстинктивно свернулся в клубок, и свет окружающего мира стал постепенно теркнуть.

--- Кай! --- донесся откуда-то издалека голос Роксанны. --- Кай, где ты?

Спутник Сатурналия при упоминании

имени Кая резко развернулся и выхватил меч, сияющий невиданным светом.

--- Кай Зүлан! --- крикнул Сатүрналий. --- Выходи!

В ответ на его вызов из красной пелены вышли два силуэта -- два пятна, горящей ярости, не уступающие своей яркостью Сатүрналию. Аурү күстодия можно было сравнить с контролируемым огнем, тогда как Пожиратели Миров были подобны пожарам, что бьют на Мерианских плато в жаркие и сухие времена года. Шүбха и Ашүбха вместе бросились на Сатүрналия, и тщательно выверенная эффективность одного брата вкупе с безудержной яростью второго стали безупречным сочетанием сил, грозивших этому дисциплинированному воину.

Кай напряженно сглотнул. Воин со сверкающим мечом быстрыми и уверенными шагами продвигался в глубь храма. Он не обращал внимания на схватку Сатүрналия с Шүбхой и Ашүбхой. Он пришел сюда ради Кая и стремился добраться до него раньше, чем это

сделает кто-либо другой. Кай перекатился на бок, и его вырвало. Надо бежать, но куда? Черные Часовые со всех сторон обстреливали Отверженных Мертвецов. Кай давно потерял из виду своих бывших защитников и теперь жалел о своем желании держаться от них подальше.

Он сделал глубокий вдох, встал на четвереньки и направился в ту сторону, откуда светил янтарный огонек Роксанны. В следующее мгновение кто-то схватил его за плечо. Кай попытался стряхнуть руку, но хватка оказалась чересчур крепкой. Сильная рука заставила его подняться во весь рост, и Кай оказался лицом к лицу с воином, в руке которого ослепительным огнем сиял меч.

Кай ощущал присутствие окружающих людей, но этот человек для него слепозрения был абсолютно невидимым. Только сильнейшее отвлечение, вызывающее мурашки на коже, подсказывало ему, что рядом кто-то есть, но Кай ощущал не просто отсутствие жизни, а нечто, отвергающее саму жизнь. Кем бы оно ни было, существо

казалось дырой в красочной картине мира, и слепозрение Кая неумолимо слабело, погружая мир в темноту. Астронавт наконец понял причину своего непреодолимого ужаса.

— Пария... — прошептал он.

Человек с мечом слегка поклонился, что в окружении кровавой резни выглядело крайне неуместно.

— Мое имя Уасу Нагасена, и ты пойдешь со мной, — четко и уверенно произнес он.

Из непроницаемой пелены света и дыма возникла огромная тень. Несмотря на значительно ослабевшие ощущения, Кай узнал металлический привкус ауры.

— Нет, — прогрохотал Тагоре. — Он никуда не пойдет.

Роксанна ничего не видела. Глаза жгло от дыма, а горло сильно саднило. Стужи едкого дыма не пропускали взгляд больше чем на метр, но она продолжала ползти — это лучше, чем оставаться на одном месте. Кай отстал, но она не останавливалась повернуть назад. Грохот выстрелов и шипящий свист лазеров

приводили ее в ужас, но еще страшнее были мертвые тела, через которые ей приходилось переползать.

Но ее щекам непрерывно текли слезы, причиной тому частично был едкий дым, но больше скорбь по погибшим. Это были близкие ей люди, и их убили. Снаружи доносился еще более интенсивный грохот, и Роксанна понимала, что убивали и тех, кто собрался в каньоне.

Ей навстречу протянулась рука, и Роксанна не удержалась от крика, когда пальцы коснулись ее щеки. Она схватилась за руку, но быстро отпустила, поняв, что человек уже мертв. Его грудь и живот были залиты кровью, и рука бессильно упала. Причиной движения были падающие с потолка обломки крыши.

Это жестокая массовая бойня была развязана ради поимки одного человека.

Роксанна не могла понять тех, кто ради смутного представления о будущем благе убивал своих же людей. Неужели они не сознают, что, истребляя своих сограждан, убивают часть самих себя?

В разрывах между клубами дыма

Роксанна видела бесконечный хаос, заполнивший храм. Солдаты, которых Кай называл Черными Часовыми, все еще сражались с костодесантниками и ради победы шли на огромные жертвы. На полу уже лежали десятки убитых. Легионеры Астарес оказывали им жесточайшее сопротивление.

В центре зала воин с темно-красными пластинами брони на теле убивал солдат стремительными зарядами голубого пламени и сверкающими стрелами молний. Лазерные лучи огибали его, словно отражаемые доспехами, а снаряды останавливались в метре от его тела, как будто натыкались на невидимую преграду.

Насевшие на него Черные Часовые сгорали огромными факелами и взрывались фонтанами кипящей крови. В его глазах сверкал огонь безумия, яростное стремление выплеснуть десятилетия разочарований на тех, кто принуждал его скрывать свою истинную природу. Роксанна никогда не встречалась с воинами Тысячи Сынов и сейчас, увидев, с

каким наслаждением этот
погосланник осуществлял свою миссию,
не хотела бы новой встречи с его
собратьями.

--- Роксанна! --- пробился сквозь грохот
какого-то голоса. --- Сюда! Скорее!

Она пригнулась от лазерного луча,
оставившего за ее спиной в каменной
стене обугленные дыры. Прищурившись от
пыли, она заметила Майю и ее двух
детей, укрывшихся в
защитном бункере из
ломанных каменных плит и упавших
балок. Майя замахала ей рукой, и
Роксанна торопливо скользнула между
каменными.

--- Сюда, девочка, --- повторяла Майя,
подталкивая Роксанну в относительно
безопасность случайно образовавшегося
убежища у ног Безучастного Ангела.

--- Майя! --- воскликнула Роксанна и
крепко обняла женщину.

Арик и его младший брат, имени
которого Роксанна не знала, лежали,
закрыв головы руками, и всхлипывали от
страха.

--- Что происходит? --- спросила Майя, с трудом сдерживая слезы.

--- Они нас всех убьют, --- не задумываясь, ответила Роксанна. --- Здесь никого не оставят в живых.

--- Не говори так, Роксанна, --- взмолилась Майя. --- Мои мальчики --- это все, что у меня осталось. Это какая-то ужасная ошибка! Они не тронут моих детей!

Были ли ее слова вопросом или мольбой, Роксанна не поняла и просто покачала головой.

--- Нет, не тронут, --- сказала она.

Майя взглянула на нее с таким облегчением, что Роксанне стало неловко от своего обмана. Несмотря на относительную безопасность, Роксанна чувствовала на себе чей-то хищный взгляд, как будто поблизости притаился готовый к прыжку зверь.

Она огляделась по сторонам, но ничего не заметила.

Но страх не покидал ее, и Роксанна подняла взгляд к гладкому лицу Безучастного Ангела. Ей почудилось, что

статую с любопытством ее разглядывает, и Роксанна тряхнула головой, удивляясь странному ощущению. Она подняла вверх руку с вытянутыми пальцами, и огромная голова словно бы наклонилась ей навстречу. Внезапно грохот боя стих, и губы Роксанны разошлись в тихом вздохе — в бездонной глубине полированного камня проявился бледный лик.

Зачарованная его невероятной красотой, Роксанна потянулась к нему, стоя на коленях.

— Ты с ума сошла? — прошипела Майя, дергая за одежду и заставляя пригнуться к самому полу.

Оглушительные раскаты стрельбы вернулись с новой силой, и когда Роксанна снова посмотрела на Безучастного Ангела, бледный лик уже исчез.

— Ты что, хочешь, чтобы твою хорошенькую головку снесло напрочь? — сердито выговаривала ей Майя.

Роксанна теснее прижалась к Майе и детям. Рядом с этой большой и заботливой женщиной она чувствовала себя увереннее. Она заметила, что Арик

постоянно вертит в пальцах серебряное кольцо.

--- Они собираются всех нас убить, --- бормотал мальчик. Его слова, хоть и произнесенные шепотом, поразили Роксанну своей страстью. --- Пожалуйста, помоги нам, помоги!

В клубящейся пелене появилась чья-то тень, и Роксанна схватила острый обломок скалы. Не такое уж грозное оружие, но все же лучше, чем ничего.

При виде окровавленного и залитого слезами лица Наллагия Новандио она расслабилась. Старик шатался, словно пьяный, и страх Роксанны от сознания всего происходящего перерос в гнев.

--- Наллагий! --- закричала она, и он обернулся. --- Уги сюга!

--- Роксанна... --- всхлипнул Наллагий, доковылял до их убежища и тотчас рухнул на пол.

Он упал на руки Роксанны, так что она ощутила, как сильно бьется его сердце. Наллагий плакал, уткнувшись в ее плечо, и крепко держал за руку, а сражение вокруг них не утихало.

— Я потерпел неудачу, — говорил он. — Я недостаточно старался... Я не смог ей препятствовать, и теперь все мне приходится страдать.

Роксанна затащила его в ненадежное укрытие, а Паллагий поднял взгляд к Безучастному Ангелу.

— Почему? — потребовал он ответа у безликой статуи. — Я так старался тебя утиlostивить! Почему ты забираешь этих людей? Почему? Возьми вместо них меня, возьми меня, а их оставь жить! Любовь моя, я снова тебя увижу! Мои дорогие мальчики, отец скоро встретится с вами! — Паллагий вскочил на ноги, продолжая выкрикивать обвинения и укоры статуе ангела. — Возьми меня, мерзавец!

Роксанна пыталась его удержать, заставить замолчать, но понимала, что никакие слова не смогут остановить поток, изливающийся из глубины его души.

— Забери меня! — зарыдал Паллагий, падая на колени. — Пожалуйста!

— Уходи, — произносит воин, имя которого Тагоре, и Кай Зулан пускается

наутек.

Картоно в то же мгновение срывается с места следом за ним, и Нагасена не останавливает их. Для этой схватки ему потребуется полная концентрация. Тагоре — жестокий и могучий противник, но Нагасена знает, что должен его одолеть. Этому требуется его честь, и если это последняя его заслуга в этой охоте, ему будет вполне достаточно.

В руках Тагоре глиняный и широкий клинок. Нагасена узнает в нем сломанную алебарду кустодия и надеется, что оружие уже не способно наносить энергетические удары. Нагасена принимает боевую стойку и поднимает над головой меч, нацелив кончик в сердце Тагоре.

— Ты думаешь, что способен драться со мной, ничтожный человек? — рычит Тагоре, угрожающе сверкая глазами.

Нагасена не отвечает, его взгляд прикован к мощной фигуре Пожирателя Миров, отыскивает любое слабое место, полученные повреждения, способные обеспечить дальнейшее преимущество.

пулевое ранение в бок, желто-черные разводы кровопотока под пластинами брони, снятой с убитых врагов у дома Антиоха.

— Я выбью эту иголку из твоих рук и оторву тебе голову, — грозит Тагоре, и Нагасена понимает, что тот вполне способен выполнить свои обещания.

Тагоре бросается в атаку без предупреждения и наносит удар обломок алебарды. Яростный выпад, но не лишенный мастерства. Нагасена отклоняется в сторону и отвечает ударом Шудзики. Кончик меча жалит Тагоре в предплечье. Очередной удар врага Нагасена успевает только отразить, но космогесантник бьет с такой силой, что заставляет охотника покачнуться. Ему приходилось сражаться с легионерами Астартес в тренировочных катерах, но не боевым оружием и всегда безуспешно. В этой схватке он может считать себя везунчиком, если продержится хоть несколько секунд.

Тагоре видит его колебание и страх и злобно ухмыляется.

Они продолжают танец, чередуя

колющие и режущие удары и уколы, и с каждым движением все лучше узнают друг друга. Тагоре — отличный воин и хороший фехтовальщик, и если ему и не хватает мастерства, он с лихвой компенсирует это своей целеустремленностью и неутомимой яростью. Каждая атака, от первой до последней, демонстрирует неослабевающую мощь и решимость. Нагасена уклоняется от самых сокрушительных ударов, отражает более слабые и при первой же возможности отвечает контратаками. Он более искусен в фехтовании, чем Тагоре, но школы настолько различны, что противники затрудняются в оценке друг друга.

— Ты неплохо дерешься, человек, — говорит Тагоре. — Я думал, что ты так долго не выдержишься.

— Скоро ты удивишься еще больше, — отвечает Нагасена.

— И все равно я тебя убью, — обещает Тагоре.

Нагасена резко разворачивается на месте и проводит целую серию телких

выпадов. Тагоре парирует огни удары, уклоняется от грубых, а кое-какие пропускает. Его броня сильно потята, местами пробита, но Нагасена не ставил себе целью нанести один смертельный удар. Он направляет свои выпады в область пробоины в боку Тагоре.

Пожиратель Миров поворачивается влево, Нагасена видит открывшуюся возможность и наклоняется, чтобы не угодить под убийственный удар клинка. Он со всей силы посылает меч вперед, прямо в открытую засохшей коркой рану в боку Тагоре. Раздается лязг металла о кость, но Нагасена использует инерцию своего движения и броска противника и как можно глубже погружает клинок в тело врага.

Кончик меча Нагасены выходит из спины Тагоре, и тот рычит от боли, а металлические пластины в черепе потрескивают разрядами энергии и мгновенно впрыскивают обезболивающие средства. Нагасена поворачивает меч, чтобы выдернуть его из тела костодесантника, но лезвие ушло так

глубоко, что у него не хватает сил. А затем его настигает возвратный удар кулака в плечо.

Нагасена выпускает рукоять Шүдзики и тяжело падает на пол.

Он хватается за плечо, сознавая, что, по крайней мере, ключица сломана. Он откатывается в сторону, едва успевая увернуться от ноги Пожирателя Миров, ударившей точно в то место, где он упал. Нагасена торопится подняться, чтобы не упустить возможности Тагоре нанести смертельный удар, но в спешке не замечает упавшей потолочной балки, и его ступня попадает в ловушку.

Нагасена сумел удержаться на ногах, но кратковременное замешательство предоставляет Тагоре необходимый шанс. Обломок алебарды наносит колющий удар в поврежденное плечо, в точности повторяя прием самого Нагасены. Клинок почти перерубает ключицу и рассекает сухожилия, связывающие кость и мышцы. Точность удара никак не согласуется с пылающей в глазах Тагоре яростью, и Нагасена понимает, что он недооценил

Пожирателя Миров.

Мощная рука поднимает Нагасену над полот, и он болтается перед своим противником, словно червяк на крючке. Тагоре устехается и поднимает свободную руку к шее Нагасены.

— Я же говорил, что убью тебя, — говорит Тагоре. — А если я сказал, что убью, значит, обязательно убью.

Нагасена не отвечает. Он мучается от невыносимой боли, и никакие слова уже не могут сохранить ему жизнь.

Рука Тагоре приближается, и его толстые пальцы стыкаются на горле, без труда обхватывая всю шею. Остается только сжать пальцы, и позвоночник будет раздроблен в пыль, гортань сломана, и нить его жизни оборвется.

Но ничего подобного не происходит.

Мимо Нагасены проносится ослепительное копье голубовато-белого света, и его жар опалает кожу даже сквозь одежду. Он на мгновение слепнет, но слышит влажное бульканье крови, покидающей разорванное тело, ощущает резкий отвратительный запах сожженной

человеческой плоти. Зрение после вспышки быстро восстанавливается, и он видит, что туловище Тагоре разорвано выстрелом из какого-то плазменного оружия с близкого расстояния.

Тагоре падает на колени, в его теле еще дымится огромная воронка с обуглившимися краями. Его лицо искажено от боли, которую не в силах превозмочь даже закалка Астартес.

Пальцы выпускают Нагасену, и Пожиратель Миров падает на спину, предоставляя организму бороться за жизнь.

Но Нагасена понимает, что эта борьба будет проиграна.

Тагоре, морщась от боли, вытаскивает из своего тела меч Нагасены, липкий от густеющей крови. Он протягивает его Нагасене.

--- Ты был... достойным противником, --- хрипит утирающий Пожиратель Миров. --- Хорошо... сражался. Для мертвого.

Нагасена принимает комплимент с глубоким поклоном и принимает предложенный меч.

--- И ты был непростою добычей, ---
говорит он, сознавая, что его слова будут
слабым утешением.

--- Я... ступил... на Багряную Трону, ---
говорит Тагоре и закрывает глаза. --- Моя
война... закончена.

В нарушение всех обычаев
фехтовальщиков Нагасена убирает
покрытый кровью противника меч в
ножны, оборачивается и видит Максима
Головко с еще гудящей плазменной
винтовкой в руках. Свечение зарядной
катушки еще не погасло, и из дула
выливается жидкий дым.

--- Еще немного, и он бы тебя убил, --- с
явным удовольствием говорит он. ---
Поблагодарить меня можешь позже.

Кай побежал прочь от человека с
мечом, едва оправившись от потрясения,
как только вернувшееся слепозрение
позволило различать тусклые завихрения
цвета. Контакт с парией заставил все его
тело взмокнуть от пота, а следующий
приступ непреодолимого ужаса поселил
непрекращающуюся дрожь в ногах.

В Городе Зрения ходили слухи о париях, но до этого момента Кай по-настоящему не верил в их существование. Отвратительная пустота этого человека наводила ужас. В нем не было ни воспоминаний о прожитых годах, ни жизненной энергии, только зияющая бездна.

Одна лишь мысль об этом антисуществе вызывала страх, и Кай снова ощутил тошноту.

— О нет... — прошептал он, оглядываясь по сторонам в поисках источника своей слабости.

Он ничего не видел, хотя и знал, что теперь ищет пустоту парии.

Вот она, бездна в клубящемся красном тумане агрессии!

Кай повернулся и побежал, но пария оказалась проворнее. Хотя Кай и мог определить его присутствие, убежать от парии он не сумел. Рука схватила его за ворот одежды и сильным рывком заставила остановиться. Каю казалось, что его железной рукой держит бездушный робот.

--- Хватит бегать.

Голос за спиной царапнул позвоночник
ржавыми когтями.

От близости человека, которого не
должно существовать, от его абсолютной
неадекватности Кай дрожал всем телом и
едва удерживался от рвоты.

--- Кто ты? --- выдохнул он.

--- Меня зовут Картоно, --- ответил
тот. --- А тебе пришло время умереть.

Глава 23

БАГРЯНАЯ ТРОНА ВОИН АНГЕЛ НА СВОБОДЕ

Больше ста лет прошло с тех пор, как двое братьев Шубха и Ашубха сражались вместе на залитом кровью поле битвы. И сейчас, столетие спустя, решался вопрос о жизни и смерти. Кустодий был достойным противником, и смерть от его руки стала бы славным завершением жизни. Ашубха жалел лишь о том, что эту схватку не могут видеть их братья по легиону.

Бой этих опытных воинов против одного противника закончился бы в одно мгновение, но кустодий не был обычным врагом. Он сражался с невероятной эффективностью, каждое его движение было точно выверено и направлено в цель, он предугадывал каждое их действие. Все торопе двигались словно в грациозном балете, состоящем из выпадов, бросков и

парирующих ударов.

Шубха подражал поведению Ангрона на арене: он бился с неутомимой яростью и упорством. И составлял великолепный контраст отточенному мастерству Ашубхи. Пока противник был вынужден защищаться от шквала мощных атак Шубхи, Ашубха с предельной точностью проводил прицельные выпады, стараясь нанести смертельный удар, который положил бы конец сопротивлению врага.

Но бой получился совсем не таким, как они ожидали.

Кустодий отражал атаки Шубхи без видимых усилий, и его алебарда двигалась при этом с невероятной скоростью. Ашубха выстрелил из пистолета, но воин в золотой броне отклонился в сторону в самый момент выстрела. Молниеносным движением клинка он рассек дуло пистолета пополам, а возвратным движением нанес сокрушительный удар лопатой рукояти в живот Шубхи. От толчка Шубха покачнулся, а его брат-близнец, воспользовавшись случаем, пустил в ход глиняный кинжал, взятый у кого-то из

убитых воинов Бабу Дхакала.

Лезвие царапнуло наплечник и отскочило от нащечной пластины шлема. Кустодий локтем ударил Ашубху в лицо, и удар оказался настолько силен, что Пожиратель Миров был вынужден отскочить назад, зато Шубха в этот момент зашел с фланга.

— Я всегда мечтал сразиться с кустодиет, — зарычал Шубха.

— Мы гадали, кто окажется победителем, — добавил Ашубха. — Один из нас или один из вас?

— Но вас двое, — заметил кустодий.

— Нас трое, но вопрос не меняется. Наши споры всегда кончались ничем, потому что нельзя добиться точного ответа без смертельного исхода, — сказал Ашубха.

— Ответ вам уже известен. Я вижу его в ваших глазах. Вы знаете, что не в силах меня победить.

Ашубха растеялся и крутанул свой клинок.

— Назови свое имя, — потребовал он. — Мы будем вспоминать воина, убитого

нати на Терре.

Күстодий принял боевую стойку.

— Я Сатүрналий Принцес Карфагена
Цнвикт Крон...

— Хватит! — рывкнул Шүбха,
бросаясь в атаку.

Его брат все еще держал в руках
клинок, сорванный с рукоятки алебарды
убитого в тюрьме күстодия. Этот
обломок, хотя и ставший жалким
подобием клинка Сатүрналия, в руках
Пожирателя Миров был грозным оружием.
Сатүрналий отразил нападение, низко
пригнулся и провел ответный выпад,
целясь в живот Шүбхи, на что тот
ответил мощным ударом в плечо
күстодия. Оторвавшийся золотой
наплечник соскочил, но плотная кольчуга
погасила значительную часть удара, и
лезвие скользнуло, даже не повредив кожу.

Ашүбха не отставал от своего брата
и ударил ногой в незащищенный бок
Сатүрналия. Набедренная пластина брони
прогнулась, а күстодий от мощного
толчка упал на пол. Ашүбха тотчас
бросился к нему с клинком, но Сатүрналий

изогнулся, и кончик лезвия только оставил царапину на визоре шлема. Кустодий резко взмахнул ногой и сбил с ног Ашубху, так что Пожиратель Миров едва успел откатиться, избегая сокрушительного удара алебарды. В следующий момент Ашубха уже вскочил на ноги и ударил, как Шубха обрушил кулак на увенчанный красным плюмажем шлем. Кустодий тяжело осел на пол, но не успел Шубха воспользоваться полученным преимуществом, как кустодий сорвал с головы потянутый шлем и метнул его в противника. Неожиданный снаряд угодил в лицо Шубхи и сломал ему челюсть.

Шубха отпрянул назад, но в тот же момент, когда Сатурналий бросил поврежденный шлем, на него бросился Ашубха. Два воина сцепились и покатились по полу, обмениваясь мощными ударами кулаков и локтей. Ашубха с размаху ударил лбом по лицу кустодия и злорадно устехнулся, услышав треск сломанного носа. Сутев подтянуть руку с кинжалом, он попытался рассечь челюсть противника, но Сатурналий блокировал выпад

запаясьем, и клинок, пробив наруч, прошел
меж лучевых костей. Противники снова
перекатились по полу, но через мгновение
на голову Ашубхи сбоку обрушился удар
бронированного кулака.

Мощный толчок освободил Ашубху из
объятий противника. Пожиратель Миров
выплюнул кровь и пригнулся, готовый снова
броситься на Сатурналия. Точность была
забыта, ярость взяла верх над
мастерством, и он был готов драться
точно так же, как и его брат. Шубха
тоже был уже на ногах, его нижняя
челюсть едва держалась на сухожилиях, но
и у Сатурналия вид был не лучше.
Кустодий схватил свою алебарду и
направил ее в сердце Шубхи.

Оружие выплунуло залп, разряды
вонзились в тело Шубхи, отбросив его
назад и выбивая из его тела фонтаны
яркой крови и осколков костей. Шубха
упал, и когда лицо коснулось пола, жизнь
уже ушла из его глаз.

— Ты получил ответ, — произнес
Сатурналий, устехаясь окровавленным
ртом.

Ярость заволокла взгляд Ашубха кровавой пеленой, и, хотя он давно мечтал получить имплантаты, в этот момент он и без них впал в неудержимое неистовство. Сатурналий, заметив произошедшую в нем перемену, шагнул назад, а Пожиратель Миров, выкрикнув имя брата, ринулся в бой.

Алебарга хранителя описала стремительную дугу, но Ашубха поднырнул под клинок, подхватил оружие Шубхи и, перекатываясь по полу, успел нанести два быстрых и точных удара. Из ран под коленями сквозь переплетения кольчуги хлынула кровь, и кустодий рухнул на пол. Он уже не мог стоять, но еще мог драться.

Ашубха обошел его и встал спереди. Гнев вытеснил из его разума все чувства, оставив единственную цель.

— Ты погибнешь здесь и сейчас, — превозмогая боль, прошипел Сатурналий.

Кустодий выставил перед собой алебаргу, а Ашубха продолжал приближаться, пока кончик клинка не уперся ему в грудь.

— Я знаю, — ответил Ашубха. — Но и

ты тоже умрешь.

Ашубха из последних сил обрушил клинок на череп Сатурналия, а кустодий налез на алебарду. Лезвие прошло сквозь сердце и легкие Ашубхи, причиняя непоправимые повреждения. Оба воина упали рядом, словно обнявшись в честь окончания смертельной схватки.

Затем Ашубха отполз в сторону, к телу своего брата.

Устекая кровью на полу храма, он вложил окровавленный обломок алебарды, прервавший жизнь Сатурналия, в мертвую руку брата-близнеца.

— Мы вместе пойдём по Багряной Тропе, брат, — произнес Ашубха.

Атхарва, заметив, как худощавый человек в просторном комбинезоне поднял наг полотно Кая, протянул в его сторону руку и прочел заклинание Пирригов, рождающее огонь. Горизонтальный столб пламени пронёсся по храму, освещая на своём пути все до последнего обломка балки и каждое лежащее тело. Огонь жадно затрещал, поглощая все горючие

материалы, но быстро угас, не достигнув
поймавшего Кая человека.

Человек обернулся на гулкий топот
бегущего к нему Атхарвы, и при виде слуги
Уасу Нагасены костодесантник мгновенно
забыл о манипуляциях с плотью, принятых
среди Павонигов. При одной мысли о
близости существа, противодействующего
всем его силам, Атхарва ощутил приступ
тошноты, но подавил его и потянулся за
висящим на поясе клинком.

В храме уже разгоралось пламя, но
Атхарва отгородился от него призрачным
кайн-щитом. Он видел, что Тагоре
сражается с Нагасеной, Шубху и Ашубху
давно потерял из виду, а Севериан то ли
где-то спрятался, то ли убежал, и помощи
в схватке против питомца круга Күлексус
ждать не от кого.

— Они-ни-канабо, — произнес человек с
такой злобной утешкой, что у Атхарвы
внутри все сжалось в комок. — Еще шаг, и
Кай Зүлан умрет.

Губы Атхарвы неприязненно
скривились.

— Ты ведь все равно собираешься его

убить, пария.

--- Как тебе это нравится, колдун? ---
спрашивает ассасин. --- Как тебе нравится
быть слепым?

--- Я чувствую себя свободным, --- лжет
Амхарва и делает шаг вперед. --- Но я могу
тебя убить, даже не прибегая к своим
силам.

--- Возможно, --- согласился пария,
сжатая шею Кая. --- Но я сомневаюсь, что
тебе это удастся раньше, чем умрет он.

Усовершенствованные глаза Амхарвы
прекрасно видят, но ему трудно
фокусировать взгляд на этом человеке.
Зрение космогесантника намного
превосходит зрение простых смертных, но
тьма, окружающая парию, почти
полностью заслоняет его от мысленного
взора. Амхарва обратился к низшему
уровню Исчислений, стараясь усилить
концентрацию, и размытый силуэт парии
проступил на фоне желтого дыма и
оранжевого огня отчетливым черным
контуром.

Из-за близости этого
противоестественного существа Амхарва

не может призвать на помощь себе ни капли могущества Великого Океана. Пария, словно дыра в ткани мира, поглощает всю энергию.

Рука парии причиняла Кая мучительную боль, он бессильно извивался в воздухе и так отчаянно кричал, что даже Атхарва ощутил жалость. Он сам страдал от присутствия этого существа и даже подумать не мог о том, чтобы к нему прикоснуться. Тем временем воин обнажил глинный нож с зазубренными лезвием и раздвоенным кончиком.

— Ты уже ничего от него не добьешься, — сказал пария.

Он не успел заколоть Кая, как вдруг за спиной возникла какая-то тень и над головой взлетел глинный обломок бруска. Воин в последний момент ощутил близость атаки и сумел уклониться от удара, хотя и не совсем. Вместо того чтобы раздробить ему голову, деревянный обломок обрушился на его плечо.

Атхарва увидел, что девушка-навигатор подняла деревяшку, чтобы нанести следующий удар, но воин не дал ей

второго шанса. Он увернулся от ее неуклюжего выпада и открытой ладонью ударил в грудь. Женщина отлетела к безликой статуе, раздался отбратительный звонкий шлепок плоти о камень.

Амхарва не упустил представившейся возможности и бросился вперед, держа перед собой клинок. Его противник, уронив Кая, до предела выгнулся назад, уклоняясь от выпада, а рукой со всего размаха ударил по руке, однако плоть и кости Амхарвы прошли генетическую закалку и могли выдержать более сильное давление, чем удар любого смертного, даже натасканного боевым кланом.

Амхарва возвратил удар в грудь, но воин, воспользовавшись силой толчка, сделал сальто назад и легко приземлился среди горящих обломков, подогнув под себя одну ногу и держа вторую вытянутой в сторону.

--- Так много псайкеров! --- насмешливо воскликнул он. --- Почти никаких трудностей.

Амхарва даже не успел задуматься, что означают его слова, как вокруг шеи

воина поднялся целый ряд металлических пластин. Вокруг его головы словно сама собой с невероятной быстротой выросла сложная конструкция, охватив череп шлемом из золота и серебра. Из образовавшегося шлема сбоку выдвинулось цилиндрическое устройство, и на его глазах блеснули линзы, переливающиеся невообразимыми оттенками.

В странном приспособлении Амхарва почувал ужасную угрозу и поспешно шагнул в сторону, загородив собой Кая. Готовясь к ближнему бою, он перебросил клинок из одной руки в другую, а Кай за его спиной застонал, ощутив ослабление тошнотворного давления со стороны парии.

— Я должен бы тебя поблагодарить, — произнес Амхарва. — Мне давно не приходилось сражаться при помощи обычного оружия. Это внесет в схватку некоторое разнообразие.

Пария в мощном прыжке взвился в воздух, и линзы странного устройства, вмонтированного в его шлем, выбросили поток черного света. Амхарва

инстинктивно попытался закрыться кайн-щитом, но сила Великого Океана была ему недоступна, а пластины стальной брони, прикрывающие грудь, не обеспечивали защиты против неестественного оружия.

Тело Атхарвы мгновенно онемело от невероятного холода, словно кровь в венах превратилась в жидкий азот. В груди словно возник антигравитационный колодец, черная дыра, и волна темной энергии подхватила Атхарву и стала затягивать в воронку, из которой нет возврата.

Но это была не смерть, а куда более ужасный конец, когда жизненный потенциал растворяется в Великом Океане, где он обречен на вечное существование в виде сгустка примитивной энергии. Ужас при мысли о такой участи придал Атхарве сил, и он с криком вскочил на ноги. Пария со своим мечом был уже рядом и наносил один укол за другим. Из свежих ран брызнула кровь, и Атхарве показалось, что вместе с кровью вытекает и его душа.

Все инстинкты гнали Атхарву прочь

от этого ужасного существа, не имевшего права пребывать в мире живых. Необъяснимый ужас заставлял его бежать и спрятаться, скрыться от неестественной злобы и темной агрессии. Амхарва из всех сил сопротивлялся парии, но очередной удар рассек его тело, и за ним последовал еще один заряд темного огня из загадочного шлема.

Сквозь волны агонии, словно через мутное окно, Амхарва увидел все поле боя. Солдаты в черной броне, словно бездушные автоматы, методично прочесывали горящий храм, и он даже мог следить за полетом пуль из их винтовок, уничтожавших притаившихся людей. Он увидел Тагоре, оставшегося лежать с развороченным животом и дымящейся раной в груди.

Чуть поодаль от него Амхарва заметил Шубху и Ашубху. Близнецы и в смерти лежали бок о бок, а рядом распростерлось мертвое тело кустодия. Как и у Тагоре, у них в груди зияли ужасные раны, и вокруг братьев растеклась лужа невероятно яркой крови.

Храм погиб, и надежда доставить Кая
Зулана к Воителю обратилась в прах.

У Атхарвы оставалась последняя
возможность. Несмотря на чудовищную
драматичность этого решения, оно
единственное позволит уничтожить
параю и не даст врагам узнать тайну,
сокрытую в сознании Кая Зулана. Решение
это было не менее жестоким, чем смерть,
но иначе Атхарва не мог продолжать
борьбу. И хотя ему придется отказаться
от части своей личности, справиться с
ситуацией без этой жертвы
костодесантник был не в силах.

Атхарва обратился к самой
глубинной и тайной возможности воззвать
к Великому Океану и привлечь его
безграничную мощь. Это была
неустойчивая способность, рожденная в
результате миллиарда случайных
мутаций, происходивших в течение
невероятно долгого времени. На краткое
мгновение, длившееся целую вечность,
Атхарва задумался, не лучше ли умереть,
чем провести в слепоте остаток жизни.

— Значение имеют лишь великие

жертвы, — сказал он, отвергая самую сокровенную часть своего существа и навсегда обрывая связь с Великим Океаном.

Из его груди вырвался вопль, какого не производил ни один из костодесантников. Какого больше не прозвучит до самого окончания этой войны, когда люди откроют истинную меру страданий, обрушенных на них Вселенной.

Амхарва остался в одиночестве, и его тщательно разработанные планы рассыпались пеплом. Ему уже нечего было терять, и последнюю каплю силы он направил к Безучастному Ангелу, словно поджигавшему этого момента с нетерпением хищника. Амхарва ощутил ликование нерожденных существ, скрывающихся под гладкой маской, и сорвал удерживающую их пелену.

— Убей их всех! — приказал он. — Никого не оставляй в живых!

Кай следил за битвой Амхарвы и парии сквозь туман размытых и смешанных между собой аур. Противоестественные силы сотрясали его тело болевыми спазмами и судорогами, и

ему приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не лишиться сознания. В полной беспомощности, посреди кровавой бойни, он скорчился у подножия безликой статуи и держал в объятиях Роксанну, а рядом незнакомая ему женщина обнимала двоих своих маленьких сыновей.

Кай услышал крик Атхарвы, обращенный к статуе, ощутил сковавший его тело холод и увидел, как гладкая поверхность темного камня покрывается слоем инея. Кай согрознулся, поднял голову и ощутил присутствие чего-то бесконечно более страшного, чем любой из парий.

Контур Безучастного Ангела затерцал, как будто внутри его боролись за место два разных существа. Два прозрачных силуэта столкнулись между собой, пересеклись и слились в один. Кай увидел, как одно существо вспучилось десятками глаз, сотнями клыков и когтей. А затем, когда борьба двух противоположностей достигла апогея, угрожающие силуэты распались, и храм огласился пронзительным криком, тучительным и ликующим одновременно.

какого не может быть ни у одного из смертных новорожденных младенцев.

Из статуи Безучастного Ангела поднялся призрак, и, хотя слепозрение Кая еще не полностью восстановилось, его облик он увидел отчетливо. Перед ним предстал гигант в бесформенном, переливающимся всеми цветами радуги одеянии, в капюшоне, под которым скрывалась бездонная глубина несущихся к гибели галактик и пустота, какая может существовать только за гранью черной дыры. Призрак распрямил костлявые руки, и его развевающиеся одежды захлопали в завывающих вихрях эфирных ветров. За спиной развернулись снежно-белые крылья, за которыми потянулись струи морозного пара.

Температура в храме мгновенно опустилась ниже нуля, отчего полопались стекла, а на каменных проступили ледяные узоры. Дыхание Кая моментально превращалось в белое облачко, но дрожал он не от холода, а от ужаса перед величественным и грозным существом, которого Атхарва вызвал из безликой

статуи.

Охвативший Кая ужас оказался намного сильнее самых страшных мгновений на борту «Арго». Все страдания и муки, вся невыносимая боль и печаль, излитые в этом месте, обрели форму в существе, рожденном нематериальной энергией и принявшем облик карающего ангела. В этом грозном обличье по приказу Атхарвы восстала сама смерть, впитавшаяся в каменное сердце статуи. Безучастный Ангел с распростертыми руками спустился в храм, и из-под капюшона вырвался мучительно горестный крик. Этот звук леденящим кинжалом проникал в самое сердце, и Кай зажал руками уши.

Черные Часовые открыли стрельбу по ангелу, но столь ничтожное оружие не могло нанести подобному созданию ни малейшего вреда. Пули пролетали сквозь его призрачную фигуру, а лазерные лучи, проникая в него, просто изменяли свою структуру и рассеивались. Люди падали перед ним на колени и лишались рассудка от одного только взгляда на лицо под

капюшоном.

Взгляд ангела таил в себе смерть, излучаемый холод замораживал сердца в груди живых людей, и солдаты на его пути падали замертво. В его крике застыл могильный холод, и многие, не выдержав его вида, обращали оружие против себя.

Амхарва, пошатываясь, укрылся в тени статуи. Несмотря на то что именно он освободил ангела, Кай видел, как его аура окрасилась скорбью, словно костодесантник лишился самого дорогого, что было в его жизни. И даже в присутствии парии Кай смог понять, что произошло.

Амхарва утратил свои психические силы.

--- Что ты наделал? --- выдохнул Кай вместе с облачком пара.

--- То, что должен был сделать, --- ответил Амхарва.

В этот момент в объятиях Кая пошевелилась Роксанна, и Кай перевел полный ужаса взгляд с воина Тысячи Сынов на девушку, лежащую у него на коленях. Роксанна подняла голову, но он тотчас

заставил ее отвернуться, чтобы она не увидела демоническое создание.

--- Не смотри на него, --- предостерег он, и Роксанна, услышав его голос, послушалась.

--- Что это? --- спросила она, не открывая крепко зажмуренных глаз.

--- Это смерть, --- ответил Кай, сознавая, что его слова лишь частично соответствуют истине.

Кай почувствовал за своей спиной какое-то движение. Обернувшись, он увидел, как в наполовину горящем, наполовину обледенелом храме поднялся Паллагий. Его детище, построенное из пережитого горя, превращается в могилу, в гротескное отражение всего того, к чему он стремился.

--- Паллагий! Что ты делаешь? --- закричал Кай.

--- То, что я должен сделать, --- рыдая, ответил он и шагнул навстречу ангелу, истреблявшему все живое.

--- Я же просил взять меня! --- во весь голос крикнул Паллагий. --- Забирай меня и пропади пропадом!

Ангел парил в разгромленном храме,
освещенный адским пламенем пожара. В
темноте под его капюшоном что-то
затерцало, словно в приближающемся к
нему человеке он увидел нечто знакомое.

Призрачное чудище стало
спускаться, широко раскинув руки и
оставляя за собой сверкающий след
затерзшей влаги. Пронзительный
тоскливый крик стал еще резче, и Кай в
ужасе мог лишь бессильно наблюдать, как
терцающие льдом крылья обхватывают
Палладия Новандио, заключая его в
гибельные объятия.

--- Палладий, пожалуйста, не надо! ---
закричала Роксанна, взглянув на
происходящее. --- Вернись!

Смотритель храма обернулся на ее
голос, но не сделал ни малейшей попытки
уклониться от злобещих объятий.

--- Все в порядке, Роксанна, --- произнес
он прежде, чем крылья соткнулись. --- Я
теперь буду вместе с ними...

Палладий Новандио, как и солдаты до
него, умер мгновенно, и его душа
освободилась, чтобы присоединиться к

родным.

--- Нет! --- вскричала Роксанна.

Ангел поднял голову, и его безглазый
взор обратился на группу людей,
притаившихся у подножия статуи, в
которой он был так долго заключен. В его
скорбном крике, эхом отражавшемся от
стен, слышались голоса всех душ,
преданных забвению за долгие века. Кай
услышал в нем свою погибель.

Роксанна схватила его за руки и
заставила посмотреть на себя.

--- Кай, этому необходимо положить
конец, --- сказала она. --- И как можно скорее!

Он покачал головой.

--- Я не могу его остановить, я не
знаю, как это сделать.

--- Знаешь, --- убежденно заявила она. ---
В этом я совершенно уверена. Только ты в
силах прекратить этот хаос.

--- Как? --- воскликнул Кай, чувствуя
неотвратимое приближение ангела.

--- Следуй за мной, --- сказала
Роксанна, прикрывая глаза.

От рук Роксанны в его тело
распространилось живительное тепло. Его

дыхание стало глубже, и Кай ощутил прикосновение незнакомого потока ее психической энергии. Навигаторы сильно отличались от астронавтов, и за пределами Навис Нобилите мало кто мог представить себе истинный масштаб их аппарата. Кай сделал глубокий вдох. Ему казалось, что Роксанна затягивает всю его сущность. Рассудок возмущился против посягательства на личность, но голос Роксанны его успокоил. Ощущение было чем отличалось от начальной стадии вхождения в передающий транс, и, несмотря на нависшую над ними смертельную опасность, Кай подчинился странной силе девушки. Если ему суждено умереть, то уж лучше так, в ее грубых объятиях.

--- Куда ты отправляется? --- спросил он.

--- На «Арго», --- ответила Роксанна.

Кай открыл глаза. Вокруг него простирался знакомый пейзаж Руб-Эль-Хали, и бесконечные пески вздымались округлыми барханами. Он стоял на берегу лазурного озера, поверхность которого

рыбила от погводного течения, а над горизонтом полукругом расплавленной бронзы повисло солнце.

Неподалеку позолоченная закатными лучами сверкала крепость Арзашкун, и стены грожали в волнах раскаленного воздуха пустыни. Кай сознавал, что надо добраться до безопасного убежища в крепости, но почему-то не испытывал желания двигаться в том направлении. Вместо этого он обратил взгляд на берег озера.

На низком столике была раскрыта доска для игры в регидиг, но фигурки стояли как попало, поскольку никак не могли попасть на эти клетки. Кай вспомнил, как играл здесь с кем-то, у кого из-под капюшона сверкали золотые глаза, но никаких других подробностей найти в своей памяти не смог.

Рядом с ним, держа за руку, стояла Роксанна, а солнце медленно опускалось за горизонт.

--- Солнце садится, --- сказал Кай. --- Раньше никогда такого не было.

--- Теперь это не только твое видение.

Оно и мое тоже.

--- Я знаю. Но мне все равно.

--- Здесь красиво, --- сказала Роксанна.

--- Понятно, почему ты сюда уходишь.

--- Здесь безопасно, --- пояснил Кай.

Но крайней мере, раньше было безопасно.

--- До «Арго»?

Он кивнул, уже ощущая скрытое приближение темного ужаса под слоями песка. Казалось, что он не был здесь целую вечность, хотя сознавал, что прошел всего один день. В трансе время не имело значения, и в процессе одного сеанса можно было прожить целую жизнь.

--- «Арго» ведь где-то здесь, верно?

--- Да, --- ответил Кай, ощущая приближение тени под песком.

Он уже предчувствовал, как острые когти вины и сожалений пробиваются на поверхность, но все еще не ощущал необходимости бежать под защиту крепости.

Роксанна сказала, что с этим необходимо покончить, а как можно с чем-то покончить, если все время убежать?

На этот раз он лицом к лицу

встретится с тем, что всплывет из глубины его подсознания.

И ужас «Арго», словно привлеченный решимостью Кая, рванулся из-под песка распылчатым сгустком кошмара и предсмертными криками. Кай противился его натиску, но страх нахлынул на него удушающей волной, несмотря на присутствие Роксанны.

--- Я не могу этого сделать, --- произнес он.

--- Можешь, --- ответила Роксанна и взяла его за руку. Кай пожалел, что не испытывает и сотой доли ее уверенности. --- Я ведь рядом с тобой, и не забывай, это и мое видение тоже.

--- Я помню, --- ответил Кай, а черный поток уже потащил их за собой, словно зыбучие пески.

--- В таком случае позволь показать тебе то, что видела я, --- сказала Роксанна.

Глава 24

«АРГО»

МЕРТВЫЕ СПОСОБНЫ ПРОСТИТЬ КОНЕЦ ИГРЫ

Черный песок поглотил Кая, и паника захлестнула его приливной волной. От ужаса он открыл рот, но вместо маслянисто-жидкой субстанции, которой можно было ожидать, его легкие наполнились невероятно холодным воздухом. А вместо непроглядного мрака вокруг кружил вихрь всех возможных цветов. Вокруг Кая поднялась неистовая буря из призрачных видений и голосов, рожденных вне реального мира, и Кай ощутил сильнейшее головокружение.

Несмотря на ужас, он не мог не видеть во всем этом своеобразной красоты, очарования эфира, которое вызывало не только страх, но и восхищение. Чарующие картины

простирались повсюду, насколько хватало
взгляда, и уже через мгновение Кай
осознал, что наблюдает за грандиозным
явлением не только своими глазами.

Сразу вслед за этим открытием он
ощутил под собой колоссальную массу
костяного корабля. Огромный корпус
простирался позади него подобно сектору
голубого города, который отсекли от
поверхности планеты и отправили в
странствие к далеким звездам. Этот
корабль был ему знаком, хотя Кай никогда
еще не видел его с этой точки.

Этим ожившим чудом технологии
был «Арго».

Корабль дрожал, словно только что
вылупившийся птенец, и Кай не мог
понять, какие же силы способны сотрясать
это грандиозное сооружение. Хлесткое
щупальце, переливающееся немыслимыми
цветами, оторвалось от рождающейся
черной звезды и устретилось к кораблю.
Вспышка пронзительного света ударила в
едва различимый, мерцающий защитный
энергетический барьер судна и рассеялась,
сопровождаемая ревом, в котором

слышалось яростное негодование.

Следующий вихрь багровых грозowych туч возник в непосредственной близости от плавно изогнутого носа судна, и Кай ощутил, как напряженно взвыли двигатели в попытке увести корабль в сторону. Словно в ответ на старание судна избежать столкновения, грозные тучи закрубились с новой силой, выбрасывая стремительные копья алчного огня. Они тоже ударили в щиты, и Кай заметил, что вспышки стали более мощными и более продолжительными.

Все новые и новые удары обрушивались на корабль, бросая его из стороны в сторону, словно сухой лист. На бортовой надстройке произошел взрыв, и в мгновение ослепительном огненном облаке исчезло несколько стройных башен.

Часть защитных барьеров рухнула, образовав в обороне «Арго» зияющую пробоину, и Кай понял, что капитан корабля отворачивает судно в сторону от самых яростных вихрей, чтобы уберечь поврежденный борт.

Все красоты разворачивающейся

картины были мгновенно забыты. Над
судном нависла ужасная, невообразимая
опасность. Сюда не решился бы сунуться ни
один здравомыслящий человек. Это
царство грозило гибелью всему живому и
преграждало путь человечеству,
решившему покинуть спокойные
окрестности Терры.

Новые взрывы прогревели вдоль всего
корпуса корабля, обрывая опоры и сметая
новые башни. По правому борту взрыв
прорвал корпус, и из пробоины, словно белая
кровь, вырвалась струя замерзшего воздуха.

Каю хотелось зажмурить глаза, но в
этой ужасной сцене он был не участником,
а лишь наблюдателем. Он изогнулся, когда
корабль рванул в сторону, словно раненый
зверь, но взрывы продолжали сотрясать
корпус, хотя до слуха Кая не доносилось ни
звука. Губительные силы пробивали себе
путь внутрь корабля, словно тараны боевой
машины Механикум.

Темнота сгущалась. Навстречу
«Арго» ринулось багряное облако, и
спиральные щупальца из разверстой пасти
черного вихря обрушились на

энергетические щиты с новой яростью. Каю казалось, что их злобные усилия подчинены какому-то колоссальному злобному разуму, иначе как можно было объяснить хищное ликование, которое он чувствовал в глубине мрачной тьмы, окружившей корабль?

Ему хотелось отвернуться, отгородиться от населенного кошмарами неба, от мелькающих жадных глаз и силуэтов чужовиц размером с континент, что мелькали в его глубине. Но Кай пришел сюда не для того, чтобы отводиться, взглад и прятаться. Слишком долго он оставался слепым к реальной картине гибели «Арго», и теперь он не отвернется, что бы перед ним ни предстало.

Роксанна права. Пора с этим покончить.

Он видел, как один за другим падают защитные поля и через пробоины, словно отравленные морские потоки, в корабль проникает варн. Ультимативная энергия стала затоплять корабль, и Кай заметил, что поблизости еще работающих щитов закружились едва различимые тени.

Покрытые красной чешуей существа, отдаленно напоминающие людей, с длинными загнутыми рогами и когтями, блестящими, словно клинки. Чудовища, рожденные самими страшными кошмарами членов экипажа, покачиваясь, словно клубы дыма, злобно радовались обретенным формам.

Оболочка корабля не составляла для них преграды, и они проникали сквозь многослойные слои адаманта, чтобы появиться в каютах и переходах судна. Их бесформенные сородичи металась по кораблю, каждый своим прикосновением разрушая прочные переборки огневых позиций, служебных и грузовых отсеков. Судно отзывалось стоном на каждое повреждение, но разрушения росли в геометрической прогрессии. Огромные трюмы беззвучно превращались в завалы искореженного металла, и Кай плакал, видя, как тысячи мужчин и женщин затягивает через пробоины в борт.

Отчаянные вопли переполняли его разум, но он никак не мог от них отгородиться, он больше не мог укрыться в

крепости Арзашкун или в пустыне Руб-Эль-Хали. Здесь Кай был вынужден встретиться со своими демонами лицом к лицу, и он с тяжелым сердцем наблюдал за гибелью «Арго». Он знал, что корабль обречен, но был полон решимости почтить своим свидетельством последние мгновения его жизни.

И в тот момент, когда казалось, что корабль вот-вот разломится пополам и бесследно канет в бездну, сквозь тьму пробился тонкий золотой луч. Всего лишь хрупкая нить в адском урагане цвета, но луч представлял собой спасательный трос, и «Арго» отчаянно рванулся к нему. Словно утопающий, хватающийся за протянутую руку, корабль выжал все из двигателей и повернул к свету разбитый нос.

Там, где сиял золотой луч, грозовые тучи теряли силу и отступали. Перед «Арго» открылся узкий свободный проход, и Кай с восторгом увидел, как последнее усилие двигателей направило судно на чудом открывшийся путь.

Разбитый и потрепанный, утративший свое былое величие, «Арго»

прошел по туннелю, словно по узкому
лестничку. Вокруг яростно бешевали
слепящие вихри невообразимого света,
стремясь обрушить спасительный коридор,
но золотой свет не дрогнул перед их
натиском и остался непоколебимым. Кай
всхлипнул, когда в его памяти возникло
визуальное величайшей горы Терры,
воплощения преданного служения, на
которой высился самый мощный во всей
Галактике маяк.

Никто не говорил Каю, как «Арго»
удалось выбраться в реальное
пространство после нападения монстров.
Он был уверен, что капитану
посчастливилось отыскать врата,
ведущие в Солнечную систему, но теперь
стало понятно, каким наивным было это
предположение. Капитан погиб, как и все
остальные члены экипажа, и в живых на
судне остались только двое — Кай и
Роксанна. Неужели это Роксанна
отыскала путеводную нить
Астрономикона и вывела их из варна? Он
понимал, насколько натянутым кажется
это объяснение, но как могло быть иначе?

Его воспоминания заимствованы из чужого сознания, но Кай все равно испытал огромное облегчение, когда «Арго» вошел в спокойное течение. К судну еще липли щупальца, не желавшие отпускать свою жертву, но власть Астрономикона здесь была сильнее, и «Арго» был вытащен в материальный мир.

Переход из одного уровня существования в другое вызвал у Кая привычную тошноту и сгусток желчи во рту. Прыжок из варпа в реальный космос никогда не давался ему легко, но после того, как он заглянул в сердце злобного шторма, этот процесс оказался намного тяжелее. Он с трудом сохранял сознание и несколько раз судорожно втягивал воздух, но, наконец невыносимые цвета варпа потеркли и вместо них проявились мерцающие звезды.

Теперь «Арго» подчинялся законам реальной Вселенной, и гравитация тотчас вцепилась в него своими когтями. Какие-то части судна провалились внутрь, другие в процессе перехода оторвались от корпуса. Как было бы нелепо пережить

жесточайший варп-шторм и погибнуть от
обычной силы притяжения.

Но Кай знал, что им суждено
остаться в живых.

Он вспомнил, как команда спасателей
вырезала дверь его каюты, помнил, как с
воплями набросился на них, кусаясь и
царапаясь, едва не потеряв рассудок после
кошмарного одиночества. Он слышал, как
погибали члены экипажа, слышал их
мысли в момент агонии и сам едва не
переступил границу безумия. Подобные
переживания были не по силам
большинству человеческих умов, и Кай
знал, что только благодаря душевной
стойкости не погиб вместе с остальными
членами команды «Арго».

А потом он долгое время упрекал себя
в глупости и слабости, винил себя в том,
что выжил, и в каждой смерти, которую
ему пришлось услышать. Теперь он знал,
что обязан жизнью только своей
стойкости и способности отсекал ту
часть своего сознания, которая не могла
справиться с подобной травмой. Многие
люди по разным причинам старались

убедить Кая, что в гибели «Арго» нет его вины, но постичь истину он сумел, только взглянув на ужасную сцену другими глазами.

И вместе с этим осознанием пришло откровение.

Я был там в тот день, когда Хорус поразил Императора.

В этих словах слышно восхищение предательством. Открытый финал. Воинской луну произнесет эту фразу, и она будет звучать шуткой, но скоро станет теплом у него на губах, горьким воспоминанием, от которого хочется избавиться. Это одновременно и правда, и ложь. Кровь, пролитая по недоразумению.

Кай видит Красный Терем.

Багряный свет растекается словно масло: густой, тягучий и удручающий. Он окутывает его со всех сторон, пока в мире не остается ничего, кроме крови.

Он бесплотен, или его тело уничтожено. Это невозможно определить.

Красный Терем подобен внутренности пораженного болезнью желудка, он

пульсирует алым светом и имеет такую странную форму, что кажется, будто здесь не действуют основные законы физики. Прямые и кривые линии пересекаются и расходятся, образуя уровни, стены и потолок, расположенные по невообразимым углам друг к другу.

Отовсюду сочится кровь или это только игра его воображения?

Мерцающие красным светом гололиты показывают медленно вращающуюся серебристо-голубоватую планету, в нижних слоях атмосферы которой бьется плоть. Этот мир охвачен войной, и его ничуть не удивляет, что в разрывах сверкающих молниями туч появляются знакомые очертания Нордафриканского континента.

Это атакованная Терра.

Кай не ощущает своего тела, и ничто не может ему подсказать, как он может оказаться в таком месте. Он стал фрагментом души, обрывком сознания? Пассивным наблюдателем или тем, кто формирует грядущее? Как бы он ни напрягал свои чувства, он не ощущает ни

веса, ни плотности.

Вспышка. Время сдвигается.

Он видит так, как видел когда-то ---
данном от рождения зрением, --- но тотчас
сожалеет об этом.

Перед ним сцена ужасной резни,
настоящая бойня, где рассеченные тела
развешаны по стенам, а головы насажены
на колья, словно тотемы примитивных
дикарей. Ветра нет, но черные полотнища
знамен слегка шевелятся, словно в них
заключены отвратительные существа,
живущие своей собственной жизнью.

Здесь свершилась страшная битва.
Или когда-то свершится. Это была --- или
будет --- схватка, какой не знал мир, и
человечеству еще предстоит осознать ее исход.
Этот момент, этот эпохальный рубеж,
определяющий положение в Галактике, виден
пока только ему одному, но вскоре он
прозреть в вечности, словно удар
величайшего колокола.

Перед ним история, требующая своего
летописца и очевидца.

Разбросанные перед ним тела

принадлежали могучим воинам, облаченным в боевые доспехи, но они изуродованы мечами и топорами, пробиты снарядами и разорваны когтями жестоких монстров. Нанесенные повреждения невозможно себе представить: плоть и кости разломаны и смешаны с костным мозгом, тела перекручены и рассечены, словно негодные обрезки мяса в лавке мясника. Кай привычен к виду смерти и знает, на какую жестокость способны люди по отношению к себе подобным, но здесь нечто другое.

В этом сражении все окрашено ненавистью, а нет более сильной ненависти, чем бывшая любовь. Эти воины знали друг друга, и в Красном Тереме состоялся не просто бой, это было истребление. Братоубийство в самом худшем и непростительном его виде.

Взгляд Кая блуждает по залу и перемещается к главному очагу сражения, к ступенчатому возвышению, где его поджидает ни с чем не сравнимый ужас. Ему хочется отвести взгляд, избавиться от созерцания жуткого свидетельства,

оставленного на ступенях. Инстинкт самосохранения запрещает смотреть в эту сторону под угрозой полного разрушения рассудка.

Кай понимает, что отвести взгляд было бы проявлением трусости. И все же он боится этого откровения. Он боится, что, открыв эту дверь, никогда не сможет ее закрыть. Если процесс познания запущен, его нельзя повернуть вспять, нельзя вернуться назад, к прошлой жизни.

Вспышка. Время снова сбивается...

Вокруг него собираются тени, огромные костические существа без очертаний и форм. Их невозможно уловить взглядом, но он знает об их присутствии. Он ощущает их ужас и изумление перед тем, что здесь произошло, их галактический гнев, вызванный непредвиденным исходом. Течение времени искажается, капли крови изменяют свое направление и возвращаются в рассеченные вены, откуда они вытекли. Протестующие крики, болезненные стоны и оглушительный

хохот возвращаются и снова рождают эхо, а потом исчезают в породивших их гортанях. В одно мгновение ужас на возвышении исчезает, и он видит предшествующие бойне фрагменты.

Черное сплетается с красным, золотой глаз с вертикальным кошачьим зрачком. Кремовые плюмажи, гүлкий воздух и лязг мечей. Нимб сталкивается с терновым венцом. Удивительное сияние поднимается над твердостью брони и чудовищными амбициями. Все пропитано яростью и агрессией. Безысходность борьбы, битва, проходящая в недоступном для смертных царстве.

Не имеющее себе равных воинское совершенство. Лишь одна битва в истории Галактики способна затмить его ярость, и она пройдет здесь спустя несколько мгновений. То, что это событие должно произойти, уже само по себе удивительно. Второго такого быть не может.

Как не видит никаких силуэтов, только свет и тени да мимолетное впечатление о сражающихся титанах. Эти воины — воплощения божества,

непостижимые и наполненные светом создания из самого сердца Вселенной. Они созданы в идеально выверенных смертных формах и выпущены в Галактику, это ярчайшие звезды, и их яркость только усиливается мучительной краткостью существования.

Проявляются голоса, но Кай, к своему несказанному облегчению, не может разобрать слов, ибо кто остелится выслушивать разговор богов? Эти невероятные колоссы снова сближаются, и, хотя наречие, на котором они говорят, ему незнакомо, смысл просачивается в его сознание.

Слышать богов невыносимо, но их можно понимать.

Даются обещания. Предложения власти и верности. На них изливается ангельское презрение. Жгучие слезы ярости и неприятия. Кровавые слезы пятнают золотые черты, смерть неизбежна, бесконечно талая трещина прорезает самую крепкую броню. Добровольное расставание с жизнью, жертва, принесенная на алтарь будущего.

Смерть ради смерти. Огня влечет за собой другую...

Черное и красное сталкиваются в последний раз. Вспышка алого света снова окутывает Кая, и время снова меняет направление. Прошлое это или будущее? Он видит это место, каким оно было когда-то: стерильный и функциональный интерьер стратега на космическом корабле. Потоки рециркулированного воздуха развевают и шевелят знамена, члены экипажа с гордостью выполняют свой долг, а за обзорным иллюминатором простиралась безбрежная ширь Галактики.

В одно мгновение все изменяется, и теперь это храм живого бога.

Бога, облаченного в темную броню, чья святость сотворена его собственными руками. Не так давно он был любимым воплощением еще более великого божества, но теперь отрекся от всех принципов служения даже тем, кто возвысил его сверх всякой меры и одарил сверхчеловеческими возможностями. Этот бог кует свою судьбу, пользуясь

грубой силой и непоколебимой волей, он формирует будущее, которое устраивает его, и только его одного. Никого он не признает своим господином, но в конце концов ему придется это сделать.

Вспышка. Назад и вперед. Вспышка, вспышка...

Варн настехается над понятием линейного времени.

Кай видит его мертвым. Когда-то окутанный сиянием посланец багряного совершенства, он направил кинжал палача в свое сердце и теперь лежит сломленной жертвой. Мертвый. Это нелогично, и рассудок содрогается от ужаса. Весь этот отвратительный парад кошмаров не имеет иной цели, кроме как сломить его дух.

Но Варн способен на большее, и это всего лишь предвестники нового ужаса.

Видение разворачивается в мельчайших деталях, и он видит каждый блик на золотых доспехах, видит все оттенки света на постоянно меняющемся, но неизменно горестном лице. Он видит ненависть, любовь, вину, ужас и

решилось, стелющиеся друг друга в одно мгновение, и видят невыносимую бездну печали перед лицом будущего, созданного своими руками.

Течение времени абсолютно расстроено и разворачивается, словно сломанная пружина. Хотя Кай видит лишь отдельные фрагменты, он знает, что перед ним мелькают картины будущего.

И не очень далекого будущего.

Золотой свет вздрагивает, и Кай ощущает излучаемое им невероятное любопытство. Как будто кто-то смотрит на него. Нечто обращает на него взгляд, и в крохотную частицу времени, даже не поддающуюся измерению, узнает о нем все. Свет видит все, что видел он, знает обо всем, что он испытал на ступенчатом возвышении, и чувствует терку осознания увиденного.

Слова формируются в разуме Кая, незрелые, звучащие без посредства голоса, но их мощь подобна неукротимому урагану. Кай понимает эти слова, и теперь ему ясно, почему смертным нельзя слышать голос живых богов.

Он с непостижимой отчетливостью
видит все, что происходит потом; золото
и тьма, повелитель и слуга, бог и полубог.

Отец и сын.

Исход может быть только один, и
сознания уже произошедшего, но еще
грядущего события достаточно, чтобы
лишить рассудка любого смертного, каким
бы сильным ни был его дух. Но Кай закален
сознанием вины и ужасом и обладает
силой, превосходящей силу смертного.

Ему предстоит выполнить еще одно
дело.

Видение растворяется в золотом
сиянии, а Кай из Красного Терема
попадает в место, наполненное теплыми
ароматами душистых масел и журчанием
фонтана. Открыв глаза, он обнаруживает,
что лежит на мягком ложе, накрытом
шкурой какого-то экзотического зверя. Его
тело словно утопает в невидимой мягкой
перине, а от ран, полученных с момента
возвращения на Терру, не осталось никаких
следов.

--- Ох, Аник, --- прошептал он. --- Что

нам довелось увидеть...

Он смог припомнить все детали видения в Красном Тереме, и, хотя оно предвещало невообразимый ужас, он странным образом чувствовал себя отстраненным, словно все это не имеет к нему никакого отношения.

Кай приподнялся и огляделся по сторонам. Он лежал в одном из центральных гостевых покоев Арзашкүна, в комнате, обставленной с такой пышностью, что она выглядела почти непристойной. Оказалось, что не только его физическое тело полностью восстановилось, но и с его души была снята огромная тяжесть, колоссальная ноша, которой он не сознавал, пока от нее не избавился. Он сделал глубокий вдох и закрыл глаза, прислушиваясь к затухающим звукам тысяч голосов, погружавшихся в ячейки памяти его разума.

Как только эти звуки исчезли, он вновь услышал те же голоса, но только в них слышалось невыразимое облегчение. Мертвые не могли вернуться, но они

могли простить. Кай знал, что он никогда не сможет забыть этих людей, как и они не смогут забыть его. Но мысль о том, что они навсегда останутся с ним, вызвала у него улыбку, поскольку теперь это стало частью истории, а не тяжестью на душе.

Кай поднялся, когда теплый ветерок, словно приглашая его, распахнул шелковые портьеры на двери, ведущей на балкон. Он прошел по мраморному полу, понимая, что Арзашкун из безопасного убежища превратился в обитель чуждес. Кай сам вызвал из памяти каждую башню и каждый зал этой крепости, но до сих пор никогда не наслаждался ее великолепием. Только сейчас он смог по достоинству оценить мастерство древних строителей, их чувство гармонии и радость, с которой они поднимали к небесам такую красоту.

Он вышел на балкон, но вместо бескрайних песков Руб-Эль-Хали увидел пышные леса, обширные луга и кристально чистые реки. Таким Пустое Место было до того, как его поглотила пустыня, --- цветущая земля, за которую с момента зарождения цивилизации сражались между

собой все владыки мира. Здесь зародилась
его раса, и здесь был заложен безграничный
потенциал человечества.

Кай не удивился, увидев открытую
доску для игры в региг. Его оппонент,
знакомый по партии на берегу, сидел перед
строит ониксовых фигур, и в памяти Кая с
невероятной ясностью всплыл их разговор.
Но если в тот раз лицо его партнера по
игре было закрыто, теперь он сидел с
обнаженной головой, и Кай почтительно
поклонился, увидев лицо, знакомое по
многочисленным иматорным статуям.

--- Ты выглядишь иначе, Кай, --- сказал
человек, глаза которого сверкали, словно
две золотые монеты.

--- Я и стал другим, --- ответил
астронавт, усаживаясь перед серебряными
фигурами. --- Я чувствую себя свободным.

Человек улыбнулся.

--- Хорошо. Я всегда тебе этого
желал.

--- Ты вывел «Арго» из варна, --- сказал
Кай, двигая вперед серебряную фигуру.

--- Ты задаешь мне вопрос?

Кай покачал головой.

--- Нет. Я не хочу этого знать.
Истина все только портит.

--- Истина --- это движущаяся цель, ---
сказал человек, передвигая на доске своего
хратовника.

--- Ты увидел?

--- Да, я увидел то, что Сарашина
скрыла в твоём разуме.

Кай ничего не ответил и некоторое
время вел осторожную игру, оберегая свои
фигуры и не рискуя понапрасну.

--- Ты не хочешь играть? --- спросил
его партнер.

--- Не знаю, что и сказать, --- ответил
Кай, откидываясь на спинку кресла. --- А
как ты способен продолжать игру, зная,
что произойдет в будущем?

--- Очень просто. В такое время игра
лучше всего помогает сосредоточиться, ---
сказал человек и передвинул императора в
атакующую позицию, намереваясь
заставить Кая совершить какую-нибудь
ошибку. --- Если хочешь узнать
истинный характер человека, сыгрой с
ним в режисс. В любом случае, будущее
есть будущее, и мое отношение к

событиям ничего не изменит.

--- В самом деле? Ты не в состоянии
его изменить? --- спросил Кай, сознательно
поддаваясь на уловку.

Человек пожал плечами, словно они
обсуждали какие-то тривиальные вещи.

--- Некоторые события должны
произойти, Кай. Даже самые страшные
ужасы, какие только можно себе
представить, иногда должны происходить.

--- Почему?

Его соперник по игре передвинул
дивинитарха, блокируя путь фигуре Кая.

--- Потому что порой победа состоит
лишь в том, чтобы не дать противнику
выиграть.

Кай посмотрел на доску и увидел, что
ходов у него больше не осталось.

--- Нам, --- сказал он.

Человек развел руками, словно в
притворном извинении.

--- Я знаю, что есть люди, считающие
меня всемогущим, но нельзя быть
одновременно всемогущим и всезнающим.

--- И что же теперь будет?

--- Я закончу игру.

--- Эту игру? --- озадаченно переспросил Кай.

--- Нет, эта игра уже закончена, и я благодарю тебя за нее.

--- Я еще увижу тебя?

Его противник растаял.

--- Кто знает, Кай? Если эта игра меня чему-то и научила, так только тому, что на свете нет ничего невозможного.

--- Но тебя ждет смерть.

--- Я знаю, --- сказал Император.

Кай открыл глаза, но увидел только темноту. От внезапного приступа клаустрофобии ему стало холодно и душно. Освободившись от рук Роксанны, он стал срывать с головы повязку, яростно отбрасывая лохмотья рыхлой ткани, пропитанные липкой мазью. Он слышал, что пронзительный вопль Безучастного Ангела звучит все ближе и ближе.

Последние слои повязки упали на пол, и Кай взглянул в светящиеся глаза Роксанны. В них, словно крупинки золота в янтаре, поблескивали искорки, и Кай

удивился тому, что не замечал их раньше. Ответ пришел в следующее же мгновение.

Его аугментика, какой бы точной и дорогой она ни была, не могла заменить человеческого зрения. Заметив изумленное выражение на лице Роксанны, Кай поднял руку и ощутил свое лицо. Вместо безобразных ран, оставшихся после того, как Ашубха вырвал его глаза из металла и стекла, он ощутил мягкую кожу и упругую живую плоть.

--- Кай! --- воскликнула Роксана. --- Твои глаза...

Он поднял голову и взглянул на храм глазами, подаренными ему отцом и матерью. Хоть человеческое зрение и нельзя было назвать совершенным и долговечным, он безмерно обрадовался этому дару. И не важно, что первый за долгие годы взгляд упал на руины здания, ставшего полем боя. Он мог видеть, а это само по себе было чудом.

Вокруг них лежало множество тел мужчин и женщин, солдат и простых граждан. Среди общего хаоса Кай отыскивал Головку и Ыасу Нагасена. Их лица

искажены ужасом, а взгляды прикованы к
Безучастному Ангелу, пирующему на
трюпах. Кай оторвал взгляд от ужасного
существа и увидел, как его бывший
похититель и защитник сражается в
своей последней битве.

Амхарва и пария бились в тени
безликой статуи; один — генетически
улучшенный супервоин, солдат Империи,
второй — убийца таких, как он. Движения
парии напоминали прыжки акробата. По
сравнению с массивной фигурой легионера
Астартес он казался хрупким и почти
невесомым, но сражался с уверенностью,
порожденной его способностью приводить в
затешательство и препятствовать
действиям любых псайкеров.

Но он не знал воина Тысячи Сынов, как
знал его Кай.

Амхарва покачнулся, словно от боли,
и пария, выбросив из рукава одежды
длинное силовое лезвие, устремился к
нему, намереваясь нанести завершающий
удар.

Но в следующее мгновение Амхарва
выпрямился и перехватил врага в середине

прыжка.

Несмотря на закрывающий лицо парии шлем, Кай ощутил его шок.

— Когда-то я мог видеть, но теперь ослеп, — с пронзительной грустью и яростью произнес Атхарва.

Кай уже знал, на какую невероятную жертву решился Атхарва, чтобы одолеть ассасина Күлексүс, но он сомневался, чтобы кто-то по справедливости мог оценить его утрату. Пария извивался в руке Атхарвы, но освободиться от могучей хватки не мог. Силовой клинок пронзил грудь Атхарвы, и воин испустил сдавленный стон, когда кончик клинка проколол его сердце.

Он отшвырнул парию так, что тот с хрустом ударился в стену. Под треск ломающихся костей тело парии сползло на пол, изогнутое под невероятным давлением живого существа углом.

Атхарва вырвал клинок из груди и взглянул на черный капюшон Безучастного Ангела.

— Остались только ты и я! — воскликнул Атхарва, и призрак немедленно ринулся ему навстречу.

Кай понимал, что Атхарва не в силах одолеть это ужасное чудовище, но воин неколебимо стоял на пути призрака, заслоняя собой нескольких смертных. Призрак раскинул крылья, но не успел заключить Атхарву в смертельные объятия, внезапно издав пронзительный крик боли. Чудовище запрокинуло голову и завопило в несомненной агонии, а части его бесформенного тела стали отрываться и таять в воздухе, словно протуберанцы, поднимающиеся над поверхностью звезды.

На глазах у Кая чудовище стало распадаться, его очертания грозили и расплывались, а заключенная в нем сущность была вынуждена вернуться в то царство, откуда появилась. Кай не мог понять причины поражения чудовища, пока не увидел, как сквозь разбитые двери в храм вошла группа из нескольких стройных воинов, одетых в золотые с серебром доспехи.

Их шлемы закрывали всю нижнюю часть лица, а с макушек выбритых голов свисали пряди белых волос, словно все они были альбиносами. На плечах воинов были

наброшены белые пятнистые шкуры, а за спиной у каждого имелся глиняный меч с крестообразной рукоятью.

Воины без слов прошли сквозь храм, держа перед собой глиняные копья с хрустальными наконечниками. Гибкие фигуры и ловкие движения выгнали в них женщин. словно опытные охотники, загоняющие опасного хищника в логово, они образовали перед Безучастным Ангелом идеальный полукруг.

Вопль чудовища не умолкал ни на секунду, но его силы иссякали, и от грозной фигуры остался лишь сгусток грязновато-желтого света. Вскоре рассеялся и он, а потом, когда исчезла сила, поддерживающая существо из иного мира, затихли последние забывания.

--- Безмолвное Сестринство, ---
выдохнула Роксанна.

Кай знал, что это за женщины, но его внимание привлек гигант в золотых доспехах, вошедший после группы воинов.

--- Лорд Дорн, --- произнес Атхарва.

ЕДИНСТВЕННО ВОЗМОЖНАЯ ПОБЕДА ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА НАСЛЕДЬЕ

Кай получил свой последний подарок --- увидел притарха собственными глазами, и ему потребовалось все самооблаганье, чтобы не упасть на колени перед повелителем Имперских Кулаков. После уничтожения Безучастного Ангела в храме воцарилась полная тишина, которую нарушили только шаги Рогала Дорна, проходящего по залу. Притарх, облаченный в боевые доспехи из полированного красного золота, мгновенно затмил собой всех присутствующих, и все взгляды были обращены только в его сторону.

--- Отойди, Атхарва из Тысячи Сынов, --- приказал Дорн голосом твердым и непоколебимым, словно горная гряда. ---

Все кончено.

— Еще ничего не кончено, Розал Дорн, — возразил Атхарва. — У тебе это известно лучше, чем кому бы то ни было.

Сопровождающие Дорна сестры в золотых доспехах заметно напряглись, услышав, что Атхарва обращается к притарху как к ровне, но, по своему обыкновению, ничего не сказали. В храм вошел еще один отряд воинов в броне из переплетенных черных металлических полос и с аметистовыми крестами на левой стороне груди. Во главе их шагала женщина, которую Кай видел в последний раз, будучи пленником в недрах горы. Там она явилась ему в видении, но сейчас он не сомневался, что перед ним самая настоящая Элиана Септима Вердучина Кастана.

При виде представителей своего клана Роксанна тихо ахнула и оглянулась на мальчика в объятиях городской женщины, притаившейся у подножия статуи. Роксанна встала рядом с ним на колени и разжала туго сжатые пальцы, сжимающие серебряное кольцо с

метистом, сиявшим мягким пурпурным светом.

Глаза мальчика были полны слез.

--- Ты сказала, что это волшебное кольцо, --- произнес он.

--- Так и есть.

Роксанна печально вздохнула и, подойдя к Каю, взяла его за руку, представ перед Розалом Дорном и его спутниками. В свите примарха Кай заметил агента Хирико и Афину Дийос. Он понимал, что Афина помогала его преследователям, но все равно был рад снова ее увидеть.

--- Отдайте нам астроната, --- приказал Розал Дорн, и Каю пришлось напрячься, чтобы не шагнуть вперед.

Атхарва покачал головой.

--- Он не подчиняется вашим командам.

Розал Дорн расхохотался, но в его голосе Каю почудился оттенок неуверенности.

--- Конечно подчиняется, --- заявил Дорн, вытаскивая огромный пистолет, отделанный золотом и эбеновым деревом. --- Я избраннык Императора, и всё, что

есть на Терре, мне подчиняется.

Амхарва оглянулся через плечо и с уважением кивнул Каю.

— Нет, не всё, — произнес он в тот момент, когда раздался оглушительный грохот.

Выстрел Дорна снес Амхарве затылок, и в душе Кая вспыхнул гнев. Свободный агент Тысячи Сынов был мертв еще до того, как его тело рухнуло на пол храма.

Кай судорожно сжал руку Роксанны, стараясь не показать своего страха. От Рога Дорна его взгляд метнулся к агенту Хирико и Афине Дийос, но он понимал, что не в состоянии помешать или узнать то, что знает он. Он не настолько силен, чтобы противиться дознанию, и теперь лишь отчаянно хотел избавиться от своего знания.

Эта истина слишком ужасна, и она уничтожит их всех. В этот момент Кай понял, что не должен попасть им в руки. Некоторые истины слишком мучительны, чтобы стать общеизвестными. Вспомнив слова своего соперника по игре в режиссуру,

он слегка улыбнулся.

Порой победа состоит лишь в том, чтобы не дать противнику выиграть.

Кай не мог сказать с уверенностью, кому он обеспечивает победу, но в одном он был уверен: если у него вырвут это знание, Империи не устоять против сил Хоруса Луперкала. Атхарве не удалось доставить его к Воителю, и теперь судьба миллионов оказалась в руках Кая.

Он дожил до своего момента истины, это его последний шанс распорядиться своей судьбой и послужить Императору единственным оставшимся способом.

— Роксанна, — решительно заговорил он. — Мне необходимо, чтобы ты кое-что сделала для меня.

Битва закончена, но Нагасена еще не может определить, кто одержал победу. Матерные костодесантники мертвы, и здание взято под контроль, но потери слишком велики, чтобы считать эту победу чем-то, кроме поражения. Он опускается на колени рядом с изувеченным телом Картоно, скорбя по своему

погибшему спутнику. Его раб жестоко изуродован, у него переломаны все кости, и Нагасена даже не знает, как случилось, что он погиб.

Они провели вместе слишком много времени, он даже представить себе не мог, что Картоно кто-то может одолеть, если только он не одержим варпом. Теперь уже не удастся выяснить, как Атхарве удалось противостоять Картоно и даже уничтожить его, а Нагасена ненавидит нерешенные проблемы.

Он вытирает слезу, а потом наблюдает, как солдаты Дома Кастана прочесывают храм, двигаясь с невероятной скоростью и целеустремленностью. Они хотят убедиться, что в живых никого не осталось. Операцией командует удивительно красивая женщина в одежде цвета атетиста, и Нагасена, рассмотрев затейливо украшенную перевязь на ее лбу, понимает, что перед ним Элиана Кастана.

Кай Зүлан стоит рядом с последней группой уцелевших в этой резне людей — плотной женщиной с густыми маленькими

мальчишками и привлекательной девчушкой, у которой лоб повязан голубой косынкой. Все лицо заметно очевидное сходство с чертами Элианы Кастана, и Нагасена вдруг вспоминает, что уже видел эту девчушку. Это Роксанна Лариса Джованни Кастана, второй уцелевший член экипажа «Арго». Подобное совпадение свидетельствует о том, что универсальный порядок все-таки действует.

Девы-воительницы из Безмолвного Сестринства уже вышли, а Розал Дорн наклоняется над телами Пожирателей Миров. На его точеном патрицианском лице отражается ужас. Рядом слоняется Максим Головкин. Он купается в лучах величия примарха, словно ревностный фанатик.

До сих пор никто не приближается к Каю Зулану, и Нагасена понимает, что все боятся его, даже примарх. Все заметили, что у него снова есть глаза, и это обстоятельство приводит всех в замешательство. Но больше, чем его глаза, их пугает то, что ему известно.

Они боятся узнать скрытую в его разуме истину. Они жаждут ее узнать, но Нагасена подозревает, что проклятое знание принесет лишь одни сожаления. Нагасена почитает истину как краеугольный камень, но даже он понимает, что за некоторые знания приходится платить весьма высокую цену. Истина Кая Зулана принадлежит к их числу, но и отвернуться от нее никак нельзя.

Нагасена направляется к человеку, за которым прошел весь Город Просителей, и при виде безликой коленопреклоненной статуи его рука невольно тянется к рукоятке Шугзики. Чудовище, освобожденное Атхарвой из этого камня, уже изгнано, но сама статуя вызывает мрачные мысли. Она непременно будет уничтожена сегодня.

Кай Зулан о чем-то оживленно переговаривается с Роксанной Кастана. Нагасена не слышит его слов, но без труда угадывает смысл разговора. Роксанна Кастана качает головой, но ее щекам текут слезы, но Зулан настойчив.

Нагасена ускоряет шаги, а в глубине его души растет страх.

— Кай! — кричит он, и все взгляды поворачиваются в его сторону.

Астронат не отвечает, и Нагасена снова кричит, а Роксанна поднимает свою голубую косынку.

Глаза Кая расширяются, и он взглядывается в бездну третьего глаза Роксанны, а потом выпускает вздох, в котором Нагасене слышится безмерное облегчение, и падает на пол. Нагасена хватается Роксанну за плечи и оттаскивает в сторону, надеясь прервать контакт и не дать силам, которыми она обладает, завершить свою работу. Но он уже знает, что слишком поздно.

Роксанна поворачивает голову, и Нагасена на кратчайший миг видит, что скрывается под ее повязкой. Это молочно-белый и в то же время абсолютно черный бездонный водоворот, совершенно непрозрачный, не способный ничего увидеть и видящий все. Нагасена ощущает прикосновение чего-то абсолютно чуждого и далекого, но окружающего со всех сторон.

чувствует близость царства безграничной
мощи и непереносимого ужаса, грозящего
безумием любому смертному, который
остелится туда заглянуть. Между
человечеством и варном стоит
тончайшая грань, и Нагасена холодеет при
мысли о том, насколько тонок и непрочен
этот барьер.

Он вглядывается в это царство
кошмаров, и его затягивает в
непостижимые глубины. Нагасена
пытается крикнуть, но голос пропал, и в
эту долю секунды он видит то, что увидел
Кай Зулан в третьем глазу Роксанны.
Однако складка кожи закрывает
нестественное око и спасает Нагасену от
судьбы астропата. Смертоносный
контакт между ним и Роксанной Кастана
прерывается, и охотник падает на колени,
а Роксана отворачивается и опускает
косынку на лоб.

С замирающим сердцем Нагасена
смотрит на лежащего рядом Кая Зулана.

Этот человек мертв, но на его лице
выражение такого покоя, что Нагасена
почти завидует ему. Лицо Кая

безмятежно, морщины боли, забот и тревог разгладились, и Нагасене кажется, что астронавт намного моложе, чем указано в его биометрическом досье.

Глаза Кая открыты, они поражают глубиной своего фиолетового цвета. В древние времена такой цвет глаз указывал на человека непревзойденного величия.

— Твой путь окончен, Кай Зулан, — говорит Нагасена и осторожным движением закрывает ему глаза.

Рядом с ним на колени опускается Роксанна Кастана, и Нагасена прикрывает лицо ладонями.

— Мой глаз закрыт, — говорит она, и Нагасена поднимает взгляд.

— Почему? — спрашивает он, зная, что суть вопроса ей понятна.

— Он был моим другом, — сквозь слезы говорит Роксанна.

Прежде чем она сумеет договорить, воины Дома Кастана поднимают ее на ноги.

— Ждите, — приказывает она, и в ее голосе такая сталь, что они подчиняются.

— Эта истина была настолько

ужасна? — спрашивает Нагасена.

— Я не знаю того, что знал он, — отвечает Роксанна.

— Я тебе верю, но они будут настойчиво тебя расспрашивать и вряд ли будут к тебе добры.

Роксанна поживает плечами.

— Я ничего не смогу им рассказать. Что бы ни было ему известно, это знание пропало безвозвратно.

— Но что же он говорил тебе? — утмояет Нагасена.

— Он сказал, что порой победа состоит лишь в том, чтобы не дать противнику выиграть.

В этот момент к ним приближается Элиана Кастана, и Роксанна находит в себе силы встретить ее неодобрительный взгляд с вызывающим и высокомерным видом.

— Ты опозорила нас, — говорит Элиана Кастана. — Патриарх Вердучина сильно разочарован. Ты навлекла бесчестье на наш Дом.

Роксанна ничего не отвечает, и воины Дома Кастана уводят девушку.

Нагасена провожает ее взглядом, испытывая сожаление и печаль, понимая, что ее ждет весьма неопределенное будущее. Она член Навис Нобилите, и, чтобы дальше с ней ни случилось, Империя всегда найдет способ использовать ее способности.

В сопровождении Максима Головки подходит Розал Дорн, и Нагасена почтительно кланяется, не забыв снять ладонь с рукояти Шүдзики. Лицо лорда Дорна непроницаемо, словно обветренная скала.

— Все напрасно, Ёасу Нагасена? — спрашивает лорд Дорн, кивая на тело Кая Зулана. — Что произошло здесь сегодня?

У Нагасены для него имеется только один ответ.

— Сегодня здесь погибла истина.

— Возможно, это и к лучшему, — говорит Дорн.

Нагасена качает головой.

— Я не могу в это поверить. Разве все мы не служим Имперской Истине? Если мы не постигли истину, то что же мы создаем? Империя должен хранить

истину в своем сердце, иначе не стоит
тратить сил на его создание.

--- Будь осторожнее в своих словах,
Нагасена, --- предостерегает Дорн, и в его
голосе звучит неприкрытая угроза.

--- Я давно уже поклялся, что не
произнесу ни слова лжи, --- говорит
Нагасена. --- Даже вам, мой господин.

Дорн кладет закованную в броню руку
на его плечо, и на мгновение Нагасене
кажется, что сейчас и его принесут в
жертву на алтарь нерешенных вопросов. Но
лорд Дорн не собирается его убивать.

--- Ты честный человек, Ёасу Нагасена,
а честные люди мне пригодятся.

Нагасена снова кланяется.

--- Всегда к вашим услугам.

--- В таком случае, есть еще одно
задание, которое я попрошу тебя
выполнить.

--- Назовите его, --- говорит Нагасена,
мысленно отмечая честь, которую
показывает ему лорд Дорн, представляя
приказ в виде просьбы.

--- Генерал Головка утверждает, что
недосчитался одного мятежника, ---

говорит Дорн.

Нагасена сразу же догадывается, кто это может быть.

--- Это Лунный Волк, --- влещивается Головка. --- Его тела здесь нет.

--- Точно, --- соглашается Дорн. --- Я бы не хотел, чтобы на Терре оставался кто-то из приверженцев Хоруса Лунеркала.

--- Я отыщу его, --- говорит Нагасена. --- Но это будет моя последняя охота.

Примарх кивает и снова переводит взгляд на Кая Зулана.

--- Что же ты узнал? --- вслух вопрошает Дорн, и в его голосе Нагасена слышит то, чего никак не может ожидать от такого великолепного воина: неуверенность. --- Главный принцип обороны, Уасу, понять, от чего придется защищаться, и я боюсь, что этот человек мог бы помочь мне понять...

--- Понять что? --- спрашивает Нагасена, когда Дорн утолкает.

--- Я еще не знаю, --- отвечает Дорн. --- Но этот день унизил каждого из нас.

Примарх поворачивается и уходит, а у Нагасены по спине пробегает холодок.

который не имеет ничего общего со сквозняками, сочащимися из разбитых окон и сорванной крыши храма.

«Чего же ты боишься? — задает себе вопрос Нагасена. — Чего ты боишься на самом деле?»

Серебристый цилиндр загудел, возвещая об окончании инкубационного периода. Из заполненного протеиновым раствором резервуара протянулись многочисленные провода и трубки, заключенные в терморегулирующую оболочку и подающие внутрь питательный раствор. В лаборатории холодно, свет приглушен. Здесь проводилась секретная работа, результат которой неясен.

Экранированные и изолированные кабели соединяют серебристый цилиндр с тремя прозрачными стеклянными капсулами, в каждой из которых содержится бесформенный фрагмент мягкой плоти фиолетового цвета. Из этих странных органов торчат тонкие иглы и генетические датчики, и пока идет расшифровка информации,

заложенной в каждом зародыше, плотность пульсирует, словно сердце младенца.

За процессом ведется наблюдение при помощи обширного набора оборудования. Проводимая операция была чрезвычайно сложной, требующей безупречной последовательности этапов, каждый из которых следовало провести с абсолютной точностью, чтобы хоть немного приблизиться к возможному успеху.

Наконец на верхней поверхности серебристого цилиндра, словно драгоценные камни, зажглись четыре выпуклые лампы, и все они по очереди засияли зеленым светом. Прозвенел мелодичный сигнал, из боковой решетки поднялось облачко пара, и подача питательной жидкости была перекрыта.

Определить глубину этого органа способна была еще одна лаборатория Терры, расположенная в глубине мира и защищенная надежнее любых других объектов. Сложность этого биологического чуда не мог постичь ни один смертный генетик, а повторить процесс его создания могла только одна

личность.

--- Получилось? --- спросил Гхота.

--- Да, сын мой, --- торжествующе
ответил Бабү Дхакал. --- Получилось.

Об авторе

Шотландец Грэм Макнилл более шести лет занимался разработкой игр в студии «Games Workshop», прежде чем полностью посвятить себя писательству. Ему принадлежат более двадцати научно-фантастических и фэнтезийных романов и комиксов, а также множество дополнительных проектов, которые отнимают немало времени и (в основном) помогают избежать неприятностей. Его роман «Тысяча Сынов» из серии «Ересь Хоруса» был объявлен бестселлером по версии «New York Times», а «Империя» из цикла «Время Легенд» в 2010 году принесла премию имени Дэвида Геммела. Грэм Макнилл живет и работает в Ноттингеме, а где он еще бывает и на чем работает в данное время, вы можете узнать, посетив его сайт.

Софокл, «Антигона», перевод
С. Шервинского и Н. Познякова.

Объект теряет самообладание. Три
минуты непрерывных рыданий.

Óни (яп. 鬼) --- в японской мифологии демоны с красной, голубой или черной кожей, живущие в агу (Дзигоку). Очень сильны и практически неуязвимы, отрубленные части их тел могут прирастать обратно. В бою используют железную палицу с шипами (канабо).

Уттаракханд и Уттар-Прадеш ---
штаты в Северной Индии.

Тераи-Дуар и Бхабхар
экологические районы в предгорьях
Гималаев.

Ашока, или сарак индийская (лат. *Saraca indica*), -- вид растений рода сарак (Saraca). Под деревом ашока, согласно легенде, родился Сиддхартха Гаутама -- Будда.

Шакья (Сакья) --- в Древней Индии род и государство в пределах современных границ Индии и Непала. Из рода шакья происходил Сиддхартха Гаутама.

Мигой --- тибетское название для
дикаря-мүзетца и йети.

Шивалик --- буквально
«принадлежащее Шиве» --- горный хребет,
самая геологически молодая и самая
низкая ступень Гималаев.

Читван -- национальный парк Непала.

Величайшие вершины Гималаев
Нанга Парбат, Макалу, Чо-Ойя и
Джомолунгма.

«Онейроκριтика» --- толкователь снов
в пяти книгах, созданный в античной
Греции.

Руб-Эль-Хали (араб. الربع الخالي) --- обширная песчаная пустыня на Ближнем Востоке, занимающая южную треть Аравийского полуострова, одна из самых крупных пустынь мира.

Арзашкун --- древнейшая столица
Урарту.

Ариана --- историческая область в
восточной части Уранского плато.

Мо-шуй --- одна из разновидностей традиционной китайской живописи.

Дхаулагири (санскр. «Белая гора») ---
многовершинный горный массив в
Гималаях.

Гангкхар Пуенсум --- гора в Бутане, являющаяся его наивысшей точкой. Высота над уровнем моря 7570 метров.

Пань-гү --- в древнекитайской мифологии мифический первопредок, первый человек на земле. Мифы о Пань-гү зафиксированы письменно в III в. нашей эры.

Цзинь Нун (1687--1764) --- известный
китайский художник и каллиграф.

Дименсланд --- остров Тасмания, в
прошлом Земля Ван-Димена.

Parazkarasi --- красное виноградное вино, производимое в Турции.

Саргон («истинный царь») — царь Аккада и Шутера, правил приблизительно в 2316–2261 гг. до нашей эры. В современной историографии он обычно называется Саргоном Древним или Саргоном Аккадским. Урук — древний город-государство шутеров в Южном Двуречье (Южный Ирак).

«Забыв почтение, мы ослабим струны,
И сразу дисгармония возникнет»
(У. Шекспир, «Троил и Крессida», акт I,
сцена 3, в переводе Т. Гнедич).

«Сон в красном тереме» --- эпическое произведение китайского автора Цао Сюэциня.

Гора Раканоши --- гора в горной цепи
массива Каракорум в Пакистане,
расположена в долине Назар.

Кхангба Марву --- в переводе с языка
шернов «тюрьма».

От auger --- сверло, щүн (англ.).

Клайв Баркер. «Сотканный мир», пер.
Е. Королевой.

Натараджа --- в древнеиндийской религии одно из имен Шивы как бога космического танца.

В джайнизме --- счастливая и
несчастливая карта.

Субагар --- правитель провинции в
Цингии.

От древнегреческого μέτρον
належащее место.

Врачи Древней Греции.

Изречение принадлежит Уинстону Черчиллю.